

RUBEN NAGHDYAN

TRANSCENDENTAL PSYCHOLOGY

Reader

Volume 2

YEREVAN

“Lusabats Publishing House”

2019

РУБЕН НАГДЯН
Составитель

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ
Хрестоматия
Том 2

ЕРЕВАН
«Издательский дом Лусабац»
2019

УДК 159.9
ББК 88
Т 654

Рецензенты:

Г.В. Акопов, доктор психологических наук,
В.А. Мазилев, доктор психологических наук,
Г.В. Шукова, кандидат психологических наук

Нагдян Рубен

Т 654 Трансцендентальная психология. Хрестоматия/ Сост.:
Р. Нагдян.– Ер.: «Издательский дом Лусабац», 2019.
Том 2. - 434 с.

Предлагаемый читателю второй том хрестоматии составлен из статей, освещающих следующие аспекты трансцендентальной психологии: 1) экспериментальное исследование принципов порождающего процесса восприятия, 2) трансцендентальная психология в контексте традиционной психологии, 3) теоретический и практический потенциал трансцендентальной психологии.

Книга вызовет интерес у психологов и философов, интересующихся методологическими вопросами фундаментальных проблем психологии.

ISBN 978-9939-69-301-9

© Нагдян Р, 2019

ВВЕДЕНИЕ

В начале работы над первым томом хрестоматии предполагалось, что для представления основных работ по трансцендентальной психологии (далее ТП) достаточно будет двух томов. Об этом и было написано во введении к первому тому. Однако в ходе работы выяснилось, что статьи, посвященные разным аспектам философско-психологических предпосылок формирования трансцендентальной рациональности (столь необходимой для создания и понимания ТП) из-за своего объема выходят далеко за пределы одного тома и вполне могут составить содержание отдельного тома. Поэтому и было принято решение издать хрестоматию по ТП в трех томах.

Второй том состоит из трех глав. В первую главу вошли статьи, в которых приведены результаты экспериментальных исследований, подтверждающих правильность теоретически выведенных предполагаемых принципов порождающего процесса восприятия.

Целостное представление о роли и значении трансцендентального подхода в психологии можно получить в том случае, если он сравнивается с методологическими установками традиционной психологии. Поэтому во вторую главу были отобраны статьи, в которых решение теоретических задач традиционной психологии рассматривается через призму методологии ТП. И, наконец, к одному из важных разделов литературы по ТП можно отнести исследования, в которых демонстрируются возможности применения методологических принципов ТП для решения теоретических и практических психологических проблем. Они и составляют содержание третьей главы хрестоматии.

За содействие и поддержку выражаю искреннюю благодарность всем коллегам, исследования которых вошли в содержание данной хрестоматии, и в их числе рецензентам книги - Г.В. Акопову, доктору психологических наук, профессору; В.А. Мазилову, доктору психологических наук, профессору и Г.В. Шуковой, кандидату психологических наук, заместителю директора Психологического института РАО по научной работе. Особая благодарность Е.М. Ахвердян за тщательную подготовку рукописи второго тома хрестоматии к изданию.

РУБЕН НАГДЯН

*Февраль, 2019,
Ереван, Армения*

ГЛАВА 1. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ ПОРОЖДАЮЩЕГО ПРОЦЕССА ВОСПРИЯТИЯ¹

Принципы порождающего процесса восприятия, обеспечивающие полифункциональность отражения различных свойств объектов²

А.И. Миракян

1. Принцип сопредставленности при восприятии скорости и формы движущегося объекта

Проблема восприятия скорости в процессе отражения формы движущегося объекта экспериментально исследовалась В.И. Пановым (Миракян, Панов, 1977; Панов, 1983). Анализ проблемы показал, что в основе традиционного исследования процессов восприятия движения лежат некоторые исходные предпосылки, которые не позволяют изучать полифункциональные особенности процессов восприятие движения и стабильности объектов. Так как само движение как объект психического отражения является исследователи только в форме результата уже определенных отношений, а не как конкретное свойство предмета, такое как величина, форма и т.п., то движение в качестве объекта при изучении процессов его восприятия берется в виде содержания того отношения, которое имеется в представлении исследователя о самом движении как объективном свойстве предметов. Поэтому, естественно, что в психологии и физиологии сенсор-

¹ Приведенные в данной главе экспериментальные исследования проведены под руководством А.И. Миракяна.

² Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии, кн. 2. М., 2004. С.295-315.

ных систем восприятие движения изучалось на основе механико-физического представления о движении и покое одного объекта относительно другого объекта, являющегося точкой отсчета в пространственной и временном континууме, внутри которого и через метрические свойства которого определялось восприятие видов движения, его скорости, ускорения и других характеристик. Понимаемое таким образом движение и было принято в качестве объекта восприятия в традиционных исследованиях процессов отражения движения.

На основе таких представлений о характеристиках движений в психологии изучались процессы восприятия движения и стабильности объектов и *оставалось незамеченным, что движение берется как действующий на органы чувств объект в форме отношений между его абстрактными характеристиками, такими как движения относительно неподвижности другого объекта, движения проекции подвижного объекта относительно неподвижных элементов сетчатки глаза и т.д., т.е. аналогично тому, что мы видели при традиционном изучении процессов восприятия величины, формы и других свойств объектов. Именно это и привело нас к выводу о том, что для понимания процессов восприятия движения необходимо выяснить, посредством каких принципов осуществляется образование тех отношений, которые исследователи восприятия движения берут как уже готовые отношения между характеристиками движения в их абстрактной форме.*

Функционально-деятельностная природа отражения определяет необходимость непосредственно-чувственного восприятия не всех существующих в объективном мире видов движения объектов, а функционально необходимых для обеспечения жизнедеятельности. Значит, для восприятия движущихся объектов должен существовать естественно сложившийся функциональный диапазон восприятия движения, который проявляется, например, в том, что мы не воспринимаем непосредственно таких медленных движений, как движение распускающейся почки, и таких быстрых, как движение летящей пули. Понятие о функциональном диапазоне восприятия движения дает возможность

выделить в многообразии феноменов восприятия движения те, которые выражают деятельностно-функциональную природу непосредственно-чувственного отражения, и те феномены, которые демонстрирует иллюзорнее восприятие движения реально неподвижных объектов в условиях, не соответствующих природной жизнедеятельности человека.

В первом случае речь идет о феноменах функционального диапазона восприятия движения: от восприятия едва заметного движения объекта, когда форма четко различается, до восприятия движения столь быстрого, что появляется эффект смазывания воспринимаемой формы данного объекта. Во втором же случае имеется в виду стробоскопическое, инициированное движение и тому подобные феномены иллюзорного восприятия движения.

Исходя из вышеуказанных предпосылок: понимание функционально-деятельностной природы непосредственно-чувственного отражения и его полифункциональности, целью исследования являлось: 1) изучение восприятия движения и скорости объекта в пределах функционального диапазона восприятия движения; 2) экспериментальное подтверждение взаимосвязи скорости движения и формы движущегося объекта, т.е. каким образом восприятие формы движущегося объекта включено в процесс восприятия его движения и скорости.

Из имеющихся в литературе данных о соотношении скорости и формы движущегося объекта в процессе его восприятия были выделены следующие факты. При неподвижности или медленном движении объекта, соответствующем нижней границе функционального диапазона восприятия движения, форма движущегося объекта воспринимается отчетливо. А при быстром движении, соответствующем верхней границе этого диапазона, воспринимаемая форма движущегося объекта теряет свою отчетливость вплоть до появления эффекта смазывания. Эти факты, рассмотренные с точки зрения полифункциональности и принципа сосуществования различных свойств и отношений объектов в процессах непосредственно-чувственного отражения, позволяют предположить, что существует связь между отчетливостью восприятия формы движущегося объекта и восприятием

его скорости, т.е. что восприятие скорости объекта неразрывно связано с процессом образования непосредственной формы этого объекта, или, другими словами, с процессом формообразования данного объекта.

Процесс формообразования, необходимый для отчетливого восприятия формы объекта при его неподвижности, должен иметь определенную минимальную длительность, которую можно обозначить как критическое время формообразования. Если процесс формообразования не связан со скоростью движения объектов (как это предполагается в традиционных исследованиях восприятия скорости, где восприятие движения объекта исследуется независимо от процесса восприятия формы этого объекта), то минимальное время, необходимое для различения формы движущегося объекта, должно оставаться неизменным при изменении скорости движения и равным критическому времени формообразования.

Противоположно этому, если в условиях движения оно будет больше, чем в условиях неподвижности, и будет возрастать с увеличением скорости, то это будет свидетельствовать об участии формообразования в процессе непосредственно-чувственного восприятия скорости движения объекта. Поскольку в этом случае увеличение скорости движения объекта будет соответствовать увеличению степени незавершенности формообразования движущегося объекта, то это позволяет выдвинуть гипотезу о том, что именно *степень незавершенности процесса формообразования дает ощущение о различных скоростях движения объекта.*

Таким образом, экспериментальная задача исследования заключалась в выявлении критического времени формообразования данного объекта при его неподвижности, а затем в определении минимального времени, необходимого для отчетливого восприятия формы этого же объекта, но движущегося с разными скоростями в пределах функционального диапазона восприятия движения, т.е. со скоростями меньше той, которая вызывает эффект смазывания.

В качестве экспериментальных объектов были выбраны пра-

вильные плоские многоугольники, т.е. объекты, имеющие однотипные формы и вместе с тем отличающиеся друг от друга по индивидуальной форме. Многоугольники с числом сторон от 6 до 10 были названы тестовыми, а в качестве фоновых были использованы многоугольники с числом сторон от 5 до 12. В экспериментах использовалась методика парно-последовательного тахистоскопического предъявления объектов, когда от испытуемого требуется дать альтернативный ответ «да-нет» о том, одинаковую или различную форму имеют два последовательно предъявленных многоугольника.

Предъявляемый многоугольники находились от испытуемого на расстоянии 2 м. Величина поля зрения по горизонтали составляла 28 градусов, по вертикали – 25 градусов. Предъявление многоугольников осуществлялось с помощью специально сконструированной установки, которая состояла из фотозатвора, обеспечивающего монокулярное предъявление объекта на короткое время (от 35 мс до 2000 мс), электромеханического устройства «Вариатор», позволяющего предъявлять объекты неподвижными или движущимися с заданной скоростью, и электронного блока управления, осуществляющего синхронизацию работы фотозатвора и «Вариатора». В эксперименте участвовали испытуемые с нормальным зрением, с каждым из них в общей сложности было проведено от 700 до 1500 предъявлений тест-пар многоугольников.

Многоугольник считался успешно воспринятым, если в течение шести предъявлений данного ряда тест-пар имелось по крайней мере пять правильных ответов из шести для данного, многоугольника, предъявляемого в паре с самим собой (например, 6:6), и столько же правильных ответов для того же многоугольника, предъявляемого в паре с многоугольником, имеющим на одну сторону меньше (например, 6:5). По критерию знаков это обеспечивало 99-процентную достоверность.

В I серии экспериментов выявлялось минимальное время формообразования, необходимое для различения формы многоугольников при их неподвижности, т.е. критическое время формообразования. Согласно полученным данным, с увеличением чис-

ла сторон многоугольника критическое время формообразования возрастает. Если для шестиугольника оно по группе испытуемых составляет 34-60 мс, то для десятиугольника оно увеличивается до 110-260 мс, т.е. в среднем в 4 раза.

Следовательно, усложнение формы объекта приводит к соответствующему увеличению времени формообразования, необходимого для отчетливого восприятия формы данного объекта. При времени экспозиции данного многоугольника, меньшем его критического времени формообразования, форма либо воспринимается смазанной, либо отождествляется с формой многоугольника с меньшим числом сторон. Это свидетельствует о том, что при данной длительности процесс формообразования не успевает завершиться. Динамика положительных и отрицательных ответов при увеличении времени экспозиции показывает, что с увеличением длительности процесса формообразования степень его незавершенности уменьшается. Таким образом, отчетливое восприятие формы объекта определяется критическим временем его формообразования.

Время формообразования объекта в условиях его движения изучалось во II и в III сериях эксперимента при разных скоростях движения. Методически эти серии отличалась от первой тем, что многоугольники предъявлялись движущимися во фронтальной плоскости: во II - серии со скоростью 25 см/с (т.е. 7 угл.град./с), в III серия - со скоростью 50 см/с (т.е. 14 угл. град./с). Процедура выявления времени формообразования многоугольников началась во II серии при времени экспозиции, соответствующем критическому времени формообразования шестиугольника, а в III серии - при времени, соответствующем наименьшему из значений времени формообразования во II серии.

Результаты второй серии эксперимента показали, что время формообразования, необходимое для отчетливого восприятия формы движущегося многоугольника, превосходит в среднем в 1,5-3 раза критическое время формообразования соответствующего многоугольника в условиях неподвижности. При этом время формообразования движущегося многоугольника так же зависит от числа сторон, как и критическое время формообразо-

вания. Если время формообразования шестиугольника по группе испытуемых составляет 35-160 мс, то время формообразования десятиугольника возрастает до 160-335 мс. В среднем в группе испытуемых время формообразования при движении многоугольников увеличилось на 89 мс по сравнению с их критическим временем формообразования при неподвижности.

Полученные во II серии значения времени формообразования показали, что при движении объекта его критическое время формообразования становится недостаточным для завершения процесса формообразования данного объекта, вследствие чего для различения формы движущегося объекта требуется большая длительность процесса формообразования, чем при его неподвижности. Тем самым получено подтверждение той части гипотезы, что движение объекта в функциональном диапазоне восприятия движения приводит к такому ограничению временных условий его восприятия, при котором процесс формообразования не доходит до стадии отчетливого восприятия формы данного объекта. Таким образом, полученные во II серии данные говорят о том, что в процессе непосредственно-чувственного восприятия действительно существует связь между формой объекта и его движением, что выражается в увеличении длительности процесса формообразования в условиях движения объекта относительно его неподвижности.

Результаты III серии показали, что время формообразования, необходимое для отчетливого восприятия формы движущегося многоугольника, во всех случаях превосходит его критическое время формообразования в среднем в 1,5-4 раза. Как и в предыдущих сериях, время формообразования увеличивается с ростом числа сторон многоугольника: если для шестиугольника по группе испытуемых оно составляет 110-210 мс, то для десятиугольника оно равно 185-385 мс.

Сопоставление результатов II и III серий эксперимента показало, что с увеличением скорости движения время формообразования движущегося многоугольника достоверно возрастает (по критерию знаков на уровне значимости 0,05). В среднем по группе испытуемых время формообразования при быстром движении

многоугольников увеличилось на 25 мс по сравнению с временем формообразования при медленном движении. Следовательно, при движении объекта минимальная длительность процесса формообразования, необходимая для отчетливого восприятия его формы, увеличивается не только по сравнению с критическим временем формообразования этого объекта, но и по сравнению с данными при меньшей скорости движения. Тем самым доказана вторая часть нашего предположения, что *в процессе восприятия движущегося объекта незавершенность его формообразования возрастает с увеличением скорости движения объекта по сравнению с процессом восприятия того же объекта при его неподвижности или движении с меньшей скоростью. Именно это дает основание считать, что степень незавершенности формообразования в процессе восприятия движущегося объекта несомненно может выступать в качестве фактора, обуславливающего возможность непосредственно-чувственного различения его скорости.*

Полученная зависимость времени формообразования от скорости движения объекта означает, что в реальных условиях восприятия увеличение скорости объекта естественно приводит к ограничению длительности процесса формообразования, вследствие чего при достаточно большой скорости движущегося объекта его форма воспринимается смазанной. Значит, объяснение эффекта смазывания воспринимаемой формы быстродвижущегося объекта должно включать в себя не только изменение остроты зрения или дифференциальной чувствительности, но и критического времени формообразования данного объекта.

Таким образом, проведенное исследование показало, что понимание деятельностной природы непосредственно-чувственного отражения и его полифункциональности, а также вытекающей из этого необходимости исследования восприятия движения и скорости объекта в функциональном диапазоне позволили рассматривать восприятие движения и скорости объекта без использования в качестве исходных оснований физических представлений о движении. При этом восприятие движущегося объекта выступает как полифункциональный процесс, в основе которого

лежит процесс формообразования, обеспечивающий возможность одновременного различения и скорости, и формы движущегося объекта. Эта взаимосвязь в экспериментальных условиях выявлена по данным увеличения времени для четкого различения формы при движении объекта по сравнению с критическим временем формообразования при его неподвижности. Понятно, что в реальном процессе восприятия скорости движущегося объекта, чем больше будет объективная скорость движения объекта, тем меньше будет времени для протекания процесса формообразования, и в соответствии с этим объект будет восприниматься как быстро движущийся.

Для получения более полной картины протекания процесса формообразования объектов разных форм, движущихся с различными скоростями, требуются дальнейшие исследования по выявлению закономерностей полифункционального процесса восприятия объектов, движущихся не только во фронтальной плоскости, но в глубину, когда, вероятно, образуются взаимосвязи не только между формой и скоростью, но и величиной, удаленностью и другими пространственными свойствами объектов.

2. Принцип структурно-процессуальной анизотропности в процессе восприятия ахроматических цветов

Анализ представлений, лежащих в основе традиционных для психологии и психофизиологии объяснений различных феноменов ахроматического зрения, показал, что эти представления исходно базируются на физическом описании характеристик светового излучения и отражают по существу различные интерпретации механизмов восприятия физической яркости отраженного от поверхности объекта света. Истоки подобного подхода непосредственно связаны с теми представлениями о свете и цвете, которые сложились в естествознании к концу XIX века в период становления экспериментальной психологии как самостоятельной науки. Цвет рассматривался как физическое свойство поверхности предмета, характеризующейся через спектральную отражательную способность и интенсивность отраженного от данной поверхности света. Именно эти две характеристики воз-

действующего на сетчатку глаза света – коэффициент отражения поверхности предмета (определяемый в физике через соотношение интенсивностей падающего на предмет и отраженного от него светового излучения, т.е. освещенности и яркости) и длина волны отраженного от поверхности света – стали рассматриваться как физические корреляты ощущений ахроматического и хроматического цвета и легли в основу выделения предмета исследования психологических закономерностей восприятия цвета поверхности черно-белых объектов посредством преобразования яркости отраженного от объекта света.

Одной из первых и основных проблем, возникших при исследовании ахроматического зрения, явилась проблема константности восприятия цвета, поскольку в рамках исходных физических представлений оставалось неясным, каким образом даже при изменениях освещенности ахроматического объекта его цвет воспринимается неизменным, если при этом яркость отраженного от предмета света тоже меняется (согласно физической формуле «яркость=коэффициент отражения * освещенность»). Первое (классическое) объяснение данного явления было дано Г. Гельмгольцем (Helmholtz, 1867) в рамках ассоциативной психологии. Он полагал, что ощущение ахроматического цвета однозначно определяется фотометрическими характеристиками воздействующего на сетчатку света. При этом, согласно Гельмгольцу, человек запоминает цвет предмета при среднем дневном освещении, а при отклонениях от этого среднего делает «бессознательные умозаключения» о том, как выглядел он данный предмет при нормальном освещении.

Школа гештальтпсихологии, отвергая классическое представление об однозначности соответствия между раздражителем и восприятием, предложила представление о структурном отношении между физическими и физиологическими образованиями (гештальтами), объявив константность имманентным свойством восприятия, вытекавший из соответствия между физическими и физиологическими гештальтами. Исходя из этого, константность восприятия ахроматического цвета изучалась не только с точки зрения факта несоответствия между сетчаточными характери-

стиками яркости света и данными восприятия цвета, но и с точки зрения обусловленности константности изменениями восприятия и подчеркивалась важность окружения как необходимого условия физического гештальта.

В советской психологии константность восприятия ахроматического цвета изучалась с позиций реально-психологического предметного содержания познавательных процессов, исходя из которого предметность зрительного восприятия выступала как фактор «корригирования» световых характеристик сетчаточного раздражения при изменении условий освещения. Константность понималась как соответствие результата восприятия цвета предмета его объективно неизменному цвету. Однако при описании конкретных психологических и физиологических механизмов константности на первый план выступали физические свойства отраженного от предмета света, определяющие специфические ощущения «видимого цвета объекта».

Таким образом, несмотря на постулируемые различия в подходах, свойственных различным психологическим школам, разработка данной проблемы велась по линии рассмотрения «*объект-сетчаточный образ – воспринимаемый образ*». При этом объект описывался через определенные физические характеристики и по сути отождествлялся с физическими коррелятами определенных феноменальных качеств. С другой стороны, в этой схеме отношений объективное свойство предмета подменялось его изображением на сетчатке как раздражителем, образующим знак данного объекта, а процесс психического отражения отождествлялся с процессом восприятия этого знака.

В целом анализ процессов проводился на таких исходных основаниях, при которых в понимании процесса восприятия объект и его свойства изначально имплицитно в нем определены. Иначе говоря, *до того процесса, в котором они будут восприняты, эти объекты уже неявно в него введены через их предполагаемые качества или свойства, которые могут быть выявлены только после завершения процесса восприятия*. В результате исследование процессов психического отражения производится по существу через логическое соотнесение одних продуктов вос-

приятия, понимаемых как отражаемое, с другими, понимаемыми как отраженное, и на основании этого строятся представления о закономерностях и механизмах процессов психического отражения. Так, при изучении закономерностей восприятия ахроматического цвета в качестве исходной предпосылки использовалось абстрактно-логическое понимание ахроматического цвета (следующее из физического представления) на основе абстрактно-мыслительного отношения между яркостью и освещенностью и изучались гипотетические изолированные механизмы, обеспечивающие отражение уже отраженных отдельных свойств объекта – освещенности и яркости – как прямых или косвенных показателей процесса восприятия ахроматического цвета.

Противоположная этому концепция порождающего процесса восприятия позволяет представить процесс непосредственно-чувственного отражения как процесс, в каждом микроакте которого сосуществуют различные свойства и отношения объектов. На основе разных микроактов фиксации и образования анизотропных отношений возможно как выделение и обособление одного из них, так и восприятие сопредставленности пространственных и других свойств и отношений.

Исходя из этого, в работе, проведенной О.А. Адамяном (Адамян, 1991), ставилась задача изучения возможности порождения ахроматических цветов, когда в едином, целостном акте непосредственно-чувственного процесса отражения цвет сопредставлен с освещенностью, светлотой, яркостью, удаленностью, величиной и другими свойствами и отношениями объектов.

Известно, что воздействующий на глаз поток световой энергии попадает на различные светочувствительные элементы структуры сетчатки. Естественная функционально-структурная анизотропность сетчатки «искажает» исходный поток света, дискретизирует его, создавая возможность для образования пространственно-временных отношений между выделившимися при этом границами “неоднородности” света. *Если отношения, образующиеся между анизотропными структурами сетчатки или различными микроактами образования анизотропных отношений, гомогенны, порождение цвета не происходит. И наоборот,*

рот, - анизотропность образующихся отношений преодолевает исходную "однородность", нерасчлененность светового потока, превращает его в объект фиксации и фон, что, в свою очередь, позволяет выделить цвет. Цвет не может породиться в однородности, гомогенности. Равномерное (гомогенное) освещение порождает только ощущение общего света, света в отличие от темноты (то, что ощущается, например, при кратковременном открытии глаз и определяется как «светло»). Условием порождения ощущения цвета объекта реально выступает анизотропность светового потока (физически определяемая предметной неоднородностью среды, через которую преломляется попадающий на глаз свет), которая, как процессуальная характеристика зрительного восприятия, порождается в результате образования анизотропных отношений между анизотропными структурами светочувствительных элементов сетчатки.

Таким образом, согласно концепции порождающего процесса восприятия, ахроматический цвет объекта порождается в процессе зрительного восприятия в результате образования анизотропных отношений между дискретными структурами светочувствительных элементов сетчатки. При этом на основе структурно-процессуальной анизотропности возникает возможность фиксации различных образующихся отношений, что, в свою очередь, создает возможность выделения в едином полифункциональном процессе восприятия различных свойств и отношений объектов, сосуществующих в любом акте отражения, - освещенности, светлоты, яркости, формы, удаленности и др.

В связи с этим проблема константности восприятия ахроматического цвета объектов как проблема соотношения освещенности и воспринимаемого цвета объекта не может рассматриваться как реальная психологическая проблема, поскольку изначально выступает как проблема, поставленная физически. Исходя из концепции порождающего процесса восприятия, отражение ахроматического цвета объекта происходит сопредставленно с другими объектными характеристиками по принципу образования анизотропных отношений, а возможность выделения и фиксации цвета среди множества других сосуществующих

свойств и отношений объектов определяется функциональным диапазоном данной отражающей системы, что, в свою очередь, *определяется возможностями образования анизотропных отношений между дискретными структурами системы и между различными микроактами процесса образования анизотропных отношений.*

На основании высказанной общей гипотезы о реализации принципа структурно-процессуальной анизотропности в процессе порождения ахроматического цвета объектов была сформулирована конкретная гипотеза, заключающаяся в предположении о том, что принцип образования анизотропных отношений как необходимое условие цветопорождения может реализовываться на основе анизотропной пространственно-временной организации зрительной системы; в частности, на основе анизотропной светочувствительности дискретных элементов и рецептивных полей различных участков глаза, конкретно - *на основе анизотропности центра и периферии сетчатки. Другими словами, акт непосредственно-чувственного порождения ощущения ахроматического цвета объекта реализуется посредством образования анизотропных отношений между центром и периферией сетчатки.*

Сформулированная гипотеза определила экспериментальный метод ее проверки: если в основе порождения ахроматического цвета лежит возможность образования отношений между центром и периферией сетчатки, то при исключении этой возможности цвет восприниматься не будет. Исходя из этого, в эксперименте использовался метод ограничения поля зрения. При этом были выделены три экспериментальные ситуации: ограничение периферии поля зрения, ограничения центра поля зрения (нарушение возможности образования отношений между периферией и центром сетчатки) и частичное ограничение центра поля зрения в виде кольца (ограничение светового потока, попадающего на сетчатку, но сохранение возможности образования отношений между центром и периферией сетчатки).

В экспериментах использовалась методика парно-последовательного тахистоскопического предъявления объектов, когда

от испытуемого требуется дать альтернативный ответ «да-нет» о том, одинаковый или разный цвет имеет два последовательно предъявляемых цветовых объекта.

В качестве экспериментальных объектов использовались квадратные эталоны черного, серого и белого цвета, целиком заполняющие монокулярное поле зрения.

Эксперимент состоял из 4-х серий.

В I серии (фоновой) парно-последовательное сравнение цвета проводилось при полном поле зрения (30 градусов) для 12-и значений времени экспозиции (в диапазоне от 50 мс до 1200 мс), по 12 раз для каждого значения времени в случайном порядке. Из 12-и значений времени в дальнейших сериях были выбраны 6, при которых у испытуемых наблюдалось наименьшее количество ошибок различения.

Во II и III сериях эксперименты по различению цвета проводились по той же методике, что и в I серии, но при ограничении периферии поля зрения за счет сужения ее до 14 градусов (серия II) и при ограничении центра поля зрения посредством перекрытия его кругом диаметров 8 градусов (серия III).

Контрольная IV серия проводилась по этой же методике, но ограничение центра поля зрения достигалась здесь не за счет сплошного круга (как в серии III), а за счет кольца диаметром 8 градусов с отверстием в 2 градуса, предъявляемого на фоне тестового цветового стимула. Тем самым хотя и ограничивался центр поля зрения, но сохранялась возможность образования отношений между центром и периферией сетчатки.

Результаты I серии эксперимента (фоновой) показали, что в условиях полного поля зрения в данной экспериментальной ситуации восприятие ахроматического цвета объектов практически не нарушается и процент правильных ответов в среднем для белого цвета составляет 93%, серого - 91%, черного - 85%, в среднем для всех трех цветов - 90%. При ограничении периферии поля зрения во II серии эксперимента имело место значительное уменьшение количества правильных ответов испытуемых относительно результатов I серии и в среднем для белого цвета оно составило 48%, для серого - 56%, для черного - 64%, в среднем

для всех трех цветов - 56%. Аналогичное ухудшение результатов восприятия имело место и в III серии - при ограничении центра поля зрения. Так, процент правильных ответов снизился в среднем для белого цвета до 63%, для серого - до 57%, для черного - до 53%, в среднем для всех трех цветов - до 58%. При этом у некоторых испытуемых по отдельным цветам количество правильных ответов во II и III сериях уменьшилось относительно фоновой серии в 2 и более раза. Полученные результаты подтвердили исходную гипотезу: искусственное ограничение центра поля зрения, как и ограничение его периферии в значительной мере нарушает возможность образования отношений между центром и периферией сетчатки, что, в свою очередь, приводит к существенному ухудшению цветовосприятия.

Результаты IV серии эксперимента (частичное ограничение центра поля зрения посредством кольца) показали, что в этой серии относительно фоновой количество правильных ответов также уменьшилось, но очень незначительно: в среднем для белого цвета - до 87%, для серого - до 84 %, для черного - до 77%, в среднем для всех трех цветов - до 83%. При этом у некоторых испытуемых по отдельным цветам результаты восприятия даже улучшились или остались практически неизменными. Таким образом, сопоставление результатов I и IV экспериментальных серий показало, что при частичном ограничении центра поля зрения не происходит изменений результатов восприятия - они остаются такими же высокими и соответствуют результатам отчетливого восприятия цвета. Полученные данные подтвердили исходную гипотезу о том, что в основе акта цветообразования лежит возможность образования анизотропных отношений между центром и периферией сетчатки. Частичное ограничение центра поля зрения хотя и привело к сокращению общей площади светочувствительных элементов сетчатки, но не нарушило возможность образования отношений между ее центром и периферией, что, в свою очередь, и определило стабильность и отчетливость цветовосприятия в данных условиях.

Таким образом, результаты проведенного исследования показали, что процесс восприятия ахроматического цвета объектов

реализуется на основе анизотропной структурно-процессуальной организации зрительной системы. Ощущение ахроматического цвета объектов порождается в зрительном восприятии в результате образования анизотропных отношении между центром и периферией сетчатки. Благодаря этому, в свою очередь, становится возможной константность восприятия ахроматического цвета при многократном изменении освещенности объекта, так как при этом анизотропное отношение *между центром и периферией зрения остается неизменным*.

3. Полифункциональность восприятия при образовании зрительных иллюзий

Анализ логико-теоретических оснований выявления зрительных иллюзий и выделения их в самостоятельную проблему показывает, что в этих исходных представлениях не учитывается функционально-деятельностная природа восприятия - его полифункциональность. В основе полифункциональности процессов восприятия, как было показано выше, лежат некоторые структурно-процессуальные принципы отражательной системы, которые обеспечивают необходимое полифункциональное отражение свойств объектов в различных условиях восприятия (Миракян, 1976б).

Конкретное содержание процесса образования анизотропных отношений в зрительном восприятии уже обсуждалось на примере константно-аконстантного восприятия величин. *Поскольку возможности образования анизотропных отношений при восприятии реальных объектов и этих же объектов, изображенных на рисунке, различны, то, следовательно, можно предполагать, что и результаты восприятия в том и в другом случае должны быть также разными.*

Для проверки этого предположения В.И. Козловым было проведено экспериментальное исследование, в котором в качестве объектов восприятия были взяты: а) графическое изображение фигуры Понзо и б) две одинаковые по величине рейки, расположенные параллельно на фоне рельсов железнодорожного пути (Козлов, 1985). Выбор железнодорожного пути в качестве объек-

та-фона восприятия был продиктован тем обстоятельством, что он рассматривается исследователями как реальный аналог условий, изображенных на фигуре Понзо, поскольку изображение фигуры Понзо на сетчатке глаза, согласно проекционно-геометрическим законам физиологической оптики, «совпадает в проекции с уходящими вдаль рельсами... железнодорожного пути» (Грегори, 1972, 101).

Эксперименты в условиях восприятия одинаковых по величине реек на фоне рельсов железнодорожного пути должны были показать, что *вследствие возможности образования в реальных условиях различных анизотропных отношений результаты восприятия реек при разных фиксациях должны отличаться друг от друга, а также от результатов восприятия, полученных при разных фиксациях фигуры Понзо, изображенной на рисунке, т.е. на плоскости.*

В опытах использовались две равные по величине рейки белого цвета, которые укладывались параллельно друг другу между рельсами железнодорожного пути. Испытуемый находился на расстоянии 2,6 м от дальней рейки. Об объективном равенстве реек по величине ему не было известно. Экспериментальные условия восприятия реек были рассчитаны соответственно условиям восприятия рисунка по закону угла зрения. Испытуемому предлагалось определить величину дальней рейки по сравнению с ближней («равно», «больше», «меньше») в разных условиях восприятия: 1) при свободном восприятии, 2) при фиксации взора на ближней рейке, 3) при фиксации взора на дальней рейке.

Как показали результаты I серии, при свободном наблюдении в целом по группе преобладает тенденция к восприятию дальней рейки как меньшей по величине по сравнению с ближней к наблюдателю рейкой. При фиксации ближней рейки все испытуемые воспринимали величину дальней рейки меньшей, чем величина ближней рейки, и при фиксации взора на дальней рейке в целом по группе испытуемых результаты характеризуются общей тенденцией к восприятию дальней рейки равной по величине ближней.

Таким образом, результаты I серии экспериментов показы-

вают, что величина объектов может восприниматься по-разному и что эта разница в результатах восприятия определяется тем, какой из сравниваемых объектов фиксируется в данный момент наблюдателем.

Эта разница в результатах восприятия дает основание сделать заключение о том, что по своему содержанию изучавшиеся процессы восприятия отличаются друг от друга вследствие образования (в моменты фиксации разных объектов) различных анизотропных отношений. При фиксации ближней рейки воспринимаемая величина дальней рейки в силу эффекта уменьшения нефиксированного объекта уменьшается, что и обуславливает восприятие дальней рейки как уменьшенной относительно величины ближней рейки. В результате этого дальняя рейка воспринимается меньшей по величине. Когда же наблюдатель фиксирует дальнюю рейку, в силу того же эффекта уменьшается воспринимаемая величина нефиксированной в данный момент ближней рейки и поэтому дальняя рейка воспринимается равной по величине ближней рейке. Таким образом, осуществляется гибкое, полифункциональное восприятие свойств объектов, отвечающее различным задачам восприятия.

В реальных условиях восприятия человеку приходится наблюдать одни и те же объекты, находясь на разном расстоянии от них. Поэтому необходимо было экспериментально проверить, будут ли отличаться результаты восприятия тех же самых объектов (реек) с изменением дистанции наблюдения.

С этой целью были проведены еще две серии опытов, которые отличались от опытов первой серии лишь тем, что испытуемый находился на расстоянии 7,8 м от дальней по отношению к нему рейки во второй серии опытов и 13 м - в третьей.

Как показали результаты II серии, при свободном наблюдении в целом по группе сохраняется та же тенденция преимущественной оценки дальней рейки как меньшей по величине, которая наблюдалась при таком же способе восприятия в первой серии. Но здесь обращает на себя внимание появление отдельных случаев восприятия дальней рейки большей по величине, чем ближняя.

В условиях фиксации ближней рейки тенденция восприятия дальней рейки меньшей по величине также, как и в I серии являлась преобладающей. Вместе с тем у трех испытуемых имелись случаи восприятия величины дальней рейки большей, что не наблюдалось в I серии экспериментов.

В условиях фиксации дальней рейки результаты несколько отличаются от результатов восприятия в I серии. Причем это отличие проявляется как в данных отдельных испытуемых, так и по группе в целом. В большинстве случаев обе рейки воспринимались равными, но имели место также случаи восприятия дальней рейки как меньшей, так и большей по величине, чем ближняя рейка. Отсюда и результаты восприятия по группе в целом характеризовались приблизительным равенством случаев восприятия дальней рейки как равной или меньшей по величине, тогда как в I серии дальняя рейка преимущественно воспринималась равной по величине ближней рейке.

Таким образом, изменение дистанции наблюдения (до 7,8 м) внесло определенное отличие в результаты восприятия величины дальней рейки. Эти различия обусловлены тем, что с увеличением дистанции наблюдения произошли некоторые изменения в содержании процесса восприятия: в образовании анизотропных отношений между воспринимаемыми величинами начинает включаться перспективно воспринимаемое схождение рельсов железнодорожного пути. В результате этого в отдельных случаях дальняя рейка воспринималась испытуемыми большей по величине, чем ближняя, или (при фиксации ближней рейки) обе рейки воспринимались равными.

Результаты III серии показали, что при свободном наблюдении на дистанции 13 м у разных испытуемых проявлялись различные тенденции в восприятии величины дальней рейки. Одни испытуемые в большинстве случаев воспринимали дальнюю рейку равной по величине ближней, другие, напротив, видели ее меньшей по величине. По группе в целом проявление разных тенденций нашло свое выражение в количественном равенстве случаев восприятия величины дальней рейки как равной и как меньшей относительно величины ближней рейки. Эти результа-

ты отличаются от результатов I и II серий, т.е. при малой и средней дистанциях наблюдения, где преобладали результаты восприятия дальней рейки как меньшей по величине относительно ближней рейки.

При фиксации ближней рейки тенденция к преимущественному восприятию ближней рейки как меньшей по величине по сравнению с ближней сохраняется. Вместе с тем, в сравнении с данными II серии опытов увеличилось количество случаев восприятия равенства величины реек.

При фиксации дальней рейки, также как в I и II сериях опытов, сохраняется тенденция восприятия реек равными по величине. Но в отличие от II серии количество случаев восприятия дальней рейки меньшей по величине уменьшается, а как большей по величине - увеличивается.

Таким образом, сравнение результатов, полученных при разных способах восприятия в III серии опытов, как между собой, так и с данными двух предыдущих серий, выявляет тот факт, что на дальней дистанции наблюдения увеличилось количество случаев восприятия реек равными по величине при свободном наблюдении и при фиксации ближней рейки. Эти данные обусловлены изменившимся содержанием образующихся анизотропных отношений в процессе восприятия. С увеличением дистанции наблюдения неосознанно воспринимаемое перспективное сходение рельсов железнодорожного пути чаще стало включаться в образующиеся отношения между воспринимаемыми величинами реек, компенсируя эффект уменьшения нефиксированного объекта или еще в большей мере усиливая этот эффект. Первое нашло свое проявление в результатах восприятия при произвольной фиксации ближней рейки и ее произвольной фиксации при свободном наблюдении, второе - при фиксации дальней рейки в данных восприятия большей относительной величины этой рейки.

Обобщая результаты трех серий экспериментов в условиях восприятия реальных объектов, можно сделать следующие общие выводы. *При фиксации испытуемым равных объектов происходит образование различных анизотропных отноше-*

ний, приводящее к многообразию в отражении отдельных пространственных свойств и отношений объектов. В этом многообразии результатов процесса восприятия находит проявление полифункциональность восприятия, обеспечивающая посредством образования различных анизотропных отношений между воспринимаемыми свойствами объектов их гибкое отражение в зависимости от условий и задачи восприятия.

В IV серии объектом восприятия была фигура Понзо, нарисованная в центре квадратного листа белого картона размером 30*30. Задача испытуемого, как и прежде, заключалась в определении величины верхней горизонтальной линии по сравнению с нижней. Процедура опыта была аналогична той, которая имела место в экспериментах на железнодорожном пути.

Результаты этой серии эксперимента показали, что при свободном наблюдении данные испытуемых в целом отражают сосуществование двух равновозможных тенденций восприятия верхней линии или как равной, или как большей по величине нижней линии. При фиксации нижней линии результаты испытуемых в целом свидетельствуют о преобладании тенденций восприятия линии равными по величине. *При фиксации верхней линии результаты характеризуются тем, что здесь у большинства испытуемых доминирующей была другая тенденция: верхняя линия воспринималась большей по величине, чем нижняя.* Сравнение данных восприятия фигуры Понзо и реальных объектов обнаруживает существенное различие между ними. Если в наблюдениях реальных объектов преобладающей тенденцией было восприятие дальней рейки как меньшей относительно ближней, то в фигуре Понзо в основном верхняя линия (аналог дальней рейки) воспринималась испытуемым или равной, или большей по величине, чем нижняя линия, а восприятие верхней линии меньшей по величине имело место лишь в отдельных пробах. Причем по группе испытуемых в целом верхняя линия воспринималась как большая почти в 50% проб (в 71 из 150), тогда как дальняя рейка во всех трех сериях опытов воспринималась как большая всего в 11 из 450 проб.

Обнаруженные различия между результатами восприятия фигуры Понзо и реальных объектов обусловлены разным содержанием образующихся в том и другом случаях отношений. При фиксации верхней линии фигуры Понзо включение в образующиеся отношения сходящихся линий еще более усиливает эффект уменьшения нефиксированной нижней линии. В результате верхняя линия воспринимается большей по величине. А при фиксации нижней линии сходящиеся линии при образовании отношений как бы компенсируют эффект уменьшения верхней нефиксированной линии. В результате обе горизонтальные линии воспринимаются равными по величине. При свободном наблюдении в зависимости от произвольной фиксации испытуемым верхней или нижней линии могут образовываться те или иные описанные выше отношения, которые обуславливают восприятие верхней линии или равной, или большей по величине нижней линии. Представляется не случайным, что подобное же усиливающее или компенсирующее влияние на эффект уменьшения нефиксированного объекта при образовании отношений между воспринимаемыми величинами дальней и ближней реек нашло свое проявление именно в результатах III серии эксперимента, где воспринимаемое схождение рельсов железнодорожного пути (в силу своей большей протяженности) аналогичным образом включалось в образование отношений.

Таким образом, данные IV серии эксперимента подтвердили наше предположение о том, что *результаты, процессов восприятия реального объекта и его изображения на плоскости различны, поскольку эти процессы отличаются по содержанию в них отношений и поэтому не могут считаться идентичными процессами.*

Наличие же сходных результатов свидетельствует о том, что при определенных условиях восприятия реальных объектов возможно образование таких же анизотропных отношений, какие имеют место в процессе восприятия изображения этого объекта. вследствие этого и результаты процессов восприятия отдельных свойств в реальном объекте и его изображении могут быть одинаковыми. В этом сходстве результатов, как прояв-

лении полифункциональности процесса восприятия, заложена возможность гибкого перехода от отражения свойств в одних объектах к отражению этих же свойств в других объектах восприятия.

Список литературы

Адамян О.А. Восприятие ахроматического цвета объектов. Психологический журнал. 1991. Т. 10. N1. С. 124-132.

Козлов В.И. Зрительные иллюзии и полифункциональность восприятия // Вопросы психологии, 1985. N2. С. 136-145.

Миракян А.И. О скрытых постулатах в изучении иллюзий восприятия // Тезисы научных сообщений советских психологов на XXI Международном психологическом конгрессе. – М., 1976. С. 183-186.

Миракян А.И., Панов В.И. Восприятие скорости движения в процессе отражения формы объекта // Вопросы психологии, 1985, N1. С. 148-154.

Helmholtz H. Handbuch der physiologischen Optik. Leipzig. 1867.

Принцип структурно-процессуальной анизотропности в порождающих процессах восприятия разной модальности³

А.И. Миракян

1. Принцип структурно-процессуальной анизотропности в процессах осязания

Понимание того, что формирование и эволюционное развитие осязательных процессов было обусловлено разнообразным содержанием практической деятельности, позволяет предположить, что осязательным процессам, как и процессам отражения других модальностей, должна быть присуща полифункциональность. Это означает, что осязательный процесс по своей природе должен иметь возможность отражения множества функционально-значимых для деятельности человека свойств и пространственных отношений объектов. С этой точки зрения, осязательный акт необходимо рассматривать как процесс, в котором происходит порождение (в виде непосредственно-чувственного осязательного ощущения) и формы, и величины, и фактуры, и консистенции объекта, и т.д.

Возможность такого порождения, как уже отмечалось, обеспечивается структурно-процессуальной анизотропностью системы отражения. Одним из методических приемов, демонстрирующих полифункциональность процесса непосредственно-чувственного восприятия, является метод нарушения, ограничения естественно-природной анизотропности строения и функционирования отражательной системы человека. Исходя из этого, можно предположить, что нарушение анизотропности руки должно привести к ограничению возможностей процесса осязательного восприятия.

Учитывая анатомо-физиологическое строение кисти руки в структурной организации осязательной системы отражения,

³ Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии, кн. 2. М., 2004. С. 316-330.

можно выделить следующие виды анизотропности: мышечно-силовые характеристики фаланг и пальцев кисти руки, их различная длина и пространственное расположение относительно друг друга, тактильная чувствительность и др. Наряду с указанной анизотропностью структурно-процессуальное обеспечение возможностей осязательного отражения включает в себя также пространственно-временную анизотропность. Предполагается, что анатомо-физиологической анизотропностью посредством образования пространственно-анизотропных отношений обуславливается возможность отражения в осязательном акте (при кратковременном охвате предмета пальцами руки), очень важную роль в обеспечении возможности осязательного отражения играет пространственно-временная анизотропность, возникающая при образовании анизотропных отношений между результатами предыдущих и последующих одномоментных актов осязания, когда исследование предметов осуществляется с помощью движений пальцев и кисти руки. Следовательно, нарушение природной анизотропности руки, лежащей в основе образования как пространственных, так и пространственно-временных анизотропных отношений, должно привести к ограничению возможностей осязательного процесса отражения и сказаться на проявлении его полифункциональности.

Для проверки этого предположения в экспериментах Н.Л. Мориной (Морина, 1980; 1985) был применен метод нарушения (частичного «выключения») различных видов природной анизотропности руки. С этой целью на пальцы испытуемого надевались специально сконструированные жесткие напальчники («искусственные пальцы»), сделанные из плотного картона. В качестве экспериментальных объектов для осязательного опознания в опытах использовались объемные геометрические фигуры: шар, куб, тетраэдр, цилиндр и прямоугольный параллелепипед. Каждый из геометрических объектов определенной формы (шар, кдб, тетраэдр, цилиндр) был представлен выбором из трех фигур разной величины, а прямоугольный параллелепипед - двумя фигурами разного размера. Таким образом, весь набор состоял из 14 фигур разной формы и величины.

Объекты предъявлялись испытуемым в случайной последовательности, визуальный контроль со стороны испытуемого полностью исключался. Испытуемым лишь сообщалось, что в опытах будут предъявляться для осязательного опознания хорошо известные им объемные геометрические фигуры.

Эксперимент состоял из 7 серий.

В I опыте на правую руку испытуемого надевались напальчники, равные по длине и диаметру соответствующим пальцам его руки (т.е. «анизотропные искусственные пальцы»). Таким образом нарушалась природная анизотропность фаланг пальцев и их мышечно-силовых характеристик (палец состоял как бы из одной фаланги), а жесткой конструкцией напальчников практически полностью исключалась тактильная чувствительность. Перед испытуемым ставилась задача при одномоментной фиксации фигуры без каких-либо движений пальцев или кисти руки опознать предъявленный объект и определить его величину.

Результаты I опыта показали, что в условиях данного эксперимента *опознание фигур представляло для всех испытуемых большие трудности*. При назывании предъявляемых фигур они испытывали чувство неуверенности в правильности своих ответов. В среднем по всей группе испытуемых количество правильно опознанных фигур составляло всего лишь 25,4% от числа предъявлявшихся объектов. Учитывая тот факт, что при опознании разных геометрических фигур испытуемые давали им одни и те же названия, можно предположить, что и правильное опознание объектов носило скорее всего случайный характер. Испытуемые не чувствовали каких-либо заметных затруднений в различении относительных размеров объектов, почти безошибочно узнавая, что одна фигура больше, чем другая, но определить конкретные размеры предъявляемой фигуры они не могли.

Во II опыте «анизотропные» напальчники надевались на обе руки испытуемого, который должен был опознать предъявленный объект и определить его величину при одномоментном охвате фигуры пальцами обеих рук так же, как и в I опыте, без движений пальцев или кисти руки.

Данные II опыта показали, что при двуручном одномоментном осязательном восприятии опознание фигур не только не улучшалось, а, напротив, представляло для испытуемых еще большие затруднения. Испытуемые постоянно чувствовали неуверенность при опознании объектов: фигуры разной формы называли одними и теми же именами. Правильное опознание фигур носило еще более случайный характер. Количество правильно опознанных фигур снизилось по сравнению с I опытом и составило 23,1% от общего числа предъявленных объектов. По данным опроса испытуемых для них несколько облегчилось установление относительных размеров объектов, но определить их конкретную величину они все-таки не смогли.

В III опыте опознание осуществлялось так же, как и во втором опыте, но на сей раз испытуемым разрешалось ощупывать предъявленный объект с помощью движений обеих рук. При этом время обследования каждой фигуры не ограничивалось.

Данные III опыта свидетельствуют о существенном улучшении результатов опознания фигур по сравнению с двумя предыдущими опытами. В среднем по группе испытуемых было правильно опознано 69,1% предъявлявшихся фигур, т.е. почти в три раза больше чем в I и II опытах. Однако, как следует из словесных отчетов испытуемых, хотя в условиях этого опыта их работа и облегчилась, все же при опознании фигур они по-прежнему испытывали трудности и не всегда были уверены в правильности своих ответов. Также неразрешимой оставалась задача определения конкретной величины предъявляемых фигур, хотя относительные размеры фигур испытуемые указывали практически безошибочно.

С целью проверки влияния на ограничение возможности полифункционального осязательного отражения еще большего нарушения природной анизотропности руки с теми же испытуемыми было проведено еще три опыта.

В IV опыте на правую руку испытуемого надевались одинаковые напальчники, равные по длине среднему пальцу его руки, т.е. «однородные искусственные пальцы», таким образом нарушалась не только анизотропность фаланг пальцев, их мышеч-

но-силовых характеристик, но и анизотропность длин разных пальцев руки. Соответственно полностью исключалась также тактильная чувствительность. Во всем остальном процедура IV опыта ничем не отличалась от I опыта.

Результаты IV опыта показали, что процесс опознания фигур по сравнению с предыдущими опытами заметно усложнился. Это находило свое проявление в эмоционально-негативном отношении испытуемых к опыту. Испытуемые при опознании фигур испытывали чувство полной беспомощности и удивления. При определении фигур они были постоянно не уверены в правильности их опознания. В среднем по группе испытуемых было правильно опознано всего лишь 21,4% предъявленных фигур, да и эти правильные опознания были скорее случайными. При этом испытуемые не только не могли указать конкретную величину предъявляемых объектов, но даже затруднялись сказать что-либо определенное об их относительных размерах.

В V опыте одинаковые напальчичники надевались на обе руки испытуемого. Процедура опознания фигур была такой же, как и во II опыте.

Полученные в этом опыте данные почти ничем не отличались от результатов IV опыта, испытуемые в своих отчетах указывали на то, что вторая рука «мешает», отвлекает их внимание. Правильное опознание фигур носило явно случайный характер. Число правильно опознанных фигур несколько снизилось по сравнению с IV опытом и составило 20,5%. Испытуемые категорически отказывались определять величины предъявляемых объектов, заявляя, что в таких условиях это просто невозможно.

Процедура VI опыта отличалась от V опыта тем, что испытуемому разрешалось производить обследование объектов с помощью движений рук и пальцев. Время обследования фигур не ограничивалось.

Как показали результаты этого опыта, число правильно опознанных фигур увеличилось по сравнению с двумя предыдущими опытами более чем в два раза, составив 45,2%. Хотя полученные данные свидетельствуют о заметном улучшении результатов опознания фигур, тем не менее испытуемые в своих отчетах от-

мечали, что пальцы в движении даже “мешают” друг другу, они не чувствуют объекта и не могут опознать его; ответы по большей части дают наугад. Испытуемые по-прежнему не могли ничего определенного сказать относительно конкретной величины фигур, но различали, правда с большим трудом, их относительные размеры.

В заключительном VII опыте, который носил контрольный характер, опознание фигур осуществлялось испытуемым естественным образом, без напальчников, одной правой рукой. При одномоментном охвате объекта без каких-либо движений пальцев и кисти руки он должен был назвать предъявляемую фигуру и определить ее величину. Этот опыт показал, что опознание фигур не вызывало у испытуемых никаких затруднений. Все испытуемые безошибочно опознавали предъявляемые фигуры и точно определяли их размеры.

Таким образом, результаты проведенной серии экспериментов показали, что в естественных условиях (VII опыт) благодаря природной анизотропности элементов структурной организации кисти руки обеспечивается образование пространственно-анизотропных отношений, которые, в свою очередь, обуславливают возможность полифункционального отражения объектов и их свойств в осязательном процессе. Это находит свое проявление в том, что даже в одномоментном осязательном акте человек имеет возможность опознать форму и определить величину знакомого предмета.

Нарушение природной анизотропности руки приводит к резкому ограничению возможности образования пространственно-анизотропных отношений и это находит свое проявление в ухудшении возможности опознания формы и определения величины объектов, о чем свидетельствуют данные I, II, IV и V опытов.

Включение в осязательный процесс движений пальцев и кисти руки (в III и VI опытах), создавая возможности образования пространственно-временных анизотропных отношений между результатами отдельных одномоментных актов осязания, хотя и способствовало улучшению возможности опознания формы объектов, тем не менее являлось лишь частичной компенсацией

нарушений природной анизотропности руки. Возможность же определения в этих условиях величины объектов все также остается ограниченной.

Таким образом, результаты проведенного экспериментального исследования показали, что *именно естественно-природная анизотропность руки обуславливает возможность полифункционального восприятия свойств объектов в непосредственно-чувственном процессе осязания.*

2 Принципы структурно-процессуальной анизотропности в слуховом восприятии

Проведенные экспериментальные исследования и анализ различных процессов восприятия пространственно-временных свойств и отношений объектов позволили предположить, что *выявленный принцип структурно-процессуальной анизотропности лежит и в основе процессов восприятия громкости звуков и их пространственной локализации.* Конкретная реализация и функционирование принципа структурно-процессуальной анизотропности в процессах непосредственно-чувственного отражения должны происходить по-разному в различных по модальности анализаторах в зависимости от уже образовавшейся структуры определенной сенсорной системы с ее физиологическими и психологическими особенностями.

В рассмотренных во II главе этого раздела экспериментальных исследованиях зрительного восприятия величин было показано, что этому процессу присущ эффект уменьшения воспринимаемой величины нефиксированного объекта относительно величины фиксированного объекта. Этот эффект уменьшения нефиксированного объекта выступил в качестве одного из механизмов, обеспечивающих получение разных необходимых человеку результатов зрительного восприятия. Аналогичный эффект, как можно предположить на основании известных фактов избирательного восприятия одного из звуков, должен быть и в слуховом восприятии. *Одним из возможных механизмов этого феномена может быть эффект уменьшения громкости нефиксированного звука.*

Задача экспериментального исследования заключалась в выявлении эффекта уменьшения громкости нефиксированного звука в процессах слухового восприятия при разных физико-акустических характеристиках окружающей среды и разных дистанциях до источника звука. Исследование было выполнено А.М. Зальцманом (Зальцман, 1980; 1981).

Эксперименты I серии состояли из трех опытов, проводимых в обычной комнате. Во всех опытах предъявлялось два звука 800 гц и 2000 гц всегда одновременно в течение двух секунд с помощью двух громкоговорителей, расположенных на расстоянии 1 м от испытуемого. Интенсивность высокого звука составляла 70 дб, а низкого - одно из 14 заранее выбранных значений в диапазоне от 52 до 84 дб. В 1 опыте испытуемый должен был определить, кажется ли ему низкий звук (800 гц) громче, тише или равным по громкости высокому звуку (2000 гц). Во 2 опыте он решал ту же задачу, но в момент вслушивания в низкий звук, а в 3 опыте - в момент вслушивания в высокий звук.

Случаи равенства громкости звуков имели место при интенсивностях: в 1 опыте - от 52 до 76 дб; во 2 опыте - от 52 до 70 дб; в 3 опыте - от 60 до 84 дб; а центры распределения соответственно приходились на 66, 61, 73 дб. Различия между данными 1 и 3, а также 1 и 2 опытов достоверны при $P < 0,01$ по критерию знаков.

Приведенные данные означают, что при фиксации громкости переменного звука (2 опыт) *проявился эффект уменьшения громкости неизменного звука, а при фиксации неизменного звука (3 опыт) проявился эффект уменьшения громкости переменного звука*. Кроме того, по сравнению с 1 во 2 опыте *резко возросло количество случаев восприятия фиксируемого звука более громким при одновременном резком уменьшении количества случаев его восприятия более тихим*. В 3 опыте эти соотношения противоположны, *неизменный звук чаще воспринимался более громким, а переменный - более тихим*.

Эксперименты II серии, которые отличались от опытов I серии лишь тем, что они проводились в звукоизолированной камере с низким уровнем реверберации, показали практическую

независимость эффекта уменьшения от акустических характеристик среды.

В III серии экспериментов громкоговоритель - источник переменного звука - был расположен на расстоянии 4 м от испытуемого (вместо 1 м в I серии). В отличие от III серии, опыты IV серии проводились в звукоизолированной камере, а источник переменного звука был расположен на расстоянии 3 м от испытуемого.

Как показал анализ экспериментальных данных, в обеих сериях *при фиксации, дальнего звука проявился эффект уменьшения громкости ближнего звука, а при фиксации ближнего звука проявился эффект уменьшения громкости дальнего звука*. Так, в опытах III серии медиана распределения случаев восприятия звуков равными по громкости приходилась соответственно на 68, 64, 74,5 дБ, а в опытах IV серии - на 71,5, 66, 76 дБ. В обеих сериях различия между данными 1 и 2 опытов, а также данными 1 и 3 опытов достоверны при $P 0,01$ по критерию знаков. Эффект уменьшения проявился и в том, что по сравнению с 1 опытом, где не требовалось фиксировать какой-либо звук, во 2 опыте при фиксации дальнего звука резко возросло количество случаев его восприятия более громким и резко уменьшилось количество случаев восприятия более громким ближнего звука, и при фиксации ближнего звука (3 опыт) резко увеличилось количество случаев его восприятия более громким и резко уменьшилось количество случаев восприятия более громким дальнего звука.

Распределение данных восприятия относительно шкалы, на которой были определены зоны константного, аконстантного, сверхаконстантного восприятия дальнего звука, показало, что при фиксации дальнего звука случаи восприятия звуков равными по громкости концентрируются в основном в зонах константности и сверхконстантности, а при фиксации ближнего звука - в зонах аконстантности и сверхаконстантности. Это означает, что эффект уменьшения воспринимаемой громкости нефиксированного звука обуславливает не только константное и аконстантное, но сверхконстантное и сверхаконстантное восприятие громкости дальнего звука, а средством переключения константного и акон-

стантного восприятия является фиксация ближнего или дальнего звука. Дальнейший анализ данных III и IV серий экспериментов показал, что в силу вариативности результатов слухового восприятия в нем всегда сосуществуют данные и константного, и аконстантного восприятия громкости дальнего звука. Поэтому при смене фиксации с одного звука на другой обеспечивается возможность переключения с константного восприятия на аконстантное наоборот.

Таким образом, в процессе слухового восприятия эффект уменьшения выступает в качестве одного из механизмов, способствующих образованию и гибкой смене необходимых человеку результатов слухового восприятия.

В изложенных выше экспериментах предъявлялись тональные, т.е. одночастотные звуки. Поскольку большинство естественных звуков имеет многочастотный спектр, необходимо было убедиться, что и при восприятии многочастотных звуков проявляется эффект уменьшения громкости нефиксированного звука и высокая вариативность результатов восприятия относительной громкости звуков. С этой целью была проведена V серия экспериментов. В ней предъявлялись многочастотный звук - белый шум - и одночастотный звук - тон частотой 1000 гц. Их источники были расположены на дистанции 1 м от испытуемого,

Как показали результаты V серии экспериментов, при восприятии многочастотных звуков эффект уменьшения громкости нефиксированного звука и вариативность результатов восприятия более резко выражены, чем при восприятии одночастотных звуков. *Большая выраженность эффекта уменьшения при фиксации многочастотного звука дополнительно свидетельствует в пользу понимания этого эффекта как одного из механизмов полифункциональности слухового восприятия, так как подобный механизм должен обеспечивать многообразие результатов восприятия естественных, то есть преимущественно многочастотных звуков.*

Согласно нашей гипотезе, эффект уменьшения громкости нефиксированного звука должен обеспечить многообразие ре-

зультатов слухового восприятия, в том числе избирательность, пространственную локализацию. Поэтому можно было предположить, что эффект уменьшения громкости нефиксированного звука обеспечивается анатомо-акустическим строением головы и ушных раковин человека, так как указанные феномены зависят от этих свойств. *Анатомическое строение головы и ушных раковин человека в силу присущей им природной пространственной анизотропности порождает акустическую анизотропность слухового поля, что обуславливает проявление эффекта уменьшения громкости нефиксированного звука и обеспечивает многообразие результатов слухового восприятия.*

В VI серии нарушалась пространственно-акустическая анизотропность головы и ушных раковин испытуемого (он работал в специально изготовленных акустических масках), а в VII серии у барабанных перепонки испытуемого создавалось однородное звуковое поле (с помощью наушников с внешними акустическими заглушками). Во всем остальном процедура проведения этих опытов не отличалась от V серии эксперимента.

Случаи восприятия звуков равными по громкости в VI серии имели место при следующих интенсивностях: в 1 опыте - от 64 до 78 дБ; во 2 опыте - от 73 до 106 дБ; в 3 опыте - от 61 до 82 дБ; а центры распределения этих случаев приходились соответственно на 73, 86, 73 дБ. Данные 3 опыта практически совпадают с данными 1 опыта. Это означает, что при фиксации одночастотного звука эффект уменьшения громкости нефиксированного звука не проявился.

Сопоставление данных V и VI серий экспериментов позволяет заключить, что в VI серии эффект уменьшения громкости нефиксированного звука проявился в редуцированном виде. Этот факт обусловлен применением в VI серии специальных акустических масок, которые превращают внешнее ухо в практически однородную пространственно-акустическую систему. *Таким образом, пространственно-акустическая анизотропность головы и ушных раковин человека является существенной предпосылкой возникновения эффекта уменьшения громкости нефиксированного звука.*

В VII серии экспериментов у барабанных перепонки испытуемого создавалось однородное звуковое поле. Восприятие звуков равными по громкости имело место при следующих интенсивностях: в 1 опыте - от 69 до 80 дБ; во 2 опыте - от 74 до 83 дБ; в 3 опыте - от 66 до 79 дБ, а медианы их распределений приходились соответственно на 74, 78, 72 дБ. Как видим, при фиксации одночастотного звука (3 опыт) и при фиксации многочастотного звука (2 опыт) распределение случаев восприятия звуков равными по громкости не отличалось от распределения этих звуков в 1 опыте, где не требовалось фиксировать один из звуков. Это означает, что эффект уменьшения громкости нефиксированного звука проявился в существенно редуцированном виде. Степень редуцирования эффекта уменьшения в VII серии выше, чем в VI серии. Так, средняя величина этого эффекта при фиксации многочастотного звука составила 4 дБ, а в III серии - 13 дБ, и это различие достоверно при $P < 0,01$. Кроме того, в существенно редуцированном, виде проявилась и вариативность данных восприятия относительной громкости звуков. Так, при фиксации многочастотного звука случаи равенства имели место вплоть до 113 дБ в V серии, до 106 дБ в VI серии, а в VII серии - лишь до 83 дБ.

Поскольку в VII серии посредством предъявления звуков через наушники в области левой и правой барабанных перепонки создавались одинаковые и однородные звуковые поля, факт редуцирования эффекта уменьшения и вариативности данных восприятия означает, что анизотропность звукового поля во внешнем ухе слушателя является существенным условием, обеспечивающим многообразие результатов слухового восприятия и эффект уменьшения громкости нефиксированного звука. Факт различия в выраженности эффекта уменьшения и вариативности данных восприятия при работе в акустических масках (VI серия) и в наушниках (VII серия) легко объясним, т.к. в VII серии искусственно создавалось однородное звуковое поле, а в VI серии была лишь частично нарушена пространственно-акустическая анизотропность головы и ушных раковин, предопределяющая в естественных условиях восприятия создающуюся анизотропность в наружном ухе слушателя.

Таким образом, полученные результаты подтверждают предположение о том, что *анизотропное строение анатомо-акустической системы головы и ушных раковин человека предопределяет образование в наружном ухе человека анизотропного слухового поля, в котором каждый производимый в окружающей среде звук представлен в виде множества сосуществующих звуков, имеющих разные пространственно-акустические характеристики. Этим обеспечивается возможность восприятия любого из сосуществующих в наружном ухе отношений между звуками, а также образование эффекта уменьшения громкости нефиксированного звука и вариативность результатов восприятия.*

Методология трансцендентальной психологии и проблемы моделирования и экспериментального исследования порождающих процессов⁴

С.Л. Артеменков

УДК 159.9+681.3

1. ВВЕДЕНИЕ

Вместе с общим развитием экспериментальной техники и компьютерных методов психология и когнитивные науки получают в настоящее время дальнейшее развитие, заключающееся как в широте охвата исследуемых явлений, так и в реализации возможностей постановки и решения новых задач. Вместе с тем, с эпистемологической точки зрения последние достижения в когнитивной психологии и связанных с ней дисциплинах часто основаны на автоматическом использовании относительно небольшого набора признанных, но отчасти противоречащих друг другу подходов, таких, как информационно-процессуальный подход, коннективизм или экологическая психология. В результате, относительно мало внимания уделяется выбору исходных оснований и анализу ограничений применимости используемой методологии исследований. Вместе с тем объективная сложность исследуемых явлений связана с особыми онтологическими и гносеологическими проблемами, которые необходимо принимать во внимание при проведении исследований. В настоящей работе проблемы методологии и моделирования когнитивных процессов рассмотрены в свете альтернативного подхода трансцендентальной психологии, развитой проф. А.И. Миракяном (1929-1995), в основном, на основе исследований, посвященных процессам восприятия [28-30, 33, 34].

В качестве примера трудностей, с которыми сталкивается современные научные подходы, можно привести ситуацию, сло-

⁴ Труды ФИТ (2). М.: РУСАВИА, 2005. с. 37-57.

жившуюся в компьютерном моделировании зрительного восприятия. В этой области был сделан значительный прогресс в понимании и моделировании того, как детектируются отдельные стимулы. Но о том, как происходит обработка сложных сцен, состоящих из множества стимулов, известно намного меньше. Согласно господствующему представлению зрительная система сначала производит анализ и разлагает визуальную сцену на части, используя локальные механизмы, настроенные на специфические свойства воздействия, такие, как пространственная частота, ориентация, направление движения и т.п. Представляется, что далее происходит процесс синтеза реально видимой сцены из выделенных локальных компонентов. Вместе с тем до сих пор нет ясного понимания того, как все эти локальные компоненты снова собираются вместе или каким образом структурно обусловлены функциональные особенности восприятия. Существующие здесь воззрения – от теории существования «клетки бабушки», берущей начало от экспериментов и воззрений Хьюбела и Визеля, до теоретических представлений Карла Лэшли, согласно которым все части коры головного мозга в равной степени участвуют в выполнении его функций, не проясняют внутренних механизмов изучаемых процессов.

2. МЕТОДОЛОГИЯ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЙ

При создании представления о процессах восприятия в системе диалектического материализма обычно опираются на категорию отражения, рассматривая восприятие как процесс отражения вне нас существующей объективной действительности [25], как с гносеологической, так и онтологической точек зрения. При этом во втором случае для объяснения отражательных возможностей и структуры детерминации перцептивных событий привлекается также такие понятия, как активность и деятельность [24, 25]. Так, рассмотрение перцептивных процессов с системной точки зрения [16, 25] позволяет представить перцептивный процесс как форму психического развития и развить системно-генетический подход для анализа перцептивных систем. Одной из

подсистем такой перцептивной системы может являться система непосредственно-чувственного отражения, которая связана с «переносом» или отражением свойств и отношений объектов в сферу идеального мира субъекта.

При исследовании такой подсистемы отражения возможна постановка двух разного типа задач. Так, если рассматривать указанную выше подсистему отражения в рамках ее взаимоотношений в системе восприятия в целом, то такое исследование вполне естественно может проводиться с использованием известных результатов (продуктов) процессов отражения. В этом случае в рамках перцептивной системы событие восприятия можно, как и любое другое событие, по-разному интерпретировать. Например, можно предложить дихотомически образованную тройственную схему «процесс, поведение, действие» [6]. В соответствии с этой схемой восприятие можно рассматривать, как процесс, как поведение или как действие. Если события восприятия интерпретируются как процессы, то речь идет о физиологической концепции восприятия; в случае поведения — о телеологической концепции, и в случае действия — о прагматической концепции.

Вместе с тем, возможна другая постановка задачи, направленная на поиск и раскрытие внутренних механизмов и закономерностей процессов отражения, которые можно представить, как процессы порождения соответствующих продуктов отражения. Тогда изучение чувственного отражения заключается в исследовании того, как конкретно (с помощью каких механизмов) происходит процесс отражения объекта и его свойства, т.е. (в терминологии субъектно-объектных отношений) изучаются процессы, в которых субъект в акте взаимодействия с объектом, всегда существующем в форме универсальности своих свойств, противопоставляет этой универсальности возможность отражения любого необходимого ему свойства [34]. Задача такого рода исследования связана не только с онтологическими, но и с гносеологическими трудностями. В частности, при рассмотрении процесса чувственного отражения в форме наличного взаимодействия между объектом и субъектом указанная выше воз-

возможность субъекта, преодолевающая универсальность объекта, остается скрытой от исследователя [34].

Для большей наглядности и показа того, в чем состоят различия указанных выше задач, их можно сравнить, например, с исследованиями биологов, изучающих жизнь и развитие водяных лилий. Первую задачу можно сравнить с функциональным подходом изучения жизни и отношений надводной части этих растений, включая различные свойства листьев, цветов и т.п. Вторую задачу можно сравнить с изучением того, как происходит развитие этих растений под поверхностью воды. То, что на поверхности выступает как разнообразная водяная растительность («цветы и листья образов») с её включенностью в функциональную событийную жизнь поверхности водоема, изнутри имеет совершенно иную реальность и предстает в виде относительно однообразной структуры «разветвления стеблей с одинаковой системой розеток». Другими словами, процесс восприятия, который с функционально-продуктивной точки зрения предстает в виде отдельных свойств образов и многообразных изменений событий восприятия, внутренне может иметь совершенно иную единообразную реальность, не проявленную в продуктах восприятия. Далее мы рассмотрим эту ситуацию более подробно.

2.1. Продуктивный подход

Проведенное Миракьяном [33, 34] изучение различных научных подходов к исследованию процессов психического отражения показало, что эти подходы основаны на Постулате отождествления характеристик процесса психического отражения с его предметно-содержательным результатом. Это связано с большим функционально-практическим значением для успешной деятельности человека адекватности соотношения между объектом и продуктом отражения и, напротив, отсутствием значения непосредственно процессуальной стороны отражения для обычной деятельности. В результате того, что когнитивный процесс был более открыт для сознания практически действующего человека,

сложился естественно-научный «продуктивный» образ мышления. Он строится на основе соотнесения результатов физических и психических событий и основан на изучении природных явлений и процессов через отношение исходного состояния и конечного результата (или продукта) исследуемого процесса. При этом непосредственно сам процесс восприятия как процесс порождения этих продуктов и закономерности этого процесса остаются скрытыми от понимания.

Исторически психологическая наука также не составила исключения в отношении использования продуктивного образа мышления. Этому способствовало многовековое обсуждение в философии вопросов о соотнесении Объекта и Образа как продукта познавательного процесса, первичности Объекта и адекватности Образа отраженному объекту. В частности, исследование явлений восприятия обычно начинается с уже данных сознанию уже отраженных, выделенных, обособленных свойств в форме образов и понятий. Затем на основании этих знаний о свойствах и признаках объектов ведутся поиски закономерностей и механизмов, реализующих восприятие этих свойств и признаков. Например, экспериментальное исследование физиологических закономерностей может ставить задачу ответа на вопрос: какие механизмы (детекторы, нейронные ансамбли и т.п.) отвечают за отражение величины и ориентации отрезков линий и углов, которые рассматриваются в качестве основных свойств, позволяющих воспринимать такую фигуру как квадрат. Классический эксперимент такого типа был проведен Д. Хьюбелем и Т. Визелем [45]. С методологической точки зрения это означает, что поиск механизмов непосредственно-чувственного отражения данной фигуры или класса фигур осуществляется с использованием ряда заранее выделенных геометрических признаков, которые являются результатами ранее законченных процессов восприятия, представленных на уровне образованных ранее понятий (представление о квадрате, как о фигуре, обладающей рядом признаков, является результатом геометрического описания объективных пространственных отношений на понятийном

уровне, который образовался на протяжении всей истории жизнедеятельности человека в процессе понятийного упорядочивания продуктов процесса непосредственно-чувственного отражения различного типа фигур).

Следует отметить, что такой образ мышления доказал свою полную адекватность и плодотворность для всех естественных наук. Поэтому он может считаться здесь вполне методологически обоснованным в обычных условиях, когда изучение природных явлений и процессов через отношение исходного состояния и конечного результата как продукта исследуемого процесса с гносеологической точки зрения характеризуется равнодоступностью этих продуктов для исследователя. Другими словами, когда инструментальные средства, используемые исследователем для наблюдения за процессом, являются в той или иной мере неизменными для всех этапов исследования процесса. Это справедливо даже в том случае, когда сам процесс наблюдения приводит к изменениям в наблюдаемом процессе (например, в случае неопределенности, возникающей в квантовых явлениях).

Однако можно видеть, что для определенной специальной области исследования психических процессов (например, при указанной выше постановке задачи исследования непосредственно-чувственных процессов восприятия) процесс и его продукты на разных стадиях являются принципиально неравнодоступными. Этот факт необходимо учитывать, поскольку он может приводить к внутреннему противоречию, когда процесс создания образа (или его свойств) объясняется через его уже отраженные свойства, которые еще не появились в данном процессе. В результате, согласно взглядам Миракяна [34] **задача изучения непосредственно-чувственного процесса отражения состоит в том, чтобы найти те принципы и механизмы, которые не используют заранее постулированные, уже отраженные свойства объектов и поэтому обеспечивают возможность порождения образа любой фигуры в различных условиях восприятия.**

2.2. Описание продуктного подхода

В целом традиционный научный подход к изучению перцептивных отражательных процессов может быть охарактеризован следующим образом [28].

«1. Понимание процессов чувственного отражения независимо от того, на каком уровне они рассматриваются (философском, психологическом или физиологическом), всегда имеет в качестве исходного основания представление о процессе отражения как о процессе, происходящем между объектом и субъектом в форме их наличного взаимодействия.

2. Форма наличного взаимодействия между объектом и субъектом даже тогда, когда она берется в ее абстрактно-логическом, филогенетическом, онтогенетическом и других аспектах, остается неизменным основанием при анализе содержания процесса непосредственного отражения. При этом процесс взаимодействия между объектом и субъектом описывается посредством уже отраженных, выделенных свойств объектов, подлежащих отражению, и выделенных же свойств субъекта в виде органов, механизмов, принципов, осуществляющих отражение этих, заранее выбранных, уже отраженных объектов.

3. Изучение процесса чувственного отражения на основе его представления в форме наличного взаимодействия между объектом и субъектом неизбежно приводит к рассмотрению чувственного отражения как процесса между объектом с уже отраженным, выделенным свойством и субъектом, тогда как изучение чувственного отражения в нашем понимании заключается (предполагается) в исследовании того, как происходит процесс отражения именно этого объекта или его свойства.

4. Если объект, подлежащий восприятию, характеризуется уже отраженными свойствами, значит, предполагаемый исследователем механизм, принцип субъективного отражения относится к процессу отражения уже отраженного свойства объекта, а не к процессу собственно чувственного отражения, в котором субъект в акте взаимодействия с объектом, всегда существующем в форме универсальности своих свойств, противопоставляет этой универсальности возможность отражения любого необходимого

ему свойства. Именно эта возможность субъекта, преодолевающая универсальность объекта, остается скрытой от исследователя, рассматривающего процесс чувственного отражения в форме наличного взаимодействия между объектом и субъектом».

Приведенные выше постулаты Миракяна показывают, что основанием традиционных научных исследований процессов чувственного отражения являются его продукты (уже отраженные свойства и образы объектов). В соответствии с этим такой методологический подход можно характеризовать как «продуктный» подход или обозначить как парадигму продуктного основания. Анализ этих постулатов показывают, что в случае постановки задачи поиска внутренних механизмов и закономерностей психических процессов непосредственно-чувственного отражения, **продуктный подход приводит к определенным ограничениям и скрытым противоречиям и, тем самым, только при особых условиях (при ограниченной постановке задачи) может являться приемлемым с методологической точки зрения.**

2.3. Ограничения продуктного подхода

На основании анализа общих свойств процессов восприятия и разработки альтернативного подхода трансцендентальной психологии Миракяном [28-30, 34] были выделены следующие кардинальные ограничения продуктного подхода: **ограничение возможности обоснования явления полифункциональности процессов непосредственно-чувственного восприятия; внутренняя противоречивость построения процессов порождения на основе их продуктов; ограничение, определяемое разным характером опосредования входных воздействий и продуктов в перцептивной системе.**

Первое ограничение связано с принятием при продуктном подходе отдельных выделенных свойств или образов в качестве исходного основания исследований. Например, если, основываясь на продуктах процесса восприятия, принять, что в системе восприятия уже заложен определенный набор возможных комбинаций свойств и функций, то возможности системы в отношении появления новой функции, прямо не выводимой из взятого

набора, оказываются ограниченными. Не менее важным является и вопрос о возможности формирования в этом случае взаимосвязей между данными продуктами и/или их происхождения от общего или единого процесса. Таким образом, **основываясь на выделенных продуктах нельзя объяснить универсальность их многообразия, наличие органических связей между ними (которые определяют неразделимость частей и целого) и функциональную гибкость восприятия в целом.**

Второе ограничение обнаруживается в виде противоречия при рассмотрении непосредственно-чувственного восприятия как порождающего процесса. Если, как естественно предположить (согласно смыслу понятия порождения), продукты процесса восприятия не существуют априори, а каждый раз создаются заново в процессе восприятия, то они не могут одновременно определять и механизм осуществления этого процесса. Иначе, как можно представить процесс, в механизме которого уже заложены продукты, которые еще не появились в этом процессе? Таким образом, использование продуктов восприятия в объяснении процессов восприятия, если не невозможно, то, по крайней мере, нуждается в дополнительном обосновании, поскольку **порождающие процессы не должны быть основаны на своих конечных продуктах.**

Третье ограничение связано с тем, что **при опоре на продукты восприятия процесс восприятия как таковой элиминируется и (в той или иной мере) превращается в рассмотрение отношений между этими продуктами.** С методологической точки зрения это определяется различным характером доступности или «инструментального опосредования» разных этапов рассматриваемого процесса. Для пояснения ситуации, гипотетически представим процесс восприятия в виде оператора P , который определяет преобразование входных воздействий в некоторую условную сферу продуктов восприятия и наряду с другими инструментами опосредует наблюдение объектов внешнего мира, например, исследование некоего процесса трансформации объекта A в объект B : $A \Rightarrow B$. В обычной практике, P может, в известной мере, считаться константным и независимым от от-

ражаемых объектов. Поэтому результаты $FA=P(A)$ и $FB=P(B)$ и образная модель $FA \Rightarrow FB$ позволяют далее делать методологически адекватные суждения о процессе перехода $A \Rightarrow B$ или об относительном изменении и стабильности свойств этих объектов. Однако, когда в качестве изучаемого процесса $A \Rightarrow B$ выбран сам процесс восприятия, т.е. сам применяемый «инструмент» P , процесс $A \Rightarrow B$ имеет вид $A \Rightarrow P(A)$ или $A \Rightarrow FA$, а его образ $FA \Rightarrow FB$ предстает в тождественном виде $FA \Rightarrow FA$, поскольку представление FB фактически совпадает с FA по определению процесса восприятия. Таким образом, в этом случае, мы невольно сталкиваемся с ситуацией, когда свойства «инструмента» изменяются вместе с исследуемым процессом так, что получаемая при продуктном подходе результирующая модель не может быть признана адекватной по отношению к реальности отображаемых психических процессов и явлений.

Рассмотренные характеристики и ограничения продуктного подхода позволяют в общем виде представить два важных положения, которые выделяют поставленную выше задачу исследования процессов восприятия в особую область исследований, требующих особого гносеологического подхода.

Первое положение связано с **Проблемой использования продуктных оснований**. В силу особой природы исследуемого процесса его те или иные его промежуточные, открытые для интроспекции результаты явно или неявно с необходимостью используются для объяснения процессов, лежащих в основе их получения.

Второе положение можно сформулировать, как **Принцип неравной доступности**. Можно заметить, что в силу специфики промежуточного положения исследуемых процессов, их открытые для более или менее явного наблюдения промежуточные фазы (на уровне первичных стимулов и образов объектов) имеют разные тип и характер доступности. Это обуславливает неадекватность прямого сопоставления свойств объектов и образов и перехода на этом основании к описанию соответствующих процессов, «якобы» происходящих между ними.

3. НОВАЯ ПАРАДИГМА ИССЛЕДОВАНИЙ

3.1. Преодоление продуктного подхода

Рассмотренные выше ограничения и трудности обуславливают необходимость отказа от продуктного образа мышления при исследовании процессов порождения психических явлений и перехода в этом случае к научной парадигме, свободной от ограничений продуктного подхода. Примером новой парадигмы этого рода является предложенная Миракяном методология трансцендентальной психологии [28-30].

Следует отметить, что вопрос о том, как можно преодолеть парадигму продуктного основания, является весьма непростым и, в принципе, состоит, как в отказе от опоры на явленные свойства продуктов непосредственно-чувственных процессов отражения, так и в поиске нового методологического подхода с новыми фундаментальными основаниями и принципами, которые будут подходящими и адекватными для исследований процессов отражения. Эти основания и принципы могут выступать, например, как природные основания и принципы структурно-процессуальной организации живых существ, обуславливающие возможность порождения восприятия.

Согласно Миракяну можно выделить следующие положения, на которых предположительно можно основываться при поиске новых оснований и принципов: понимание процесса отражения как закономерного явления процесса развития различных форм живого мира, включая общие процессы роста и развития, процессы создания и фиксации форм живых существ в процессе эволюции; функциональная природа процессов взаимодействия, вытекающая из психологического факта об универсальности и хорошо известной полифункциональности отражения у живых существ; выражение этой функциональной природы в общих закономерностях структурно-процессуальной организации и развития форм отражения живых существ, например, таких, как образование динамических отношений.

Общая идея ухода от парадигмы продуктного основания заключается в том, что можно попытаться «передвинуть» границу использования продуктов отражения в сторону продуктов более

высокого уровня, которые отражают наиболее общие, принципиальные стороны исследуемых явлений. Тогда, в свете ранее изложенного, эти новые общие основания и принципы могут выступить, как некоторые природные основания и принципы структурно-процессуальной организации живых существ, обуславливающие возможность порождения восприятия. Такого рода принципы являются теми общими положениями, которые определяют некоторые общие свойства рассматриваемых явлений и объектов и задают ориентиры для проведения конкретных исследований. В качестве примера можно привести естественнонаучный принцип молекулярного строения вещества, который является базовым представлением при всех дальнейших исследованиях химических свойств различных веществ, или общие положения теории автопоэзиса [26, 27].

Однако следует отметить, что проблема поиска нового методологического подхода усугубляется двумя обстоятельствами. Первое связано с тем, что сам исследуемый процесс в основном скрыт от возможностей непосредственного наблюдения и является именно в форме тех своих результатов, которые мы не должны брать в качестве оснований. Второе обстоятельство, связано с тем, что, собственно, кроме продуктов восприятия (в широком смысле этого слова) у нас практически нет других возможных оснований, на которых можно было бы развивать научное знание. Таким образом, рассматриваемая проблема в целом выходит за рамки только психологической или естественнонаучной и приобретает поистине всеобъемлющий философский характер.

В связи с этим становится понятным то обстоятельство, что для создания нового методологического направления трансцендентальной психологии и поиска ее адекватной системы принципов Миракян провел глубокие теоретические исследования истории изучения проблем восприятия в философии, психологии и смежных науках, а также попытался разработать особый понятийный аппарат, необходимый для исследования так называемых процессов порождения в психическом отражении, применив для этого методологию и категориальный аппарат диалектической логики [28-30, 33, 34].

Согласно теории Миракяна [28] для прояснения сущности процессов чувственного восприятия необходимо основываться на следующих теоретических подходах.

1. «Вместо исходного представления о процессе отражения как о процессе, происходящем между объектом и субъектом в форме их наличного взаимодействия, берется исходное представление об отражении как закономерном явлении процесса развития различных форм движения, превращения материи наряду с явлениями природных и живых форм, образованных материей. Исходя из этого, чувственное отражение рассматривается как явление, порожденное в процессе образования материей природных и живых форм и имеющее качественно новые проявления тех же закономерностей, которые свойственны процессу развития материи. ...» (природным и живым формам).

2. «Чтобы понять содержание процесса чувственного отражения и те фундаментальные принципы, действие которых приводит к осознаваемым человеком продуктам отражения, необходимо отвлечься от наличной формы взаимодействия между объектом и субъектом и рассмотреть эту форму взаимодействия посредством гипотетически предполагаемых возможных принципов. Эти принципы, имеющие место в различных формах взаимодействия в природе, необходимо рассматривать с учетом того, что форма взаимодействия, приводящая к субъективному отражению, функциональна по своей природе и, что главное, в этом взаимодействии объект выступает как носитель всевозможных свойств и отношений с другими объектами и с самим субъектом, а субъект выступает как носитель возможности преодоления универсальности объекта. Реализация этой возможности и есть тот акт, который представляется как процесс отражения».

3. «С этой точки зрения первым необходимым условием совершения акта отражения как процесса преодоления объективной универсальности свойств объектов и создания функционально нужных отношений для самообеспечения взаимодействия организма со средой полагается возможность образования отражательной системой отношений между различными свойствами объектов посредством собственных анизотропно-асимметрич-

ных анатомо-физиологических структур. Именно эти структуры делают возможным принцип искажения, создающий момент отрицания остальных свойств объектов и образования отношений между функционально необходимыми свойствами объектов.»

В результате Миракян рассматривает непосредственно-чувственное восприятие как **единый формопорождающий процесс, основанный на новых постулируемых принципах возможной структурно-процессуальной организации перцептивной (отражательной) системы.**

3.2. Трансцендентальный подход

Происходящая в результате в трансцендентальной психологии смена парадигмы связана с двумя основными положениями или требованиями.

1. Перенос точки зрения исследователя (наблюдателя) из внешней статичной точки «третьейского судьи» субъектно-объектного взаимодействия в процесс. Таким образом, точка зрения становится динамической и «движется» вместе с процессом. Иными словами, динамическая точка зрения совмещается с течением процесса восприятия. Такая смена позиции наблюдателя открывает возможности рассмотрения новых подходов к исследованию психических процессов.

2. Отказ от определения процессов через их непосредственные продукты, т.е. преодоление парадигмы продуктного основания или выход за пределы продуктного подхода. Как будет показано далее, это фактически сопряжено с переходом к аксиоматическому подходу в психологии.

Как показывает анализ литературы, требование перемещения точки зрения внутрь процесса не является уникальным и было независимо и практически синхронно выдвинуто и в других исследованиях. Показательной в этой связи является теория автопоззиса [26, 27], где концепция наблюдателя является ключевой, а наблюдение является одновременно и основной точкой отсчёта, и наиболее фундаментальным вопросом любой попытки понять реальность и причину, как феномены человеческой сферы деятельности.

Второе из отмеченных выше требований, связанное с преодолением продуктного подхода, является не менее, если не более важным, однако, насколько нам известно, до сих пор не было отражено в других направлениях научных исследований. Так, хотя теории автопоззиса и «постановляемого» восприятия [9, 10] и делают кардинальный шаг по смене научной парадигмы и, принимая первое из отмеченных выше положений, активно выступают против репрезентивистского взгляда на восприятие, они, вместе с тем, не обращают внимания или не акцентируют методологической важности второго из отмеченных выше требований.

Это второе требование реализуется в теории трансцендентальной психологии [28-30]. Помимо осуществления (в той или иной мере) переноса точки зрения в процесс, в трансцендентальной психологии делается попытка преодоления продуктной парадигмы и развития нового языка или образа мышления, который может представить более глубокое понимание проблематики без простой редукции к наличному взаимодействию Объекта и Субъекта. Основная идея здесь заключается в том, что в условиях, когда, в принципе, оказывается некорректно опираться на описательную сторону явлений, хорошей альтернативой феноменологическому подходу может быть использование аксиоматического подхода. Аксиоматический подход достаточно долго используется в точных науках, и это путь создания картины мира с опорой на аксиомы, которые являются основаниями для дальнейшего теоретического «строительства» и выступают, как результат обобщения опыта исследований [39]. Более детально методологический подход трансцендентальной психологии и лежащие в его основе закономерности и принципы представлены в следующем разделе.

3.3. Принципы трансцендентальной психологии

Как показано в работах Миракяна, в рамках «непродуктного» способа мышления и нового подхода к пониманию процессов отражения можно теоретически сформулировать ряд общих условий и принципов новой парадигмы трансцендентальной психологии. В частности, процессуальные условия порождающей

возможности отражательной системы включают следующие гипотетически выделенные условия: дискретизацию форм пространственности и непрерывности времени; возможность образования и фиксации отношений между дискретными элементами пространственной формы в определенном моменте времени; возможность образования отношений между зафиксированными данными различных моментов времени [30].

Принципы процесса порождения включают ряд общих положений, обуславливающих возможность реализации отражения, как процесса формопорождения [29]: принцип анизотропной структурно-процессуальной организации отражательной системы, принцип образования анизотропных (симметрично-двуединых) отношений и ряд других.

Здесь содержание понятия «анизотропность» трактуется как особенность такой системы, где каждое «дискретное» содержит в себе одновременно единство и различие того однородного общего, чем объективно характеризуется данная система. Например, какие-либо две точки в пространстве сетчатки глаза являются дискретными и в то же время единичными элементами этого пространства; вместе с тем, они анизотропны, как элементы в едином однородном пространстве, поскольку объективно находятся в разных его местах. Единая дискретная структурно-процессуальная анизотропность отражательной системы в отличие от ее гомогенности образует возможность порождения иного (нового).

Принцип анизотропной структурно-процессуальной организации отражательной системы определяет то, что для реализации возможности отражения как процесса формопорождения необходима соответствующая отражательная система, обладающая анизотропной структурно-процессуальной организацией. Принцип образования анизотропных отношений определяет гипотетический универсальный механизм процесса формопорождения. Типичные анизотропные отношения, обнаруживающие различие в едином, предстают в образовании симметрично-двуединых отношений. Постулат об образовании симметрично-двуединых анизотропных отношений как принцип, лежащий в основе по-

рождающих процессов восприятия, соотносится с давно известным, но до сих пор полностью необъясненным фактом того, что отражательные органы чувств живых существ представлены парами: два глаза, два уха, парность конечностей, противопоставленность большого пальца остальным пальцам руки, раздвоенный кончик языка пресмыкающихся и др.

Важно подчеркнуть, что вышеуказанные принципы, являясь, с одной стороны, объяснительными для процесса порождения психического отражения, с другой стороны, могут выступать в качестве непосредственного объекта исследования и их дальнейшего уточнения. В этой связи в целом можно наметить две основные линии проведения исследований в рамках трансцендентального подхода.

Первая - связана с осуществлением психологических, психофизических и психофизиологических экспериментальных исследований природных принципов порождающих процессов восприятия. Особые трудности проведения таких исследований связаны «трансцендентальным» характером изучаемых процессов и явлений. По сути исследуемые принципы относятся к внутренним процессуальным механизмам, которые в норме никак не проявляются на «поверхности наблюдений». Некоторые из возможностей проведения в этом случае экспериментальных исследований более подробно рассмотрены ниже.

Вторая линия связана с моделированием этих процессов, т.е. созданием качественных и количественных теоретических и принципиальных моделей исследуемых процессов. При этом, данные принципы выступают в качестве направляющих и ограничивающих условий как в процессе постановки задачи, так и при определении системных характеристик создаваемой модели.

3.4. Отличия парадигм

Как было отмечено ранее, переход к трансцендентальному подходу связан со сменой парадигмы исследований. Некоторые общие сравнительные отличия трансцендентального подхода от традиционной парадигмы [15] приведены в таблице ниже.

№	Описание	Парадигма	
		Традиционная	Трансцендентальная
1	Основание парадигмы	Непосредственные продукты восприятия	Общие природные принципы
2	Методологический подход	Феноменально-систематизирующий	Аксиоматический
3	Основа образа мышления	Образы и их свойства	Природные принципы
4	Объект изучения восприятия	Функциональное поведение и анализ событий.	Внутренние, лежащие в основе, процессуальные механизмы
5	Точка зрения	Внешний наблюдатель	Внутренняя (внутри процесса)
6	Представление явления	Субъектно-объектное взаимодействие	Внутренние отношения
7	Модель системы	Основана на свойствах продуктов (образов)	Анизотропная единая система отражения
8	Описание структуры системы	Функциональная гетерогенность	Анизотропная однородность
9	Внутренний процесс	Детекция свойств	Образование отношений
10	Процессуальная функция	Определяется продуктом	Фиксация сходства и различия
11	Описание процесса восприятия	Выделение и объединение свойств	Процесс формопорождения
12	Уровень свойств образов	Отдельные свойства	Со-представленные свойства
13	Пределы полифункциональности	Определены набором свойств	Детализация процессуальной модели

14	Процессуальные ограничения/противоречивость	Процесс основывается на своих непосредственных продуктах	Процесс основывается на продуктах «второго порядка»
15	Ограничения процессуального описания	Отношения между продуктами восприятия	
16	Адекватная область исследования	Психология восприятия и когнитивные процессы	Психическое отражение, процессы непосредственно-чувственного восприятия
17	Математические модели	Функциональные отношения и теория сигналов	Открытые дискретные нелинейные динамические системы

Можно заметить, что с точки зрения развития порождающего процесса как процесса, основанного на образовании отношений, можно прийти к, на первый взгляд, парадоксальному выводу о том, что тех самых продуктов процесса порождения, о которых шла речь выше, в принципе не существует как таковых, поскольку они присутствуют только в качестве возможного проявления в процессе образования новых отношений, т.е. так называемые продукты - суть изменения в структуре образования отношений.

4. ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССА ВОСПРИЯТИЯ

В рамках трансцендентального подхода в лаборатории Мирякина было проведено большое количество теоретических и экспериментальных исследований в области зрительного, осязательного и слухового восприятия, которые позволили изучить указанные выше принципы по отношению к некоторым феноменам восприятия (константности, восприятию величины, формы, цвета, движения, скорости и др.). Результаты этих исследований показали, что эти принципы восприятия могут рассматриваться

как принципы, лежащие в основе всех перцептивных процессов независимо от их модальности. Основные результаты, полученные А.И. Миракяном и его школой, изложены в соответствующих работах [13, 14, 19-21, 23, 28-30, 33-38, 40-42, 44, 46-48 и др]. Далее мы рассмотрим некоторые из важных положений и следствий, полученных в результате проведенных психологических исследований.

Одним из важных научных достижений А.И. Миракяна можно считать то, что в процессе теоретического и экспериментального исследования проблемы константности восприятия и изучения подходов решения этой и других проблем восприятия в истории психологии, философии и других наук он акцентировал внимание и подчеркнул значение ряда известных функциональных особенностей процесса непосредственно-чувственного восприятия.

Первая из отмеченных особенностей это - полифункциональная природа восприятия, т.е. константно-аконстантная функциональность и различные продукты процесса восприятия образуются (порождаются) совместно и могут быть также представлены в нем одновременно в зависимости от ситуации или задачи. Иначе говоря, это характеризуется термином со-представленности возможностей в процессе восприятия [23]. Вторая особенность связана с процессом формопорождения и сосуществованием (с гносеологической точки зрения) возможности относительно адекватно отражать свойства и отношения объектов при качественном различии и анизотропии свойств отражаемого и отраженного объектов. При этом, согласно третьей особенности, сам процесс непосредственно-чувственного восприятия оказывается практически скрытым от возможностей осознания и выступает как трансцендентальный или, по Канту трансцендентный (лежащий за пределами возможного опыта) процесс [28, 29]. В этой связи можно сказать, что, намечая контуры трансцендентальной психологии и пути преодоления продуктного подхода, Миракян следовал в русле традиций развития классической философии и психологии. Это означает, что в соответствии с названием **трансцендентальная психология может рассматриваться как**

часть общей психологии, занимающаяся раскрытием внутренних закономерностей психических процессов, скрытых от непосредственной интроспекции и осознания.

4.1. Сопредставленность и формопорождение

Полифункциональная природа восприятия позволяет теоретически предположить, что каждая отражательная система в силу своей структурно-процессуальной анизотропности имеет возможность порождения форм объектов, сосуществующих в подлежащей отражению глобальности. Образованные таким образом формы сопредставлены в психическом процессе отражения, и эта сопредставленность указывает на важную характеристику анизотропности отражательной системы - возможность выявления и фиксации различия и сходства. Важно, что сопредставленность рассматривается здесь не как феномен восприятия, относящийся к описанию объекта, а как принцип полифункциональности процессов отражения, обуславливающий наличие генетической взаимосвязи между продуктами восприятия, существующей по факту их происхождения. В этой связи задача научного исследования заключается в том, чтобы «искать те принципы и психофизиологические механизмы, которые обеспечивали бы возможность порождения любого из множества сопредставленных свойств и отношений объектов.» [23].

Представление о едином процессе формопорождения, основанном на процессах образования отношений, а не на отдельных свойствах объектов или образов, является отличным от традиционного аналитического подхода. Это, в частности, дало возможность разработать новую концепцию восприятия стабильности и движения объектов как завершенного и незавершенного осуществления микроактов формопорождающего процесса и отношений между ними [37, 38].

4.2. Функциональный диапазон

Известно, что сенсорные органы живых существ имеют дискретное строение: например, сетчатка глаза, Кортиев орган уха. Возможность процессов отражения в живой системе пред-

полагает образование отношений, происходящее только в определенной структуре - в определенной отражательной системе. Эта структура должна иметь те или иные возможности фиксации образовавшихся отношений. Образование отношения предстает как определенный акт и, тем самым, предполагает необходимость дискретизации и фиксации (памяти), установления и сохранения различия или сходства и т.п. Эти структурно-процессуальные возможности определяют разрешающую способность и некоторые другие предельные свойства, которые характеризуют функциональный диапазон отражательной системы. В частности, функциональный диапазон связан с пространственно-временными свойствами процессов, которые в определенных этим диапазоном границах имеют динамическую стабильность функциональных характеристик и отношений между ними. Так, у перцептивной системы имеется определенный период времени реакции или становления, и этот период зависит также от стимула и условий восприятия.

Таким образом, исходя из общих системных предположений, можно констатировать, что каждая природная порождающая система имеет определенный диапазон адекватного функционирования, за пределами которого она может либо перестать функционировать вовсе, либо работать с явными сбоями. Простейшим примером здесь является смерть живого существа, с которой в принципе прекращается и функционирование его органов чувств. Другим ограничением для системы отражения является ее исходная разрешающая способность и рабочий диапазон воздействий. Так, например, процесс порождения формы объектов в зрительном восприятии имеет определенное время формопорождения, зависящее от условий восприятия, в том числе, от сложности объекта восприятия [20]. Другим примером изменений в пределах функционального диапазона является экспериментальный факт того, что время ответа нейронов в нижней височно-затылочной коре головного мозга на кратковременное предъявление цифр, букв или лиц линейно увеличивается вместе со зрительной сложностью образов [12].

4.3. Восприятие пространственной протяженности

Дальнейшее развитие Миракяном теоретических схем трансцендентальной психологии было связано со следующими обстоятельствами. Благодаря развитым принципам становится возможным моделирование акта порождения восприятия и познание содержания этих процессов достигается при выходе за пределы глубоко эмпирического способа осмысления процессов восприятия через непосредственные данные самого восприятия (т.е. при преодолении продуктного подхода). Но этого оказывается недостаточно для раскрытия содержания того, как воспринятое становится субъективно отраженным. В концепции порождающего процесса отражения предполагается, что объектные свойства как продукты отражения воспринимаются в определенном пространстве, а сам процесс формопорождения происходит в определенном времени. Однако, как было отмечено Миракяном [28], «пространство само является продуктом более общих процессов восприятия», и мы, как и ранее, «но уже на другом - следующем, втором – уровне, пользуемся отраженными продуктами, которые постулируем как условия восприятия, а не его непосредственные данные».

Решение поставленной задачи преодоления «второго продуктного основания» привело Миракяна к необходимости переосмысления сути процессов образования пространственно-временных отношений в порождающих процессах восприятия и, в результате, к постановке вопроса о возможности порождения пространственности или пространственной протяженности как таковой. Основываясь на принципах трансцендентальной психологии и теоретической схеме порождающих процессов, Миракян обратил внимание на очевидный факт, что «каждому объекту соответствует огромный диапазон изменения его величины», полное запоминание которых должно было бы привести к переполнению памяти. Поэтому он предположил, что в каких-то структурах зрительной системы должен существовать гипотетический механизм стандартизации – увеличения размера сетчаточного изображения объ-

ектов до максимально возможного. Поскольку длительность протекания такого процесса в дискретной формопорождающей системе, по-видимому, будет зависеть от первоначально размера объекта, то, тем самым, время может выступать в качестве своеобразной меры размера или протяженности объектов. Более подробно такая модель, в которой порождение пространственности происходит посредством времени, была предложена в работе [29]. Миракян также предположил, что образованные ощущения времени завершения процесса стандартизации могут являться своеобразным «гомункулусом», читающим содержание происходящих процессов. Таким образом, благодаря структурно-процессуальной организации системы, через ощущение длительности отрезков времени происходит порождение пространства, и, благодаря переживанию длительности процесса порождения отражения пространства, отражаются и пространственные протяженности различных объектов, расположенных внутри этого пространства.

В предложенных на этой основе моделях зрительное [46-48], так же, как осязательное [40-42], восприятие протяженности, порождается благодаря ощущению процессуальной дискретизации, т.е. ощущению длительности процесса в природно-биологическом механизме – «хронотопе» [28]. Другими словами, время выступает как определяющий фактор восприятия пространственной протяженности, поскольку ее отражение становится возможным через отражение времени (длительности) процесса. Важно отметить, что с методологической точки зрения в данной модели сделана попытка преодолеть отмеченную выше проблему продуктивности (первого и второго порядка), поскольку пространственное восприятие в принципе объясняется без привлечения непосредственно пространственных свойств объектов.

Далее мы более подробно рассмотрим методологические и онтологические проблемы моделирования и экспериментального исследования процессов порождения.

5. ПРОБЛЕМА ОБРАЗА МЫШЛЕНИЯ

Как было отмечено ранее, переход к новым общим аксиоматическим основаниям – общим принципам трансцендентальной психологии - помимо новой онтологии связан также с новой гносеологической позицией – сменой образа мышления. При этом, отмеченная выше специфика задачи исследования, связанная с положением об использовании продуктивных оснований и принципом неравной доступности, приводит к необходимости еще раз переосмыслить важность вопросов предварительной проверки исходных оснований и использования адекватных методологических подходов при рассмотрении порождающих процессов и систем, создающих мультимодальный набор продуктов или значений, которые они используют. Часто выдвижение гипотез о механизмах процессов, происходящих в этого рода системах, осуществляется эмпирическим путем, так что, на первый взгляд, может показаться, что различные гипотезы могут считаться имеющими одинаковую объяснительную силу до того, как будут проведены более тщательные теоретические и экспериментальные исследования. Однако согласно проведенному Миракьяном изучению сущности продуктивного подхода, с помощью предварительного анализа можно сформулировать особые условия, дающие возможность заранее отвергнуть некоторые из такого рода гипотез (возможно, весьма наглядных и привлекательных). При этом, основное условие связано с тем, что **механизмы процессов создания этих продуктов не должны быть основаны на самих этих продуктах или их свойствах.**

Простым примером использования продуктивного подхода является типичная постановка проблемы константности в психологии зрительного восприятия: каким образом возможно постоянство видимого размера при условии, что изображение на сетчатке меняется? Полезно вспомнить, что, например, для Лукреция проблемы состояла в другом: каким образом возможно восприятие перспективы, если эйдолы объектов одинаковые? Видно, что использованная точка зрения меняет постановку проблемы и в результате приводит к качественно разным результатам. Менее заметно то, что и в том и другом случае используется

один и тот же образ мышления, поскольку проблема поставлена на продуктивном уровне...

Для того чтобы показать отличия, связанные с образом мышления, рассмотрим постановку проблемы восприятия в известной работе Н. Гудмена «Способы создания миров» [18]. В главе, посвященной загадке восприятия, автор интерпретирует эксперименты П. Колерса, связанные с восприятием «известного явления видимого движения», которое «имеет место в том случае, когда цветное пятно, появляющееся на контрастирующем фоне в течение очень короткого времени, сопровождается после интервала от 10 до 45 миллисекунд появлением подобного цветного пятна на коротком расстоянии от первого». При этом задача исследователя состоит в том, чтобы «отыскать эмпирически обоснованную меру или, по крайней мере, общий сравнительный тест для психологического подобия по какому-либо важному признаку» Феномен видимого движения представляется интересным для постановки дальнейших экспериментов, поскольку он может в наглядном виде представить зрительный переход (трансформацию) от одних фигур или форм объектов к другим. Таким образом, если некоторые из форм имеют специальные условия такой трансформации, то можно сделать вывод о том, какие из форм или свойств находятся в основе процесса восприятия. Можно видеть, что в этой постановке задачи используется продуктивный образ мышления, поскольку восприятие понимается как соотношение между его начальным (объект) и конечным (видимые свойства образа объекта) состояниями. Изначально принимается, что некоторые из форм или свойств объектов могут стать адекватной мерой и послужить для создания объяснения процесса восприятия. При этом отрицательный результат поставленных экспериментов становится неожиданным для исследователей.

Между тем, при смене образа мышления на представление о порождающем процессе восприятия становится изначально ясно, что перцептивные свойства объекта не могут находиться в основе процесса восприятия и тем самым не могут быть и мерой подобия форм или свойств объектов. Поэтому в рамках

этого иного подхода постановка представленной выше экспериментальной задачи не будет иметь смысла, не говоря уже о возможности предсказать отрицательные результаты экспериментов. Приведенный пример показывает, что принимаемый, как правило, неосознанно образ мышления имеет кардинальное и критическое значение как в отношении постановки задачи, так и в отношении получаемых результатов и их интерпретации. При этом образ мышления включает «точку зрения» и «способ видения» исследователя.

Таким образом, в представленной области исследований методологические вопросы имеют особую важность. Вместе с тем опыт разработки трансцендентального подхода показывает, что смена образа мышления для многих людей сопряжена с рядом представлений и трудностей внутреннего психологического порядка, которые могут быть отнесены к разряду «неизбежных когнитивных иллюзий» [11]. В частности, одна из типичных «когнитивных иллюзий», связанная с трудностью преодоления рассмотренного выше продуктного подхода, может быть сформулирована как **принятие очевидных данных в качестве удовлетворительных оснований для проведения дальнейших рассуждений без надлежащего анализа адекватности выбранных оснований.**

6. МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ ПОРОЖДЕНИЯ

Помимо указанных выше методологических проблем и трудностей следует также указать на некоторые из серьезных онтологических трудностей моделирования когнитивных систем живых существ. Эти трудности связаны с большой количественной и качественной системной сложностью рассматриваемых систем, имеющих неразложимый (на части) нелокальный (строго неопределенный локально) характер. Их можно увидеть даже в случае относительно простых систем, имеющих небольшое количество элементов и переменных, между которыми могут быть установлены определенные достаточно простые зависимости. При этом, хотя происходящие в системе под влиянием внеш-

них и внутренних факторов процессы можно достаточно строго описать математически и, тем самым, проследить ее действие и поведение, динамика поведения системы может носить весьма сложный нелинейный характер. Примером таких исследований являются многочисленные исследования динамики поведения относительно малых или простых нейронных сетей и ансамблей [1]. Вместе с тем здесь вопрос о продуктивности подхода встает, как правило, только при рассмотрении мотивов и при глобальной интерпретации и экстраполяции результатов исследований, поскольку сама начальная система может быть достаточно адекватно описана в естественнонаучных терминах. Поэтому такого рода исследования, даже если они по содержанию соотносятся с психическими процессами, можно считать чисто естественнонаучными.

Ситуация изменяется для другой категории нейропсихологических, психологических и других исследований живых систем (например, мозга), где мы имеем дело со сложной иерархичностью, принципиальным циклическим и метациклическим характером связей [7]. Здесь, с одной стороны ограничены возможности прямого математического моделирования поведения системы, а с другой, как это продемонстрировано выше на примере рассмотрения продуктивного образа мышления, обыденное понимание, основанное на продуктах изучаемого процесса, может приводить к специфическому видению проблем через «очки, искажающие картину исследования». В этой связи, исследование и моделирование порождающих процессов в рамках подхода трансцендентальной психологии не является исключением.

Согласно подходу трансцендентальной психологии [28-30, 34], основываясь на постулируемых принципах возможной структурно-процессуальной организации перцептивной системы, можно рассматривать непосредственно-чувственное восприятие как единый формопорождающий процесс. При этом в первом приближении этот **процесс можно формально определить, как самоорганизующийся процесс динамического воссоздания (проявляемой) структуры одной среды или реальности в другой реальности или среде с порождением (коге-**

рентным созданием) новых форм сосуществующих объектов и их частей. Здесь важно, что акцент делается не на промежуточных или собственно продуктах процессов формопорождения, но единстве и «слитности» их возникновения в определенной формопорождающей отражательной системе.

Здесь важно также то, что рассматриваемые принципы могут быть относительно четко формализованы и, тем самым, открывают возможности для качественного моделирования порождающих процессов с той или иной степенью приближения. В частности, даже простейшие модели, созданные на основе образования так называемых двуединых отношений, показали достаточно сложное поведение и возможность имитировать некоторые из свойств восприятия [31, 32]. Например, предложенная Миракяном модель системы восприятия с памятью [31], имеет входную часть, состоящую из дискретно-анизотропного рецептивного слоя, который соединен с параллельной анизотропной структурой с редуцированным кодовым полем. Минимизация элементов поля происходит на основе образования симметрично-двуединных отношений элементов. Результирующие элементы кодового поля записываются и воспроизводятся в системе безадресной памяти. Результирующие функции модельного устройства поддерживают фиксацию, прослеживание, создание кода формы объектов, запись и воспроизведение этого кода в структуре памяти. Модель в простейшем виде реализует процесс порождения редуцированного кодового поля форм объектов в виде сопредставленного комплекса их характерных свойств, обеспечивая: спонтанное выделение и быструю идентификацию отдельных объектов после обучения и записи в памяти; выделение объектов в сцене без предварительного описания свойств объекта (сцены); устойчивость опознания при определенных изменениях ориентации, положения и формы объектов в присутствии изменяющегося окружения.

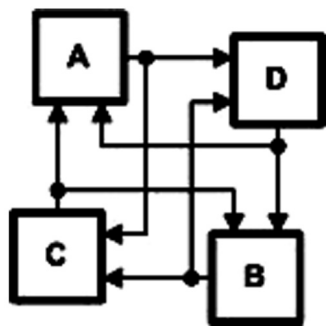
Более сложные модели требуют учета циклического характера порождающего процесса, являющегося активным процессом перцептивного действия [10], и применения иерархически вложенной системы многоуровневой дискретизации времени [15].

Можно предположить, что дальнейшее развитие методологии порождающих процессов позволит построить новые типы полифункциональных гибко-адаптивных устройств и параллельных систем идентификации реального времени с большими функциональными возможностями и эффективностью в зрительной, звуковой и других модальностях.

7. ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

7.1. Проблемы моделирования причинно-следственных связей

Представленные выше характеристики моделируемых процессов приводят к особым трудностям в проведении экспериментальных исследований и верификации гипотез, основанных на найденных принципах. В частности, это связано с выделением значимых переменных и установлением причинно-следственных связей между переменными.

В качестве примера рассмотрим достаточно простой класс дискретных динамических систем с циклическими взаимными связями и структурой, представленной на рисунке ниже. Элементы *A*, *B*, *C*, *D* здесь могут быть обычными логическими операторами *И*, *ИЛИ*, *Исключающее ИЛИ*. Предполагается, что изменения на выходе каждого из логических элементов приводят к актуальным изменениям на выходе каждого элемента

на следующем шаге дискретного изменения времени, т.е. время принимается дискретным с определенным шагом *T*.

Поведение таких систем [8] сильно зависит от комбинации используемых логических элементов. Например, система **1 - A(ИЛИ)-B(Иск.ИЛИ)-C(И)-D(ИЛИ)** имеет 3 устойчивых положения, одно из которых нулевое состояние на выходе всех эле-

ментов, а два других соответствуют предельным циклам (периодическим изменениям) с периодом равным $4T$. Система **2** - *A(ИЛИ)-B(Иск. ИЛИ)-C(Иск. ИЛИ)-D(ИЛИ)* имеет 6 аттракторов (причем 3 из них являются периодическими с периодом $2T$), а у системы **3** - *A(ИЛИ)-B(Иск. ИЛИ)-C(ИЛИ-ИЛИ)-D(ИЛИ)* имеется одно устойчивое состояние.

Прослеживание поведения системы **1** показывает, что в переход системы из одного предельного цикла изменения состояния элементов *A, B, C, D* $\{\{0001\}\{1100\}\{0011\}\{1000\}\}$ к другому $\{\{1000\}\{0001\}\{1100\}\{0011\}\}$ определяется изменениями отдельных или совместным изменением различных переменных в зависимости от выбранного начального состояния этих переменных. Например, при исходном состоянии элементов *A, B, C, D* $\{1101\}$ на переход из одного предельного цикла к другому влияет лишь изменение переменной *D*; при состоянии $\{1111\}$ на переход из одного предельного цикла к другому не влияет ни изменение переменной *D*, ни изменение *A*; при состоянии $\{1011\}$ на переход из одного предельного цикла к другому влияет только изменение переменной *A*; при состоянии $\{1001\}$ на переход из одного предельного цикла к другому влияет как индивидуальное изменение переменной *D*, так и индивидуальное изменение *A*, а их совместное изменение переводит систему в третье устойчивое состояние.

Можно видеть, что состояние всех элементов системы образует контекст, который обуславливает результаты изменений в подмножестве отдельных системных элементов. Это означает, что если система **1** является моделью какой-либо другой реальной системы отношений между некоторыми переменными, то каузальные зависимости между этими переменными окажутся всякий раз разными в зависимости от исходного состояния системы в целом.

Таким образом, на примере достаточно простой дискретной динамической системы, образованной циклически взаимосвязанными элементами образования логических отношений, видно, что поведение системы носит нелокальный (строго локально не определенный) динамический характер. Ситуация еще более

усугубляется для систем большей сложности, имеющих циклическую многоуровневую иерархию процессов с замкнутой метапроцессуальной взаимозависимостью. Однако в настоящее время предполагается, что именно такого рода процессы могут лежать в основе функционирования мозга [7]. Все это создает трудности не только для возможности объяснить наблюдаемую полифункциональную природу и функциональную гибкость рассматриваемых явлений и процессов, но и для проведения экспериментальных исследований в рамках трансцендентальной психологии.

7.2. Методология экспериментальных исследований

Классический научный экспериментальный метод направлен на выявление причинно-следственных отношений между переменными (например, X и Y). Предполагая, что X является причиной Y , мы в дополнение к тому, что во времени X происходит перед Y , принимаем, что должны выполняться особые условия: изменение Y при изменении X не является случайным; другие возможные переменные, влияющие на X и Y , являются неизменными или могут быть элиминированы.

На практике для того, чтобы удовлетворить вышеназванные условия (в особенности второе), применяются различные специализированные экспериментальные методики [17, 22]. Основная проблема здесь заключается в том, что для многих реальных сложных систем вышеназванные условия в принципе невыполнимы. Как было показано в предыдущем параграфе, даже для относительно простой системы с циклической взаимозависимостью элементов невозможно четко определить локальные причинно-следственные отношения между переменными A, B, C, D . Таким образом, **поток временного следования и логической причинной зависимости может совпадать только в системах с определенной ограниченной структурой отношений между переменными.**

Но в реальности ситуация может быть еще более сложной, поскольку в сложных системах с распределенными динамически изменяющимися элементами ограничена сама возможность

выделения значимых и независимых переменных. Это означает, что в этом случае сама идея метода в его классическом виде причинно-следственной связи между выделенными сущностями не имеет смысла. При этом это не является недостатком метода как такового. Но прежде, чем использовать этот метод, необходимо убедиться в том, что модель исследуемых процессов укладывается в ограниченные рамки данного метода. По существу, экспериментальный метод не является универсально применимым и предполагает наличие строгих упрощений природы исследуемых систем [8].

Указанные выше ограничения относятся и к возможной постановке экспериментальных исследований в рамках подхода трансцендентальной психологии. Известно, что теоретические схемы или модели, используемые для объяснения природы явлений, имеют так называемую «операциональную» сторону, которая вместе с изображением структуры «неявно вводит предельно абстрактную схему экспериментальных ситуаций» [43]. В соответствии с проведенным ранее анализом можно определить, что методология экспериментальных исследований в трансцендентальной психологии связана с определением процедур проверки гипотетических положений, теоретических постулатов и выводов (назовем их гипотезы), которые могут быть сделаны на основе аксиоматики найденных общих Принципов. В результате такой проверки косвенным образом могут быть также верифицируемы и подтверждены сами исходные Принципы.

При этом важным фактором является то, чтобы указанные выше гипотезы носили нетривиальный характер. Это означает, что это могут быть либо новые интерпретации известных явлений, не имеющих достаточно полного и адекватного объяснения в других известных научных подходах, либо новые гипотезы, которые могут иметь особые непредвиденные ранее следствия при их практическом экспериментальном осуществлении и наблюдении.

Особые трудности проведения экспериментальных исследований связаны с «трансцендентальным» характером изучаемых процессов и явлений. По сути, исследуемые принципы

относятся к внутренним процессуальным механизмам, которые при проведении психофизических экспериментов в норме практически никак не проявляются на «поверхности наблюдений». Иными словами, в пределах своего функционального диапазона порождающая система, являясь в принципе нелокальной системой, настроена таким образом, что она обладает адекватной (конгруэнтной) отражательной способностью и интегральностью такого рода, которая практически не дает возможности каким-либо явлениям, относящимся к собственно внутренней процессуальности системы, проникнуть на ее «феноменальную поверхность».

На основе теоретической базы трансцендентальной психологии можно предположить, что определенные нарушения в работе порождающей системы, приводящие к наблюдаемым результатам, относящимся к собственно глубинным порождающим процессам, могут происходить на границах функционального диапазона, в частности, при критических пространственно-временных условиях восприятия. Можно думать, что здесь система может терять нелокальный и интегральный характер и отдельные «внутренние переменные» могут приобретать ту «чистоту» причинно-следственных отношений между ними, которая нужна для использования классического научного экспериментального метода. В качестве аналогии можно привести пример геологических исследований почвы, которые весьма мало информативны на равнине или поверхности плоской возвышенности и, напротив, могут дать много результатов при исследовании почвы на открытом почвенном срезе или склоне данной возвышенности.

Таким образом, можно утверждать, что как установление каузальных зависимостей, так и проявление внутренних свойств порождающих процессов возможно только на границах функционального диапазона в критических пространственно-временных и др. условиях. При этом методология экспериментальных исследований в рамках трансцендентального подхода связана с выдвижением определенных гипотез о некоторых из механизмов порождающих процессов восприятия и предсказанием на этой

основе возможных (новых) явлений восприятия, относящихся (что особенно важно) к процессам изменения восприятия в критических пространственно-временных условиях на границе функционального диапазона формопорождения. Совпадение наблюдаемых в соответствующих экспериментах явлений с их теоретическими предсказаниями может служить необходимым основанием для подтверждения сделанных гипотез и верификации лежащих в их основе принципов.

Проведенные нами на основе предложенной методологической концепции экспериментальные исследования зрительного восприятия изменяющихся объектов в критических пространственно-временных условиях [2-5] позволили дополнительно обосновать представленные в п. 4 результаты и выявили ряд интересных явлений восприятия, которые следуют из теории трансцендентальной психологии [28].

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей статье представлены ограничения традиционного продуктного подхода и дан краткий обзор методологии трансцендентальной психологии, которая ставит задачу исследования общих внутренних механизмов порождающих процессов психического отражения и определяет переход к новой психологической парадигме, развитой А.И. Миракяном и его школой.

Представленные ограничения продуктного подхода связаны с трудностями объяснения функциональной гибкости и универсальности процессов восприятия, противоречивостью объяснения механизма порождающего процесса на основе его продукта, редукцией рассмотрения процесса как отношения между его начальными и конечными продуктами.

Показано, что парадигма использования продуктивных оснований и принцип неравной доступности процессов восприятия на разных его этапах выделяют поставленную задачу исследования процессов восприятия в особую область исследований, требующих особого гносеологического подхода.

Происходящая в результате в трансцендентальной психоло-

гии смена парадигмы связана с двумя основными положениями или требованиями: перенос точки зрения исследователя (наблюдателя) из внешней статичной точки рассмотрения субъектно-объектного взаимодействия в процесс так, что точка зрения становится динамической и «движется» вместе с процессом; выход за пределы продуктного подхода, что связано с отказом от определения процессов через их непосредственные продукты. Эти требования определяют переход к аксиоматическому подходу в психологии, а найденные ранее принципы порождающих процессов, с одной стороны, являются объяснительными для процесса порождения психического отражения и, с другой стороны, выступают в качестве непосредственного объекта их дальнейшего исследования и уточнения.

Представлены сравнительные отличия трансцендентального подхода от традиционной парадигмы и показано место трансцендентальной психологии, которая может рассматриваться, как часть общей психологии, занимающаяся раскрытием внутренних закономерностей психических процессов, скрытых от непосредственной интроспекции и осознания.

Рассмотрены некоторые важные результаты психологических исследований, проведенных в русле развития методологии трансцендентальной психологии. В частности, рассмотрены: принцип сопредставленности, особенности формопорождения, понятие функционального диапазона и роль времени в восприятии пространственной протяженности.

Отмечено, что используемый в данной области образ мышления исследователя имеет критически важное значение по отношению к получаемым результатам и их интерпретации. Новый образ мышления требует преодоления продуктного подхода и ряда «неизбежных когнитивных иллюзий» типа принятия очевидных данных в качестве удовлетворительных оснований для проведения дальнейших рассуждений без надлежащего анализа адекватности выбранных оснований.

Рассмотрены некоторые из возможностей моделирования порождающих процессов и дано определение порождающего процесса как самоорганизующегося процесса динамического

воссоздания (проявляющейся) структуры одной среды или реальности в другой реальности или среде с порождением (когерентным созданием) новых форм сосуществующих объектов и их частей. Моделирование принципов порождающих процессов требуют учета циклического характера порождающего процесса и применения иерархически вложенной системы многоуровневой дискретизации времени.

Показано, что трудности проведения психологических и психофизических экспериментальных исследований в рамках трансцендентальной психологии определяются как проблемой моделирования причинно-следственных связей (в силу нелокального и циклического характера процессов), так и трансцендентальным характером исследуемых процессов. Согласно предложенной гипотезе, как установление каузальных зависимостей, так и проявление внутренних свойств порождающих процессов возможно на границах функционального диапазона (в критических пространственно-временных и др. условиях). Это положение определяет особенности методологии экспериментальных исследований в трансцендентальной психологии и согласуется с данными ряда экспериментов.

Список литературы

1. Abarbanel H.D.I., Selverston A.I., Huerta R., Bazhenov M.V., Sushchik M.M., Rubchinskii L.L., Rabinovich M.I. *Synchronisation in Neural Networks*. // USPEKHI FIZICHESKIKH NAUK, APR, 1996, V166(N4): pp. 363-390.
2. Artemenkov S.L. *Object-determined synchronization of human visual perception in time limited conditions*. – Journal of Vision, 2004, V. 4, No. 8, p. 670a.
3. Artemenkov S.L. *Multilevel time discretization in human vision: origin of the sense of depth in an irradiation process during gaze fixation*. - The Eighth Applied Vision Association Meeting “Movements and moments in Vision research” UK, 2003, Perception (2004), Vol. 33(6), p. 753.

4. Artemenkov S.L. *Anisotropic limits of human vision in time and space critical conditions: Theory and experiments in favour of Transcendental Psychology*. - "Limits of Vision Space, Time & Colour" Symposium for Janus Kulikowski, Manchester UK, 2003, 9.
5. Artemenkov S.L. Harris M.G. *Human visual system functional range and some of its spatial-temporal characteristics*. The Ninth Applied Vision Association Meeting "Images, Perception and Psychophysics" Birmingham, UK, 2004, Perception (in press).
6. Gethman C.F. *Vom Bewußtsein zum*. – In: Stachowiak H. (Hrsg.): *Pragmatik. Handbuch pragmatischen Denkens*. Bd. II. *Der Aufstieg pragmatischen Denkens im 19. und 20. Jahrhundert*. Hamburg: Felix Meiner 1987, pp. 202-232.
7. Kercel S.W. *The Role of Volume Transmission in the Endogenous Brain*. - *Journal of Integrative Neuroscience*. Vol. 3, No. 1, 2004, pp. 7-18.
8. Malloy T. E., Bostic St Clair C., Grindler J. *Steps to an Ecology of Emergence*. Presented at The Society for Chaos Theory in Psychology and the Life Sciences Thirteen Annual International Conference. Boston, MA. August 8-10, 2003.
9. Noë A. *Is the Visual World a Grand Illusion?*. - *Journal of Consciousness Studies*, Vol. 9, No 5/6, 2002, pp. 1-12.
10. Noë A., Thompson E. *Introduction to Vision and Mind*. – In: A. Noe & E. Thompson (eds.) *Vision and Mind: Selected Readings in the Philosophy of Perception*, Cambridge: MA, The MIT Press, 2002, pp. 1-14.
11. Piattelli-Palmarini M. *Inevitable Illusions*. John Wiley & Sons, 1994.
12. Tarkiainen A., Cornelissen P. L., and Salmelin R. *Dynamics of visual feature analysis and objectlevel processing in face versus letter-string perception*. // *Brain*, 2002, 125, pp. 1125-1136.
13. Адамян О.А. *Восприятие ахроматического цвета объектов*. // *Психологический журнал*, т. 1, 1991, с. 124-132.

14. Андреев А.Н. *Восприятие движения объекта в глубину.* // Принципы порождающего процесса восприятия. /Под ред. А.И. Миракяна. - М., 1992, с. 104-115.
15. Артеменков С.Л. *Психология восприятия и разработка новых телекоммуникационных интерфейсов.* // Телемультимедиа. №4, 2004, с. 15-19.
16. Барабанщиков В.А. *Перцептивный процесс как форма психического развития.* // В кн. Проблемы психологии восприятия: традиции и современность. / Под ред. В.А. Барабанщиков, В.И. Панов. - М.: ИП РАН, ПИ РАО. - М.: 1995, с. 5-13.
17. Готтсданкер Р. *Основы психологического эксперимента.* Изд. МГУ 1982. – 464 с.
18. Гудмен Н. *Способы создания миров.* // М.: Идея-Пресс, Логос, Праксис, 2001. с. 188-205.
19. Зальцман А.М. *О механизме звуковысотного слуха.* // Вопросы психологии, 2, 1983, с. 118-124.
20. Козлов В.И. *Длительность формообразования в зрительном восприятии.* // Авиамедицинские и эргономические исследования человеческого фактора в гражданской авиации. Сборник научных трудов. Вып. 291. - М.: Изд. НИИГА, 1989.
21. Козлов В.И. *Зрительные иллюзии и полифункциональность восприятия.* // Вопросы психологии, 2, 1985, с. 136-143.
22. Корнилова Т.В. *Экспериментальная психология.* Аспект Пресс. М., 2003. – 382 с.
23. Кочурова Э.И. *Принцип сопредставленности и полифункциональность восприятия.* // Принципы порождающего процесса восприятия. / Под ред. А.И. Миракяна. - М., 1992, с. 159-170.
24. Леонтьев А.Н. *Избранные психологические произведения: В 2-х т.* - М.: Педагогика, 1983. Т. 1. - 392 с.; Т. 2. - 320 с.
25. Ломов Б.Ф. *Методологические и теоретические проблемы психологии.* - М.: Наука, 1984. -444 с.

26. Матурана У.Р. *Биология познания. //Язык и интеллект. Сб. /Пер. с англ. и нем./ Сост. и вступ. ст. В.В. Петрова. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. – 416 с.*
27. Матурана, У.Р., Варела, Ф.Х. *Древо познания. - М.: Прогресс-Традиция, 2001. - 224 с.*
28. Миракян А.И. *Контуры трансцендентальной психологии (книги 1 и 2). - М.: Изд. «Институт психологии РАН», 1999. – 205 с., 2004. – 383 с.*
29. Миракян А.И. *Начала трансцендентальной психологии восприятия. // Философские исследования. - М., 2, 1995, с. 77-94.*
30. Миракян А.И. *Афизикальные принципы психического отражения и их моделирование. // Принципы порождающего процесса восприятия. /Под ред. А.И. Миракяна. - М., 1992, с. 9-46.*
31. Миракян А.И. *Устройство для кодопорождения форм объектов. // Принципы порождающего процесса восприятия. /Под ред. А.И.Миракяна, -М., 1992, с. 47-52.*
32. Миракян А.И., Артеменков С.Л. *Устройство фиксации и слежения динамического объекта. //Принципы порождающего процесса восприятия. / Под ред. А.И. Миракяна. -М., 1992, с. 53-61.*
33. Миракян А.И. *Константность и полифункциональность восприятия - М., 1992. – 216 с.*
34. Миракян А.И. *Психология пространственного восприятия (историко-методологический анализ). - Ереван, 1990. – 206 с.*
35. Морина Н.Л. *Историко-философские предпосылки исследования осязания. // Проблемы психологии восприятия: традиции и современность. / Под ред. В.А. Барабанщиков, В.И. Панов. - М.: ИП РАН, ПИ РАО. 1995, с. 32-44.*
36. Морина Н.Л. *Анизотропность руки в процессе осязательного восприятия. // Проблемы психологии восприятия: традиции и современность. / Под ред. В.А. Бара-*

- банщиков, В.И. Панов. - М.: ИП РАН, ПИ РАО. 1995, с. 122-134.
37. Панов В.И. *Непосредственно-чувственный уровень восприятия движения и стабильности объектов.* // Вопросы психологии, 2, 1998, с. 82-107.
38. Панов В.И. *Непосредственно-чувственное восприятие движения.*- М.: 1993. -140 с.
39. Пещевицкий Б.И. *О принципах адекватности.* Философия Науки, Новосибирск 1995, 1(1).
40. Погорельцева Т.С. *Осязательное восприятие пространственной протяженности.* Автореферат дисс. на соискание звания к. психол. н. - Москва, 2000. – 24 с.
41. Погорельцева Т.С. *Методический подход к исследованию порождения протяженности в осязании.* // Проблемы психологии восприятия: традиции и современность. /Под ред. В.А. Барабанщиков, В.И. Панов. - М.: ИП РАН, ПИ РАО, 1995, с. 144-154.
42. Погорельцева Т.С. *Экспериментальное исследование осязательного восприятия протяженности.* // Принципы порождающего процесса восприятия. / Под ред. А.И. Миракяна. - М., 1992, с. 137-158.
43. Степин В.С. *Теоретическое знание.* М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.
44. Хананян А.А. *Особенности процесса восприятия при усвоении понятий (на примере геометрических понятий).* Автореферат дисс. на соискание звания к. психол. н. - Ереван, 1991.
45. Хьюбел Д. *Глаз, мозг, зрение.* - М.: Мир, 1990. - 239 с.
46. Шукова Г.В. *Зрительное восприятие пространственной протяженности.* Автореферат дисс. на соискание звания к. психол. н. - Москва, 2000. – 20 с.
47. Шукова Г.В. *Изучение механизма зрительного восприятия пространственной протяженности.* // Доклады юбилей-

ной научной сессии, посвященной 85-летию Психологического института им. Л.Г. Щукиной. /Под ред. В.В. Рубцова. - М., 1999, с. 88-95.

48. Шукова Г.В. *К проблеме зрительного восприятия величин.* // Проблемы психологии восприятия: традиции и современность. / Под ред. В.А. Барабанщиков, В.И. Панов. - М.: ИП РАН, ПИ РАО. 1995, с. 45-51.

ГЛАВА 2. ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ ПОДХОД В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Парадигмальная интерпретация понимания образа в трудах А.Н. Леонтьева и Д.А. Ошанина: гносеологический и онтологический аспекты⁵

В.И. Панов

В последние десятилетия проблема образа и психического отражения как бы потеряла свою актуальность для российских психологов и сместилась из центра психологических дискуссий на периферию психологических исследований. Между тем в 60–70-е годы прошлого столетия без проблемы психического образа и процессуальных механизмов его порождения психология как наука не мыслилась. И это естественно, потому что на протяжении более чем ста лет именно эта проблема выступала своеобразным «пробным камнем» для проверки жизнеспособности и адекватности большинства психологических теорий.

Чтобы не перегружать текст, позволю напомнить лишь основные этапы эволюции проблемы образа.

В самом общем виде понятием «образ» обозначают, как известно, результат отражения объекта (или объективной действительности) в сознании человека. Под «отражением» при этом

⁵ По материалам публикации: *Панов В.И.* А.Н. Леонтьев и Д.А. Ошанин: гносеологический и онтологический подходы к проблеме образа // Д.А. Ошанин и современная психология: к 100-летию со дня рождения Д.А. Ошанина / под ред. В.И. Панова и Н.Л. Мориной. М.; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2008. С. 104–113.

Предлагаемый читателю текст является фрагментом книги: *В.И. Панов*, Экопсихология: Парадигмальный поиск. — М.; СПб.: Психологический институт РАО; Нестор-История, 2014. — 304 с. / С. 31-38.

чаще всего полагают познавательные (перцептивные, мнемические и интеллектуальные) процессы психического отражения.

Одно из важнейших перцептивных представлений об образе — это понятие о сетчаточном (ретинальном) образе. На этом представлении в совокупности с представлением о моторном (мышечном) ощущении собственных движений наблюдателя (глаза, головы, всего тела) построены такие фундаментальные проблемы, как восприятие пространственных и динамических свойств объекта, а также константность восприятия этих свойств. Логика построения проблем восприятия на основе постулирования сетчаточно-моторного (сетчаточно-мышечного) образа объекта уходит своими корнями в работы Декарта, хотя собственно психологическое оформление получила в работах Гельмгольца, Вундта, Сеченова, Маха, Титченера, Шеррингтона и многих других представителей классической и в некоторых случаях современной психологии и физиологии зрения.

Несмотря на различия во взглядах, общим для этих исследователей, согласно проведенному А.И. Миракяном (1999, 2004) анализу, является то, что исходным методологическим основанием для них выступает логическая триада: «объект — сетчатка глаза — образ», которая в развернутом виде предстает как «данность пространственных характеристик объекта — данность его (их) отображения на рецепторном поле (например, сетчатки) или в траектории прослеживающего (“ощупывающего”) движения наблюдателя — данность перцептивного образа этого объекта».

Гештальтпсихологи изменили компонентный состав этой триады, постулировав изоморфное соответствие между структурами физического поля, поля мозговых структур и феноменального поля восприятия, но оставив при этом исходную данность указанных компонентов.

Понятно, что самым интересным в проблеме перцептивного образа является проблема процессуальных закономерностей и механизмов его формирования. Эта проблема в той же логике решается посредством эмпирической фиксации процессуальных стадий (срезов) и операциональной динамики, которая харак-

теризует последовательное преобразование физических параметров объекта в направлении от «объекта» к его «образу» на сетчатке глаза (если речь идет о зрительном восприятии) и далее в перцептивном образе, представлении и даже понятии. В этом русле работали такие психологи, как Н.Н. Ланге, Л.М. Веккер, Б.Ф. Ломов и др.

Несколько иное направление проблеме формирования образа было дано представителями «деятельностного подхода» в психологии восприятия. Работами А.Н. Леонтьева и его сотрудников, с одной стороны, был подтвержден принцип требуемого соответствия в виде *принципа уподобления*, а с другой стороны, смысловая значимость объекта восприятия для воспринимающего их деятельностного субъекта привела к необходимости подчеркнуть такую особенность восприятия, как его *пристрастность* и обусловленную ею искаженность свойств объекта восприятия, отраженных в образе. Здесь же были введены понятия «перцептивного действия», «чувственной и биомеханической ткани», «формообразования» и «порождения образа». Но осталась исходная данность (точнее — заданность) объектных свойств как «прообраза» того, что *должно* быть отражено в образе.

И это не случайно, потому что деятельностный подход к восприятию, как другие перечисленные выше, строились в рамках господствующей тогда (да и ныне тоже) *гносеологической парадигмы* полагания объекта и предмета изучения в исследованиях восприятия (Миракян, 1999, 2004). Отличительной чертой этой парадигмы является то, что исходным, методологическим основанием для определения логики и предмета исследования выступают:

— гносеологическое отношение «субъект–объект» в качестве исходной предпосылки для определения объекта и предмета исследования;

— заданность пространственных и иных свойств объекта восприятия («имплицитная самость» свойств объекта);

— принцип (логическое требование) адекватности, то есть соответствия отражаемых в перцептивном образе свойств объекта его объективным, гносеологически заданным свойствам.

Согласно данному принципу, если в процессе восприятия обнаруживалось искажение и нарушение отражаемых свойств объекта, то эти данные рассматривались как ошибочные и потому требующие коррекции (Миракян, 1999). И поэтому в логике деятельностного подхода к восприятию (т. е. гносеологической парадигмы) естественно было вслед за Р. Декартом и И.М. Сеченовым ввести «принцип уподобления», который А.Н. Леонтьев постулировал как процессуальный принцип формирования психического образа. Обобщая позицию А.Н. Леонтьева, С.В. Малахов (2006, с. 106) озвучивает этот принцип следующим образом: «В действиях на основе ориентировочных операций порождается и развивается образ окружающего мира путем активного «уподобления» движения органов чувств предметному окружению. По мере формирования образ мира, в свою очередь начинает предопределять протекание действий и ориентировать их в процессе реализации»⁶.

Итак, по А.Н. Леонтьеву, формирование образа требует от органов чувств таких его движений (моторики, идеомоторики), которые следуют за «контуром» воспринимаемого объекта. Владимир Петрович Зинченко здесь сказал бы, что это «живое движение», но, следуя принципу уподобления, я бы добавил — живое движение по контуру объекта восприятия.

Речь, конечно же, не идет о точном до копии воспроизведении контура (формы) воспринимаемого объекта. Иллюстративно, по аналогии здесь ближе ощупывание объекта с помощью зонда, как пример — это слепой, ощупывающий палкой границу тротуара.

Более того, в данном случае нам и не важно, с какой степенью точности воспроизводится при уподоблении контур воспринимаемого объекта. Можно даже принять принцип уподобления *не механистически* — как указание на механизм и траекторию перцептивного движения, а *метафорически* — как некое общее направление исследовательского размышления о проблеме образа.

⁶ Невольно возникает вопрос: а кто будет ориентировать — гомункулус?

В данном случае для нас важно иное. Сама мысль об *уподоблении* и ее изначальное постулирование означает *предварительное, априорное* знание того, что есть объект как **нечто**, чему надо уподобляться, то есть воспроизводить себя в форме этого нечто. Другими словами, имеется изначальное постулирование того, что еще только должно быть воспринято. Это изначальное постулирование означает гносеологическую *заданность* объекта восприятия по отношению к субъекту восприятия.

В качестве примера можно привести «простое» виртуальное исследование, поставив вопрос: как происходит процесс восприятия «квадрата»? Но как только мы сказали «квадрат» (а не «треугольник», не «круг»), мы тем самым сказали, что у «квадрата» как объекта восприятия «равные стороны», «равные углы», да еще «прямые углы» и т. д. Но это означает, что процесс непосредственного восприятия этого «квадрата» *уже произошёл ранее*, иначе откуда бы мы знали, что у квадрата, как объекта восприятия, равные стороны и углы? Значит, мы описываем «квадрат» как «квадрат» на основе ранее сформировавшихся его зрительных образов. И тогда «процесс восприятия квадрата», как предмет нашего виртуального исследования, предстает как процесс, заключенный между «квадратом как объектом восприятия», то есть ранее сформировавшимся, гносеологическим «образом квадрата» как фигуры с равными сторонами и углами — с одной стороны, и непосредственно формирующимся его актуальным зрительным образом (здесь и теперь) — с другой. В итоге, в логическом плане «процесс восприятия квадрата» оказывается заключенным между двумя образами «квадрата», каждый из которых является продуктом уже свершившегося психического процесса, то есть между продуктами двух психических процессов, которые осуществились в разное время. Но это означает, что собственно актуальный процесс непосредственного восприятия «квадрата» в нашу логическую схему исследования *не попадает*, потому что в рамках этой схемы мы исследуем соотношение между двумя продуктами двух разных психических процессов. Если же при этом вспомнить, что «процесс в продукте умирает», то становится понятным, что такая традиционная (гносеологиче-

ская) схема полагания процесса восприятия в качестве предмета исследования не позволяет нам проникнуть в его процессуальные механизмы, потому что собственно актуальный процесс восприятия, как было сказано, в логическую схему нашего исследования не попадает.

Сам Алексей Николаевич, наверное бы, возразил нам: а как же иначе? — Ведь изначальное признание наличия у объекта пространственной формы — это просто признание объективной реальности окружающего мира. Да, конечно, объект восприятия — это объективная реальность, данная нам в ощущениях и т. д. Но это философское, а точнее — гносеологическое, определение объекта восприятия в логике извечного гносеологического вопроса о соотношении сознания и бытия, то есть в логике отношения «сознание—бытие», конкретизированного в нашем случае до отношения «субъект восприятия (образ) — объект восприятия (прототип образа)». Кстати, это та гносеологическая априорность, для обозначения которой А.И. Миракян был вынужден ввести особый термин — «имплицитная самость» объекта восприятия.

Для дальнейшего анализа цитирую А.Н. Леонтьева: «*психическое отражение*, в отличие от зеркального и других форм пассивного отражения, является субъективным, а это значит, что <...> в его определение входит человеческая жизнь, *практика* и что оно характеризуется движением постоянного переливания объективного в субъективное» (Леонтьев, 1975, с. 54).

Здесь примечательны два момента:

1) «переливание объективного в субъективное», что даже без комментариев делает понятным, что в качестве исходной посылки выступает отношение «субъект восприятия — объект восприятия»;

2) субъект восприятия — это субъект практики, но практики как критерия истины, то есть познания. И потому восприятие, по Леонтьеву, должно обеспечивать соответствие образа объективным, то есть *уже познанным* (гносеологическим — мы сказали выше), характеристикам объекта восприятия, и потому образ объекта по Леонтьеву — это образ с уже познанными, из-

вестными свойствами. И потому «практика» как «деятельность субъекта» берется Леонтьевым не как действительная практика предметного действия, а как логическая предпосылка, схема для анализа перцептивного действия.

Хотя сам Алексей Николаевич возражал против механистического понимания отношения «субъективный образ — отражаемая реальность как объект восприятия»: «Положение о том, что психическое отражение реальности есть ее *субъективный образ*, означает принадлежность реальному субъекту жизни» и то, что «связь образа с отражаемым не есть связь двух объектов <...> и не схватывается отношением “модель — моделируемое”» (там же, с. 55). И далее он разъясняет: «понятие субъективности образа включает в себя понятие *пристрастности* субъекта. Психология издавна описывала и изучала зависимость восприятия, представления, мышления от того, «что человеку нужно», — от его потребностей, мотивов, установок. Очень важно при этом подчеркнуть, что такая *пристрастность* сама объективно детерминирована и выражается не в неадекватности образа (хотя и может в ней выражаться), а в том, что позволяет активно проникать в реальность. Иначе говоря, субъективность на уровне чувственного отражения следует понимать не как его субъективизм, а, скорее, как «субъектность», то есть его принадлежность деятельному субъекту» (там же, с. 55–56). Как видим, Леонтьев признает возможность *пристрастного* и в этом смысле неадекватного психического отражения реальности в субъективном образе, но для него подобная неадекватность предстает как артефакт, как следствие субъектности, принадлежности субъективного образа деятельному субъекту, то есть субъекту действия.

В отличие от этого, гносеологически обусловленного, как я полагаю, подхода Алексея Николаевича Леонтьева, Дмитрий Александрович Ошанин рассматривает гносеологическую неадекватность образа в виде функциональной его деформации (искажения объективных свойств объекта восприятия) в качестве необходимого следствия того, что образ формируется в предметном действии. Более того, такая деформация образа является необходимым условием успешного выполнения данного предмет-

ного действия, то есть его функциональной адекватности. Иными словами, Ошанин вводит формирование образа в контекст бытия предметного действия, вследствие чего адекватность образа в предметном действии определяется не гносеологически обусловленным знанием о свойствах объекта восприятия, а функциональной необходимостью отражать и «выпячивать» в образе только функционально необходимые свойства объекта восприятия как предмета действия с ним. В этом смысле можно говорить о том, что, в отличие от Д.А. Леонтьева и его последователей, Дмитрий Александрович Ошанин вводит онтологический аспект в формирование перцептивного образа.

Данное отличие определяется следующим. Для А.В. Запорожца, А.Н. Леонтьева и их последователей акт восприятия совпадает с перцептивным действием, которое по сути представляет собой субстанциональную основу для процесса формирования и порождения образа и которое обеспечивает адекватность (требуемое соответствие) отражаемого объекта его образу. Для Д.А. Ошанина же предметное действие выступает, на мой взгляд, в качестве своеобразной онтологической формы, посредством которой образ, формируемый в процессе восприятия, обеспечивает адекватность и успешность действий, производимых не просто воспринимающим, но действующим (!) субъектом.

Анализируя различие в понимании «предмета действия» А.Н. Леонтьевым и своим его пониманием, Д.А. Ошанин говорит (1999, с. 99): «Дело, однако, в том, что понятие предмета как «то, на что направлен акт», можно понимать:

— либо как то, что имеет быть достигнуто при помощи акта, то есть как цель акта, преследуемый им результат (фр. «objectif», ср. у А.Н. Леонтьева «предмет (цель)», «предмет (непосредственный результат)»⁷;

— либо как то объективное, *на чем* результат имеет быть достигнут, то, что имеет быть преобразовано в результат, что в некотором смысле противостоит цели действия, предмет в его непосредственной данности (фр. *objet*, нем. *Gegenstand*).

⁷ Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959. С. 37.

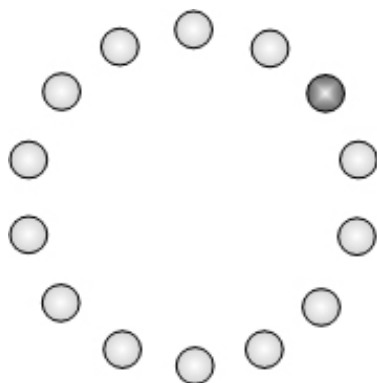
Как следует из сказанного выше, мы употребляем термин «предмет действия» (объект) во втором смысле, предпочитая в первом случае говорить “цель действия” или “преследуемый действием результат”».

Как видим, предмет как объект действия и, соответственно, как объект восприятия понимается этими авторами по-разному. Для А.Н. Леонтьева — это объект в данности его свойств, которые затем могут и/или должны быть преобразованы в соответствии с целью действия. Для Д.А. Ошанина объект действия изначально преобразуем: «Для предметного действия — объект принципиально преобразуем. Как и любая преобразующая система, он функционально характеризуется некоторым количеством возможных состояний, которые могут быть либо статическими, либо динамическими» (Ошанин, 1999, с. 107). И в этом смысле объект для Ошанина до начала действия с ним характеризуется неопределенностью, возможностью находиться в разных состояниях, но не сам по себе, а в контексте осуществляемого по отношению к нему перцептивного акта, другими словами — в контексте бытия перцептивного акта. Эта неопределенность снимается оперативностью отражения, когда субъект предметного действия отражает объект восприятия (предмет действия) не в полном объеме его возможных (гносеологически известных) свойств и состояний, а лаконично, функционально избирательно и, более того, функционально деформируя (искажая) объективные его свойства в релевантные, функционально необходимые для выполняемого действия.

Д.А. Ошанин (там же, с. 105): «Весьма существенно не путать *оперативный* аспект понятия ССО (система «субъект–объект». — В.П.) с *гносеологическим* аспектом того же понятия. Если в гносеологическом смысле в ССО совершается *познавательный процесс*, причем *познающему* субъекту противостоит *познаваемый* им объект, то в предметном действии имеет место *процесс материального преобразования объекта: преобразуемому объекту здесь противостоит преобразующий субъект*». Тем самым Ошанин рассматривает предмет-

ное действие в онтологическом ключе — как «форму бытия», осуществление которой требует от субъекта предметного действия преобразующего отношения к объекту, а это, в свою очередь, — субъективного соотношения гносеологически заданных (уже познанных) свойств предмета действия и результата их функционально искаженного отражения в оперативном образе.

В качестве примера позволю себе привести неопубликованные результаты исследования, проведенного Н.Л. Мориной и югославскими коллегами под руководством Д.А. Ошанина, по изучению восприятия пространственного расположения лампочек в ситуации имитации аварийного сигнала. Лампочки были расположены по кругу, задача испытуемого состояла в том, чтобы как можно быстрее нажать кнопку, когда вспыхивала лампочка (имитация аварийного сигнала), расположенная в верхней правой части круга (рис. 1). На рисунке эта лампочка выделена красным цветом, но в экспериментальных условиях она по цвету не отличалась от других лампочек. По завершении эксперимента испытуемых спрашивали: как расположены лампочки. Обычный ответ был: по кругу. Но когда их просили графически изобразить расположение, то они рисовали искаженный круг, добавляя к окружности «носик» на месте аварийной лампочки, то есть выставляя «аварийную лампочку» за пределы общего круга расположения других лампочек (рис. 2). Интересно, что и те испытуемые, которые отвечали, что лампы расположены по кругу, и рисовали лампочки расположенными по кругу, то есть неискаженно, и те испытуемые, которые и отвечали, что лампочки расположены по деформированному кругу, и рисовали именно деформированную окружность, — с задачей эксперимента (быстро нажимать кнопку на «аварийный» сигнал) справлялись плохо.

*Рис. 1. Расположение лампочек на информационной панели.
Для наглядности лампочка, которая играет роль «аварийного» сигнала, выделена черным.*

Но в экспериментальной ситуации все лампочки одноцветные.

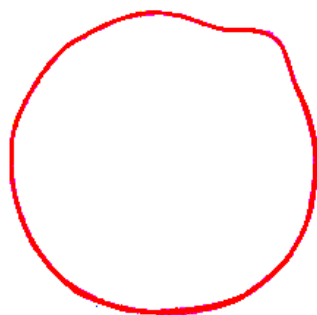

Рис. 2. Пример графического отчета испытуемого о том, как были расположены лампочки на информационной панели

Возвращаясь вновь к нашей полемике А.Н. Леонтьев versus Д.А. Ошанин, необходимо отметить, что отличие в их позициях принципиальное. По А.Н. Леонтьеву, процесс восприятия как перцептивное действие обеспечивает адекватность формируемого образа объективно существующим, то есть гносеологически заданным, пространственным (или иным) свойствам объекта.

Это означает, что по своей природе процесс восприятия должен обеспечивать *гносеологическую адекватность* образа его «объектному прообразу», которым является объект как гносеологически заданная (известная и, следовательно, уже отраженная в понятийном знании) данность объекта. Поэтому всякое искажение образа относительно отражаемого в нем объекта предстает либо как ошибка, либо как пристрастность (субъектность) образа, и в этом смысле — как нарушение природной функции восприятия *обеспечивать адекватное* отражение объекта и посредством этого — адекватные действия субъекта (жизне)деятельности.

По Д.А. Ошанину же, искажение (точнее, «деформация») в оперативном образе объективных, известных свойств объекта является не артефактом, не ошибкой, не нарушением природы восприятия, а напротив — функционально необходимым, природно присущим процессу восприятия свойством, только благодаря которому субъект получает возможность адекватного выполнения предметного действия по отношению к данному к объекту. Суть оперативности психического отражения в том-то и состоит, что один и тот же объект должен отражаться в образе субъекта предметного действия одновременно и гносеологически адекватным, и функционально деформированным (искаженным). Именно эта двойная сопредставленность и взаимная соотнесенность гносеологически адекватного и функционально искаженного отражения объекта в оперативном образе предмета действия оказывается необходимым условием успешности выполнения требуемого предметного действия. Причем функциональное искажение объекта в оперативном образе может быть различным в зависимости от задачи выполняемого с ним действия.

Это означает, во-первых, что Дмитрий Александрович не подменяет природную субстанциональность психического отражения деятельностью субстанциональностью психического в человеке. А во-вторых, согласно его подходу, процесс восприятия по своей природе должен обеспечивать сначала *функциональную* адекватность образа, без которой невозможно успешное осуществление предметного действия в практическом плане. *Гносеологическая* же адекватность образа является продуктом позна-

вательного (гносеологического) процесса, который тоже может рассматриваться как предметное действие, но специфически познавательное, а не предметно-практическое, каким являются, например, операторские действия или действия охотника, настигающего жертву. В-третьих, это означает, что в действительности концепция предметного действия и оперативного образа построена Д.А. Ошаниным в контексте онтологической парадигмы исследования психического отражения, хотя сам он не обозначал такого изменения исследовательской парадигмы.

.....
Выводы к главе 2 (С. 44-45)

Это означает, что, в отличие от гносеологической заданности пространственных свойств и отношений «объекта восприятия», в онтологическом плане (когда речь идет о реально происходящем актуальном процессе формирования образа) «объект восприятия» не может рассматриваться как гносеологическая данность (уже познанность) его свойств и отношений, ибо в актуальном процессе восприятия эти свойства еще не восприняты, не отражены. Поэтому переход к онтологическому рассмотрению формирования образа неизбежно приводит к своеобразному размыванию концепта «объект восприятия» вследствие неопределенности и функциональной относительности его свойств, которые будут отражены в образе данного «объекта восприятия». Следовательно, логика исследования актуального формирования образа «объекта восприятия» не может строиться на основе объективной (т.е. уже познанной) данности пространственных свойств «объекта восприятия». «Объектом восприятия» при таком подходе становится не отдельный «объект восприятия (отдельные его свойства)», а совокупность пространственных свойств и отношений, отражение которых в непосредственном образе является необходимым условием для успешности выполнения конкретного предметного действия. Предметом же исследования становятся не механизмы, реализующие «принцип уподобления» и тем самым обеспечивающие адекватность «образа объект восприятия» объективным характеристикам «объекта восприятия» (по А.Н. Леонтьеву), а перцептивные механизмы, обеспечивающие оперативность восприя-

тия и соответствующую функциональную деформацию «объекта восприятия» в предметном действии (по Д.А. Ошанину) или же функциональную гибкость процессов восприятия, обеспечиваемую перцептивным искажением пространственных свойств и отношений на непосредственно-чувственном уровне восприятия (по А.И. Миракяну), т. е. их способность отражать один и тот же «объект восприятия» по-разному в зависимости от целей и условий осуществляемого с ним предметного действия.

Можно сказать, что в определенном смысле продолжением этой логики становится вопрос, который ломает всю предшествующую парадигму исследования проблемы образа. Это вопрос, который был поставлен Дж. Гибсоном и независимо от него А.И. Миракяном: а действительно ли пространственные или иные свойства объекта существуют для непосредственно воспринимающего их субъекта в объективном, гносеологически заданном (и потому изначально заданном) виде или же они порождаются, конструируются всякий раз (как «в первый раз», заново) в зависимости от задачи и условий предметного действия, осуществляемого данным субъектом?

.....

Г.И. Челпанов и проблема восприятия пространства⁸

Г. В. Шукова

Вместе со многими забытыми именами в обиход российской науки вернулось и имя профессора Московского университета, основателя первого в России психологического института Г.И. Челпанова (1862—1936), прочно соединившись с эпитетом «выдающийся». Это определение, еще недавно совершенно невозможное, свидетельствует о смене критических оценок научной деятельности Челпанова более чем позитивным отношением к нему. «Давний противник материализма» [18, с. 481] и преобразования психологии на началах марксизма, которому, к счастью, не удалась «попытка спасти в новых общественных условиях идеалистическую концепцию сознания» [там же, с. 487], стал выдающимся ученым, чью роль в развитии «отечественной психологии трудно переоценить» [14, с. 6]. Справедливость, таким образом, восстановлена.

Банальная истина о том, что каждое время поет свои песни, подтверждается и в случае оценки творческого наследия Челпанова. Наше время извлекает из этого наследия приоритетный для себя круг вопросов, тем самым невольно искажая представление о приоритетах его автора. Время Челпанова - это время самоопределения психологии, становления ее предмета, проблем, методов. Это «фундаментальное» время (сущностные, вечные вопросы занимали центральное место в обсуждении проблематики психического отражения). Снижение востребованности теоретической психологии, занимающейся фундаментальными проблемами психического отражения, - это уже примета нашего времени, которому интереснее не «книжная», а приложимая к реальной жизни психологическая наука. В случае с Челпановым эта тенденция привела к тому, что важнейшая для него проблематика отражения пространства в наши дни оказалась как бы отторгнутой от его имени.

⁸ Психологическая наука и образование. – 2001. - № 3

Душа, сознание, вопросы возрастные и педагогические - это его, а отношение Челпанова к вопросам перцепции осознается весьма смутно. (Показательно, что недавняя работа, в которой напоминает о его интересе к психологии восприятия пространства, называется «Неизвестные страницы творчества Г.И. Челпанова» [6].) И это при том, что свои научные звания (и магистра, и доктора философии) Челпанов получил за фундаментальный труд, который назывался «Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности» (1896-1904) и о котором если и вспоминают сегодня, то исключительно в историческом контексте. А интерес к этой работе должен быть, к сожалению, отнюдь не историческим. Именно, к сожалению, потому что проблема восприятия пространства в том виде, в каком она была сформулирована Челпановым, по сей день остается актуальной и по-прежнему требует адекватного этой формулировке решения. Нетривиальная идея Челпанова, заслуживающая самого пристального внимания, не получила дальнейшей разработки в его трудах и не была замечена последующими поколениями ученых. Предложенное Челпановым богатство знаний, мыслей, догадок осталось не востребуемым.

Более того, по сравнению с началом века налицо определенный регресс в постановке интересующей нас проблемы. Регресс, так сказать, территориальный — с центральных, главных мест в психологии вопрос о пространстве сместился к ее периферии, к частностям; вместо определяющего природу отражения стал - в анализе его механизмов - рядоположен другим психическим процессам. Что же означает такое перемещение?

Время методологического самоопределения психологии выдвигало на первый план «вечные» вопросы, а вопрос о пространстве обречен на такую вечность. Для Челпанова вопрос о природе пространства - «один из самых основных» и «один из самых трудных»; для Челпанова психологическое решение вопроса о восприятии пространства является необходимым условием анализа психического отражения, потому что именно оно обеспечивает «первоначальное содержание сознания», его фундамент. А что же сегодня? Казалось бы, все то же самое.

Никто не будет спорить с тем, что понятие «пространство» относится к базовым, основополагающим категориям науки, что любые формы взаимодействия с окружающей действительностью невозможны вне адекватного отражения пространства. Но на деле утверждение о ведущей роли пространственной перцепции в современной психологии является утверждением о том, чего нет, чего *методологически* нет.

Пафос труда Челпанова заключается в определении методологического статуса психологического исследования пространства, в определении его отличительных черт по сравнению с философской постановкой вопроса, в методологическом разведении гносеологии пространства и психологии пространства.

Главным для Челпанова было показать, что есть *объективная* форма понятия «пространство» (т.е. «известное умственное построение») и есть его *субъективная* форма, за которой стоит процесс познания, осуществление отражения. Есть психологическая проблема пространственного восприятия (проблема генезиса субъективного образа пространства), и есть гносеологическая проблема пространства (исследование объективности этого понятия), и решение каждой из них должно осуществляться соответствующими им средствами. Этот тезис об адекватном методическом аппарате - важнейший момент челпановской позиции. Непонимание этого момента ведет к «массе недоразумений» и «очевидной невыясненности вопроса», пребывающего в «очень неразработанном состоянии», что характерно, по мнению Челпанова, и для европейской, и для отечественной науки. Характерно и другое: «разногласие во мнениях» о психологическом содержании вопроса, путаница, подмена психологии гносеологией, непонимание различия между ними и - как следствие - смешение взаимоисключающих уровней анализа.

Чрезвычайно важно это различие уяснить, поэтому Челпанов ставит перед собой задачу «посредством точного определения содержания нашей проблемы в различных областях философии (теории познания и психологии) сделать возможной правильную ее постановку и решение» [12, с. XIV].

Психологический вывод исследования Челпанова: психоло-

гическая ипостась пространственной проблемы - это вопрос о происхождении субъективного образа пространства. Психология должна выяснить условия и закономерности этого процесса, выработав для этого собственные средства теоретизирования.

Банально, очевидно? Стоит ли об этом говорить? Стоит, потому что именно эта очевидность, вернее - игнорирование этой очевидности, и есть причина того методологического несоответствия средств исследовательским целям, констатируемого и век назад (во времена Челпанова), и в наши дни.

Что же это за несоответствие?

Челпанов ратовал за то, чтобы психологическая проблема решалась психологическими средствами. Что мы видим в современной психологии восприятия? Что таковых средств нет, а есть заимствованный у философии методологический принцип моделирования характеристик отражения: соотнесение объекта отражения и результата отражения в целях определения объективности полученного образа, т.е. изучение процесса через его же продукт. В таком случае рабочими категориями анализа процесса чувственного отражения являются результативные формы другого процесса - процесса осмысления субъективного генезиса перцептивного образа, а именно уже отраженные, выделенные свойства в виде понятий в их объективной форме, опосредованные данные процесса познания, т.е. его продукты. Поэтому такой способ теоретического мышления можно назвать продуктным, физикальным [7]. Поскольку философия ставит своей задачей изучение объективности познания, она вполне логично привлекает для анализа его законов объективную форму понятий, что, как нам кажется, отнюдь не логично в случае изучения механизмов формирования субъективного перцептивного образа.

Когда нечто воспринимаемое описывается через какие-то понятийно зафиксированные признаки, этот объект полагается как уже отраженный, как нечто, предзаданное изучаемому процессу, а моделируемый в соответствии с этими признаками механизм его восприятия — это механизм восприятия объекта с заранее определенными свойствами. Вопрос о том, как же произошло отражение этих свойств, прежде чем они обрели понятийную

форму и стали элементами сознания, т.е. вопрос о механизмах их порождения, - этот вопрос остается без ответа. Анализируя, сравнивая между собой результаты восприятия, не удастся показать, как же образовались, т.е. были порождены, они сами. Введенное А. И. Миракяном [8, 10] понятие «порождение» (порождение отражения, порождающий процесс восприятия) призвано подчеркнуть независимость, автономность чувственного отражения относительно каких бы то ни было результативных данностей познавательных процессов, его изначальную непосредственность. Порождение восприятия — это спонтанный процесс созидания акта отражения, который не определяется характеристиками воспринимаемого и не проявляется в нем. Это процесс превращения материальной возможности восприятия в субъективную действительность.

Кстати, важно отметить, что челпановская трактовка обсуждаемой психологической проблемы как «описания процесса» происхождения представления пространства не дает повода для таких рассуждений. Да, Челпанов акцентирует внимание на процессуальной, постоянно становящейся природе восприятия. Да, он убежден в наличии психофизиологических условий пространственного восприятия, результатом осуществления которого является «субъективная форма понятия «пространство». Что это такое субъективная форма понятия? Это все тот же физикализм, адаптирующий философский категориальный аппарат к субъективной реальности, но подаваемый с уверенностью в его психологической самобытности и оригинальности. Справедливости ради следует заметить, что «вопрос о том, воспринимает ли первоначальное сознание пространство в том же виде, что и развитое» [13, с. 19], содержит намек на необходимость разведения непосредственного и опосредованного отражения. В целом же книга Челпанова - это канва, по которой вполне возможна «афизикальная вышивка», хотя ее автору такой вид рукоделия и не был известен.

В современной психологии процесс непосредственно-чувственного отражения пространства определяется через результативные формы уже свершившихся перцептивно-интеллектуаль-

ных процессов, через различные свойства и отношения объектов (понятия величины, формы, цвета, удаленности, перспективы, такие понятия, как «угол», «больше», «ближе» и т.д.), т. е. через факты прошлого опыта отражающего субъекта или через особенности состояния мышечного (механизм конвергенции, аккомодации и т.д.) или нервного аппарата. И такие представления об отраженных свойствах объектов и сопутствующих их восприятию реакциях отражающей системы полагаются в качестве основы моделирования процесса восприятия пространственных свойств и отношений, формирования пространственных образов [7, 15, 16].

Но это означает, что искомый механизм непосредственно-чувственного отражения пространства обуславливается образом уже предварительно отраженного пространства, что, безусловно, может иметь место, но отнюдь не в случае непосредственно-чувственного восприятия, т.е. спонтанного порождения в восприятии пространственных свойств и отношений. Значит, можно утверждать, что, когда традиционной психологией (Челпанов называет такую психологию «обыкновенной») пространственного восприятия ставится задача исследования непосредственно-чувственного процесса, по сути, ее объектом является опосредованное прошлым опытом отражение (мышление) пространства.

Номинальный объект - непосредственно-чувственное восприятие - реально подменен опосредованным прошлым опытом процессом отражения. К тому же обусловленность моделирования этого — претендующего на ведущую роль - процесса другими психическими функциями его основополагающую роль, конечно, отнюдь не подкрепляет.

Если мы постулируем ведущую роль отражения пространственности в восприятии человеком окружающей действительности, принимаем «особость» пространственного восприятия как условия осуществления психического отражения, мы должны говорить и об «особости» методологического обеспечения анализа этого процесса. Челпанов только сказал о такой необходимости. Вернее, Челпанов не сомневался, что методологическое

самоопределение психологии пространственного восприятия по части ее предмета и есть «необходимое условие ее правильной разработки» [13, с. 5]. Надо проанализировать выделенный психологический процесс, т.е. соответствующие ему эмпирические факты, не сбиваясь в область гносеологических построений, и «вопрос с психологией» будет решен. На деле все оказалось гораздо сложнее. У психологии и философии не только разные объекты анализа, но и разные формы и категории их теоретического осмысления. Вопрос о средствах психологического исследования приобретает, таким образом, решающее значение - как задача разработки методологических оснований исследования восприятия пространственности. И главным среди таких оснований следует назвать требование анализа отражения пространственности в так называемой афизикальной парадигме, предложенной А.И. Миракьяном [9, 11] и представляющей процесс отражения как процесс порождения свойств и отношений объектов.

Афизикальная парадигма - это система принципов изучения явления **порождения** психического отражения.

Первое ее положение - это требование преодоления продуктивности анализа психического процесса, т. е. отношения к исследуемому процессу как репродуктивному, воспроизводящему уже заранее отраженные результаты психической деятельности. Другими словами, это отказ от использования понятийно оформленных продуктов свершившихся перцептивно-интеллектуальных процессов при моделировании механизмов их (т.е. этих продуктов) отражения [8]. Доминирование физикального образа мышления исследователей психологических проблем вполне объяснимо. Только этот образ мышления (выделение объектов и образование взаимосвязей с ними и между ними) адекватен реальной жизни, имея эмпирические корни в человеческой практике, и потому он был экстраполирован в область научного теоретизирования, вполне соответствуя задачам естественнонаучного анализа. Но логика исследования психического отражения, в ходе которого только порождаются будущие компоненты продуктивных схем, — это совершенно особое построение, невозможное без понимания односторонности феноменологического подхода,

преодоления ограниченности физикального образа мышления и «создания новых оснований для позитивного исследования тех процессов, закономерностей и механизмов, которые позволяют объяснить явления пространственного восприятия» [8, с. 8]. Важно отметить, что такая ревизия традиционной методологии не означает исключения продуктов отражения из анализа психического отражения. Речь идет о новом амплуа феноменологических фактов, которые не должны использоваться в качестве исходного основания при моделировании перцептивного процесса, поскольку являются его непосредственными результатами. Речь идет о том, что сопоставление начального состояния и конечного результата свершившегося процесса не открывает его закономерностей, если это процесс психический; что отождествление чувственного отражения и опосредствованного данными познания манипулирования образами оставляет непосредственный процесс за рамками исследования.

Итак, исключительно эвристичный для психологии а-продуктивный подход к исследованию восприятия предполагает разработку свободной от результативных форм перцептивно-интеллектуальных процессов стратегии изучения восприятия пространственности (пространственной протяженности).

В качестве категорий анализа порождающего процесса восприятия предложены универсальные принципы строения и функционирования порождающих процессов - природные закономерности, обуславливающие порождающий процесс восприятия. Прежде всего это принцип анизотропной структурно-процессуальной организации отражающей системы, принцип образования симметрично-двуединых отношений. Они индифферентны «относительно эмпирических продуктов восприятия и в то же время лежат в основе процессов их порождения» [8, с. 7], тем самым являясь, «с одной стороны, объяснительными для возможности отражения», а с другой - выступая «в качестве непосредственного объекта исследования» [8, с. 44].

Экспериментально показано [11], что эти гипотетически выделенные принципы психического отражения определяют осуществление любых перцептивных процессов; меняется лишь

специфика их реализации в зависимости от модальности восприятия. Поэтому теоретически оправданным является предположение о том, что содержание и характер процесса пространственного восприятия определяют все те же фундаментальные закономерности организации психики - вместо зрительных признаков, нейронов-детекторов, «градиента оптической текстуры» и т.п. Отсюда появляется возможность говорить об осуществлении отражения пространственное посредством того, что не имеет в своем содержании каких-либо продуктивных данностей, налично представленных результатов отражения.

Но необходимость преодоления продуктивности анализа перцепции, влекущая за собой отказ от традиционной научной парадигмы, - это не единственный аргумент в пользу афизикального подхода к изучению порождения отражения пространственности. Не менее важная причина - осознание значимости разработки категории пространства для анализа собственно явления психического отражения, для развития теории познания. «Предварительное психологическое решение вопроса о восприятии пространства, - считал Челпанов, - необходимо главным образом в дидактических целях - для решения гносеологической проблемы объективной действительности этого понятия» [13, с. 6]. Иными словами, это стремление наполнить тезис о ведущей роли отражения пространственности реальным содержанием, которого так не хватает современным концепциям. (Здесь уместно вспомнить Дж. Гибсона, который решительно отвергал «идею о том, что мы не сможем воспринимать мир, если у нас до этого не будет понятия пространства. Все как раз наоборот: мы не сможем понять, что такое пустое пространство, пока не увидим земли под ногами и неба над головой. Пространство - это миф, чистая абстракция, не имеет ничего общего с восприятием» [2, с. 28], оно не воспринимается, а только мыслится. Автор экологического подхода к восприятию иллюстрирует типичную для современной психологии двойственность в вопросе о статусе пространственного отражения - он сводит в одну две взаимоисключающие позиции. Так, живое восприятие пространственности он полагает основой ее осознания. Но эта здравая мысль начисто перечеркивается

утверждением о том, что в восприятии пространства вообще нет необходимости. И что же такое пространство?)

Двойственность традиционных представлений о роли пространственного восприятия придает тезису о его «исключительности» принципиальное значение. С одной (теоретической) стороны, хорошо усвоен философский урок о необходимости восприятия пространства для осуществления возможности отражения. С другой стороны, в исследовательской практике эта исключительность нивелируется (впрочем, без злого умысла, просто продуктивная методология не оставляет иного выбора). Поэтому восприятие пространства становится одним из ряда равноправных перцептивных явлений, а его анализ - необходимым, но не более, вкладом в создание целостной общепсихологической теории восприятия, важным этапом решения практических проблем. Яркий тому пример - 50-70-е гг. XX в.: период наибольшего интереса к экспериментальной разработке категории пространства, когда были созданы современные классические труды по проблеме пространственного отражения. Актуальные и очень популярные задачи технического моделирования психических явлений, развитие техники, космонавтики требовали интенсивного изучения законов восприятия пространства, открывали все новые и новые аспекты этой классической психологической проблемы. Обилие экспериментальных исследований лишь породило множество противоречивых мнений и подходов к проблеме, оставив основной вопрос — как? - без ответа. Создание подлинно научной теории восприятия пространства осознавалось как актуальнейшая задача [5, 6], причем в качестве подлинно научной понималась теория, способная предоставить средства для решения насущных, суть прикладных, задач современной науки.

Постулат о том, что «исследования восприятия всегда представляли интерес для теории познания» [4, с. 22], бесспорен. Но когда процесс пространственного восприятия рядоположен другим перцептивным процессам, является таким же «рядовым», как и они («отражение предметов неразрывно связано с отражением их пространственных признаков и отношений» [1, с. 199]), то и результат его экспериментальной проработки действительно

представляет для теории познания интерес, но никак не определяет ее основополагающих моментов. Неслучайно современная теория восприятия пространства есть, по сути, пестрая картина феноменов, а современные исследования пространственного восприятия становятся все более и более узконаправленными. Причем в каждой работе ясно читается твердая уверенность авторов в адекватности практикуемого ими метода углубления внутрь процесса с целью анализа самых тонких признаков воспринимаемого задачи создания целостной общепсихологической теории восприятия, отсутствие которой по-прежнему осознается очень остро.

Вернемся к нашей теме - к содержанию пространственного восприятия. Когда восприятие пространства полагается как необходимое условие восприятия человеком объектного мира, как основа психического отражения, то, безусловно, гносеологическое значение его анализа приобретает особый вес. Именно так (как условие и основу перцепции отражения) мы и понимаем восприятие пространственности.

Эта линия психологического исследования пространственного восприятия, противопоставляющая себя традиционным представлениям о данном процессе, восходит к философской системе И. Канта, к его рассуждениям об априорности понятия «пространство» [3], к его трансцендентальному идеализму, по аналогии с которым она и получила название «трансцендентальной психологии» [9, 10]. Именно И. Кант, анализируя возможность восприятия пространственности, четко и обоснованно сформулировал вопросы, касающиеся природы психического отражения, на которые «трансцендентальная психология» А.И. Миракяна дает конкретные ответы.

Для Канта априорность понятия пространства обусловлена тем, что оно не является производным чувственного опыта, не дано в ощущениях, выступая в то же время определяющим такой опыт условием. Пространство, во-первых, есть необходимое условие созерцания: человек получает возможность отражать и мыслить только тогда, когда объекты отражения или мышления помещены в пространство; а во-вторых, у человека нет реаль-

ных перцептивных возможностей для отражения пространства - посредством органов чувств его воспринять нельзя (Кант это убедительно иллюстрирует рядом примеров). Да и внешней стимуляции вообще недостаточно для его формирования. Поэтому понятие пространства является априорной формой сознания.

Но такой кантовский вывод - это лишь один из возможных. Интеграция отмеченных Кантом особенностей пространственного отражения может быть осмыслена двояко. Она требует либо признать, что представление о пространстве является врожденным, либо предположить, что образ пространства есть результат осуществления какого-то совершенно конкретного процесса, имеющего место в органах чувств и мозговых центрах. Выбрав из этих вариантов последний, мы приходим к необходимости изучения механизмов порождения пространственности в сознании, в котором пространственность и пространственные свойства объектов изначально отсутствуют, полагая, что такое порождение осуществляется в какой-то специализированной структуре нервной системы.

Итак, безусловно соглашаясь с Кантом и в том, что образ пространства есть одно из основных субъективных условий осуществления возможности отражения внешнего мира, и в том, что специализированного пространственного анализатора у человека нет, мы отрицаем вывод, делаемый Кантом из этих двух посылок, - вывод о внеперцептивной природе, «невоспринимаемости» пространства. Напротив, для нас эти тезисы являются основанием для формулировки следующей исследовательской задачи - обоснование реальности порождения восприятия пространственности как условия восприятия внешней действительности.

Такой задачи (психологическое исследование пространства) Кант перед собой не ставил. «Кантовская проблема гносеологическая, а не психологическая» [13, с. 116], «кантовская проблема о пространстве ничего общего с психологией не имеет» [12, с. V], как писал Г.И. Челпанов, который огромное значение придавал осмыслению кантовского априоризма. Именно анализ понятия априорности, по мысли Челпанова, прежде всего должен

был способствовать осознанию психологического содержания пространственной проблемы и выработке путей ее решения.

Анализируя понятия априорности и врожденности, Челпанов показывает гносеологическую природу первого и психологическую - второго. Тем самым он четко определял сферы их применения в качестве категорий анализа и утверждал, что «Кант понимал различие между гносеологическими и психологическими задачами и избегал психологической постановки» [13, с. 118] и что «неправильно отождествлять кантовскую проблему пространства с психологической проблемой восприятия пространства» [13, с. 120]. Но именно так, т.е. психологически традиционно, трактуются кантовские априорные категории познания, когда в одном понятии переплетаются гносеология и психология. А за этим смешением философского и психологического исследовательских объектов стоит неосознание самого факта такого смешения, что, в свою очередь, свидетельствует об ущербности психологического определения проблемы пространственного восприятия. Сумев увидеть их фактическую перемешанность и поняв их принципиальную несовместимость, мы обеспечим себе очень тонкое орудие анализа.

Таким образом, кантовская постановка проблемы пространства вполне удовлетворяет нуждам философии, поскольку включена в обсуждение природы познания, его условий и возможностей; вопрос же о том, откуда берется такое условие созерцания, как пространство, — это психологический вопрос, которого для Канта не существовало: он не мог обосновать категорию пространства свойствами материи, вследствие чего лишал человека возможности его восприятия. Разгадка кантовской «априорности» пространства - задача психологии. «Трансцендентальная психология» восприятия есть, таким образом, психологическое развитие трансцендентального идеализма Канта.

Кстати, у Челпанова есть рассуждения о том, что средствами «обыкновенной» психологии кантовская проблема восприятия пространства, в принципе, не решается - нет у нее для этого методологических возможностей. Другое дело — «психология в широком смысле слова», т.е. психология, берущаяся за решение

задач, «которые ей до сих пор не придавались», - задач преодоления эмпирической ограниченности психологического исследования. Такую психологию Челпанов предлагает назвать трансцендентальной [13, с. 126].

Трансцендентальная психология - парадигма исследования психического отражения, созданная А.И. Миракяном [9, 10]. В этой парадигме анализ восприятия пространственности начинается с определения содержания, назначения этого процесса, определяющих, в свою очередь, принципы его осуществления. Важно подчеркнуть, что, таким образом, не просто предлагается новый (очередной!) механизм пространственной перцепции - предлагаются основания для моделирования такого механизма, соответствующие ее (апперцепции) гносеологическому содержанию. Гносеологическое содержание процесса восприятия пространственности заключается в том, что оно есть *условие* осуществления возможности психического отражения объективных свойств и отношений. Следовательно, восприятие пространственности является итогом осуществления каких-то специализированных процессов.

Итак, афизикальная методология позволяет исследовать порождение ощущения пространственности, она дает те самые психологические средства для решения психологических вопросов, о необходимости поиска которых и заявлял Челпанов.

Использование таких психологических средств мы [9, 17] начали с моделирования механизма порождения зрительного восприятия пространственной протяженности, являющейся основной характеристикой пространственности. На феноменальном уровне ей соответствует понятие величины объекта. Как «породить» величину, не соотнося ее с другими пространственными признаками, в том числе и с понятием самой величины?

«Как из непространственных элементов получается протяженное целое?» [13, с. 4] — такова сущность вопроса о природе плоскостной протяженности. Действительно, двумерное изображение на сетчатке не только не несет информации о трехмерности объективного мира; в нем вообще нет информации о

его пространственности, а значит, и о двумерной протяженности объектов. Осознание именно этого способствовало возникновению классической проблемы восприятия пространства как проблемы утраченного третьего измерения, а вопрос о восприятии плоских (двумерных) объектов всегда оставался в ее тени как нечто элементарное и исследовательски не столь интересное. Но вряд ли можно согласиться с категоричным утверждением А.Д. Логвиненко [5] о том, что проблема двумерного восприятия в психологии даже не была поставлена. Психологическая литература рубежа XIX-XX вв. свидетельствует об обратном, предлагая ряд конкретных решений. Резюмируя их, Г.И. Челпанов вслед за К. Штумпфом формулирует, с его точки зрения, наиболее логичный механизм: плоскостная протяженность непродуцируема, т.е. не создается соединением непродуцируемых элементов (таких, например, как цвет, слух, осязание). Плоскостная протяженность есть количественный момент ощущения, обусловленный множественностью особым образом расположенных элементов рецепирующей поверхности, числом их одновременных возбуждений. Она составляет первоначальное содержание сознания, и уже ее модификацией (переработкой) производится глубина (третье измерение) [13, с. 381-383].

Казалось бы, в этом - действительно а-продуктном - механизме восприятия пространственной протяженности, основанном на определении числа возбужденных элементов рецепирующей поверхности глаза, есть разумное начало. Но анализ в рамках афизикальной парадигмы такого «отражающего устройства», как сетчатка глаза, показал, что она является гомогенно-дискретной системой, вследствие чего порождение ощущения протяженности только ее средствами осуществить невозможно: протяженность не есть сумма реакций дискретных элементов. Принцип же действия сетчатки - суммация возбуждений. Да, механизм суммации определяет количество задействованных элементов, но породить новый субъективный феномен - пространство - с его помощью нельзя. Поэтому «при зрительном восприятии протяженности ощущение протяженности порождается благодаря ощущению процессуальной дискретизации, т.е. ощущению

длительности процесса» [9, с. 32]. Основой для порождения восприятия пространственности является отражение длительности процесса восприятия.

А.И. Миракян предположил, что порождение пространственной протяженности в зрительном восприятии есть результат некоего процесса, протекающего в специализированной структуре нервной системы [9]. Эта гипотетически выделенная структура зрительной системы, в которой осуществляется процесс порождения отражения пространственной протяженности, была названа, исходя из ее основной функции, структурой увеличения. Структура увеличения представляет собой определенную область зрительной системы с функционально заданными четкими границами, элементы (клетки) которой являются биологическими дискретизаторами времени, т.е. их активность соотносится с длительностью осуществляющегося в этой системе процесса. Предназначение такой гипотетической структуры увеличения — стандартизация сетчаточных изображений объектов.

Необходимость механизма стандартизации обусловлена следующим. Очевидно, что каждому реальному объекту соответствует огромный диапазон изменений его воспринимаемого размера. Предлагаемые современной наукой механизмы непосредственно-чувственного отражения протяженности - от нейронов-детекторов размера - до определения величины объекта через ее отношение к другим пространственным признакам и отношение между различными пространственными признаками — удовлетворительными, как мы пытались показать выше, признаны быть не могут. По сути, их можно объединить принципом записи в мозговых структурах всех субъективных вариаций размера объекта, который не имеет никакого смысла в случае не только спонтанного, но и опосредованного прошлым опытом восприятия по причине бесконечного числа таковых вариаций. Механизм стандартизации сетчаточного изображения, величина которого меняется в соответствии с изменением пространственной протяженности воспринимаемого объекта, полностью снимает необходимость привлече-

ния такого объяснительного принципа зрительного восприятия величин объектов.

Итак, процесс зрительного восприятия — это дискретный процесс, состоящий из последовательности мини-актов формопорождения. Один из них может быть представлен как процесс развертывания сетчаточного изображения зрительно воспринимаемого объекта до некоторого максимально возможного размера, определяемого границами той самой структуры увеличения и являющегося основой для образования форм зрительной памяти. Сформировавшаяся на сетчатке зрительно выделенная форма воспринимаемого объекта попадает в структуру увеличения, где она развертывается до стандартной (одной и той же для всех форм) величины. В свою очередь, эта уже увеличенная, стандартизированная форма является объектом дальнейшей обработки, в том числе и в структурах памяти.

Таким образом, память имеет дело только с формой, более того - стандартной формой каждого объекта, а представление о протяженности этого объекта, постоянно меняющейся в зависимости от условий восприятия, порождается в каждом конкретном акте восприятия. Происходит это следующим образом.

Поскольку вариации размеров отражаемых объектов неисчислимы, нетрудно предположить, что система увеличения должна иметь дело с огромным диапазоном оптически уменьшенных форм. А так как скорость процесса развертывания изображения, определяемая свойствами биологического субстрата, относительно постоянна, можно констатировать, что длительность этого процесса в каждом из микроактов восприятия является величиной переменной, зависимой от протяженности воспринимаемого объекта, и растет с уменьшением размера сетчаточного изображения. Нем меньше величина объекта, тем меньше величина его сетчаточной проекции, тем больше, следовательно, время развертки этой проекции до границ системы увеличения.

Эта длительность процесса увеличения оптически уменьшенной формы объекта фиксируется элементами этой структуры - биологическими дискретизаторами времени (хронотопа-

ми) и «переводится» в образ пространственной протяженности. Обработывается, фиксируется, отражается длительность процесса стандартизации, и результатом этой обработки является ощущение величины объекта. То есть каждой конкретной длительности процесса развертывания сетчаточного изображения соответствует определенное состояние возбуждения системы, в свою очередь являющееся основой для порождения ощущения пространственной протяженности воспринимаемого объекта. Иными словами, длительность процесса увеличения сетчаточного изображения объекта, происходящего в зрительной системе, обуславливает порождение образа его пространственной протяженности, отражение пространства происходит посредством отражения времени.

Конечно, представленный механизм порождения восприятия пространственной протяженности — пока только схема, требующая наполнения конкретикой осуществляющегося психического процесса. Но процессуальность непосредственно-чувственного отражения представлена в ней с достаточной очевидностью уже и на таком, схематическом уровне. Предлагаемая модель зрительного непосредственного восприятия величин объектов - это действительно «непродуктная», афизикальная модель порождения восприятия пространственной протяженности, поскольку в данном случае протяженность отражается посредством того, что не обладает протяженностью, не имеет ее в своем содержании.

Безусловно, представление об обусловленности спонтанного порождения восприятия величин объектов непространственными факторами требовало экспериментальной проверки. Для доказательства гипотезы о том, что отражение пространственной протяженности происходит посредством отражения длительности определенного процесса, имеющего место в специализированной структуре зрительной системы, необходимо было показать, что изменение размера объекта восприятия повлечет вариации времени его опознания: чем больше объект, тем короче должен быть процесс его опознания по сравнению с восприятием его же уменьшенной формы. Такое экспериментальное исследование было проведено [17]. Мы попытались выявить реальные

различия во времени актов опознания объектов одной формы, но разного размера (в нескольких экспериментальных сериях в качестве стимульных объектов использовались арабские цифры, буквы русского и латинского алфавитов). Полученные данные такое различие продемонстрировали. Четко прослеживается зависимость длительности процесса восприятия стимульного объекта от его размера: чем меньше буква (цифра), тем больше времени требуется для ее опознания по сравнению с восприятием более крупного изображения. Эти данные логично соотносятся с предложенной нами моделью «развертки» сетчаточного изображения объекта: увеличение до стандартных размеров проекции объекта меньшей величины идет дольше. И именно эта «долгая» длительность «переводится» в «маленький» размер воспринимаемой буквы.

Гипотеза о роли процессуальной длительности в восприятии пространственной протяженности, таким образом, получила экспериментальную проверку, подтвердив правомерность предложенного механизма восприятия пространственности.

В заключение еще одна замечательная цитата. Г.И. Челпанов заканчивает свой фундаментальный труд «Проблема восприятия пространства...» рассуждениями о реальности пространства, об объективной основе субъективного пространственного образа. По его мнению, какая-то объективная основа этой «субъективной формы человеческого сознания», безусловно, существует, поскольку «наше пространство ей соответствует» и налицо «наличие психофизических условий для восприятия пространства» [13, с. 417] (такowymi Челпанов полагает механизм суммации возбуждения элементов «ощущающей поверхности»), но что это за основа - решить должны психологи: философу достаточно знать, что она есть. Но, «может быть, даже эта объективная основа не есть пространство, а только известный аналог пространства» [13, с. 416].

Мы в качестве такого аналога предложили время.

Список литературы

1. Ананьев Б. Г. Теория ощущений. Л., 1961.
2. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988.
3. Кант И. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2, 3, 5. М., 1964-1966.
4. Кликс Ф. Проблема психофизики восприятия пространства. М., 1965.
5. Логвиненко А. Д. Зрительное восприятие пространства. М., 1981.
6. Ломов Б. Ф. Предисловие // Кликс Ф. Проблема психофизики восприятия пространства. М., 1965.
7. Марцинковская Т.Д., Ярошевский М.Г. Неизвестные страницы творчества Г. И. Челпанова // Вопросы психологии. 1999. №3.
8. Миракян А.И. Психология пространственного восприятия. Ереван, 1990.
9. Миракян А. И. Афизикальные принципы психического отражения и их моделирование // Принципы порождающего процесса восприятия / Под ред. А.И. Миракяна. М., 1992.
10. Миракян А. И. Начала трансцендентальной психологии восприятия // Философские исследования. 1995. № 2.
11. Миракян А. И. Контурсы трансцендентальной психологии. М., 1999.
12. Принципы порождающего процесса восприятия / Под ред. А. И. Миракяна. М., 1992.
13. Челпанов Г. И. Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. I. Представление пространства с точки зрения психологии. Киев, 1896.
14. Челпанов Г. И. Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. II. Пред-

- ставление пространства с точки зрения гносеологии. Киев, 1904.
15. Челпанов Г. И. Мозг и душа. М., 1994.
 16. Шукова Г. В. Порождающие принципы зрительного восприятия величины // Психический образ: строение, механизмы, функционирование и развитие: Вторые Международные научные Ломовские чтения (тезисы докладов). Т. 2. М., 1994.
 17. Шукова Г. В. К проблеме зрительного восприятия величин // Проблемы психологии восприятия: Традиции и современность / Отв. ред. В.А. Барабанщиков, В.И. Панов. М., 1995.
 18. Шукова Г. В. Исследование механизма порождения зрительного восприятия пространственной протяженности // Психологическая наука: традиции, современное состояние и перспективы: Тезисы докладов научной конференции Института психологии АН. М., 1997.
 19. Ярошевский М.Г. История психологии. М., 1985.

За пределами онтологической концепции восприятия⁹

Р.М. Нагдян

В последние десятилетия в методологии психологии восприятия возникло новое направление, названное онтологическим, претендующее на замену существующего гносеологического подхода [16]. Как известно, гносеологический подход осуществлялся в рамках соотношения «объект-субъект», где в конкретно-психологических исследованиях изучался не сам объект, а одно из его свойств (величина, форма, цвет, объем, удаленность, движение и т.д.), а место субъекта, отражающего это свойство, занимал образ. То есть, с одной стороны, брался «одномерный» объект, «за скобки» выводились его целостность и взаимосвязи с другими объектами, а, с другой стороны, не учитывались личностные качества субъекта восприятия, как носителя многообразия психических состояний, эмоциональных переживаний, ценностных ориентаций, стереотипов мышления и т.д.

Другой аспект ограниченности гносеологического подхода состоит в том, что вне внимания исследователей оставался процесс порождения, трансформирующий объект в образ, а вместо этого исследовались соотношения между изменениями количественных характеристик исследуемого свойства объекта или условий восприятия и изменениями его образа. Соответственно этой методологии и выбирались методы экспериментального исследования и анализа полученных результатов. Таким образом, ограничения гносеологического подхода проявлялись: в выборе «одномерного» объекта исследования, в отрыве от многообразия внешних условий, в пассивности («зеркальности») субъекта отражения без учета многообразия его внутреннего мира, и, наконец, в том, что не ставился вопрос о процессе порождения образа.

⁹ Теоретическая и экспериментальная психология • 2015 • Т. 8 • № 1 • С. 49–61

На эти ограничения и обратили внимание сторонники онтологического подхода, признанным лидером которого (как методолог, теоретик и экспериментатор) является В.А. Барабанщиков.

Так как методологической основой становления и развития онтологического подхода являются философско-психологические воззрения С.Л. Рубинштейна, то анализ онтологической концепции восприятия будет проведен в контексте двух его работ – «Бытие и сознание» и «Человек и мир».

В онтологическом подходе, согласно В.А. Барабанщикову, «восприятие рассматривается не просто как образ действительности в его отношении к самой действительности (гносеологический подход), а как порождение образа, протекающее в единстве внешних и внутренних условий его существования» [1, с. 81]. Соответственно этой методологической установке исходным пунктом анализа восприятия для В.А. Барабанщикова оказывается не отображение объекта, т.е. образ, «а взаимоотношение человека, с миром, субъекта с объектом» [1, с. 88]. Причем в этом новом понимании соотношения «субъект-объект» происходит смещение феномена восприятия на его субъекта, который выступает как многомерное целое со своими задатками, способностями восприятия, направленностью личности и черт характера и т.п. (там же, с. 89). Все это, согласно В.А. Барабанщикову, обуславливает потенциальный план восприятия и определяет онтологическое содержание и понятие субъекта. Такое понимание субъекта приводит, соответственно, к новому пониманию объекта. Традиционное понятие объекта-вещи (или элемента среды) сменяется понятием объекта-ситуации, в котором «ситуация характеризует способ объединения разнонаправленных «сил» и потенциалов в некоторое целое, в котором цементирующая роль и инициатива принадлежит человеку» (там же, с. 91). Здесь же В.А. Барабанщиков делает дополнение, которое эксплицирует сущность его теоретической позиции: «Это – его ситуация (мир), а не ситуация (мир) вообще» (там же). «Его ситуация» – то есть уже воспринятая ситуация (которую еще предстоит воспри-

нять? Этот парадокс характерен и для гносеологического подхода, где исследуются закономерности «отражения» уже отраженного объекта; в обоих случаях исследуется не порождение перцептивного образа, а рефлексия уже отраженного объекта или ситуации, для чего, однако, необходимо ввести еще и понятие сознания).

Обращением к философскому определению ситуации, данному С.Л. Рубинштейном, уточним смысл нововведения В.А. Барабанщикова: «Всякая ситуация по самому существу своему проблема. Отсюда – постоянный выход человека за пределы ситуации, и сама ситуация есть становление. Становление или становящееся соотнесено с тем внутренним в человеке, что, в свою очередь, соотносится с чем-то внешним по отношению к ситуации, выходящим и выводящим за ее пределы; это внешнее по отношению к ситуации связано с внутренним по отношению к человеку» [12, с. 338]. Кроме того, «онтологичность» объекта-ситуации, по В.А. Барабанщикову, определяется тем, что в лабораторных исследованиях должны быть учтены не только физические и экологические, но и социальные, и культурные условия, обуславливающие реальные способы жизни и деятельности человека [1, с. 92]. В отличие от объекта-вещи, объект-ситуация, выступающий в виде констелляций разнородных событий как система детерминант - динамичен, и продолжает разворачиваться и формироваться перед воспринимающим в ходе восприятия, «поэтому до завершения перцептивного процесса определить объект-ситуацию в полном объеме невозможно» [там же, с. 91]. С другой стороны, так как разворачивание и формирование объекта-ситуации происходит не само по себе, а под влиянием и соответственно внутренним условиям субъекта, то получается, что «субъект конструирует свое бытие, одновременно подчиняясь ему» (там же). При таком подходе объект и субъект не разобщены, не противопоставлены – такое противопоставление характерно для классических теорий восприятия - а представляют собой противоположные полюса одного целого. Возможно, именно это имеет в виду В.А. Барабанщиков, когда пишет: «Объект и

его образ оказываются полярностями одного и того же целого, а процесс восприятия открывается не только как отражение бытия, но и как его порождение» [1, с. 97]. Таким образом, все составляющие перцептивного явления объединяются в одно системное целое. Это позволило В.А. Барабанщикову всю совокупность предпосылок и детерминант, причин и следствий, взаимовлияний и воздействий, относящихся и определяющих процесс восприятия в акте бытия, сконцентрировать в центральном понятии онтологической концепции – перцептивное событие.

Однако, несмотря на тщательную теоретическую проработку понятий онтологической концепции восприятия и большой массив экспериментальных данных, полученных в русле этого подхода, В.А. Барабанщиков сам указывает на слабые стороны онтологической концепции. «Онтологический аспект перцептивного образа, - пишет В.А. Барабанщиков, - наименее изучен и нуждается в глубокой проработке, но именно он представляет наибольший интерес, как с теоретической, так и с практической точки зрения» [1, с. 98]. Откуда возникает эта проблема? Какие особенности теоретического анализа приводят к ее появлению?

Раскрывая содержание предмета онтологического подхода, В.А. Барабанщиков указывает на «взаимопроникновение субъекта и объекта восприятия, способы порождения и существования чувственного образа и его обусловленность системой внешних и внутренних детерминант» (там же, с. 87). Особенность приведенного ряда компонент и детерминант процесса восприятия заключается в том, что их некорректно рассматривать в одной теоретической плоскости, так как порождение образа принадлежит неосознаваемой и непосредственно не наблюдаемой области бытия, а все остальные – области наличного бытия, доступные для непосредственных эмпирических исследований. И действительно, порождение образа В.А. Барабанщиков понимает как переход вещей и событий от бытия «в себе» к бытию для субъекта (там же, с. 98). Таким образом, В.А. Барабанщиков говорит о двух ви-

дах бытия, которым должны соответствовать разные онтологии. Однако специального анализа способов (или принципов) порождения перцептивного образа в цитируемой статье не проводится. Вместо этого В.А. Барабанщиков большое внимание уделяет анализу перцептивного образа, его зависимости от перцептивных потребностей, внешних и внутренних условий и т.д. Однако отметим, что сам перцептивный образ, потребности и разного рода детерминанты, определяющие и обуславливающие характер чувственного образа, относятся к наличному бытию и составляют содержание сознания человека, являясь продуктами процесса отражения. С одной стороны, это дает возможность эмпирической проверки теоретических положений онтологической концепции восприятия и ее эффективного практического применения. Но, с другой стороны, остается не решенным вопрос о порождении образа, сложность изучения которого в том, что оно непосредственно не дано никому – ни исследователю, ни исследуемому. То есть порождение происходит таким образом, что остается за пределами нашего чувственного опыта. Именно поэтому определение содержания перцептивного события останется неполным до тех пор, пока не будет заполнен этот пробел. Кроме того, так как, по словам С.Л. Рубинштейна, «на чувственной поверхности явлений представлен итоговый, суммарный результат глубинных процессов, взаимодействий и определений как процессов в сущем» [12, с. 305], то становится понятным, что «глубинные процессы в сущем», ответственные за порождение перцептивного образа, предполагают другой способ существования, определяющий (по С.Л. Рубинштейну) другой уровень бытия и, следовательно, другую онтологию. А это приводит к тому, что процессы порождения не могут быть описаны в системе понятий результатов порождения – всего того, что относится к остальным компонентам перцептивного события, существующих в наличном бытии. Поэтому «язык» описания перцептивного события в своей целостности становится неоднородным, появляется необходимость создания и применения разных онтологических подходов для описания

разных составляющих перцептивного события, существующих на разных уровнях бытия.

Выявленная выше познавательная неоднородность не нова и уже встречалась в истории науки. В физике она выступала как противоречие, возникающее при переходе к изучению явлений более глубокой, непосредственно не наблюдаемой, реальности явлений микромира. В. Гейзенберг писал: «копенгагенская интерпретация квантовой теории начинается с парадокса. Она исходит, с одной стороны, из положения, что мы должны описывать эксперимент в понятиях классической физики, а с другой - из признания, что эти понятия не точно соответствуют природе (свойствам элементарных частиц - Р.Н.). Противоречивость этих исходных положений обуславливает статистический характер квантовой теории» [3, с.35]. Как видим, «физическое событие», в ситуации экспериментального исследования квантов, элементарных частиц и их свойств, точно так же неоднородно в языковом аспекте, как и перцептивное событие в ситуации исследования процесса порождения перцептивного образа. Однако необходимо отметить, что сравниваемые события в физике и в психологии принципиально отличаются друг от друга тем, что квантовое явление находится вне наблюдателя и может быть изучено им как и остальные явления природы (однако и здесь есть свои специфические особенности), а психический процесс порождения имплицитно протекает внутри исследователя, за пределами осознания, не попадая тем самым в сферу эмпирических исследований как центральная и главная часть перцептивного события, и изучается большинством психологов через его же продукты, составляющие эксплицитно данные компоненты перцептивного события. А это уже другой парадокс, характерный для продуктного подхода, потому что редукция или объяснение процесса порождения через его же продукт невозможно. И это, несмотря на то, что психический процесс и его продукт, являющиеся противоположностями и находящиеся в отношении отрицания друг друга (в процессе еще нет продукта, а в продукте процесс уже завершен), составляют части единого целого.

Вышесказанное порождает необходимость внесения дополнительных, в том числе и методологических, уточнений в теоретическую конструкцию онтологической концепции восприятия.

Что же ограничивает возможности психологов в изучении процесса порождения перцептивного образа? Каким же образом исследовать особенности (принципы, закономерности) порождения? Как описать то, что приводит к порождению – порождающее? Так как порождение происходит в «глубинных процессах в сущем» (по Рубинштейну), то для ответа на эти вопросы, очевидно, необходимо составить представление об этом сущем, о бытии, точнее о бытии как вещи для себя.

Согласно философским воззрениям С.Л. Рубинштейна, «бытие», как термин, «пытается определить нечто по тому, что оно есть (выделено нами – Р.Н.), но при этом неизвестным остается, что оно есть (выделено нами – Р.Н.)» [13, с. 84]. Если продолжить эту мысль, то можно сказать, что нечто в бытии наполняется содержанием лишь после появления субъекта, и тогда вещь для себя становится вещью для нас, как объект познания (в частном случае – как объект восприятия): «Для сознания субъекта бытие всегда выступает как противостоящая ему объективная реальность» (там же). Таким образом, С.Л. Рубинштейн различает понятия объекта и бытия, объективной реальности и бытия и выступает против их отождествления, потому что такое отождествление приводит к субъективному идеализму, отрицающему существование независимого от человека бытия. «Сознание – пишет С.Л. Рубинштейн – невозможно без отношения к бытию как объективной реальности, однако бытие, мир может существовать и не становясь объектом для субъекта, для его сознания, может существовать и не выступая в этом качестве» (там же). И так, в бытии нет объектов, пока нет субъекта, но в нем есть независимое от субъекта нечто, которое неизвестно, что оно есть. Объективную реальность С.Л. Рубинштейн характеризует как ставшая из независимо существующего от субъекта бытия, вещи в себе, вещь для нас (там же, с. 85). То есть под объектом или объективной реальностью подразуме-

меваются уже отраженная, воспринятая реальность, находящаяся в процессе познания: «Вещи, существующие независимо от субъекта, становятся объектами по мере того, как субъект вступает в связь с вещью, и она выступает в процессе познания и действия как вещь для нас» (там же, с. 85). Следовательно, подчеркнем еще раз, С.Л. Рубинштейн различает независимо от субъекта существующее бытие, вещь, нечто, существование которого не в состоянии определить его сущности – с одной стороны, и переход этого нечто, через субъекта, в объект, в объективную реальность – с другой.

Такое определение объективной реальности, включающее в себе переход от бытия, как вещи в себе, к бытию, как вещи для нас, по мнению Рубинштейна, с необходимостью поднимает вопросы о соотношении трансцендентного и имманентного, имплицитного и эксплицитного.

При рассмотрении соотношения имплицитного и эксплицитного С.Л. Рубинштейн основывается на том, что исходной предпосылкой марксистской философии является независимое от познания существование познаваемого бытия. Причем, основным инструментом, посредством которого она, эта предпосылка, реализуется – это понятие трансцендентного, как имплицитно данного [12, с. 320-321]. С.Л. Рубинштейн рассматривает два понятия трансцендентного: «1) трансцендентное как обособленное сущее, отделенное hiatus-ом (зиянием), такое, к которому нет путей от имманентного, 2) трансцендентное как выходящее за пределы того, чем оно задается, – выход объекта мысли за пределы мысли об объекте» (там же, с. 321). В процессе познания имманентное и трансцендентное неразрывно связаны между собой, и, в то же время, при решении проблемы соотношения явления и сущности, они выступают в виде соотношения непосредственно познаваемого (данного) и познаваемого опосредствованно, через непосредственно данное выявляемого (там же, с. 322). Процесс познания, согласно Рубинштейну, начинается с эксплицитно данных познания, которые влекут за собой «как имплицитное, содержание объекта (сущего)» (там же).

Могут ли приведенные выше особенности познания помочь нам в понимании психического процесса порождения, который так же относится к области трансцендентного?

Следует отметить, что при переходе от философских рассуждений Рубинштейна о взаимоотношениях бытия и сознания, человека и мира к решению конкретно психологических проблем, необходимо проявить определенную осторожность. Она обусловлена тем, что при разработке вопросов решения человеком онтологических и гносеологических проблем, Рубинштейн рассуждает о познании в целом, без особого выделения особенностей познания психического, как порождающего процесса, превращающего «ничто» в бытии в объективную реальность для субъекта, а большей частью рассматривает психическое как способ отражения, действительности и ее познания через продукты процессов непосредственного-чувственного отражения, восприятия, мышления и т.д. Методологической основой для привнесения продуктного образа мышления в психологию является продуктный подход, характерный для гносеологии марксистской философии, рассматривающей познание как отношение между субъектом (с уже принадлежащим ему психикой) и существующим независимо от него бытием. Однако, продуктный подход, возможно, адекватный для решения задач материалистической философии, оказался ограничивающим фактором при решении фундаментальных проблем психологии, касающихся вопросов порождения психических явлений, например, перцептивного образа.

Ограниченность продуктного подхода в психологии впервые с разных сторон была исследована в докторской диссертации А.И. Миракяна [7]. В этой работе было показано, что независимо от науки, изучающей закономерности психического отражения – философия, психология, психофизиология, кибернетика – эти закономерности изучались через продукты заверщенного процесса отражения, и выражались через логические отношения между ними, характерные для данной науки и эмпирического образа мышления исследователя, но не самого процесса порождения. Но самое главное, что характеризует

продуктный подход, - это то, что исследователи не замечали, что при исследовании процесса отражения какого-либо свойства объекта (величина, форма, скорость и т.д., а в общем случае, если сюда же включить внешние и внутренние условия - объект-ситуация онтологической концепции восприятия) в качестве исходных данных брались эти же, уже отраженные, свойства объекта, что не позволяло затем проникнуть в процесс их порождения.

Трансцендентность порождающего процесса восприятия не вызывает сомнений – он непосредственно не представлен в нашем чувственном опыте, но как представить эту трансцендентность и что из этого следует? Вновь обращаясь к философской концепции Рубинштейна, отметим, что трансцендентность порождающего процесса может быть понята в двух вышеприведенных смыслах одновременно. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, процесс порождения, оставаясь трансцендентным, задается перцептивным образом (если есть образ, то должен быть и процесс, к нему приводящий), с другой стороны, процесс порождения, являясь трансцендентным по отношению к действительности эксплицитно данных – перцептивного образа, предпосылок и детерминант процесса – не может быть изучен посредством этих же продуктов восприятия и таким образом остается непознаваемым. То есть, то, чем задается трансцендентное, оно же, как уже воспринятое чувственно данное, ограничивает возможности его познания. Поэтому необходимо признать уникальность психического процесса порождения, как объекта познания, среди прочих объектов познания, особенно тех, которые материальны. Об этой уникальности Г.В. Шукова пишет, как об «абсолютной особости экспликации психики в качестве объекта исследования». И далее уточняет: «Если психика есть форма материальности, потенциально существующая вне ее опредмеченности, то она никак не может исследоваться только на уровне своей атрибутивности – как свойство человека, как непосредственно данная в виде образа, процесса, явления и т.п. психическая реальность» [16, с. 111]. Эволю-

ция подготовляла человека для функционирования в материальной среде. Поэтому все познавательные способности человека приспособлены для отражения материальных вещей и отношений между ними, по причине чего у человека формируется эмпирический образ мышления, предназначенный для «работы», в первую очередь, с перцептивными образами этих вещей или с понятиями им соответствующими, то есть с продуктами психического отражения, но не с процессом их порождающим.

Выбирая в качестве предмета познания или исследования психический процесс отражения, а точнее – психический процесс порождения, тем самым мы создаем парадокс. Парадокс состоит в том, что для исследования порождающего процесса исследователь должен «иметь» как эксплицитно данное перцептивный образ порождающего процесса. И тут мы приходим к противоречию, потому что процесс не может воссоздать себя в форме перцептивного образа, поскольку изначально он предназначен для преобразования другого, внешнего, находящегося за его пределами, взаимодействующего с ним. Порождающий процесс не может воздействовать сам на себя, а потому воспроизвести, выявить и познать самого себя, он предназначен для выявления и познания «другого». Поэтому порождающий процесс не может быть вновь порожденным в качестве перцептивного образа самого себя, не может быть явлением, феноменом восприятия, предметом эмпирического (непосредственного) исследования, потому что научный путь исследования от явления к сущности в этом случае прерывается. Мы не можем говорить ни о явлении, ни о сущности порождающего процесса, а можем говорить лишь о его существовании. Поэтому полиредукционистский подход к изучению психического, так же основанный на продуктном подходе, будет эффективен лишь в практике, потому что этот подход выявляет и учитывает многообразие всевозможных условий существования того, данного лишь имплицитно, что обозначено как «психическое», но не в состоянии определить концепт и исследовать само психическое, как нечто, имплицитно

существующее в бытии, независимо от эксплицитно данных условий существования.

Таким образом, перцептивный образ – это не явление порождающего процесса, а это явление того трансцендентного и имплицитного нечто, которое существует в независимом от человека бытии, которое еще не стало объективной реальностью для субъекта. Перцептивный образ – это свидетельство существования порождающего процесса: «Существование, бытие сущего, - пишет Рубинштейн, - заключается в том, чтобы обнаруживаться (являться) и ...скрываться» [12, с. 305]

Исследование процесса порождения через психическое, через рефлексированные продукты психической деятельности не может привести к его пониманию. И, оказывается, что никакой редукцией к какой-либо научной области знания невозможно объяснить процесс порождения психического. Остается сделать вывод, что о порождении мы не можем говорить, как о явлении, что «процесс порождения психического» или в частном случае «процесс порождения перцептивного образа» это – априорное понятие, стереотип нашего мышления. Ведь из опыта нам известно: то, что непосредственно дано - рождается, развивается и умирает, переходя в новое качество. А, в случае перцептивного образа, если полагать, что он каким-то образом «получается», то это рождение с научной точки зрения представляется как процесс, а не как внезапное появление образа (но, может быть, и этот вариант достоин внимания ученого?), Поэтому понятие «психический процесс», понятие не как последовательность или череда отдельно зафиксированных психических актов, а как непрерывно протекающее внутри этих актов и в промежутках между ними – это понятие, обозначающее сверхчувственное, сверхопытное, исследование которого требует применения априорных понятий. А вся совокупность этих особенностей порождающего процесса восприятия – трансцендентность, сверхчувственность, невозможность непосредственного эмпирического исследования, необходимость применения априорных понятий – указывает на необходимость обращения к новому для современной пси-

хологии («хорошо» забытому старому) метафизическому методу, как возможному способу исследования закономерностей именно такой, «запредельной», реальности, такого уровня имплицитного бытия, которая содержит в себе возможности порождения всего сущего и психического отражения, в том числе, осуществляющегося (тоже) как порождающий процесс.

Ввиду многозначности смысла понятия «метафизика» уточним, что мы понимаем ее не в новом смысле, распространенном в современной психологии, как состоящую в противопоставлении диалектическому методу, а в старом смысле - «... как совокупность утверждений (или теорию), учение обо всем, что носит сверхопытный, сверхфизический характер» [6, с. 117].

С.Л. Рубинштейн отрицательно относился к метафизике, что было обусловлено отнесением метафизики к идеализму. Ход рассуждений Рубинштейна такой: понятие, которое раньше обозначало некоторую определенность, вещь, имело двойное значение – как существование, в качестве субъекта, и сущность, в качестве предиката, но с осознанием понятия как идеи (Сократ), и с «отрывом» понятия от вещи, как самостоятельно существующей идеи, понятие превратилось в субъект, а обозначенное им существование вещи, в предикат. «С этого ведет свое начало идеализм, - пишет Рубинштейн, - и вместе с тем эволюция онтологических понятий, приводящая в тупик, в который уперлась затем метафизика. С этого начинается и оформляется противоположность материализма и идеализма» (12, с. 294). Но так ли это?

Сомнения по этому поводу возникают уже потому, что, анализируя философию наивного материализма древнегреческих атомистов (Левкипп, Демокрит), С.Н. Трубецкой убедительно показывает, что она целиком построена на метафизических предпосылках [14, с. 322-328]. И, отсюда можно сделать вывод, что метафизика имеет отношение не только к идеализму, но и к материализму, к тем предполагаемым первоосновам бытия (атомы и их свойства), из которых затем строится материалистическая и, в частности, научная картина мира. То есть

метафизика характеризует не направление в философии, а образ мышления о бытии в целом, предмет которого может относиться как к материализму, так и к идеализму (бытие, материя, атомы, Бог, понятие, душа и т.д.). В подтверждение того, что метафизика относится и к материализму, можно сослаться на физику Ньютона, которая признана как олицетворение научно-материалистического подхода к изучению природы. И, действительно, оказывается, что многие ее основополагающие, фундаментальные понятия – абсолютное пространство, абсолютное время, инерция, сила, энергия, электричество – являются метафизическими сущностями, непосредственное изучение которых не представляется возможным, хотя и предполагается их имплицитное существование как особенностей реальности или событий, существующих в ней [4].

Важный вклад в понимание сущности познавательных возможностей метафизики, как это ни удивительно, делает основатель научной (экспериментальной) психологии В. Вундт. В своей философской работе «Метафизика» В. Вундт в истории философии выделяет три стадии развития метафизики, характеризующие разные формы метафизического мышления – поэтико-мифологическую, диалектическую и критическую. Но, кроме этого, Вундт показывает метафизику с неожиданной для философов стороны, определив ее психологически – как «неискоренимый умозрительный инстинкт человеческого духа» [2]. Для доказательства этого положения Вундт применяет оригинальный метод анализа мировоззренческих концепций трех естествоиспытателей – Э. Геккеля, В. Оствальда и Э. Маха, которые, несмотря на то, что относили себя к убежденным антиметафизикам, но, все равно, не смогли избежать применения метафизических предпосылок, положенных в основание их представлений о мире и его познании. Это положение Вундта свидетельствует о том, что в каждом человеке, независимо от его мировоззрения, живет метафизик, который особенно часто пробуждается в те моменты, когда человеку приходится сталкиваться с желанием или необходимостью выхода в непроявленный мир первопричин сущности

явлений; но каждый делает это по-своему, по своему разумению, в контексте своей методологии познания и исследования мира, предстоящего сделать «своим».

В предыдущей нашей статье [10] мы подробно обсудили отношение психологии к метафизике и показали истоки возникновения отрицательного отношения к метафизике, которое было связано с изменением (20-е годы прошлого столетия) философско-методологического базиса психологии с антипозитивистски метафизического (не отрицающего, однако, эмпирию), развиваемого русскими философами и психологами, на марксистский исторический материализм. Как следствие этого, постепенно была утрачена традиция и культура метафизического образа мышления – слово «метафизика» стало запретным, а потом и ненужным словом в советской и постсоветской психологии.

Однако онтология – учение о бытии – не была запретным словом, так как вместе с гносеологией составляла часть марксистской философии. А так как метафизика и онтология – близкие по смыслу понятия, то метафизика была полностью заменена онтологией, но такой онтологией, в которой не использовались эмпирически недоказуемые предположения и гипотезы о трансцендентных первопричинах порождения явлений и о соответствующем устройстве мира, скрытого за этими явлениями. Очевидно, это была другая, не метафизическая, онтология.

Учение о бытии (в современном понимании – онтология) в явной своей форме было представлено в «первой философии» Аристотеля, то есть была частью метафизики. Другими словами, по Аристотелю, метафизика («первая философия») была способом рассуждения о «бытии в возможности» и не была предназначена для познания «бытия в действительности», которая изучалась физикой и другими науками. То есть областью познания метафизики было умозрительное постижение первопричин и начал всего (бытия, бога, души, движения и т.д.), которые были сверхчувственны и находились «по ту сторону физики». Поэтому онтологию называли еще и метафизи-

кой бытия, но под бытием подразумевалось не наличное бытие, а «бытие в возможности» или, используя терминологию С.Л. Рубинштейна, бытие, которое еще не стало объективной реальностью для субъекта.

Исчезновение метафизики с горизонта психологической науки было следствием принятия понимания и определения бытия как существующей независимо от субъекта познаваемой реальности, познание которой направлено от эксплицитно данного имманентного к трансцендентному. При таком определении бытия и его познания метафизика теряет свое значение, потому что она предназначена для познания того трансцендентного, которое задается имманентным, но не определяется им. А онтология в этом случае меняет свой смысл, превращаясь в учение об универсальных закономерностях всей той действительности, которая окружает человека, которую можно наблюдать и подвергнуть количественному и качественному анализу. Именно такое понимание онтологии и онтологического подхода используется в современной психологии. Но в таком понимании нет ничего метафизического, и поэтому такая постановка способа познания входит в противоречие с возможностями исследования предмета нашего анализа – порождающего процесса восприятия, потому что, как выше было показано, психический порождающий процесс не может быть исследован (в настоящее время) научными методами, то есть от эксплицитно данных в восприятии к имплицитным и трансцендентным возможностям их порождения.

Отчуждение от метафизики в современной психологии настолько сильно, что от нее отказываются, заменяя ее онтологией, даже тогда, когда в ее применении есть прямая необходимость. Так, например, Ш.Р. Хисамбеев, проводя историко-психологический анализ «Монадологии» Лейбница, называет ее «онтологической концепцией» [15]. Это ужестораживает, потому что Лейбниц о своей «Монадологии» нигде не говорил как об онтологической концепции. Вместо этого Лейбниц много писал о метафизике и принимал ее как особый метод познания, и его «Монадология» была ярким примером при-

менения метафизического подхода к пониманию устройства и организации бытия. Авторы одного из учебников философии пишут: «Г.В. Лейбниц развивает плюралистическое учение о множественности субстанций, лежащих в основе мира. Это особые духовные единицы, или точки, они просты, лишены частей, непространственны. Лейбниц называет их «монады», а свою метафизику – монадологией» [5, с. 154]. Метафизика включает в себя онтологию (Лейбниц), но не всякая онтология (Барабанщиков) возникает из метафизики. Поэтому формальное совпадение двух названий – «онтологическая концепция Лейбница» и «онтологическая концепция восприятия – может вызвать ошибочное представление о тождественности философско-методологических оснований этих двух онтологических концепций. Однако это совершенно разные онтологические концепции, относящиеся к разным уровням бытия: к «бытию в возможности» (Лейбниц) и к «бытию в действительности» (Барабанщиков).

В данном случае (статья Ш.Р. Хисамбеева), как видим, метафизика замещается онтологией и опять выпадает из пространства методологических понятий современной психологии. Но это приводит к тому, что мышление исследователей, осознанно или не осознанно, остается ориентированным лишь на «бытие в действительности», и они продолжают свои поиски решения проблем порождающего процесса восприятия не там, где было «потеряно» – имплицитная область трансцендентного «бытия в возможности», а там, где светло и знакомо.

Таким образом, есть основания полагать, что метафизический подход, на сегодняшний день, является одним из возможных подходов к изучению порождающего процесса восприятия, который может быть совмещен с научным методом (подобно тому, как это произошло и продолжает происходить с физикой).

Доказательство выдвинутого нами предположения было представлено намного раньше в трансцендентальной психологии восприятия [7], [8]. В статье [9] нами было показано, что автором этой концепции восприятия, московским психологом

А.И. Миракьяном, был использован именно метафизический (по определению Миракьяна – афизикальный) подход к изучению порождающего процесса восприятия. Однако, дело в том, что сам А.И. Миракьян не использовал термина «метафизика», потому что в сообществе психологов и философов того времени было принято мнение, что метафизика и материализм - это противоположные по смыслу понятия (поэтому Демокрита мало кто воспринимает как метафизика, хотя, на самом деле, он метафизик-материалист, а Лейбниц – метафизик-идеалист, потому что его монады к тому же наделены душой. Оба философа были метафизиками, потому что давали картину бытия – онтологию – как «бытия в возможности»). Поэтому наиболее приемлемым для А.И. Миракьяна термином, обозначающим принципиально новую концепцию восприятия, претендующую на статус новой парадигмы в психологии (сравнительный анализ современных парадигм восприятия проведен в работе Г.В. Шуковой [16]), оказалось понятие «трансцендентальное», которым указывается область существования объекта познания, но не точно определяется метод его исследования, так как трансцендентное можно исследовать как метафизическими, так и научными методами. Первый путь познания – это путь от глубин мироздания, с заложенными в них возможностями порождения, от картины мира, какой он есть до человека, до его восприятия, от общего и целостного к порождению явления, единичному и конкретному, данному в восприятии человека; в этом случае направление движения мысли исследователя совпадает с направлением развития эволюции и генеза процесса восприятия. Второй, научный, путь познания неизвестного и трансцендентного начинается с конкретного объекта познания и условий его существования, данных сознанию как продукты восприятия, и направлено в сторону более глубоких уровней бытия. Однако этот путь предназначен для исследования всех тех событий, которые существуют в мире и могут быть отражены в виде перцептивных образов, кроме психического порождающего процесса, который сам по себе, непосредственно не может быть представлен нашему

сознанию в виде эксплицитно данного перцептивного образа; научными методами можно исследовать только осознаваемые продукты психической деятельности и все многообразие взаимоотношений между ними.

Осознание всего вышесказанного и побудило А.И. Миракяна к решению метафизической задачи, а именно к описанию такого устройства бытия, которое заключало бы в себе возможности порождения нового. Интересно отметить, что при решении этой задачи А.И. Миракян не идет по пути субстанционального способа описания бытия по образцу Демокрита или Лейбница, и в качестве фундаментальной особенности реальности принимает не существование в ней материальных форм, а спонтанную возможность образования отношений между ними. Материальные формы бытия в концепции Миракяна совершенно безликие и эта характеристика сущего употребляется им вполне осознанно, потому что придание материальным формам каких-либо свойств, как это мы видим в случае атомов Демокрита и монад Лейбница, означало бы привнесение продуктного подхода в метафизическую конструкцию онтологической концепции. Чтобы избежать кажущейся игры слов, поясним это соотношение между метафизикой и онтологией на примере соотношения формы и содержания: в онтологических концепциях, относящихся к «бытию в возможности», метафизика – это форма, а онтология – содержание. Таким образом, хотим еще раз подчеркнуть, что трансцендентальная психология А.И. Миракяна это метафизическая по форме и онтологическая по содержанию концепция восприятия. Поэтому мы солидарны с предложением В.И. Панова обозначить онтологии, относящиеся к «бытию в действительности», развиваемые, как указывает В.И. Панов, например, в концепциях В.А. Барабанщикова и Ж. Пиаже, как «эпистемологическая онтология» [11]. Поэтому можно различать метафизическую онтологию Миракяна и эпистемологическую онтологию Барабанщикова.

Поскольку категория отношения становится центральной в образе мышления Миракяна, то его концепция порож-

дающей реальности оказывается построенной в основном на «процессуальных» понятиях, характеризующих возможность или не возможность образования отношений. Это позволило Миракяну освободиться от продуктных оснований анализа, приводящих в тупик при поиске принципов порождающего процесса восприятия в гносеологической парадигме. Такими основополагающими априорными понятиями в трансцендентальной психологии восприятия являются понятия самодвижения, самосохранения, саморазрушения, отношения единости и различия, гомогенности, анизотропности, дискретизации, фиксации и т.д. Используя эти понятия, А.И. Миракян формулирует принципы гипотетического порождающего процесса, как существующие в бытии саморазвивающиеся тенденции. Следы этих тенденций должны проявляться и проявляются в «бытии в действительности», например, в структурно-процессуальной анизотропности органов восприятия живых существ и парно-симметричной организации их тел. А это уже дает возможность экспериментальной проверки изначально принятых метафизических предположений, чем и обеспечивается переход от метафизических рассуждений к научным исследованиям.

Таким образом, за пределами наличного бытия существует другое, более глубокое, бытие, обозначенное как «бытие в возможности» (Аристотель), бытие, которое еще не стало объективной реальностью для субъекта (Рубинштейн), бытие «в себе» (Барабанщиков), ничто или реальность отсутствующего (Миракян): этот тезис принимается многими психологами. Далее, из этого следует, что существуют разные уровни бытия, которым соответствуют разные онтологии. Это важный момент в исследовании порождающего процесса восприятия, так как возникают вопросы: на каком уровне бытия следует искать принципы порождающего процесса восприятия, на какую онтологию опираться, и, если это окажется более глубокий уровень бытия (Рубинштейн, Миракян), то какой метод окажется возможным и адекватным для создания онтологии этого уровня бытия? Для Барабанщикова, насколько нам известно,

такой дилеммы не существовало. Хотя он и критиковал продуктный подход и отмечал ограниченность его возможностей, но, тем не менее, в своих теоретических рассуждениях опирается на онтологию наличного бытия, то есть, как показал анализ В.И. Панова, на совокупность уже отраженных внешних и внутренних условий восприятия [11].

Трансцендентальная психология восприятия, предложенная А.И. Миракяном, раскрывающая возможности порождения психического на более глубоком уровне бытия, является прелюдией к новой философии и методологии психологии, построенной не на фундаменте психических феноменов и психологических метафор, а на онтологии глубинных уровней природы. А, как видно из данных современной философии науки, именно это и характерно для становления и развития естественной науки.

Список литературы

1. Барабанщиков В.А. Онтологический подход в исследовании восприятия // Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна / под ред. К.А. Абульхановой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». Т. 2, 2009. С. 81-101.
2. Вундт В. Метафизика // Философия в системном изложении. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. С. 117-150.
3. Гейзенберг В. Физика и философия. М.: Наука, 1963. 286 с.
4. Захаров В.Д. Метафизика в науках о природе // Вопросы философии, 1999, №3. С. 97-111.
5. Кузнецов В.Г., Кузнецова И.Д., Миронов В.В., Момджян К.Х. Философия: учебник. М.: ИНФРА, 2004. 519 с.
6. Мамардашвили М.К. Введение в философию // Необходимость себя. М.: «Лабиринт», 1996. С. 7-154.
7. Миракян А.И. Константность и полифункциональность восприятия. Дис.док. психол. н. М., 1987. 433 с
8. Миракян А.И. Начала трансцендентальной психологии восприятия // Философские исследования. 1995, №2. С.77-94.

9. Нагдян Р.М. Метафизические предпосылки трансцендентальной психологии восприятия. Вестник ЕГУ, 140.4, Ер.: Изд-во ЕГУ, 2013. С. 54-68.
10. Нагдян Р.М. Об отношении психологии к метафизике. Психологические исследования, 2014, 7(34), 8. <http://psystudy.ru>
11. Панов В.И. Непосредственно-чувственный уровень восприятия движения и стабильности объектов. Дисс. док. психол. н. М., 1996.
12. Рубинштейн С.Л. Человек и мир / Проблемы общей психологии. Изд. 2. Отв. ред. Е.В. Шорохова. М., «Педагогика», 1976. 416 с.
13. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012. 288 с.
14. Трубецкой С.Н. Метафизика в древней Греции. М.: Изд-во «Мысль», 2003, 589 с.
15. Хисамбеев Ш.Р. Историко-психологический анализ гносеологической и онтологической парадигм в классической немецкой философии: Лейбниц и Кант. Психологические исследования, 2013, т. 6, N31.
16. Шукова Г.В. Парадигмальные изменения в современной психологии восприятия: от психического отражения к порождению психической реальности: монография. Saarbrücken (Германия): Lambert Academic Publishing, 2013. 127 с.
17. Методология современной психологии. Вып. 6 /Сб. под ред. Козлова В.В., Карпова А.В., Мазилова В.А., Петренко В.Ф. – М-Ярославль: ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, МАПН, 2016 – 474с. / С. 266-285.

Эмпирическая психология и метафизика (от современной эмпирической психологии к трансцендентальной)¹⁰

Р.М. Нагдян

В наших предыдущих работах [21], [22] было показано значение и роль метафизических идей в психологии. Главный итог этих исследований состоит в том, что несмотря на то, что метафизика в современной психологии не является предметом методологических обсуждений и, тем более, не воспринимается большинством психологов как средство методологического анализа, метафизика не чужда психологии и способна дать новые эвристические импульсы для углубления и расширения взгляда на природу психики.

Однако принципиально важным становится вопрос о соотношении метафизического и эмпирического в психологической науке, потому что они, на первый взгляд, кажутся несовместимыми.

В философии относительно наук о природе этот вопрос И. Кантом был решен следующим образом.

Рациональное учение о природе, согласно И. Канту, может называться наукой лишь в том случае, если законы, лежащие в основе природы, познаются аргюи и не представляют собой лишь эмпирические законы. Поэтому различаются две разновидности познания природы: познание природы первого рода - чистое познание и второго рода - прикладное познание разумом. А так как наука предполагает понятие о законах, то есть необходимой совокупности всех форм существования определений вещи (что невозможно получить эмпирическим путем), то наука может называться таковой лишь благодаря чистой своей части, включающей в себя априорные принципы всех прочих объяснений природы.

¹⁰ Методология современной психологии. Вып. 6 / Сб. под ред. Козлова В.В., Карпова А.В., Мазилова В.А., Петренко В.Ф. – М-Ярославль: ЯрГУ, ЛКИИСИ РАН, МАПН, 2016 – 474с. / С. 266-285.

Для дальнейшего нашего анализа важно также мнение И. Канта о методологической важности выделения чистой, метафизической, части науки: «Всякая наука о природе в собственном смысле нуждается, следовательно, в чистой части, чтобы на ней могла основываться аподиктическая достоверность, которую ищет в науке разум; и так как в этой части принципы совершенно иного рода, чем чисто эмпирические, то будет также чрезвычайно полезно, более того, по существу дела в методологическом отношении совершенно обязательно излагать эту часть отдельно, вовсе не вдаваясь в другую, и притом по возможности излагать во всей ее полноте, дабы можно было совершенно точно определить, что же разум способен дать сам по себе и где способность его начинает нуждаться в помощи эмпирических принципов. Чистое познание разумом из одних лишь понятий называется чистой философией или метафизикой» [8, с. 56]. Здесь И. Кант явно указывает, во-первых, на то, что метафизические принципы совершенно иного рода, чем эмпирические закономерности, что требует дальнейшей конкретизации, во-вторых, невозможно метафизическими принципами решать эмпирические задачи, и, в-третьих, - Кант указывает на необходимость обращения к эмпирическим принципам, в случае неполноты метафизических рассуждений. А это означает, что не только выбором метафизических оснований определяется организация будущих эмпирических исследований (выбор методологии, предмета, метода и т.д.), но, в свою очередь, эмпирические данные, расширяющие возможности нашего мышления, могут служить предпосылкой для «коррекции» и дополнения этих же метафизических оснований науки. А так как изменение метафизических оснований науки может привести к формированию новой картины мира, то, согласно современной терминологии, это означает переход к формированию новой научной парадигмы.

В современной психологии вопрос о соотношении метафизического и эмпирического в психологии подробно исследован в работах известного психолога Л.Я. Дорфмана, поэтому наш дальнейший анализ основан на результатах исследований этого автора.

В ряде своих работ Л.Я. Дорфман делает попытку осмыслить достижения эмпирической психологии «как пути познания в методологическом смысле», обозначить роль и место мышления в ней, а также показать возможность и необходимость введения эмпирической психологии в самостоятельную область психологии. При этом особое внимание Л.Я. Дорфман обращает на «многовековые оппозиции эмпирического и априорного знания в контексте философской эпистемологии» [7, с. 8], которые в современной психологии привели к оппозиции эмпирической и априорной психологий.

Одним из проводников априорного знания (кроме рационализма, иррационализма, эссенциализма и т.д.) является метафизика, определяемая Л.Я. Дорфманом как «учение о сверхчувственных основах и принципах бытия, предельной реальности, сущностях и первых принципах, универсалиях» [там же, с. 8]. В силу особенностей априорного знания метафизическое знание является необходимым, универсальным и определенным.

В соответствии с особенностями проявлений априорного и эмпирического знания в психологии, Л.Я. Дорфман различает априорную и эмпирическую психологию [6; 7], понимая под априорной психологией теоретическую психологию, которая по своему характеру рационалистическая и, в то же время, метафизическая. Она «ориентируется на те или иные философские картины мира, опирается на законы логики и претендует на познание предельной реальности в тех или иных аспектах» [7, с. 15-16].

В отличие от априорной психологии эмпирическая психология претендует на познание лишь фрагмента реальности, доступного внешнему и внутреннему чувственному опыту. Вместе с тем, Л.Я. Дорфман отмечает, что эмпирическая психология является рационалистической, так как «оперирует мышлением, применяет процедуры рассуждения, ... ориентируется на теории и создает теории, ... производит обобщения и пользуется абстракциями» [там же, с. 16]. То есть априорные понятия могут быть использованы и в эмпирической психологии, например, как результаты обобщений и абстракций, имеющих от-

ношение к эмпирическому материалу. Поэтому основанные на подобных обобщениях знания нельзя назвать метафизическими. Все зависит от задачи решаемой исследователем: если его мышление направлено на определение особенностей предельной реальности или первых принципов, только в этих случаях полученное априорное знание можно отнести к метафизике. То есть априорность сама по себе не может служить водоразделом, линией демаркации, между метафизикой и эмпирической психологией. М.К. Мамардашвили приводит наглядный пример разграничения метафизических и научных (эмпирических) понятий. Он указывает на то, что, например, прямолинейность распространения света может быть подтверждена экспериментально – это указывает на то, что прямолинейность распространения света не была принята априори и поэтому не есть метафизическое качество природы. Но, когда на этом основании исследователь делает вывод о том, что у луча света нет причин отклониться в какую-либо сторону, потому что пространство однородно и изотропно, то в этом случае исследователь делает метафизическое заключение об онтологии бытия [16], о симметричности мира в целом, что, конечно, не подлежит верификации или фальсификации (поэтому можно полагать, что в античной философии симметрия первоначально играла роль метафизического принципа устройства бытия, природы).

Кстати, вся классическая физика И. Ньютона основана на метафизических предпосылках – абсолютном пространстве, абсолютном времени, инерции, силе, причинности и т.д. Необходимо отметить, что выбор И. Ньютоном этих предпосылок не был осознанным. Эти предпосылки соответствовали особенностям мировосприятия его времени и составляли основу классической, как мы теперь называем, ньютоново-картезианской парадигмы. В то же время, выбор метафизических предпосылок науки может быть и вполне осознанным. В качестве примера можно привести работу современного физика, профессора МГУ, Ю.С. Владимирова, который здание всей теоретической физики построил на специально выбранных метафизических предпосылках [4]. А чтобы подчеркнуть особую значимость

этих предпосылок для физики, свой капитальный труд он назвал не курсом теоретической физики, а – «Метафизика» [4].

Л.Я. Дорфман указывает на три вида различий между эмпирическими и априорными (метафизическими) теориями. Во-первых, они расходятся по предмету своих исследований, то есть «в то время как метафизические теории пытаются объяснить сущности (за пределами явлений), эмпирические теории пытаются объяснить явления (в поисках сущности в них)» [7, с. 22]. Во-вторых, метафизические теории являются более абстрактными и менее конкретными, чем эмпирические теории. И, в-третьих, по аналогии с эмпирическими и теоретическими понятиями, Л.Я. Дорфман полагает, что эмпирические теории имеют более конкретное (богатое) содержание и меньший объем, чем априорные (метафизические) теории.

Вопрос о характере границы между эмпиризмом и априоризмом приводит Л.Я. Дорфмана к необходимости описания ряда версий эмпиризма, отличающихся разными степенями наличия в них априорных идей – абсолютного, субстантного и неполного [7, с. 17]. Для нас особый интерес представляет версия неполного эмпиризма. В этом случае, как указывает Л.Я. Дорфман, «есть информативные предложения о реальности, которые в то же время не являются эмпирическими. Положения трансцендентной, или кантианской, метафизики, общие научные принципы сохранения и каузальности... являются априорными. Они устанавливаются исключительно в результате рассуждений без обращения к опыту. Тем не менее остается большое количество собственно эмпирических понятий, предложений, теорий, которые образуют отдельную и самостоятельную область исследований и отличаются от априорных идей» [там же, с. 18]. То есть, согласно этой версии, эмпирическое исследование может содержать и вполне определенную априорную (метафизическую) часть. Это согласуется не только с определением науки о природе, предложенным И. Кантом, но и с данными философии науки, появившиеся во второй половине XX века, о соотношении метафизики и науки. Так, например, сказанное выше о версии неполного эмпиризма созвучно с мнением философа

М. Вартофского об этом соотношении: «У нас не может быть сомнений в том, что в истории науки «метафизические модели»... играли важную роль при построении научных теорий и в научных спорах по поводу альтернативных теорий. Достаточно сослаться на понятия материи, движения, силы, поля, элементарной частицы и на концептуальные структуры атомизма, механицизма, прерывности и непрерывности, эволюции и скачка, целого и части, неизменности и изменении, пространства, времени, причинности, которые первоначально имели «метафизическую» природу и оказали громадное влияние на важнейшие построения науки и на ее теоретические понятия» [3, с. 63]. Как правило, метафизические рассуждения и предпосылки относятся к фундаментальной части науки и представляются в виде имплицитных или полужексплицитных постулатов. Психология как наука не может избежать этого в силу того, что привнесение метафизических идей на начальном этапе становления и развития науки является следствием проявления особенности образа мышления ученого – осознанно или не осознанно исходить из определенной картины мира, истинность которой не требует доказательств и принимается априори.

В психологической науке глубокий анализ основополагающих постулатов разных систем психологии был проведен Н. Смитом [29], причем большинство этих постулатов, были выведены логическим путем при анализе работ конкретного автора-психолога. Совокупность постулатов, лежащих в основании какой-либо из систем психологии, Н. Смит разделил на три категории: протопостулаты – общие руководящие положения, относящиеся к науке в целом; метапостулаты – поддерживающие допущения для конкретной науки, одной из систем психологии; постулаты – допущения, касающиеся предмета исследования. Ниже приведем выборку постулатов (разных категорий) из множества, выделенных Н. Смитом, которые, по нашему мнению, имеют наиболее выраженный метафизический характер.

В этом контексте, например, в когнитивной психологии можно выделить следующие имплицитные постулаты: метапостулаты – «биологическое предполагает дуалистическую роль

биологических функций и психологических функций», здесь же – «психологические события обусловлены функционированием отдельных биологических тканей и не требуют участия всего организма»; постулат – «опыт есть результат деятельности души (mind) конкретного человека. Следствие: душа (mind) есть причина самой себя (selfcausative)»; «причина линейна: входные сигналы обрабатываются в последовательности операций кодирования, сохранения и реконструкции» [29, с. 348]. Полуэксплицитные постулаты в психоанализе: протопостулат – «реальность образуют не только физические, химические и биологические события, но и смыслы вещей (the meanings of things) для людей («психическая реальность»)»; метапостулат – «люди сознательно реализуют право выбора и тем самым определяют собственную судьбу»; постулат – «эротические и агрессивные действия и конфликты свойственны исключительно детству и влияют на последующее поведение» [там же, с. 351]. ИмPLICITные постулаты феноменологической психологии: протопостулат – «природа не представляет собой тотальной взаимозависимости всего, при которой не существует никаких различий; в то же время она не складывается из изолированных процессов. Природа состоит из структур, включенных в непрерывные отношения, являющиеся свойствами целостностей»; метапостулат – «наряду с физическими характеристиками мир обладает смыслами. Именно эти смыслы представляют главный интерес для психологии» [там же, с. 355].

Приведенные выше постулаты демонстрируют факт того, что созданию психологической теории или организации эксперимента и интерпретации ее результатов предшествует, как и в физике, осознанное или неосознанное принятие исследователем определенных метафизических постулатов.

В истории психологии можно выделить также концепции, которые первоначально были метафизическими. К таким теориям можно отнести, к примеру, психоанализ. Однако со временем многие положения психоанализа получили свое эмпирическое подтверждение. «В частности, подтверждены (а) существование бессознательных когнитивных, аффективных и

мотивационных процессов, (б) амбивалентность аффективной и мотивационной динамики и их функционирование в параллельном режиме, (в) происхождение многих личностных и социальных диспозиций в детстве, (г) ментальные репрезентации «Я» и «Других» и их взаимоотношений, (д) динамика развития» (цитата по: Дорфман, 2003, с. 46). В этом же контексте Л.Я. Дорфман указывает и на гуманистическую психологию А. Маслоу, которая также подвергалась резкой критике за ее априорность и метафизичность. Но в конце прошлого столетия появляется новое течение в эмпирической психологии — позитивная психология — наука о позитивном субъективном опыте, позитивных индивидуальных чертах и позитивных нововведениях. В результате такие феномены как надежда, здравый смысл, креативность, духовность, ответственность и другие позитивные феномены стали предметом изучения эмпирической психологии (там же). Поэтому как психоанализ, так и гуманистическая психология, сохранив свои базовые метафизические положения, «приобрели» эмпирическую составляющую, что позволяет причислить их к группе «нормальных» наук.

Примерно такова же была судьба концепции метаиндивидуального мира Л.Я. Дорфмана [5], которая, по утверждению самого автора, первоначально была «явно метафизической». Метафизическим было само понятие «метаиндивидуального мира», потому что оно включает в себя все то, что конкретная индивидуальность считает своим: других субъектов, «вещи и предметы; дом, двор, улицу; места работы и досуга, домашних животных и растения, объекты неживой природы, произведения искусства и массовую культуру» и т.д. [5, с. 67]. Ясно, что приведенный выше список можно увеличить до бесконечности. Это — одна из причин «неуловимости» мира индивидуальности. Двумя другими причинами являются, то, что: а) проблема мира индивидуальности не укладывается в рамки социальной психологии, психологии среды, психологии деятельности, психологии личности, дифференциальной психологии, психологии собственно индивидуальности и других областей психологии, и, б) потому что при попытке изучения метаиндивидуального мира

«всякий раз он как бы наряжает на себя чужие одежды, скрывая свою собственную сущность и особенности своего существования» (там же). Перечисленные аспекты метаиндивидуального мира и указывают на его априорный (теоретический) метафизический характер, на невозможность его непосредственного экспериментального исследования, как психического явления, в своей целостности.

Рассуждая о предмете психологии, на метафизичность психики в имплицитной форме указывает и В.А. Мазиллов: «в истории человечества было накоплено очень много данных, свидетельствующих о том, что вряд ли оправдано редукционистское сведение психе к ее конкретному проявлению. Действительно, психе может проявиться и в самосознании, и в поведении. . . Ликов у психе много. При желании можно сказать, что психика, к примеру, ориентировка в окружающей среде. И это правильно – психика проявляется и в этом тоже. Но сводима ли вся психика к этой функции? Но раскрывается ли в этом ее природа и сущность?» [14, с. 66]. В.А. Мазиллов явно указывает на три качества психики: во-первых, в акте исследования исследователь всегда имеет дело с одним из многочисленных ликов психики, во-вторых, психика обладает потенциальными возможностями проявляться в бесконечном многообразии ликов и, в-третьих, проявления психики не совпадают с сущностью самой психики. Хотя автор утверждает, что он всего лишь ставит «риторические» вопросы, однако уже сама постановка этих вопросов имеет важное методологическое значение, так как указывает на пределы научной психологии, требующие для их преодоления новых методологических подходов к исследованию психики и определению предмета психологии.

Такою же методологическую позицию занимает и В.И. Панов, так же ищущий пути изучения психики для объяснения проявлений разных психических феноменов с единых методологических позиций. «Надо признать, - пишет он, - что в научной психологии мы изучаем не психику в непосредственной форме ее существования, а именно разнообразные ее проявления (частичные феномены), в которые она «облачена» в зависи-

мости от способа полагания, присущего тому или иному способу исследовательского мышления (как модница облакает себя всякий раз в разные одежды). И в зависимости от особенностей исследовательского мышления мы будем фиксировать психику (в качестве объекта и предмета исследования), «облаченную в одежду» тех или иных своих феноменальных проявлений, но не собственно психику как таковую, которая, проявляясь в каждом из своих феноменов, тем не менее не сводится ни к одному из них. Вследствие этого традиционным предметом изучения психологии выступают психические процессы, психические состояния, индивидуальное и групповое сознание и т.п. психические феномены, логически обособленные друг от друга и подменяющие собой психику как единое по своей природе явление» [25, с. 52]. Таким образом, все три методолога (Дорфман, Мазиллов, Панов) рисуют одну и ту же картину: за пределами нашего восприятия и пространства его феноменов, для обозначения которых были использованы метафоры многообразия «лик» и «одежд», существует неуловимая и неосознаваемая причина их порождения (порождающий процесс, психика или метаиндивидуальный мир) – метафизическая сущность, неподдающаяся непосредственному экспериментальному исследованию, обладающая собственными закономерностями, не выводимых из закономерностей порожденных ею же феноменов.

Так как проблема исследования принципов порождения психического и их отношения к метафизике не разработана в должной мере, она требует дополнительного анализа, что мы и попытаемся сделать ниже.

Вопрос о порождении феноменальных проявлений психики всегда был актуален. Однако для подавляющего большинства психологов, как методологов-теоретиков, так и экспериментаторов, решение этого вопроса остается на уровне деклараций и пожеланий. Причины такого положения дел понятны. Они обусловлены в основном двумя факторами: во-первых, тем, что процесс порождения не осознаваем, во-вторых, по причине того, что в психологии восприятия объект исследования (порождающий процесс) и средство его изучения совпадают, поэтому

существенным ограничивающим фактором становится продуктивность (предметность) исследования, как следствие глубоко эмпирического, функционально необходимого, образа мышления человека. И действительно, объект предстает перед исследователем в совокупности своих, уже отраженных, свойств и качеств, поэтому, опираясь на них, невозможно «проникнуть» в процесс, приводящий к порождению этих же свойств и качеств. Поэтому появляется необходимость в поиске нового исследовательского проекта, позволяющего преодолеть ограничения продуктивного подхода.

Такой исследовательский проект уже в 1987 г. был предложен А.И. Миракяном в его докторской диссертации [17], защищенной в Психологическом институте РАО, где он руководил лабораторией моделирования психических процессов. В своем подходе А.И. Миракян при поиске принципов порождения психического отражения отказывается от понятий, описывающих феноменологию психических явлений, и сосредотачивает свое внимание на изучении природных принципов порождения, существующих в развивающейся материи. Предположение о существовании системы таких принципов позволило А.И. Миракяну создать концепцию трансцендентальной психологии восприятия, в русле которой его последователями были проведены многочисленные теоретические и экспериментальные исследования (С.Л. Артеменков [2], В.И. Козлов [12], Н.Л. Морина [20], В.И. Панов [24], Погосян Р.А. [26], Г.В. Шукова [31] и др.), диссертационные в том числе. Нами было показано, что образ мышления и метод теоретического анализа автора трансцендентального подхода соответствует философским метафизическим рассуждениям, имея в виду метафизику в аристотелевском смысле [21], [22].

Необходимость в применении метафизических рассуждений возникает при разрешении парадокса, с которым сталкивается психолог, выбирая в качестве предмета познания или исследования психический процесс отражения, а точнее – психический процесс порождения. Парадокс состоит в том, что для исследования порождающего процесса исследователь должен

«иметь» как эксплицитно данное перцептивный образ порождающего процесса. И тут мы приходим к противоречию, потому что процесс не может воссоздать себя в форме перцептивного образа, поскольку изначально он предназначен для преобразования другого, внешнего, находящегося за его пределами, взаимодействующего с ним. Порождающий процесс не может воздействовать сам на себя, а потому воспроизвести, выявить и познать самого себя, он предназначен для выявления и познания «другого». Поэтому порождающий процесс не может быть вновь порожденным в качестве перцептивного образа самого себя, не может быть явлением, феноменом восприятия, предметом эмпирического (непосредственного) исследования, потому что научный путь исследования от явления к сущности в этом случае прерывается. Мы не можем говорить ни о явлении, ни о сущности порождающего процесса, а можем говорить лишь о его существовании по следам его проявлений. Поэтому полиредукционистский подход к изучению принципов порождения психического, так же основанный на продуктном подходе, будет эффективен лишь в практике, потому что этот подход выявляет и учитывает многообразие всевозможных причин и условий существования того, что обозначено как «психическое», но не в состоянии определить концепт и исследовать сам процесс порождения, как нечто, имплицитно существующее в бытии, независимо от эксплицитно данных условий существования.

Таким образом, перцептивный образ или другой психический феномен, как объект эмпирического исследования, – это не явление (репрезентация) порождающего процесса, а это явление (следы) того трансцендентного и имплицитного нечто, которое существует в независимом от человека бытии, которое еще не стало объективной реальностью для субъекта. Перцептивный образ (психический феномен) – это свидетельство существования порождающего процесса: «Существование, бытие сущего, - пишет С.Л. Рубинштейн, - заключается в том, чтобы обнаруживаться (являться) и ...скрываться» [27, с. 305].

Исследование процесса порождения через психические феномены, через рефлексированные продукты психической

деятельности не может привести к его пониманию. Остается сделать вывод, что о порождении мы не можем говорить как о явлении, что «процесс порождения психического» или в частном случае «процесс порождения перцептивного образа» это – априорное понятие, стереотип нашего мышления. Ведь из опыта нам известно: то, что непосредственно дано – рождается, развивается и умирает, переходя в новое качество. А, в случае перцептивного образа, если полагать, что он каким-то образом «получается», то это рождение с научной точки зрения представляется как процесс, а не как внезапное появление образа (но, может быть, и этот вариант достоин внимания ученого?). Поэтому понятие «психический процесс», понятое не как последовательность или череда отдельно зафиксированных психических актов, а как непрерывно протекающее внутри этих актов и в промежутках между ними – это понятие, обозначающее сверхчувственное, сверхопытное, исследование которого требует применения априорных понятий. А вся совокупность этих особенностей порождающего процесса восприятия – трансцендентность, сверхчувственность, невозможность непосредственного эмпирического исследования, необходимость применения априорных понятий – указывает на необходимость обращения к новому для современной психологии («хорошо» забытому старому) метафизическому методу, как возможному способу исследования закономерностей именно такой, «запредельной», реальности, такого уровня имплицитного бытия, которая содержит в себе возможности порождения всего сущего и психического отражения, в том числе, осуществляющегося (тоже) как порождающий процесс.

Из вышеизложенного следует, что трансцендентальный (метафизический) подход радикально отличается от всех ныне существующих подходов к изучению психики человека и поэтому вписывается в рамки методологического плюрализма, имеющего своих сторонников среди методологов психологической науки. Однако до сих пор концепция трансцендентальной психологии восприятия остается вне поля внимания методологов.

В.А. Мазиллов, анализируя состояние методологии в современной психологии, выделяет четыре класса психологических проблем: 1) феноменологические, 2) теоретические, 3) методологические, 4) историко-психологические [15 с. 6]. Полностью соглашаясь с приведенной классификацией, отметим, однако, что упущен из виду еще один, важный для психологии, класс проблем. Это проблемы, связанные с вопросом о порождении психического. А.В. Карпов также указывает на важность этой проблемы: «Естественно, - пишет он, - что наиболее сложным и главным исследовательским вопросом является проблема того, как именно это происходит, как порождается субъективная реальность во взаимодействии с внешней, объективной реальностью? По существу, это и есть основной вопрос психологии, и она пока не готова дать на него удовлетворительный ответ. Однако сам факт порождения и, соответственно, — существования субъективной реальности именно как своего рода «удвоенной» объективной реальности имеет место и не вызывает сомнений» [9, с. 19]. Оценивая явление порождения как фундаментальный факт, А.В. Карпов отмечает, что он (этот факт) тем не менее часто принимается просто как данность и «не учитывается в должной мере при решении тех или иных исследовательских задач» [там же]. Естественно, о порождении (процессе порождения, порождающем процессе) говорили многие психологи – это тема отдельного исследования. Однако в научной литературе можно встретить лишь указания на существование этого процесса. Причем, следует обратить внимание на то, что никто из исследователей не указывает на то, что «процесс порождения» это всего лишь гипотетическое предположение, не поддающееся непосредственной экспериментальной проверке.

Далее В.А. Мазиллов справедливо замечает в цитируемой работе: «Любая наука имеет дело с некоторой феноменологией, эмпирическими явлениями» [там же], в таком случае получается, что изучение процесса порождения выходит за пределы научного исследования.

Однако существует и другое понимание естественной науки, позволяющее подойти к решению проблемы исследова-

ния принципов процесса порождения. Мы имеем в виду вышеприведенное мнение И. Канта и данные философии науки второй половины XX века о том, какой должна быть наука, из которых следует, что наука состоит не только из эмпирической, но и из метафизической части, которая относится, скорее всего, к ее мировоззренческому аспекту. В то же время, очевидно, что этот «мировоззренческий аспект» так же требует вдумчивого отношения и глубокой разработки. Поэтому психологию можно представить как состоящую из двух частей. Первую, глубинную, часть А.И. Миракян обозначил как «наука психики» (по аналогии с гегелевской «наукой логики»), и она должна была заниматься изучением принципов и закономерностей процесса порождения психических феноменов – метафизическая часть познания психического. Другая часть психологического знания – «наука о психике» или собственно «психология» – занимается изучением принципов и закономерностей изменений, преобразований, развития и образования отношений между непосредственно доступными наблюдению психическими феноменами. Приведенная выше структура психологического знания очень созвучна с рассуждениями В.И. Слободчикова: «Лет 20 тому назад я предложил свое различие, по крайней мере двух систем психологического знания - «психология психики» и «психология человека». Первая, как я уже говорил, это наука о естественном, органическом процессе в живой природе, но главное - это наука о процессе становления той или иной психической формы. Вторая - это наука об уже ставших, случившихся, уже присутствующих психических формах в нашем сознании и «живущих по своим законам». И потому эта наука - наука психологии оформилась и существует как феноменология, как логос о феноменах психического» [28, с. 224]. Однако, еще раз отметим, что традиционная психология для выявления универсальных принципов порождения и функционирования психического исходит из уже ставшей (по терминологии В.И. Слободчикова) феноменологии, что неизбежно приводит к ограничениям продуктного подхода.

«Наука психики» изначально строится теоретически. Это видно и на примере трансцендентальной психологии восприятия: интуитивно выбранные гипотетические метафизические постулаты служили платформой для создания теории, которая давала возможность опосредованной экспериментальной проверки ее положений и, следовательно, исходных постулатов.

Похожим, но все же несколько иным образом, была создана Л.Я. Дорфманом концепция метаиндивидуального мира, о которой говорилось выше. Автор указывает на то, что его концепция первоначально была «явно метафизической», однако последующие эмпирические исследования в области эмоциональных стилей и полимодального «Я» создали определенный эмпирический базис, благодаря чему априорная (метафизическая) концепция приобрела статус «нормальной» науки. Точнее – появилась линия демаркации, отделяющая метафизическую часть концепции от эмпирической.

Несмотря на различия в объекте и предмете трансцендентальной психологии восприятия и концепции метаиндивидуального мира, между ними есть определенные сходства. Во-первых, в обоих случаях в качестве объектов исследования были выбраны «невидимые» реальности, принципиально не поддающиеся эмпирическому исследованию. Эмпирически можно исследовать лишь их отдельные проявления в виде психических феноменов, в которых, однако, уже отсутствовали имманентные этим реальностям особенности и характеристики. Во-вторых, для описания этих реальностей применялся метафизический способ рассуждений. В-третьих, оба исследователя, и Л.Я. Дорфман, и А.И. Миракян, искали и находили методы эмпирических доказательств правомерности своих концепций.

Таким образом, из вышесказанного следует, что исследование процесса порождения психического не только возможно, но и имеет свою специфическую методологию. Однако в современной психологической науке отсутствуют систематические теоретические исследования, посвященные этой проблеме (за исключением работ последователей А.И. Миракяна), что приводит к появлению вопросов: почему психологи-методоло-

ги не обсуждают эту проблему? Почему методологи проблему порождения психического не ставят в виде исследовательского проекта или программы? В трансцендентальной психологии восприятия А.И. Миракяна сделана первая попытка глубокого анализа проблемы порождения и предложен один из возможных вариантов ее решения. Но до сих пор она не получила соответствующей оценки психологического сообщества – ни положительной, ни отрицательной. Даже в последнем издании учебника «Методологические основы психологии» [13], к сожалению, не упоминается о концепции трансцендентальной психологии, в которой предлагается новый методологический подход к изучению проблемы порождения психического. И это несмотря на то, что после его смерти прошло около 20 лет, но теоретические и экспериментальные исследования в этом направлении продолжают, защищаются диссертации, выпущено 11 монографий и в их числе в 1999 и 2004 гг. издательством Института психологии РАН изданы два тома книги А.И. Миракяна «Контуры трансцендентальной психологии», в 2010 году в Психологическом институте РАО состоялась международная конференция «А.И. Миракян и современная психология восприятия» [1].

Сложность или необычность сложившейся методологической ситуации, кроме того, состоит в том, что, как было показано нами [21], начальные этапы исследования принципов порождения психического связаны с необходимостью перехода из области психологии в область философии, а именно - в области (философской) метафизики и философии физики. А это вызывает справедливое возражение у многих психологов: это не наше дело, пусть думают философы. Однако совершенно ясно, что лучше самих психологов никто не решит проблем трансцендентальной психологии.

Хочется надеяться, что последовательные попытки решения этого вопроса приведут к открытию новой главы в такой области теоретической психологии, какой является философия психологии. А в классификации семи базовых парадигм в понимании предмета психологии, предложенной В.В. Козловым [10], появится еще одна – «трансцендентальная», то есть пара-

дигма новой области знания, выходящая за пределы известных волн психологии, в которой описывается такая реальность, где существуют возможности порождения не только психического, но, может быть, и всего сущего.

Если говорить о возможной связи трансцендентальной психологии с остальными областями психологического знания, то среди семи волн психологии можно выделить трансперсональную. Дело в том, что при создании трансцендентальной психологии встала проблема преодоления ограничений продуктного подхода. Сутью этих ограничений было то, что исследователь принципов порождающих психические феномены процесса не мог использовать для их (принципов) изучения понятия, относящиеся к этим феноменам. И тогда возникает сложная проблема: каким образом нужно мыслить, чтобы избежать употребления понятий, относящихся к реальности феноменов. Поэтому в работах, посвященных трансцендентальной психологии, часто указывается на специфический, особый образ мышления, необходимый для решения задач трансцендентальной психологии (см., например, С.Л. Артеменков [2]). Но как преодолеть этот продуктный (предметный) образ мышления, если это результат длительной эволюции, необходимый для эффективного функционирования человека в окружающей его предметной среде? Ответ на этот вопрос дает трансперсональная психология. Вспомним, что предпосылки порождения психического А.И. Миракян искал вне человека, вне его истории и культуры – в бытии, в закономерностях развивающейся материи. Теперь обратимся к определению трансперсональной психологии В.В. Козлова: «Пятая волна психологии выделила в качестве предмета психологии области за пределами общепринятого, персонального, индивидуального уровня переживания, в которых чувство самотождественности выходит за пределы индивидуальной, или личной, самости, охватывая человечество в целом, жизнь, Дух и космос» [11, с. 23-24]. Как видим, в обоих случаях совпадает сам подход к выделению предмета исследования – он вне самости человека. Но гораздо важнее другое. Из этого сравнения неявным образом вытекает, что решение задач тран-

сцендентальной психологии должно сопровождаться трансперсональным переживанием. А это означает необходимость перехода из обычного состояния в другое, измененное состояние сознания, где реализуется другой образ мышления в соответствующей ему логике. Или, если поставить знак равенства между обычным состоянием сознания и Эго, то сам переход в новое измененное состояние сознания, согласно В.В. Козлову, совершается по схеме: «сначала дифференциация, независимость функционирующего Эго и затем трансцендирование привязанности к этому Эго» [там же]. Таким образом, соответствующий трансперсональный опыт становится необходимым импульсом и условием развития трансцендентальной психологии.

К тем же теоретическим результатам можно прийти и другим путем. По словам С.Л. Рубинштейна, «На чувственной поверхности явлений представлен итоговый, суммарный результат глубинных процессов, взаимодействий и определений как процессов в сущем» [27, с. 312]. Отсюда становится понятным, что «глубинные процессы в сущем», ответственные за порождение перцептивного образа или другого психического феномена, предполагают другой способ существования, определяющий (по С.Л. Рубинштейну) другой уровень бытия и, следовательно, другую онтологию. А это приводит к тому, что процессы порождения не могут быть описаны в системе понятий результатов порождения – всего того, что относится к остальным компонентам перцептивного события, существующих в наличном бытии. Поэтому «язык» описания перцептивного события в своей целостности становится неоднородным, появляется необходимость создания и применения разных онтологических подходов для описания разных составляющих перцептивного события, существующих на разных уровнях бытия. Поэтому, для достижения этих целей, очевидным становится необходимость применения разных «языков» описания. В то же время, согласно исследованиям Д.Л. Спивака [30] по лингвистике измененных состояний сознания, известно, что каждому измененному состоянию сознания соответствует «свой язык», со своей грамматикой и логикой. В нашей работе также подчеркивалось

то, что психологической причиной появления разных направлений в философии является наличие у философов разных состояний сознания [23]. Из вышесказанного следует, что переход на новый, афизикальный, язык для описания реальности трансцендентальных событий возможен при соответствующем изменении состояния сознания. А это может быть осуществлено лишь при наличии трансперсонального переживания. То есть в данном случае трансперсональное переживание используется как одно из средств и условий создания концепции трансцендентальной психологии.

Однако нет лучшего способа доказать справедливость приведенных выше рассуждений, чем обращение к фактам самой жизни. Во время одной из встреч автора этих строк с Аршаком Израеловичем Миракяном в его московской квартире произошло следующее. Аршак (Аршак Израелович всегда просил, чтоб его называли по имени) хотел показать мне одну из множества магнитофонных записей своих бесед с известными психологами и философами. Во время этих поисков вдруг я услышал тихий голос Аршака на фоне классической музыки. Несмотря на то, что запись звучала всего 6-7 секунд, но не узнать эту музыку, просто, было невозможно: звучал финал Шестой симфонии П.И. Чайковского. Думаю, излишне говорить о силе эмоционального воздействия именно этой части Шестой симфонии – не хватит эпитетов. Случайно сложившаяся ситуация? Случайное совпадение? Конечно, нет! Аршак говорил медленно и вдумчиво, в такт музыке, его голос и музыка слились в одно полифоническое целое. Можно с уверенностью предположить, что для Аршака это служило способом создания другого, более глубокого, состояния сознания, в котором, возможно, ему открывались совершенно иные реальности. А новый поток сознания давал начало новому образу мышления и новой логике.

Однако вернемся к нашей статье.

Обобщая возможности и итоги развития трансперсональной психологии, В.В. Козлов пишет: «Собственно, предел предмета психологии достигнут» [11, с. 25]. Можно согласит-

ся с этим выводом В.В. Козлова, но только наполовину, потому что совершенно справедливо указывается лишь «верхний» предел. Но ведь существует и «нижний» предел, ограниченный предметом трансцендентальной психологии, а именно поиском принципов и закономерностей процесса порождения психического. Общее в этих двух психологиях в том, что их предметы находятся вне пределов персонального, индивидуального опыта. Но, несмотря на это, они «занимают» противоположные пределы всего пространства психической реальности и соответствующего ей психологического знания – от возможностей порождения и возникновения психического до ощущения реальности, выходящей за пределы «объективной реальности» и переживания всего того, что называется трансперсональным опытом.

Поэтому, из вышесказанного следует, что трансцендентальная психология может быть включена в систему интегративной психологии как ее необходимая часть, в результате чего она приобретет целостность и окончательную завершенность, потому что за «нижним» пределом следует Ничто, а за «верхним» - бесконечность многообразия трансперсонального опыта, охватывающего «человечество в целом, жизнь, Дух и космос».

Список литературы

1. «А.И. Миракян и современная психология восприятия»: сборник материалов научной конференции (30 ноября 2010 г.) / Под общ. ред. Н.Л. Мориной, В.И. Панова, Г.В. Шуковой. М.: УРАО «Психологический институт»; Обнинск СГ - СОЦИАН, 2010. – 580 с.
2. Артеменков С.Л. Трансцендентальная психология как изменение образа мышления //А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции (30 ноября 2010 г.) / Под общ. ред. Н.Л. Мориной, В.И. Панова, Г.В. Шуковой. - М.: УРАО «Психологический институт», 2010. С. 324-358.

3. Вартофский М. Эвристическая роль метафизики в науке // Структура и развитие науки (Бостонские исследования по философии науки). М.: Изд-во «Прогресс», 1978. С. 43-110.
4. Владимиров Ю.С. Метафизика. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2009. - 568 с.
5. Дорфман Л.Я. Метаиндивидуальный мир: методологические и теоретические проблемы. – М.: Смысл, 1993. - 456 с.
6. Дорфман Л.Я. Эмпирическая психология: исторические и философские предпосылки. – М.: Смысл, 2003. – 107 с.
7. Дорфман Л.Я. Горизонты современной эмпирической психологии. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2008. Т. 5, N3. С. 3-30.
8. Кант И. Сочинения в шести томах, т. 6. М.: «Мысль», 1966. - 743с.
9. Карпов А.В. Метасистемный подход к исследованию системогенетических закономерностей. Материалы III Всероссийской научно- практической конференции «Системогенез учебной и профессиональной деятельности», Ярославль, изд. «Канцлер», 2007. – 312 с.
10. Козлов В.В. Интегративная психология: Пути духовного поиска, или освящение повседневности. – М.: Психотерапия, 2007. - 528 с.
11. Козлов В.В. Трансперсональная психология. М.: Эксмо, 2010. – 512 с.
12. Козлов В.И. Формопорождающий процесс и непосредственно-чувственное восприятие времени // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции. (30 ноября 2010 г.) / Под общ. ред. Н.Л. Мориной, В.И. Панова, Г.В. Шуковой. М.: УРАО «психологический институт»; Обнинск СГ - СОЦИАН, 2010. С.90-150.
13. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. М.: изд. Юрайт, 2011. – 490 с.

14. Мазиллов В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль, МАПН, 1998 – 359 с.
15. Мазиллов В.А. Методология психологии. Ярославль, изд. МАПН, 2007. – 344 с.
16. Мамардашвили М.К. Введение в философию // Необходимость себя. М.: «Лабиринт», 1996. - С. 7-154.
17. Миракян А.И. Константность и полифункциональность восприятия. Дисс. док. психол. наук. М., 1987.
18. Миракян А.И. Контурь трансцендентальной психологии. М.: ИП РАН. 2004. – 405 с.
19. Миракян А.И. Контурь трансцендентальной психологии. М.: ИП РАН. 2004. – 405 с.
20. Морина Н.Л. Теоретико-экспериментальное исследование принципов порождающего восприятия в осознании // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции (30 ноября 2010 г.) / Под общ. ред. Н.Л. Мориной, В.И. Панова, Г.В. Шуковой. - М.: УРАО «Психологический институт», 2010. С. 150-217.
21. Нагдян Р.М. Метафизический подход к методологии исследования психического отражения реальности. Дисс. док. психол. наук, Ереван, 2014.
22. Нагдян Р.М. За пределами онтологической концепции восприятия. Журнал «Теоретическая и экспериментальная психология», 2015, т. 8, N1. С. 49-61.
23. Нагдян Р.М. Психологический релятивизм реальности. Психология философии, Ереван, изд. «Айастан», 2009. – 104 с.
24. Панов В.И. Экопсихология (парадигмальный поиск). М.; СПб.: Психологический институт РАО, НЕСТОР-История, 2014. – 304 с.
25. Панов В.И. Парадоксы изучения психики и возможность их преодоления / Национальный психологический журнал, 2011, N 1(5). С. 50-54.

26. Погосян Р. А. К проблеме изучения реальности мышления от общего к частному // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции. - М.: УРАО «Психологический институт»; Обнинск СГ - СОЦИАН, 2010. С. 368-383.
27. Рубинштейн С.Л. Человек и мир / Проблемы общей психологии. Изд. 2. Отв. ред. Е.В. Шорохова. М., «Педагогика», 1976. - 416 с.
28. Слободчиков В.И. Антропологический статус современного психологического знания / Известия Саратовского университета, серия антропология образования. Психология развития, 2014. Т. 3, вып. 3 (11). С. 224-228.
29. Смит Н. Современные системы психологии. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 384 с.
30. Спивак Д.Л. Измененные состояния сознания: психология и лингвистика. СПб.: Ювента, 2000. – 296 с.
31. Шукова Г.В. Парадигмальные изменения в современной психологии восприятия: от психического отражения к порождению психической реальности: монография. Saarbrücken (Германия): Lambert Academic Publishing, 2013. 127 с.

Методологическое эссе¹¹

Р.М. Нагдян

Как говорят – всему свое время. Завершено чтение книги профессора В.М. Мазилова «Стены и мосты: методология психологической науки». Первое впечатление – ощущение свежести. Хотя большинство статей, включенных в книгу, написаны автором в течении последних 20 лет, но – проблемы, обсуждаемые в них, вечные и не зависят от времени, вечные и волнующие. Одним словом, хочется сказать – «красиво», потому что это не только научная работа со своими абстракциями и обобщениями. Красиво, потому что написанное – «пойетическая» работа, в которой сливаются поэзия текста, романтизм ученого и процесс созидания им научной «симфонии», где все должно быть строго и подчинено законам гармонии. Но эти законы в «пойетической» работе не исключают возможностей вариаций, необходимых реприз и изящных пассажей, употребления образных метафор и свободных ассоциаций.

...Сначала было Слово, потом был создан мир... Научная работа начинается с методологической позиции исследователя, указывающей дорогу к величайшей тайне природы. В работе она сформулирована очень четко: «Наша позиция состоит в том, - пишет В.А. Мазилев, - что исследовать психическое можно по-разному, на разных уровнях. Исследование психофизики, к примеру, может не предполагать трансперсональной трактовки психического. Но для изучения каких-то иных вопросов это просто необходимо. Поэтому бессмысленно спорить, какой из подходов более правильный. Необходимы все, но важно иметь общее понимание психического, в рамках которого нашлось бы место для этих различных уровней. Выработать это общее понимание должна методология психологии» (Мазилев, с. 12). Итак, цель работы – «выработать общее понимание психического».

¹¹ Вокруг «Стен и мостов»: размышления о методологии психологической науки. Сб. статей / под ред. В.А. Мазилова. — Электрон. текстовые дан. — Ижевск: ERGO, 2016. – С. 57-75.

Но... сначала бывает мотив, потом возникает цель. Каков же мотив автора? Это беспокойство и размышления о судьбе психологической науки. А «судьба науки предопределяется пониманием предмета науки и ее метода» (там же). Поэтому нужна глубокая методологическая проработка проблемы психического. А приблизится к цели можно разными путями и одним из них является – «пойетический»: сочетание поэтического, романтизма, образных метафор, символики, созидательного творчества и... «синхронистичности» (по К.Г. Юнгу). В.А. Мазиллов обращает внимание читателя на одну из примечательных черт «пойетической» работы, когда психика человека обнаруживает совершенно неожиданные совпадения сходных событий, спонтанная очередность появления которых в разных контекстах жизни недоступно нашему пониманию. В подтверждение этому автор приводит цитату из работы В.М. Аллахвердова: «Мы не умеем осознавать процесс создания сознаваемого; то, что мы осознаем (мысли, чувства и пр.), всегда присутствует в нашем сознании уже в готовом виде. Человек способен дать себе отчет лишь в том, что именно он осознает, но не может объяснить переход от одних своих мыслей к другим» (Аллахвердов, 2003, с. 18), и далее, в качестве доказательства, Аллахвердов приводит слова Бальзака, Моцарта и Бродского. Однако, уточним, что нам непонятно не только то, как человек от одной мысли переходит к другой, но даже то, как возникает сама мысль. Думаем, что этой цитатой В.А. Мазиллов передал самую суть психологического исследования, приближающего нас к великой тайне природы. Как исследовать процесс создания сознаваемого, что из себя представляет этот процесс? Ведь всегда человек имеет дело с продуктом, с результатом этого процесса, присутствующем в нашем сознании «уже в готовом виде». Однако... сначала бывает процесс, потом возникает результат, но человек осознает только результат, подобно тому как мы видим фрукт на дереве, но совершенно не замечаем процесс, приводящий к его созреванию. Если продолжить эту аналогию, то можно сказать, что психолог всегда имеет дело только с «фруктами» (образы, представления, мысли, чувства и пр.). А когда он хочет проникнуть в величайшую тайну природы – как

возникают эти «фрукты», то используя сами «фрукты», увы, он сделать это не сможет. Представьте себе биолога, который для понимания процесса, приводящего к созреванию фруктов, имеет возможность исследовать только сами фрукты. Но как бы он не изучал форму, цвет, запах, вкус и даже химический состав фруктов, все равно, имея только эти данные, он никогда не проникнет в тайну процесса, например, фотосинтеза, столь необходимого для появления плода. Для этого нужно выйти за пределы фрукта. Для этого нужно знать, что исследовать и как это сделать, то есть опять мы пришли к проблеме предмета науки и ее метода. Эта главная тема научной «симфонии» автора затем всплывает в других местах работы, в неожиданных контекстах, напоминая явления синхронистичности, которые впервые в психологии были изучены К.Г. Юнгом.

Главная тема научного творчества В.А. Мазилова возникает и при анализе методологической позиции Карла Густава Юнга. Огромную заслугу Юнга автор видит в том, что Юнг не ограничивается констатацией факта непостижимости природы психического, «а ищет пути исследования того, что постичь можно, - психической реальности» (Мазилов, с. 20). В контексте этого анализа В.А. Мазилов указывает на вопрос, который часто возникает в современном науковедении: почему психологи, в отличие от представителей других дисциплин, так озабочены размышлениями о предмете собственной науки, «тогда как это вовсе не обязательно и в этих других дисциплинах... такими спекуляциями вовсе не занимаются?» (там же). Ответ В.А. Мазилова имеет большое значение для правильной постановки вопроса о предмете психологии: «Возразить в данном случае очень легко. В некоторых науках, в частности, в психологии предмет «двойной» — основу составляет базовое, фундаментальное представление о «психе» (впрочем, часто неосознаваемое исследователем, поэтому остающееся латентным, несмотря на, казалось бы, обязательную профессиональную рефлексию), а над ним располагается реальный предмет исследования. Вряд ли нужно специально пояснять, что это базовое представление о предмете (даже если природу его постичь нельзя) определя-

ет очень многое в стратегии психологического исследования, и, в частности, диапазоны возможных пространств психической реальности. Скажем, то, что в пределах одного понимания (парадигмы), безусловно, является психическим феноменом, достойным изучения, в другом представляется артефактом, случайностью, жульничеством, нелепостью и как бы не существует вовсе. Так вот, одна из многочисленных заслуг Юнга состоит в том, что он дал эскиз новой методологии исследования психического. Как уже говорилось выше, Юнгом был предложен иной метод — акаузальный, амплификативный, синтетический» (Мазиллов, с. 20-21). И так, повторим. Предмет психологии «двойной», причем основу составляет «базовое, фундаментальное представление о «психе»». Обсуждается ли эта двойственность психики и, в особенности, ее базовая составляющая, в психологической методологической литературе? Как это ни парадоксально, но ответ — отрицательный: большинство методологов предпочитают не обсуждать фундаментальную проблему двойственности психики. Лишь у отдельных психологов можно встретить краткие замечания по этому поводу. Так, например, А.И. Миракян говорит о «науке психики», имея в виду фундаментальную, непосредственно недоступную сознанию, часть психики, и «науке о психике» (или собственно «психологии»), изучающей проявления психических феноменов в «поверхностной» части психики (Миракян, 1999). Похожее разделение делает и В.И. Слободчиков (кстати, ссылаясь на А.И. Миракяна) различая «психологию психики» и «психологию человека» (Слободчиков, 2014). Обратим также внимание и на то, что В.А. Мазиллов говорит о «психе» в юнговском понимании, как о недоступной сознанию исследователя (недифференцированной, целостной) психической реальности. Ни одна традиционная (классическая или не-классическая) психологическая теория не касается этого вопроса. Особо хотим отметить, что речь идет не об отдельных исследователях, - они, конечно, есть и делают попытки заглянуть за пределы осознаваемого, туда, где существует базовая, фундаментальная часть психики. А речь идет о психологическом сообществе, которое остается равнодушным

к подобным попыткам: они не отражены в учебниках по психологии, им не посвящаются конференции, отсутствуют методологические дискуссии для ответа на вопрос: «Что мешает психологам исследовать эту, неосознаваемую, часть психики, которая является причиной порождения психических феноменов?». Самый глубокий и «весомый», с научной точки зрения, ответ на этот вопрос был дан московским психологом профессором А.И. Миракяном (Миракян, 1999, 2004). Автор трансцендентальной психологии убедительно показал, что причиной, не позволяющей психологам исследовать глубинную порождающую часть психики, является продуктный подход, которым определяется одна из неосознаваемых частей общечеловеческого метода познания и психологов в том числе. В чем суть продуктного подхода? Если обратиться к метафоре фруктового дерева, то можно сказать: фруктом невозможно познать процесс созревания фрукта. Между тем, психологи именно так и поступают. Если, например, необходимо изучить закономерности психического отражения величины предмета, то в качестве исходной данности для экспериментального и теоретического исследования берется сама, уже отраженная, величина предмета. Ясно, что такой подход не приведет к раскрытию величайшей тайны природы – единых принципов порождения не только величины предмета, но и всех других феноменов психического.

Тогда чем же занимаются психологи? Что они изучают? Снова приведем слова В.А. Мазилова о «двойной» структуре предмета психологии: «... в психологии предмет «двойной» — основу составляет базовое, фундаментальное представление о «психе» (впрочем, часто неосознаваемое исследователем, поэтому остающееся латентным, несмотря на, казалось бы, обязательную профессиональную рефлексию), а над ним располагается реальный предмет исследования». Это означает, что реальный предмет психологического исследования, то есть то, что исследуют современные психологи, расположен над базовой, фундаментальной частью психики («психе» по Юнгу), которая не осознается и остается латентной. Другими словами, научная психология изучает особенности проявлений психических феноменов и взаимо-

отношений между ними. А то, что порождает эти феномены не только не исследуется, но и не обсуждается.

Что можно ожидать от изучения базовой, фундаментальной составляющей психики? Согласно В.А. Мазилову, это повлияет на определение стратегии психологического исследования, и, в частности, на «диапазоны возможных пространств психической реальности» (Мазилов, с. 20). Действительно, нам известны множество разных психологических пространств: сенсорные, эмоциональные, мыслительные, смысловые, психосемантические и другие, но что нас ожидает в глубинах психического, какое пространство? Ведь это пространство, по нашему мнению, не должно быть ни сенсорным, ни эмоциональным, ни мыслительным и т.д., так как все перечисленное относится к пространствам осознаваемого поверхностного слоя психики, верхушке айсберга, порожденного неизвестным нам пространством глубинной «психической» реальности. С другой стороны, как это показано в вышеупомянутых работах А.И. Миракяна, обращение к до-продуктной реальности позволяет выявить единые, универсальные принципы порождения психических феноменов всех модальностей (в широком смысле). Не вдаваясь в подробности этой уникальной (единственной в своем роде) концепции трансцендентальной психологии, отметим лишь, что одним из ее универсальных принципов порождения является принцип образования анизотропных отношений.

Однако вернемся к К.Г. Юнгу и оценке В.А. Мазиловым его методологической позиции. Важность «возвращения» К.Г. Юнга в Россию В.А. Мазилов видит в том, что «Карл Юнг является носителем одной из альтернативных методологий психологической науки» (Мазилов, с. 24). Значение этой альтернативной методологии в том, что она «позволяет работать в условиях «двойного» предмета психологии, осуществляя адекватные переходы внутри него, что создает возможность для реального изучения психического» (там же).

Хотим отметить, что К.Г. Юнг был одним из основоположников не только трансперсональной психологии, но и, совсем недавно возникшей, квантовой психологии, которая так же пока

не вписывается в рамки академической психологии. Дружба К.Г. Юнга с одним из основателей квантовой механики В. Паули, очевидно, способствовала выявлению сходных черт в поведении квантовых частиц и психики человека. Он писал: «эта необычайная встреча атомной физики с психологией имеет для последней неоценимое преимущество, потому что она доносит до нас предчувствие возможности какой-то архимедовой точки для психологии. Ведь микрофизический мир атома обнаруживает черты, чье родство с психическим бросается в глаза даже физику. Здесь выявляется, очевидно, по крайней мере, в виде намека, возможность «реконструкции» психического процесса в совершенно другой среде, а именно в среде микрофизики материала» (Юнг, с. 300).

Таким образом, объединяются два класса явлений, считавшиеся несовместимыми противоположностями, - физические и психические, и в нашем представлении о Вселенной восстанавливается целостность и неразрывное единство всех существующих в ней явлений. Вероятно, настанет время, когда у психолога и физика будет один и тот же объект исследования, и понятие «психофизика», введенное в психологию в XIX веке Г. Фехнером, наконец-то приобретет свое естественное и истинное значение - как науки, исследующей психические проявления глубинных природных (физических) явлений.

Что же получается, когда появляются разные предметы психологии? Тогда возникают территории разнородных знаний и стены, их разделяющие. Есть стены, возведенные для разделения, а есть стены для защиты... Стены не понимания, не признания и разобщения... И тогда возникает необходимость «наведения мостов» между ними – нахождения точек соприкосновений. Метафоры В.А. Мазилова очень наглядно и точно описывают состояние современной психологии. С одной стороны – существование разных психологий, приводящее к методологическому плюрализму, с другой – запреты академической психологии на проникновение в психологию нетрадиционных и альтернативных направлений. В частности, подход К.Г. Юнга к исследованию психического был далек от естественнонаучного,

поэтому в советские времена он попал в разряд нетрадиционных и был чужд советской психологии. Однако можно привести примеры подобных запретов, относящихся и к нашему времени. В недавнем прошлом научная психология делала вид, что «никакой трансперсональной психологии попросту нет (или полагает про себя, во внутренней речи, что последняя, может быть, и есть, но представляет собой разновидность либо мистики, либо «паранатуки», а потому «высокая наука» для сохранения реноме должна держаться подальше)» (Мазиллов, с. 28). То же самое можно сказать и о трансцендентальной психологии, которая появилась в России более тридцати лет назад, но академическая психология до сих пор никак не отреагировала на это событие, точно так же делая вид, будто никакой трансцендентальной психологии попросту нет. «И разобщенность между этими течениями, явная стена, мешающая интеграции, является фактором, негативно влияющим на развитие психологической науки в целом» (Мазиллов, с. 29). В этом нельзя не согласиться с В.А. Мазилловым. А в качестве временного средства, для осуществления интеграции, автор предлагает «наведение мостов», которые бывают не только над реками, но и над стенами. «И название такого моста – виадук (via – путь, ducere – вести) представляется глубоко символическим» (Мазиллов, с. 29).

О каких же мостах говорит В.А. Мазиллов? Известно, что мосты бывают разные. Они разные и в психологии.

Мосты нужны в самой психологии между разными направлениями и подходами, так как известно, что существует много теорий личности, памяти, мышления и т.д. И настало время понять, подчеркивает автор, что прошли те времена, когда можно было признавать одну теорию «правильной», а другую «неправильной», так как «Ясно, что многообразие подходов - это результат столкновения с чем-то действительно многоликим, единым» (Мазиллов, с. 36).

В.А. Мазиллов считает также необходимым «построение» мостов между разными психологиями (донаучной, философской и собственно научной); между научной психологией и практической психологией.

Важнейшими видами мостов, приближающими психологию к ее целостной форме, являются мосты между традиционной психологией и новыми альтернативными направлениями, и в качестве примера можно привести направления, продолжающие юнговские традиции. Этот вид мостов необходим также и для трансцендентальной психологии А.И. Миракяна, и для метафизического подхода к изучению принципов порождения психического, разрабатываемого нами (Нагдян, 2014).

Мосты необходимы и между психологией и другими науками о психике, а также между психологией и другими научными дисциплинами.

А для осуществления всего этого грандиозного «строительства» нужна, по замыслу В.А. Мазилова, специально предназначенная для этой цели коммуникативная методология.

Что же является предпосылкой для осуществления интеграции посредством «наведения мостов»? Автор предлагает следующее: «Мне кажется, академическая российская психология должна сделать первый шаг. И этот шаг должен состоять в критическом взгляде на собственный предмет. И в признании того, что, возможно, трактовка психического как отражения уже выполнила свою функцию, позволив раскрыть динамику психических процессов. Более нейтральная характеристика психического — скажем, как психической активности, позволяет найти точки соприкосновения, «навести мосты» между научной психологией и современными нетрадиционными направлениями в психологии (кстати, и различными психотехнологиями — от древних до новейших)» (Мазилов, с. 29). Данная методологическая позиция, которая оформляется автором как коммуникативная методология, правильная и, действительно, непосредственно связана с новым определением предмета психологии. Весь вопрос в том: можно ли «создать» определение предмета психологии соответствующего объема? На что и указывает сам автор: «Необходимо широкое понимание предмета, позволяющее включить в сферу исследований психическую реальность во всех ее проявлениях» (Мазилов, с. 54). Однако, мы полагаем, что возможна и иная постановка вопроса о предмете психологии: «Необходимо опре-

делить те природные принципы психе, которые заключали бы в себе возможность порождения психической реальности во всех ее проявлениях» (на решение этого вопроса претендует трансцендентальная психология). И второй, важный, момент: как добиться того, чтобы новый предмет психологии был определен не логически, тогда мы вновь окажемся в тупике, а онтологически. И, наконец, третье: чтобы предмет психологии определить онтологически, мы должны помнить о двойной структуре психики и создать методы теоретического изучения ее базовой, фундаментальной части.

На вопрос о том, как определить природные принципы, в которых заложены возможности порождения психической реальности во всех ее проявлениях, должна ответить новая методология (это один из основных тезисов В.А. Мазилова; «предмет психологии может быть определен с помощью новой методологии», с чем мы полностью согласны). О том, какой может быть новая методология, можно предположить из слов великого классика психологии У. Джеймса: «Когда в психологии явится свой Галилей или Лавуазье, то это, наверное, будет величайший гений; можно надеяться, что настанет время, когда такой гений явится и в психологии, если только на основании прошлого науки можно делать догадки о ее будущем. Такой гений по необходимости будет «метафизиком». А для того, чтобы ускорить его появление, мы должны сознавать, какой мрак облекает область душевных явлений, и никогда не забывать, что принятые нами на веру положения, на которые опирается все естественноисторическое исследование психических явлений, имеют временное, условное значение и требуют критической проверки» (Джеймс, с. 361). К сказанному У. Джеймсом сделаем небольшое дополнение, а именно то, что метафизика, в философском смысле, уже сама по себе является методологией. На необходимость объединения психологии и философии указывает и поздний В. Вундт. Без метафизики, утверждает Вундт, психология превратится в «ремесленничество». В своей книге В.А. Мазилов приводит очень интересную цитату из работы В. Вундта 1913 года, которая адресована, в первую очередь, психологам: «...более общие и наиболее

важные для психологического образования вопросы столь тесно связаны с определенной, теоретико-познавательной и метафизической точкой зрения, что непонятно, как они когда-либо исчезнут из психологии. Именно этот факт ясно доказывает, что психология относится к философским дисциплинам, и что таковой она останется и после превращения в самостоятельную науку, так как, в конце концов, в основе такой самостоятельной науки могут лежать только метафизические воззрения скрытые и — если отделившиеся от философии психологи не будут обладать более или менее основательным философским образованием — незрелые. Поэтому никому это отделение не принесет больше вреда, чем психологам, а через них и психологии» (Вундт, с. 117; цит. по: Мазилев, с. 108). Хотим обратить внимание читателей на то обстоятельство, что и Джеймс, и Вундт говорят не о философии в целом, а о ее конкретном разделе, о ее центральной части — метафизике.

О необходимости обращения к метафизике, при решении методологических проблем психологии, говорили и мэтры российской психологии.

Одна из попыток вновь обратиться к метафизике, чтоб вывести психологию из кризиса, была предпринята В.П. Зинченко. В своем выступлении на «Круглом столе», организованном журналом «Вопросы философии» в 1993 году, В.П. Зинченко, характеризуя состояние психологической науки, оценил его не как кризисное (как это принято говорить), а как катастрофическое (Зинченко, 1993). Согласно В.П. Зинченко, российская психологическая наука отклонилась от пути своего естественного развития, постоянно приспосабливаясь к жестким ограничениям марксистской идеологии. Выход из тупика В.П. Зинченко видел в переосмыслении и восстановлении культурного поля первых десятилетий XX века, для которого было реальностью «полифоническое и диалогическое сознание».

Чтобы пояснить свою мысль, В.П. Зинченко приводит пример того, как идеи В.С. Соловьева о всеединстве человеческого знания, об Абсолюте оказали влияние на П.А. Флоренского, В.И. Вернадского, Д.Н. Узнадзе, А.Н. Северцева и А.Г. Гуревича (о

духосфере, ноосфере, биосфере, психике как факторе эволюции, биологическом поле - соответственно). Кроме того, В.П. Зинченко указывает на влияние идей П.А. Флоренского об органопроекциях на представления А.А. Ухтомского, Н.А. Бернштейна и А.Н. Леонтьева о функциональных органах индивидуальности. Эти примеры научной преемственности и взаимовлияний В.П. Зинченко характеризует, как гармоничность многоголосного звучания и отмечает это как особенность феномена культуры, научно-философского сознания ученых той эпохи. Однако для нас важно добавить к сказанному В.П. Зинченко то, что эти идеи В.С. Соловьева и П.А. Флоренского о всеединстве человеческого знания, Абсолюте и органопроекциях - метафизические идеи, которые в современной психологии оцениваются как сомнительные, ненаучные, однобокие, одним словом, не достойные внимания. Но, как оказалось, именно метафизические идеи оказали большое влияние на формирование некоторых сторон научного мышления авторитетов российской науки и, в частности, психологии того времени. Эта поразительная разница в образе мышления ученых начала XX века и настоящего времени объясняется просто: в настоящее время в психологии, по известным причинам, указанным В.П. Зинченко, полностью утрачена традиция, точнее, культура метафизического мышления. Это привело к тому, что, несмотря на большое количество методологических и теоретических работ, тем не менее, психология считается естественной наукой лишь потому, что в ней все начинается с экспериментально выявленного факта и заканчивается экспериментально доказуемым фактом (вслед за чем следуют методологические и теоретические обобщения). То есть ядром научно-психологического исследования становится позитивистский «принцип»: «от эксперимента - до эксперимента», и выходить за эти рамки в область возможных, но эмпирически недоказуемых, гипотез не положено.

Другая попытка изменения методологической «ситуации» в контексте отношения психологии к метафизике была предпринята известными методологами российской психологической науки А.В. Петровским и М.Г. Ярошевским в книге «Основы те-

оретической психологии» (Петровский, Ярошевский, 1998). Согласно этим авторам, наиболее полное постижение и объяснение психической реальности возможно тогда, когда одновременно с метапсихологическими категориями будут выделены им соответствующие онтологические модели. «На этом пути, - пишут А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский, - открывается возможность рассмотреть теоретическую психологию как научную дисциплину, имеющую метафизический характер. При этом метафизика понимается здесь не в традиционном для марксизма смысле, трактовавшем ее в качестве противоположного диалектике философского метода (рассматривающего явления в их неизменности и независимости друг от друга, отрицающего внутренние противоречия как источник развития)» (там же, с. 31). То есть А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский считают необходимым для решения онтологических и концептуальных проблем теоретической психологии обращение к метафизическому способу теоретизирования. Относительно специфики выбора этого способа они пишут: «Между тем, этот плоский подход к пониманию метафизики (ПРОНИКШИЙ в марксизм через философию Гегеля - Р.Н.), игнорирующий ее реальное значение, уходящее корнями в учение Аристотеля, может и должен быть сменен обращением к идеям русского философа Владимира Соловьева» (там же). Таким образом, после почти векового игнорирования, вновь, при решении фундаментальных проблем психологии, зазвучал призыв обращения к культуре метафизического образа мышления и, более конкретно, к традициям русской метафизической мысли. Вопрос лишь в том, готово ли современное сообщество психологов поддержать этот призыв?

Необходимость обращения к метафизическим воззрениям В.С. Соловьева, согласно авторам цитируемой работы, обусловлена их важнейшим значением «... для осмысления объяснительного принципа построения категориального строя в теоретической психологии» (там же). А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский безусловно правы, указывая на то, что объяснительные принципы должны быть обнаружены в области метафизического знания, при помощи метафизического способа рассуждений, одна-

ко, как мы думаем, до обращения к особенностям построения категориального строя в теоретической психологии, необходимо особое внимание обратить на решение онтологических проблем психологии, которые также являются предметом исследований теоретической психологии. И тогда, во-первых, восстанавливается единство онтологического и гносеологического в отношениях между непосредственно не познаваемым и познаваемым, между скрытой сущностью и непосредственно данным явлением, линия демаркации между которыми будет меняться вместе с развитием психологии; и, во-вторых, станет необходимостью обращение не только к метафизическим воззрениям В.С. Соловьева и его последователей, но и ко всему богатству и разнообразию метафизических представлений в мировой философии и науке Запада и Востока.

Самая важная для нашего исследования мысль А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского заключается в том, что метафизика не чужда психологии, как научной дисциплины, и, более того, она необходима для построения ее онтологических и концептуальных моделей, составляющих фундамент здания психологии. Поэтому возникает вопрос: «Не пора ли призадуматься над словами выдающихся психологов о значении метафизики для психологии? Не пора ли разрушить стену между современной академической психологией и древней метафизикой?». Видимо, действительно, настала пора для «наведения мостов» между психологией и метафизикой, что будет одной из форм реализации коммуникативной методологии В.А. Мазилова. Однако, чтобы мосты были «надежными», психолог, по мнению В. Вундта, должен обладать «...более или менее основательным философским образованием», чтобы с новых позиций взглянуть на метафизику и правильно оценить значение метафизического подхода для решения методологических проблем психологии.

Одним из негативных последствий «избавления» психологии от метафизики (в годы появления позитивизма), согласно В.А. Мазилу, является то, что «психологи отказались от теоретических методов исследования собственного предмета, полагая, что он «раскроется» в процессе эмпирического исследования.

Этого не произошло, да, собственно, и не могло произойти. Как в свое время остроумно заметил Огюст Конт, интроспекция, будучи деятельностью души, будет всегда находить душу, занятую интроспекцией» (Мазилов, с. 50). Конечно, теоретический метод исследования предмета психологии по важности не уступает эмпирическому, и, надо полагать, что он более адекватен (в данном контексте необходимо добавить, что метафизический метод исследования также является теоретическим).

Современная психология стоит перед сложными методологическими проблемами. Но, несмотря на эти сложности, для разрешения которых потребуются немалые интеллектуальные усилия и время, автор настроен оптимистически: «...Стены вечны. Но иногда какая-то разрушается... Или разрушается в течение веков, под действием Вечных сил, или же рушится искусственно, направленно, целеустремленно. Пейзаж, возникающий при ломке стен, вовсе не идилличен, как это прекрасно показал в своем замечательном фильме Алан Паркер. Впрочем, во имя возможности познания временно с этим можно смириться... Тем более, что копий никто уже не держит, да и охрана давно разбежалась... И, может быть, в порядке исключения не «огораживать» разрушаемую стену забором, чтобы ненароком не возникла новая Стена... И представляется, что стены уже нет... И можно разгуливать и за стеной, и там, где она некогда была: «walk up and down outside the wall» (Pink Floyd..., 1994)» (Мазилов, с. 29-30).

Придет и это время, а пока, как говорит автор, ...движение вперед требует мостов.

Почему возникают Стены? Что мешает психологам исследовать психическое как нечто целостное? Об одной из причин В.А. Мазилов говорит следующим образом: «Неудачи с метафизическим анализом психики привели к тому, что явления сознания стали рассматриваться как простые, из которых строится сознание (психика). Возникло очень удобное и простое представление, что психика состоит из кирпичиков. Они лежат в основании, из них возводится здание науки (основанной на опыте, эксперименте свободной от всякой метафизики)» (Мазилов, с. 43-44). Оставаясь верным «пойетическому» жанру, автор использует метафоры

«кирпичей» и «камня», совместное и сравнительное применение которых, очень точно характеризуют причины кризисного состояния современной психологической науки. «Кирпичи» созданы человеком, в природе их нет. «Кирпичи» используют для сооружения зданий. В психологии в качестве «кирпичиков» используют единицы анализа – образ, действие, ощущение и т.д., то что есть в сознании уже в готовом виде. И, уже используя их как основной строительный материал, возводят здание вполне определенной психологии. Кажется, удобно и просто. Тем более, что это тот метод, который применяется в естественных науках. А «камень» в метафорическом контексте работы В.А. Мазилова это само психическое, точнее, ее базовая, фундаментальная часть, «психе», являющееся, как и «камень», порождением природы, частью природы.

...И так, было много попыток построить здание психологической науки. «Конечно, было много споров о том, каковы размеры кирпичей, сколько видов используется в строительстве и т.д. Но одна идея, к сожалению, уцелела. Идея о том, что психическое простое по своей природе. По всей видимости, тому виной не только то, что научная психология в начале своего пути полагала, будто является непосредственной наукой. Отказ от изучения природы психического («камня») привел к тому, что проектировались и строились (в разных стилях) здания, но из кирпичиков. То ли краеугольного камня не было, то ли другие причины тому виной, но постройки редко поднимались выше первого этажа, быстро рушились, что дало основание известному психологу Н.Н. Ланге сравнить психологию рубежа XIX–XX веков с развалинами Трои... В психологии — а мы рассуждаем о психологии — уместно задать вопрос (разумеется, опять риторический) — а была ли Троя?» (там же). В риторической форме В.А. Мазилов ставит самый важный вопрос психологии: «Изучалась ли сама психика (Троя) или психологи всегда имели дело с многообразием ее проявлений и строили здание психологии, используя именно эти проявления?». К сожалению, необходимо констатировать, что психологи не вступали в Трою, не нашли тот краеугольный камень, который можно было положить в фундамент здания психологии. Правда, ради справедливости, необходимо отметить,

что одна такая серьезная попытка была предпринята в трансцендентальной психологии, поэтому автор настоящих строк считает, что усилия, потраченные на то, чтобы увидеть «свою» Троицу или психологию, основанную на непродуктивном, афизикальном подходе (без использования «кирпичей»), вполне оправдают себя, и дадут возможность оценить ее положительные и отрицательные стороны, а также ее отличие от традиционных психологий.

Итак, мы опять пришли к необходимости определения предмета, краеугольного камня, психологии, того природного явления, которое дает начало появлению психических явлений. Выделим некоторые существенные стороны подхода В.А. Мазилова к определению предмета психологии.

В.А. Мазиллов считает, «что вряд ли оправдано редуccionистское сведение психики к ее конкретному проявлению» (там же, с. 51). Действительно, психика не сводима ни к какой-либо одной психической функции, ни к их сумме. Признавая этот тезис, относящийся к определению предмета психологии, А.И. Миракян доказал более «сильное» утверждение, относящееся к методу определения предмета в современной психологии, названный продуктивным подходом (Миракян, 1987). Коротко его можно сформулировать следующим образом: «Основываясь на конкретных проявлениях психического (которые являются предметом исследования) невозможно изучить порождающую их реальность (процесс порождения)». А теперь вспомним, что предметом любого эмпирического исследования является то или иное проявление психики. Это означает, что, опираясь на данные эмпирического исследования или интроспекции, мы не сможем понять природу психики, то есть предмет психологии. Поэтому мы согласны с мнением В.А. Мазилова о необходимости развития именно теоретических методов исследования вопроса о предмете психологии. Однако и в теоретических рассуждениях о предмете психологии необходимо проявлять определенную осторожность, чтобы в качестве исходных данных анализа не брать конкретные проявления психического, например, качества и свойства исследуемого объекта. Этому, однако, сильно препятствует глубоко эмпирическое мышление человека. что необходимо преодолеть. В этих случаях, мы думаем, наи-

более адекватными и эффективными окажутся метафизические рассуждения, но они, в то же время, не должны стать самоцелью. История развития наук о природе дает нам образец организации структуры научного знания: метафизика, опирающаяся на определенную картину мира, представленную в виде постулатов и предположений, – теория, со своей специфической или региональной методологией, – эксперимент; (такова структура, например, физики, как научного знания).

Приведенная схема хорошо согласуется с теоретическими рассуждениями автора книги о структуре предмета психологии: «Фундамент его составляет исходное, базовое понимание «психе». Как это часто бывает с фундаментальными допущениями, они могут и не осознаваться исследователем, а их место может занимать та или иная «рационализация». Таким образом, происходит разделение предмета на декларируемый («психе»), «рационализированный» и реальный» (там же, с. 53). Кратко, приведем пояснения самого автора. «Декларированный предмет (точнее, та или иная его трактовка) важен для психологии, в первую очередь, потому, что неявно, но действительно определяет возможные диапазоны пространств психической реальности» (там же). Декларируемый предмет психологии (то есть ее базовая, фундаментальная часть) может быть определен на основе метафизических рассуждений, о таком устройстве мира, в котором заложены возможности порождения психического. «Между декларируемым и «рационализированным» (в том случае, когда он есть) предметами складывается такое отношение: он («рационализированный») «оформляет», фиксирует ту или иную трактовку «психе»» (там же). Рационализированный предмет может быть предметом психологической теории в виде «теории восприятия», «теории эмоций» или «теории памяти» и т.д., причем восприятие, эмоции, память и т.д. «оформляются» как разновидности или проявления психики. «Реальный предмет — это то, что в действительности подлежит изучению (бесконечное число вариантов в системе «сознание/бессознательное — деятельность/поведение»)» (там же). То есть реальный предмет психологии – это предмет эмпирического исследования.

В изложенной схеме мы опять встречаемся с «двойной» структурой психики, глубинная часть которой описывается метафизическими рассуждениями, а поверхностная – результатами эмпирического исследования (или их теоретическим осмыслением). Как уже было выше отмечено, современная академическая психология не в состоянии изучать (декларируемую) базовую, фундаментальную часть психики по той причине, что эта реальность не дана непосредственно исследователю, а это делает невозможным применение соответствующего научного метода ее описания и, с другой стороны, игнорирует все попытки теоретического метафизического подхода к пониманию особенностей глубинной реальности. Таким образом, кризис современной научной психологии состоит в противоречии между декларируемым и реальным предметом психологии, первое из которых принципиально невозможно изучить методами научной психологии до тех пор, пока научная психология не расширит границы понимания «научности» и не включит в свои пределы метафизику как необходимую донаучную (а не антинаучную) часть науки. А для обеспечения союза метафизики и научной психологии, о котором говорили корифеи психологической науки, необходимо провести колоссальную теоретическую работу по определению предмета психологии, о чем не раз писал в своих статьях и книгах В.А. Мазиллов.

Идея о необходимости выработки Нового понимания психического звучит во многих методологических сочинениях В.А. Мазилова. Он уверен, что «Это самая главная задача психологии, вступившей в третье тысячелетие. Время глобальных концепций в психологии еще не пришло, как об этом говорил полвека назад Карл Густав Юнг. Но для того, чтобы оно приблизилось, необходимы подготовительные шаги» (там же, с. 178). Автор книги с надеждой пишет: «Возможно, пройдет немного времени и вместо «Колокола разделения» будет востребован какой-нибудь «Соборный колокол» (в смысле соборности сознания С.Н. Трубецкого)» (там же). История развития человеческой мысли показывает, что рано или поздно мечты сбываются, главное, чтоб они были. А они есть... И к ним можно приблизиться через процесс, через поток движения мыслей.

Список литературы

1. Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. — СПб: Речь, 2003. — 368 с.
2. Вундт В. Психология в борьбе за существование. // Новые идеи в философии. Сб. десятый: Методы психологии II. — СПб.: Образование, 1913. — С. 93–131.
3. Джеймс У. Психология. — М.: Педагогика, 1991. — 368 с.
4. Зинченко В.П. Кризис или катастрофа? Вопросы философии, 1993, №5, С. 3-43.
5. Мазилев В.А. Стены и мосты: методология психологической науки, Ижевск, ERGO, 2015.
6. Миракян А.И. Константность и полифункциональность восприятия. Диссерт. док. психол. наук. М., 1987.
7. Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии, т. 1. М.: ИП РАН, 1999.
8. Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии, т. 2. М.: ИП РАН, 2004.
9. Нагдян Р.М. Метафизический подход к методологии исследования психического отражения реальности. Дисс. док. психол. наук. Ер., 2014.
10. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М.: ИНФРА-М, 1998. - 528 с.
11. Слободчиков В.И. Антропологический статус современного психологического знания. Известия Саратовского университета. Серия «Акмеология образования. Психология развития». 2014. Т.3, вып. 3(11). С, 224-228.
12. Юнг К.Г. Психология бессознательного. М., АСТ-ЛСТД, 1998. - 400 с.
13. Pink Floyd. The Wall / Written by Roger Waters. — Compact disc., 1994.

Сумма методологии

Р.М. Нагдян

В прошлом 2017 году была опубликована фундаментальная работа выдающегося российского психолога профессора Владимира Александровича Мазилова - методолога, теоретика и историка - по методологии психологической науки (Мазилов, 2017). Прделанная автором работа, действительно, впечатляет своей глубиной, тщательной разработанностью исторических аспектов возникновения методологических проблем психологии и многообразием обсуждаемых тем, актуальность которых релевантна требованиям современной психологии. Сразу же отметим, что выбранные автором проблемы настолько разнообразны, но вместе с тем важны для осмысления состояния современной психологической науки, что дать анализ всего этого интеллектуального богатства в одной небольшой статье не представляется возможным. Поэтому остановимся лишь на некоторых темах, которые кажутся нам наиболее интересными и важными.

Но прежде отметим одну существенную и оригинальную черту подхода В.А. Мазилова к созданию методологического фундамента психологии, которая состоит в том, что автор рассматривает методологию как целостное, но многофункциональное образование, в котором каждая функция может быть определена как самостоятельная субметодология. Таким образом, В.А. Мазилов получает методологический «кристалл», состоящий из когнитивной, коммуникативной и интегративной граней. Внутри каждой из этих граней В.А. Мазилов рассматривает и анализирует такое множество актуальных методологических вопросов, в том числе направленных и в будущее, что автор этих строк нашел возможным озаглавить данную статью с аллюзией на соответствующие произведения Фомы Аквинского, Альберта Великого и Станислава Лема. Естественно, что созданная автором монографии архитектоника методологиче-

ского знания указывает на существование соответствующего разнообразия проблем в развитии психологии и определяет возможные пути их решения. Однако, какую бы из указанных граней его творчества мы не рассматривали, непременно обнаружим, что всегда в центре внимания ученого находится самая важная, трудная и до сих пор однозначно не понятая проблема ПРЕДМЕТА ПСИХОЛОГИИ. Этой проблеме В.А. Мазиллов придает настолько важное значение, что для ее разрешения предлагает создание «концепции предмета психологической науки» (Мазиллов, 2017, с.203). Это очень серьезный вызов психологическому сообществу, потому что, по глубокому убеждению автора, «психика («психе») - это самое сложное из того, что должен постичь человек» (там же, с. 205). Поэтому, учитывая степень сложности и актуальность проблемы не только для интеграции психологического знания, но и для философии психологии, мы, в свою очередь, предлагаем идею междисциплинарного проекта (специального научного направления), предметом исследований которого является проблема предмета психологии как проблемы определения сущности психики и возможностей ее изучения.

Проблема предмета психологии часто рассматривается в контексте обсуждения проблемы кризиса в психологии. Как известно, о кризисе говорил еще Ф. Brentano в 1874 году на заре возникновения научной психологии: «Не столько в разнообразии и широте мнений, сколько в единстве убеждений испытывает сегодня психология острую нужду, - пишет он, - ...На место психологий мы обязаны поставить психологию» (Brentano, 1996, с.11). И, естественно, что каждая из психологий, число которых не только не уменьшилось с тех пор, но со временем увеличивалось, имела свой собственный предмет исследования, определяющий применение адекватного ему метода исследования и способа объяснения. А это уже один из верных признаков кризиса науки. Однако В.А. Мазиллов не сторонник эмоциональных оценок и полагает, что: «Если рассматривать кризис как долгие поиски подлинного предмета науки, то это не должно расцениваться как ее недостаток.

Наоборот, кризис означает, что психологическая наука на верном пути» (Мазиллов, 2017, с. 150). Тогда возникает вопрос, каковы же ориентиры «верного пути» или какие вопросы необходимо поставить и разрешить, чтобы приблизиться к определению «подлинного» предмета психологии. В отличие от А.В. Юревича, который считает, что кризис в психологии (а, значит, и многозначность в определении ее предмета) «обусловлен преимущественно социальными причинами, являясь кризисом не столько самой психологической науки, сколько системы ее взаимоотношений с обществом, и поэтому может разрешиться только социальным путем» (Юревич, 1999, с. 10), В.А. Мазиллов, в целом принимая правомерность выводов А.В. Юревича, тем не менее, предполагает, что «первопричина кризиса лежит... именно в когнитивной плоскости и заключается в неадекватном понимании психологической наукой своего предмета» (Мазиллов, 2017, с. 162). Ключевым словом в этой цитате является «понимание», потому что определение предмета психологии зависит именно от возможностей *способов* его понимания. Поэтому целесообразно провести анализ этого понятия и попытаться наиболее полно показать скрывающееся за ним содержание и возможности. К этому вопросу мы вернемся ниже, а пока рассмотрим какие шаги на пути определения предмета психологии предлагает сделать сам автор монографии. Одной из важных особенностей психики В.А. Мазиллов считает ее целостность, имея в виду, что «понимание предмета психологии должно быть таким, чтобы в нем нашлось место» как для исследователя, занимающегося психофизикой, так и для исследователя в области трансперсональной психологии (там же, с.161). Если позволить себе продолжить мысль автора, то из вышеизложенного следует, что в каждой области психологии исследуются разные проявления психики, которая, на самом деле, в своей основе должна быть одна и та же для всех ее феноменологических модальностей (в этом и состоит одна из особенностей проявления целостности, холизма, инвариантности). В поддержку В.А. Мазилова отметим, что такой же, можно сказать, холистической позиции, где

части определяются целым, придерживается и В.И. Панов. В понимании этого автора, «психика рассматривается как особая форма бытия, она характеризуется изначально присущей ей субстанциональностью, т.е. имеет в самой себе источник своего саморазвития, которая при наличии определенных условий... *проявляется в разных видах психической активности* (подчеркнуто нами – Р.Н.), опосредствующих взаимодействия индивида (как субъекта психики) с окружающей средой (восприятия, реагирования, поведения, деятельности и др.). И далее: «Обретение психикой актуальной формы существования в виде разных видов психической активности и разных уровней ее реализации (психические процессы, состояния и сознание) происходит как порождающий процесс перехода психики из «бытия в возможности» в «бытие в действительности» (по Аристотелю) посредством взаимодействия индивида с внешней (окружающей) и внутренней (ментальной) средой» (Панов, 2018, с. 67). Как видим, оба методолога признают целостный характер психики и, одновременно, множественность ее феноменологических проявлений. (Здесь возникает терминологическая проблема необходимости теоретического анализа соотношения понятий «понимание», «парадигма», «тип научной рациональности» и областей их применения, но это тема для отдельной статьи).

Другими важными «ориентирами» при исследовании предмета психологии В.А. Мазиллов считает определение его функций и основных характеристик. Однако при этом, как мы думаем, необходимо обратить внимание на то, что понятие «предмет психологии» имеет двойной смысл. На первый взгляд, в высказывании «предметом психологии является психика» кажется, что мы имеем тавтологическое суждение, в котором отождествляются «предмет психологии» и «психика». Однако это не так. Понятие «предмет психологии» относится к науке, точнее к психологическому знанию, и поэтому может быть предметом эпистемологического исследования. Примером может служить способ определения предмета психологии В.И. Гинецинским, которого В.А. Мазиллов цитирует в своей монографии. Приве-

дем эту цитату полностью: «Специальная работа, посвященная предмету психологии, опубликована В. И. Гинецинским. «Для любой отрасли знания, в том числе психологии, определение собственного предмета, т.е. соотносимого с ней фрагмента действительности, аспектов и уровней его рассмотрения, составляет центральную задачу. Эта задача не имеет раз и навсегда найденного решения, она постоянно уточняется (видоизменяется) по мере развития самой науки» (Гинецинский, 1994, с. 61). Обсуждая вопрос об определении предмета психологии, автор отмечает: «Для определения предметной области психологии в общем можно воспользоваться пространственным представлением о положении этой области среди предметных областей других наук. Тогда для того чтобы определить предмет психологии, нужно очертить внешние (экстернальные) границы ее предметной области и показать ее внутреннюю (интернальную) расчлененность, поскольку сама психология может быть представлена также как совокупность (система) входящих в нее частных, научных дисциплин. Прочерчивание внешних и внутренних границ предметной области психологии вместе с тем являет собой пример неявного (имплицитного) определения предмета. Поэтому в дополнение к ним следует предложить и вариант явного (эксплицитного) его определения.

В качестве такового может выступать характеристика содержания понятий, которые используются для ее наименования в целом. Таким образом, мы приходим к разграничению трех вариантов определения предмета психологии: имплицитное экстернальное, имплицитное интернальное и эксплицитное» (Гинецинский, 1994, с. 61)» (Мазиллов, 2017, с. 209). Из приведенной цитаты видно, что под «предметом психологии» В.И. Гинецинский подразумевает не явление природы, а понятие (теоретический конструкт) - единицу психологического знания, которое можно анализировать совместно с другими теоретическими понятиями психологии, не имеющими отношения к самой психической реальности в ее онтологическом смысле. Так же «обращается» с понятием «предмет психологии» и В.А. Мазиллов, при определении функции предмета психологии:

«1. *Конституирование науки*. Это главная функция предмета. Именно понятие предмета науки делает возможным существование какой-то области знания в качестве самостоятельной научной дисциплины, независимой и отличной от других (см. об этом Мазиллов, 1998).

2. Обеспечение работы «*машины предмета*». Имеется в виду, что предмет должен обеспечивать возможность движения в предметном поле психологической науки и производить рост предметного знания за счет внутрипредметных соотношений и исследовательских процедур.

3. Обеспечение функции предметного «*операционального стола*» (М. Фуко), который бы позволял реально соотносить результаты исследований, выполненных в разных подходах и школах.

4. *Дидактическая функция*, связанная с построением содержания учебных предметов» (там же, с. 212).

Но, когда В.А. Мазиллов описывает *характеристики* предмета психологии, он начинает рассматривать его как природное явление - психику, тем самым совершая переход с языка эпистемологического анализа на онтологический язык: «Назовем основные (по нашему мнению) *характеристики* предмета.

1. Предмет должен существовать *реально*, должен не быть «искусственно» сконструированным (для того, чтобы быть предметом науки в подлинном смысле слова), т.е. он должен быть не свойством каких-то других предметов, а исследоваться должна психическая реальность (иными словами, предмет должен иметь онтологический статус).

2. Предмет должен быть внутренне достаточно сложным, чтобы содержать в себе *сущностное*, позволяющее выявлять *собственные законы существования и развития*, а не сводить внутренне простое психическое к чему-то внешнеположному, обеспечивая тем самым редукцию психического.

3. Понимание предмета должно быть таково, чтобы позволить разрабатывать науку психологию по собственной логике, не сводя разрывание психологических содержаний к чуждой

психологии логике естественного или герменевтического знания» (там же, с. 213).

Но в целом В.А. Мазиллов ориентирован на исследование и понимание онтологического статуса предмета психологии, что отражено в следующей цитате из его монографии: «Между тем в истории человечества было накоплено очень много данных, свидетельствующих о том, что вряд ли оправданно редукционистское сведение психе к ее конкретному проявлению. Действительно, психе может проявиться и в самосознании, и в поведении... Ликов у психе много. При желании можно сказать, что психика, к примеру, ориентировка в окружающей среде. И это абсолютно правильно – психика проявляется и в этом тоже. Но сводима ли вся психика к этой функции? Но раскрывается ли в этом ее природа и сущность?» (там же, с. 211-212). Поэтому при разработке концепции предмета психологии, на котором совершенно справедливо настаивает В.А. Мазиллов, необходимо учитывать вышеупомянутые аспекты понимания предмета психологии, которые в известной нам литературе не дифференцируются и по этой причине смешиваются, создавая семантическую путаницу.

Анализируя уровни понимания предмета психологии, В.А. Мазиллов указывает на эвристические, с нашей точки зрения, различия: «Официальным предметом психологии была *психика (психе)*. Назовем это *декларируемым* предметом. Как показывает анализ, предмет психологии имеет сложное строение. Фундамент его составляет исходное, базовое понимание «психе». Как это часто бывает с фундаментальными допущениями, они могут и не осознаваться исследователем, а их место может занимать та или иная «рационализация». Таким образом, происходит разделение предмета на *декларируемый* («психе»), *рационализированный* и *реальный*. Декларируемый предмет (точнее, та или иная его трактовка) важен для психологии, в первую очередь, потому, что неявно, но действительно определяет возможные диапазоны пространств психической реальности. То, что в пределах одного понимания безусловно является психическим феноменом, достойным изучения, при другом представляется

артефактом, случайностью, либо нелепостью, жульничеством и как бы не существует вовсе. Например, трансперсональные феномены представляют несомненную реальность для сторонника аналитической психологии и «совершенно невозможное явление» для естественно-научно ориентированного психолога, считающего психический феномен исключительно «свойством мозга». Между декларируемым и рационализированным (в том случае, когда он есть) предметами складывается такое отношение: он («рационализированный») «оформляет», фиксирует ту или иную трактовку «психе». Реальный предмет – это то, что в действительности подлежит изучению (бесконечное число вариантов в системе «сознание/бессознательное - деятельность/поведение»)» (Мазилов, 2017, с. 220). То есть реальный предмет психологии - это предмет эмпирического исследования.

В изложенной схеме мы встречаемся с «двойной» структурой психики, в которой глубинная, неосознаваемая, часть, как было нами показано (Нагдян, 2017; 2018), может быть предметом метафизического исследования, а поверхностная феноменологическая часть – эмпирического исследования. Современная академическая психология не в состоянии изучать (декларируемую) базовую, фундаментальную часть психики, так как, с одной стороны, эта реальность не дана непосредственно исследователю, а это делает невозможным применение соответствующего научного метода ее описания, а, с другой стороны, академическая наука игнорирует все попытки теоретического метафизического подхода к пониманию особенностей глубинной реальности. Таким образом, кризис современной научной психологии состоит в противоречии между декларируемым и реальным предметами психологии, первое из которых принципиально невозможно изучить методами научной психологии до тех пор, пока научная психология не расширит границы понимания «научности» и не включит в свои пределы метафизику как необходимую донаучную (а не антинаучную) часть науки. А для обеспечения союза метафизики и научной психологии, о котором говорили корифеи психологической науки (см. Нагдян, 2016, с. 57-74), необходимо провести колоссальную теоретиче-

скую работу по определению предмета психологии, о чем не раз писал в своих статьях и книгах В.А. Мазиллов.

Однако вернемся к вышеприведенной цитате В.А. Мазилова, в которой автор поднимает очень актуальный для определения предмета психологии вопрос, а именно: «Сводима ли психика к какому-либо ее проявлению или функции?». Ответ подразумевается такой, что, даже имея всю совокупность проявлений, мы не сможем узнать, что такое психика. Другими словами, как бы мы не анализировали феноменологию психического, мы не узнаем, что оно такое, и как замечает В.А. Мазиллов: «Удивительно, что искушение придать ему (проявлению – Р.Н.) «онтологический» характер часто оказывается непреодолимым» (там же, с. 212). Итак, для В.А. Мазилова основная методологическая конструкция определения предмета психологии такова: 1) есть психика (психе), которая дается нашему сознанию лишь в виде множества ее проявлений; 2) исходя из проявлений, мы не можем составить полное представление о психике. Развивая мысли В.А. Мазилова, отметим особенности этого подхода: 1) психическое объясняется через психическое (методологическая установка Шпрангера) и 2) при таком подходе возникает вопрос: «можно ли, основываясь на проявлениях психики во всех ее модальностях, понять и описать саму психику в своей целостности?». Ответ отрицательный и причина вовсе не в том, что число проявлений психики может быть бесконечно много. Обоснование этого ответа дается в трансцендентальной психологии. Но прежде, чем обратиться к ней, отметим еще одну сложность, возникающую в анализируемой методологической ситуации.

Когда ставится вопрос: «Но сводима ли вся психика к этой функции?», то, исходя из логики, подразумевается, что психика имплицитно объективно существует. Это верно с философской точки зрения, рассматривающей психику как явление природы, как одну из форм существования бытия. Но с психологической точки зрения это не совсем так, потому что мы имеем дело не только с явлением конкретной формы существования психики, причинами и закономерностями ее развития, но и с явлением

ее порождения или возникновения в результате взаимодействия человека с окружающей действительностью. Удивительно, что подавляющее большинство психологов не обращает внимания на фундаментальный факт порождения психики (видимо, оставляя решение этой проблемы философам), ведь в теле человека, даже в бодрствующем мозге, невозможно обнаружить ничего психического. Следовательно, оно каким-то образом возникает, и в этом тоже есть проблема. А между тем, очень возможно, что сущность психического (и определение предмета психологии) раскроется при решении именно вопроса о порождении психической реальности. Вспоминаются слова выдающегося ученого Б.Ф. Поршнева, который учил: «Если ты хочешь понять что-либо, узнай, как оно возникло». Другими словами, встает вопрос о возникновении психических феноменов. Но тогда, очевидно, что методологическая установка Э. Шпрангера «psychologico-psychological» теряет свою актуальность и смысл, потому что о порождении психики можно говорить лишь в том случае, если психика порождается из чего-то не-психического. Поэтому при такой постановке вопроса, решение проблемы определения предмета психологии переводится в плоскость междисциплинарных исследований. Другим важным фактором в определении предмета психологии является способ его ПОНИМАНИЯ, то есть понимание того, что есть психика. Как выше нами было показано, В.А. Мазилев придает этому фактору существенное значение, потому что именно в неадекватном *понимании* психологической наукой своего предмета он видел первопричину кризиса в психологии. Тогда возникает вопрос, что такое само «понимание», которое приводит к разным видам понимания психики, чем оно определяется? Если мы имеем в виду конкретного исследователя, то «понимание» соотносится с его образом мышления. Если же речь идет о научном сообществе, то, при всех многочисленных индивидуальных различиях в образе мышления отдельных членов сообщества, можно выделить инвариантный аспект, названный в философии науки «типом или идеалом научной рациональности» (Мамардашвили, 2010), (Степин, 2009), который определяет характерный для данного

сообщества ученых способ отношения к миру (к системной сложности объектов исследования, пространству, времени, причинности, средствам познания и т.д.). А так как любой исследователь является в то же время членом научного сообщества, следовательно, «понимание» определяется как индивидуальным образом мышления, так и, что более важно и существенно, типом научной рациональности, формирующим генеральную стратегию исследования.

Одна из первых попыток глубокого анализа типов научной рациональности в психологии была предпринята основателем трансцендентальной психологии А.И. Миракяном при исследовании проблемы психического отражения. Не вдаваясь в детали причин постановки такой проблемы, которые подробно изложены в книгах самого А.И. Миракяна (1999, 2004), отметим лишь тот фундаментальный вывод, который был сделан в результате этой работы. Проведенный А.И. Миракяном историко-методологический анализ изучения закономерностей психического отражения в философии, психологии, психофизиологии и кибернетике, показал, что с античных времен и до наших дней образ мышления, приспособленный для изучения явлений внешнего мира, не позволял исследователям проникнуть в сущность процесса психического отражения. Физикальный образ мышления, оперирующий продуктами (результатами) уже завершившегося процесса психического отражения, вполне приемлем для естественных наук. Но когда речь идет об изучении принципов и закономерностей самого процесса психического отражения, этот («продуктный») способ мышления оказывается совершенно не действенным, так как, если в качестве исходных данных исследования использовать результаты психического отражения, то затем, опираясь на них, нельзя вывести закономерностей самого процесса отражения, приводящего к этим результатам. Поэтому, «...в качестве исходных данных необходимо брать такие данности (понятия, принципы, закономерности, отношения и т.д.), которые индифферентны, независимы относительно реальности психического отражения и связаны с природными закономерностями возможности порожд-

дения психического отражения, возникшего на определенной ступени развития материи и поэтому несущего в себе основные закономерности самой материи» [Миракян, 1992, с. 98].

Это означает, что, опираясь на данные эмпирического исследования или интроспекции, *даже имея их полную совокупность*, мы не сможем понять природу порождающего процесса. Сложность исследования порождающего процесса состоит в том, что при этом не могут быть использованы понятия, описывающие свойства и качества порожденных феноменов. А это обстоятельство ставит современного традиционного психолога в тупиковую ситуацию, потому что дело не столько в создании нового понятийного аппарата (нового языка), сколько в необходимости нового образа мышления, приводящего к формированию нового типа рациональности, названного нами трансцендентальным (Нагдян, 2018). Поэтому мы согласны с мнением В.А. Мазилова о необходимости развития именно теоретических методов исследования вопроса о предмете психологии. Однако и в теоретических рассуждениях о предмете психологии необходимо проявлять определенную осторожность, чтобы в качестве исходных данных анализа не брать конкретные проявления психического, например, качества и свойства исследуемого объекта. Этому, однако, сильно препятствует глубоко эмпирическое мышление человека, которое необходимо преодолеть. В этих случаях, мы думаем, наиболее адекватными и эффективными окажутся метафизические рассуждения (Нагдян, 2017; 2018), которые, в то же время, не должны стать самоцелью. История развития наук о природе дает нам образец организации структуры научного знания, принятый в современной философии науки (Вартофский, 1978), (Захаров, 1999), (Владимиров, 2009-2013): метафизика, опирающаяся на определенную картину мира, представленную в виде постулатов и предположений, - теория, со своей специфической или региональной методологией - эксперимент (такова структура, например, физики, как научного знания). Современной психологии для определения ее базового предмета (для чего необходим выход за пределы понятийно-категориального аппарата традици-

онной психологии) не хватает именно этой теоретической, метафизической, части. Концепция психического отражения А.И. Миракяна (1999, 2004) - это фундаментальная попытка восполнить этот пробел (Нагдян, 2017; 2018).

Для демонстрации того, насколько важны вопросы о предмете психологии, поднятые В.А. Мазиловым, приведем еще несколько примеров подхода к определению онтологической природы психики.

А.И. Миракян был не единственным исследователем, сделавшем попытку понять онтологическую сущность психического. К подобным попыткам относится и теоретическое исследование В.М. Аллахвердова о природе сознания. В.М. Аллахвердов явно озвучивает и демонстрирует наглядный пример применения метафизического подхода для решения одной из фундаментальных проблем психологии – определения онтологического статуса сознания. Для этого, считает Аллахвердов, сознанию изначально необходимо приписать особую физическую онтологию, которая, предупреждает он, обычно имеет мифологическую конструкцию. Однако, по Аллахвердову, поиск этих начал требует определенной конкретности относительно исследуемого свойства сознания. Для этого необходимо сформулировать физическую гипотезу о некоем процессе, напрямую связанном с деятельностью сознания, «ибо только тогда можно надеяться, что сознание окажется онтологически связанным с физической природой этого процесса» (Аллахвердов, 2003, там же). Эту конкретность Аллахвердов вводит через свойство сознания придавать случайным событиям статус закономерных, принимая их за детерминированные, а затем и доказывать «закономерность» этого события. Поэтому возникает вопрос: как нечто подобное возможно в природе? То есть Аллахвердов ставит перед собой задачу «придумать физический процесс (используя метод метафизических рассуждений – Р.Н.), который делает примерно то же, что и, по ранее высказанной гипотезе, делает сознание» (Аллахвердов, 2003, там же).

В качестве исходной теоретической базы Аллахвердов выбирает концепцию предрасположенностей К. Поппера (Поп-

пер, 2000). Как известно, основные положения этой концепции о возникновении и развитии мира не выводятся дедуктивным методом из эмпирического опыта. Поэтому эта концепция, построенная на основе априорного знания, лишь косвенно подтверждаемого опытом, является метафизической.

С самого начала Аллахвердов акцентирует внимание на том, что вероятность реализации той или иной истории мира определяется некоторым исходным распределением возможностей, которые являются физической реальностью. Тем самым уже вводится идея случайного. Однако, несмотря на это, «распределение возможностей вполне может трактоваться как реальное основание бытия» (Аллахвердов, 2003 с. 219) и реализуется, соответственно, в возможных пространстве и времени, определяя, в том числе, и геометрию мира.

Свое метафизическое предположение Аллахвердов формулирует следующим образом: «любое происшедшее случайное событие во Вселенной влияет на возможность осуществления последующих событий и, тем самым, детерминирует эти события» (Аллахвердов, 2003, с. 219). Это означает, что случайное событие в конкретной эмпирической ситуации будет восприниматься как причина последующих событий. Таким образом исходное возможное распределение вероятностей меняется самой историей развития бытия в сторону выбранных альтернатив. Вышеприведенную формулировку метафизического предположения Аллахвердов называет «метафизическим предчувствием физической гипотезы». Физическая гипотеза, в отличие от метафизической, должна быть экспериментально проверяемой и согласованной с наличным знанием. И все же, считает Аллахвердов, если это метафизическое предположение верно, «оно может иметь важное значение для понимания онтологии сознания» (там же, с. 219). Таким образом, Аллахвердов ясно указывает на связь метафизических предпосылок с научным исследованием сознания. При этом четко обозначается важная роль выбранного метафизического подхода, потому что в дальнейшем именно этим «метафизическим предчувствием» определяется содержание физической гипотезы. Однако к это-

му содержанию предъявляются два дополнительных условия: возможность экспериментальной проверки и согласованность с наличным знанием.

Такой подход Аллаhverдова к рассмотрению метафизического предположения с физической точки зрения приводит к следующим выводам.

Во-первых, за случаем (случайностью) признается онтологический статус. То есть в вечно меняющемся мире, где на ситуацию (или событие) действуют не только наличествующие, но и неожиданные и непредсказуемые силы, превалирует индетерминизм, а детерминизм является всего лишь одним частным случаем индетерминизма, когда вероятность появления события равна единице. И если продолжить мысль Аллаhverдова, то, так как сказанное относится к сознанию как к природному (физическому) явлению, следовательно, необходимо коренное изменение взгляда на природу сознания и его изучение с учетом нового подхода к проблеме детерминизма.

Во-вторых, несмотря на вероятностный характер происходящих в мире событий, по мнению Аллаhverова, «сделанное метафизическое предположение говорит о движении к порядку» (там же, с 220). Это мнение явно противоречит законам термодинамики (и здравому смыслу), но после работ И. Пригожина о возможности перехода хаоса в порядок (из более вероятного состояния в менее вероятное состояние, что противоположно закону термодинамики) это кажется не столь странным. Эту же мысль подчеркивает А.П. Назаретян: «на протяжении 15-17 млрд. лет мир становится все более «странным» (чтобы не сказать: все менее естественным с энтропийной точки зрения)» (Назаретян, 2001, с. 158).

В-третьих, принимая вслед за К. Поппером идею о том, что возможности возникновения существуют еще до самого возникновения, создавая тем самым соответствующие предрасположенности, Аллаhverдов указывает, в качестве подтверждения, на уже существующие в квантовой физике подобные идеи, появившиеся при интерпретации результатов некоторых исследований «поведения» элементарных частиц. Так, например,

в представлении Р. Фейнмана, а затем и С. Хокинга, история жизни каждой элементарной частицы имеет некоторую вероятность и является суммой всех ее возможных предысторий в некотором виртуальном времени (Хокинг, 2001, с. 104-105). Аллахверов обращается также к «многомировой» интерпретации квантовой механики Х. Эверетта (Everett, 1957), согласно которой реальность состоит из множества миров, в каждом из которых реализуется одно возможное состояние частицы. Однако, как нам кажется, главной особенностью интерпретации Х. Эверетта является то, что он показал возможность распространения представлений квантовой механики о микромире на макромир. Именно поэтому стало возможным сформулировать концепцию сосуществования многих классических миров, в совокупности составляющих единый квантовый мир. Мы (как макрообъекты) точно так же, как и наблюдаемые элементарные частицы, находимся в одном из возможных миров, а остальные нам принципиально не доступны, хотя они сосуществуют вместе с «нашим» миром, как потенциально возможные. А выбор или, как говорят физики, разделение альтернатив (из множества классических эвереттовских миров или проекций единого квантового мира) осуществляет сознание. Таким образом, Эверетт вводит понятие сознания в квантовую механику, без чего, как считают многие физики, она осталась бы неполной.

Однако Аллахвердов утверждает, что всерьез обсуждать проблему онтологического статуса сознания можно только тогда, когда физики обнаружат «сознаниеподобный физический процесс». А о возможном направлении развития своего метафизического подхода Аллахвердов пишет: «Здесь важно признать: гипотезы о физической природе сознания, наверное, возможны, но они должны опираться на родство физического процесса и процессов, протекающих в сознании. Но об этом имеет смысл говорить только после того, как сформулирована гипотеза о том, что реально сознание делает» (там же, с.220).

Таким образом, подход Аллахвердова к определению онтологического статуса сознания коротко можно обобщить следующим образом: сначала делаем предположение о том, что

реально делает сознание, а потом ищем «сознаниеподобный» физический процесс в природе.

Приведем другой пример определения онтологического статуса, который по чистой «исторической» случайности оказался продолжением вышеприведенных идей В.М. Аллахвердова. Рассуждения Аллахвердова нашли свое дальнейшее развитие в осуществленной М.Б. Менским «многомировой» интерпретации квантовой механики Х. Эверетта (Менский, 2005; 2011). Исследования М.Б. Менского привели к идеям очень близким к предположениям В.М. Аллахвердова о метафизической возможности определения онтологического статуса сознания. (Аллахвердов не мог знать о теоретических исследованиях Менского в этом направлении, так как его статьи начали публиковаться с 2000 года в самом авторитетном журнале по физике России «Успехи физических наук», а цитируемые фрагменты были изложены в автореферате докторской диссертации В.М. Аллахвердова в 1993 году.). Суть в том, что вместо отдельного рассмотрения сознания и разделения альтернатив реальности, как это делает Х. Эверетт, М.Б. Менский предлагает отождествить сознание и разделение альтернатив, то есть считать, что сознание и есть разделение альтернатив, или же разделение альтернатив и есть сознание, или, по-другому, под сознанием нужно понимать разделение альтернатив. Это очень напоминает «сознаниеподобный физический процесс», предсказанный Аллахвердовым, в формулировке которого уже звучит идея нерасчлененной слитности психического и физического, с подчиненной ролью физического (физическое как психическое). Причем, необходимо сделать существенное уточнение, что, согласно Менскому, речь идет не о всей сфере сознания, а о самом глубоком или примитивном пласте сознания. «Это пласт сознания, лежащий как будто «на границе сознания» и тесно связанный с осознанием, т.е. с переходом от состояния, когда нечто не осознано, к состоянию, когда оно осознано» (Менский, 2011 с. 110). Таким образом, гипотеза отождествления приводит к тому, что сознание оказывается общим элементом квантовой физики и психологии. Поэтому становится понятным, почему

объяснение каждого из этих феноменов в отдельности было неудовлетворительным. По мнению Менского, это происходило потому, что «каждый из этих феноменов анализировался в рамках только одной сферы знания (либо в сфере естественных наук, либо в сфере гуманитарных наук), в то время как важный аспект, лежащий в другой сфере, игнорировался» (там же).

Свою концепцию М.Б. Менский назвал квантовой концепцией сознания. Кратко приведем основные постулаты этой концепции:

1. Вселенная (реальность) – это квантовый мир, представляющий собой суперпозицию сосуществующих классических миров или альтернатив (метафизическая предпосылка, лежащая в основе всех остальных предположений).

2. Сознание разделяет единственный квантовый мир на классические альтернативы.

3. Сознание и есть разделение альтернатив (гипотеза отождествления - онтология сознания).

4. Сознание может влиять на то, какая из всех возможных альтернатив будет переживаться субъективно.

5. Выключение сознания (переход в состояния, близкие к бессознательному) означает доступ ко всем возможным классическим мирам или альтернативам и к той информации, которая в них содержится.

Все приведенные выше предположения - метафизические, так как не подлежат эмпирической верификации. И к тому же, следует учесть, что основные понятия, включенные в эти предположения, не совсем точны и требуется дальнейшая их разработка. Об этом говорит и сам М.Б. Менский: «В любой науке первичные понятия остаются нечеткими, пока не выясняется, как эти понятия работают и как все понятия, возникающие в этой теории, связаны друг с другом» (там же, с.174). Но, надо полагать, что это есть особенность всех метафизических понятий, обозначающих первоначала или первоосновы имплицитной возможности существования каких-либо явлений в «бытие в возможности» (Аристотель). Таковы, например, метафизические понятия силы, действия, энергии, энтропии, электриче-

ства, составляющие основания физических теорий. И несмотря на то, что сами эти понятия и даже сущность относящихся к ним явлений (например, энергии и электричества) неясны, тем не менее, построенные на их основе физические теории поражают воображение возможностями их практического применения.

Таким образом, метафизический подход В.М. Аллахвердова к выяснению онтологического статуса сознания имеет свое продолжение и даже подтверждение в квантовой концепции сознания М.Б. Менского. И так как в цитируемой работе М.Б. Менского есть указания и на объяснительные возможности его концепции для психологии и парапсихологии, то надо полагать, что метафизический подход может служить эффективным и эвристическим средством изучения фундаментальных проблем психологии в той мере, в какой это возможно сделать на современном уровне развития знания.

Теперь мы имеем возможность сравнить три современные метафизические концепции относительно природы психического - А.И. Миракяна, В.М. Аллахвердова и М.Б. Менского. Логическая структура сравнительного анализа для всех одинакова: описание исходных данностей, служащих основаниями для теорий, и создание представлений о реальности (Вселенной) со своими особенностями (принципами существования, структурой, отношением к причинности и т.д.

Исходные данности:

1. При построении своей концепции психического отражения А.И. Миракян основывался на критике «продуктного» подхода, господствующего в современной психологии (Миракян, 1990). Многими психологами осознан тот факт, что за уже отраженными и осознанными явлениями или феноменами психического остаются скрытыми и непознанными процессы, к ним приводящие. Однако «продуктивный» подход состоит в том, что, несмотря на осознание и констатацию этого факта, вопреки правилам логики, для исследования принципов процесса, порождающего психические феномены, исследователи в качестве исходных предпосылок используют понятия, относящиеся

к этим же феноменам, и в результате не получают удовлетворительных и общих теорий. В таком контексте мы получаем новое звучание знаменитого вопроса В.А. Мазилова: «... Но сводима ли вся психика к этой функции? Но раскрывается ли в этом ее природная сущность?» (Мазилов, 1998, с. 66). Поэтому, при осуществлении своего трансцендентального подхода, для построения (описания) реальности (метафизическая задача), в которой могут существовать возможности, приводящие к возникновению процесса психического отражения, А.И. Миракян, в качестве исходных, использует индифферентные, независимые относительно реальности психических феноменов, понятия и закономерности, относящиеся к принципам саморазвития материи, но к таким, в которых, по его гипотезе, заложены возможности порождения психического отражения. И уже после становления трансцендентального подхода стало возможным ответить на вопросы, подобные тем, что были предложены В.А. Мазиловым.

2. Исходной данностью или предпосылкой рассуждений В.М. Аллахвердова является выделенное из полифункциональной сферы сознания одно из его свойств: придавать случайным событиям статус закономерных, для чего затем нужно было «придумать физический процесс, который делает «примерно то же» (так как речь идет о природе в целом, то это и есть метафизическая задача Аллахвердова - Р.Н.). Как видим, несмотря на то, что В.М. Аллахвердов, как и А.И. Миракян, полагает, что первично не психическое (с точки зрения его возникновения), и для решения своей метафизической задачи, переводит сферу исследований в природу, в реальность до отражения (или осознания), тем не менее, в отличие от А.И. Миракяна, он использует «продуктивный» подход. То есть в природных физических процессах ищет нечто «родственное» тому, что уже является результатом или продуктом деятельности сознания. Поэтому, если бы В.М. Аллахвердов продолжил развивать свою теорию (но он не ставил перед собой такой задачи), это привело бы к выявлению принципов и закономерностей именно этого «сознаниеподобного физического процесса», а значит, приспособлен-

ных для объяснения особенностей функционирования только того свойства сознания, с которого В.М. Аллахвердов начал свои рассуждения. А описание принципов порождения всего многообразия проявлений свойств сознания, его полифункциональности осталось бы вне области возможностей этой теории.

3. Для М.Б. Менского исходными были представления Х. Эверетта о суперпозиционном (квантовом) устройстве Вселенной, разделение которой на отдельные классические миры осуществляется сознанием. Как видим, в отличие от А.И. Миракяна и В.М. Аллахвердова, исходные предпосылки М.Б. Менского не психологические, а физические, поэтому движение его мысли направлено от физического к психическому, в противоположность двум предыдущим авторам. Причем в этой исходной позиции размышлений М.Б. Менского сознание и разделение альтернатив реальности противопоставлены друг другу, что приводило к появлению квантово-механических парадоксов, требующих своего не только физического, но и психологического разрешения, так как сознание, как оказалось, составляет неотъемлемую часть квантово-механической системы (в данном случае – Вселенной).

Представления о реальности:

1. О реальности до отражения (или природе, какая она есть до или без человека) А.И. Миракян говорит, как о «ничто» или реальности отсутствующего, потому что она не проявляется в феноменах восприятия и сознания. Эта реальность в представлении А.И. Миракяна обладает рядом особенностей: она состоит из бесконечного многообразия форм, которые образуют пространственно-временные, энергетически-дискретные формы, представляющие, вместе с этим, нерасчлененное единство, единство в абсолютном общем и в каждой отдельной дискретной форме (это нерасчлененное единство А.И. Миракян называет также глобальностью, чтобы указать на ограниченность психического отражения); в мире существуют две противоположные тенденции – к самосохранению и саморазрушению, что приводит к порождению и распаду материальных форм; в природе заложены структурно-процессуальные возможности образова-

ния и разрушения отношений между дискретными формами материи или гомогенными формами внутри более общей формы; природа обладает пространственно-временной анизотропностью и гомогенностью, причем гомогенность А.И. Миракян рассматривает как объективную возможность единого, а анизотропность как форму различия в едином и объективную возможность формопорождения сущего (Миракян, 1992).

2. Представление о реальности В.М. Аллахвердов выводит из своих исходных предпосылок. Для этого исходное представление о сознании (точнее о его свойстве) В.М. Аллахвердов переносит на мир, так как считает, что «только тогда можно надеяться, что сознание окажется онтологически связанным с физической природой этого процесса» (Аллахвердов, с.219). Именно поэтому наиболее удобной для этой цели оказалась концепция предрасположенностей К. Поппера, представленная им как «мир предрасположенностей» (Поппер, 2000), так как она основана, как и выбранное В.М. Аллахвердовым в качестве исходной предпосылки свойство сознания, на вероятностных соображениях. В результате представление о мире, о реальности В.М. Аллахвердов формулирует в своей метафизической гипотезе: «любое происшедшее случайное событие во Вселенной влияет на возможность осуществления последующих событий и, тем самым, отчасти детерминирует это событие» (Аллахвердов, 2003, с. 219). То есть это мир сложнейших взаимодействий, имеющих вероятностный характер, так как определяются совокупностью предрасположенностей, влияние которых не может приводить к образованию однозначных причинно-следственных связей, и, одновременно, это мир, где возможно движение и развитие от хаоса к порядку.

3. Как мы видели выше, исходные предпосылки М.Б. Менского уже основывались на определенном представлении об устройстве мира, предложенном Х. Эвереттом. От классического, привычного для нас ньютоновского мира, Вселенная Эверетта отличается тем, что, во-первых, она представляет собой суперпозицию независимых друг от друга одновременно сосуществующих миров, и, во-вторых, сознание образует

со Вселенной единую систему, так как именно оно разделяет альтернативные миры, создавая у людей иллюзию существования только в одном единственном классическом мире. В эту квантовую, эвереттовскую картину Вселенной М.Б. Менский вносит существенную поправку - вводит гипотезу идентификации или отождествления, о чем уже говорилось выше, согласно которой сознание есть разделение альтернатив. То есть, если в интерпретации Эверетта (как ответ на вопрос: что делает сознание в этой системе?) сознанию не придается никакого онтологического смысла, и оно рассматривается как отдельно существующее от разделения альтернатив, то Менский предлагает рассматривать сознание и разделение альтернатив как одно и то же, тем самым предлагая свое понимание «корневой» сущности сознания. Так происходит построение новой картины квантовой Вселенной, в которой невозможно существование какого-либо классического мира без компоненты сознания (каждой классической реальности соответствует своя компонента сознания), потому что появление данного классического мира и есть соответствующая компонента сознания. Таким образом, в реальности Менского появляется нечто новое, которое имеет физическую и психическую природу одновременно, становясь объектом исследования одновременно физики и психологии. Как показывают дальнейшие исследования М.Б. Менского, эта непривычная и трудно воспринимаемая метафизическая сущность (новое представление о сознании) имеет право на существование, так как дает, хотя бы теоретическое, объяснение многим, ранее необъяснимым, психическим феноменам. Как бы то ни было, несмотря на некоторые неясные моменты концепции М.Б. Менского, необходимо использовать ее, как и все возможные подходы, для приближения времени решения фундаментальных онтологических проблем психологии. «Я убежден, - пишет В.М. Аллахвердов, - что отсутствие хоть какого-нибудь приемлемого решения этих проблем тормозит становление психологии как теоретической науки и лишает психологов твердой почвы под ногами» (Аллахвердов, 2003, с. 3).

К сказанному выше необходимо дать некоторые комментарии. В методологических подходах А.И. Миракяна и В.М. Аллахвердова есть принципиальные различия и для их лучшего освещения приведем цитату из работы А.И. Миракяна «Основания трансцендентальной психологии восприятия»: «В истории материалистической философии были попытки поиска сущности явления психического отражения в истоках самой материи, но при этом материя и ее закономерности анализировались только через присутствующее (через уже отраженные и осознанные продукты восприятия – Р.Н.), которое не содержит в себе основных проявлений отсутствующего (реальности или мира до отражения – Р.Н.). Поэтому процесс психического отражения представлялся исследователями на основании данных продуктов этого процесса и феноменов; и объектом исследования ими был выбран человек с его природно-общественной историей..., а не принципы-закономерности порождения природных форм непосредственно-психического отражения, которые материя имеет в себе как возможность и только опираясь на которые можно создавать гипотезы об условиях порождения психического отражения в недрах материи, гипотезы о принципах и закономерностях его структурно-процессуального функционирования» (Миракян, 2010, с. 71). В.М. Аллахвердов шел прямо противоположным путем: от того, что «реально делает сознание» к умозрительному физическому процессу (как к природному метафизическому явлению), который делает «примерно то же». Поэтому, если все сказанное рассмотреть с гносеологической стороны, то вектор рассуждений В.М. Аллахвердова направлен от психологии к метафизике, а А.И. Миракяна - от метафизики к психологии. К подобным дискуссионным ситуациям хорошо подходят слова И.Ф. Гербарта, который писал: «Кроме правильного отношения психологии к общей метафизике, должно быть принято во внимание и мнимое, именно то, которое послужило поводом к попытке дать метафизике психологическое основание» (Герберт, 2007, с. 70).

Позиция М.Б. Менского, по нашему мнению, находится «посередине»: он отождествляет сознание (психическое) с раз-

делением альтернатив реальности (физическое), создавая тем самым совершенно новую, претендующую на научность, перспективу разрешения вечной проблемы соотношения психического и физического, что требует неторопливого, вдумчивого и разностороннего обсуждения.

Кратко остановимся еще на одном примере определения предмета психологии - психики. Это определение, данное А.Ф. Корниенко, существенно отличается от вышеприведенных. Анализ работ А.И. Миракяна и Р.М. Нагдяна, проведенный А.Ф. Корниенко, приводит его к выводу о том, что недостатком исследований указанных авторов, является то, что «в них все рассуждения о возможных механизмах порождения «психического» ведутся без определения сущности самого понятия «психическое»» (Корниенко, 2018, с. 19). Действительно, в этих (наших) работах, как Корниенко и пишет, «вопрос о сущности «психического» вообще не ставится», не ставится даже вопрос о том, чем «психическое» отличается от «непсихического» (там же). Но это наша принципиальная научная позиция, и ответом на эти возражения может служить следующее. Во-первых, есть множество определений психики, но общепризнанного определения сущности психики или психического не существует и поэтому «придумывать» еще одно не имеет смысла; во-вторых, на сегодняшний день, в традиционной психологии есть один способ «прямого» определения психики - через ее проявления (или феномены), фиксируемые нашим сознанием, но так как их бесконечное множество, то такое определение, в любом случае, будет неполным (о чем пишет в своей монографии и В.А. Мазилев); в-третьих, и это самое главное, предметом нашего исследования является не психика, а возможности ее порождения и образ мышления, который позволит это сделать, поэтому тот поиск механизмов или принципов порождения психического, когда проявления психики (феномены, функции, процессы, состояния и т.д.) используются в качестве первичных (исходных) данных, принципиально невозможен, что так убедительно доказал А.И. Миракян, и именно такой подход к исследованию психического был назван «продуктным», физикальным. Поэто-

му А.И. Миракяном был предложен новый подход, который выходил за пределы парадигм традиционной психологии и основывался на новом трансцендентальном (беспродуктном, афизикальном, метафизическом) образе мышления.

Каков же подход самого А.Ф. Корниенко к определению психики? Основной методологический вопрос, на который стремится ответить автор: «чем отличается психическое от непсихического?». Среди множества форм проявлений психического отражения, отличающих его от непсихических, А.Ф. Корниенко выбирает одну (?), объясняя это следующим образом: «Поскольку на получение знаний об особенностях ситуации объективной действительности требуется определенное время, поведение, регулируемое на основе результатов обычных физиологических и нейрофизиологических форм отражения действительности, всегда оказывается запаздывающим относительно непрерывных изменений в особенностях ситуации.

Для устранения этого недостатка нужна особая форма отражения, позволяющая в ситуации настоящего получать знания об особенностях ближайшего будущего этого настоящего. Именно эту форму отражения мы и предлагаем называть психической формой отражения» (Корниенко, 2018, с. 85). Здесь очень уместны знаменитые вопросы В.А. Мазилова: «... Но сводима ли вся психика к этой функции? Но раскрывается ли в этом ее природная сущность?» (Мазилев, 1998, с. 66). Нам кажется, что в этом случае ответ на эти вопросы должен быть отрицательным. А.Ф. Корниенко дает свое определение психики: «Способность мозга к соответствующей организации нервных процессов при взаимодействии субъекта с объектами внешней среды есть не что иное, как то самое свойство мозга, которое в психологии принято называть психикой» (там же). Если допустить, что у мозга есть такая особая способность, то опять же остается открытым вопрос о том, как из организованных особым образом материальных нервных процессов возникают нематериальные (идеальные) психические феномены. Представления о сущности психики, психической формы отражения и психических процессов, которые А.Ф. Корниенко приводит в своей работе,

являются определениями, не подлежащими, по мнению автора, эмпирическому доказательству, поскольку «очевидно, что определения, которые вводятся в науку, не подлежат эмпирическому доказательству» (Корниенко, 2018, с 85). Это верно: постулат (в данном контексте - определение) не подлежит эмпирической проверке, однако сам выбор постулата может быть либо методологически верным, либо ошибочным. Заслуга А.И. Миракяна как раз и состоит в том, что он дал универсальный метод, ограничивающий и уточняющий возможности принятия того или иного определения психики: во-первых, исследование психического необходимо начинать не с проявлений самой психики, а с исследования принципов ее порождения; во-вторых, при исследовании принципов порождения методологически и логически ошибочно в теоретическом исследовании опираться на принимаемые исследователем за основания или исходные единицы теоретического анализа какие-либо проявления психики (но иметь их в виду, конечно, необходимо).

Обобщая эту часть работы, отметим, что сравнительный анализ концепций А.И. Миракяна, В.М. Аллахвердова и М.Б. Менского выявил их общую и очень важную черту, которая отсутствует в пространстве методологий традиционной психологии прошлого и настоящего (например, в той же концепции А.Ф. Корниенко). Все три автора для решения проблемы психического направили свои усилия на анализ соответствующих картин мира, в которых существуют предполагаемые возможности возникновения психических форм бытия. Это явным образом показывает насколько актуально для определения предмета психологии обращение к философии психологии, которая является необходимой частью когнитивной методологии (вспомним методологический «кристалл» Мазилова).

Многие психологи обращались к анализу философских проблем психологии (не будем их перечислять, они в полной мере представлены в рецензируемой монографии), но В.А. Мазиллов - единственный российский психолог, который прямо говорит о необходимости выделения философии психологии в качестве раздела *психологии*, обсуждающего «фундаментальные вопро-

сы психологии: место психического в картине мира, предмет и метод психологии, положение среди других наук, обоснование психологического знания и т.д.» (Мазиллов, 2017, с. 374). Анализируя некоторые современные тенденции взаимоотношений между философией науки и психологией, В.А. Мазиллов делает важное замечание, которое часто выпадает из поля зрения философов, исследующих на основе естественных наук закономерности развития наук и научного мышления: «Объект и предмет психологии много сложнее, чем в естественной науке. Поэтому в высшей степени странно, что эти обстоятельства философией науки по сути не учитываются. Во всяком случае, отметим, что предлагать упрощенный подход к сложным объектам не только наивно, но и предвзято» (там же, с. 376). Вывод автора должен быть учтен не только философами, говорящими от имени науки *в целом*, но и психологами, желающими «строить» психологию по образцу естественных наук. В.А. Мазиллов выступает против непосредственного переноса философско-методологических установок естественных наук на психологию: «констатируем, - пишет он, - что философия науки, вероятно, хорошо описывает процессы, происходящие в естествознании, но малопродуктивна по отношению к научной психологии» (там же, с. 382). Причину подобного различия автор монографии видит в том, что, может быть, «философия науки пока еще не поднялась до осознания и концептуализации положения дел в психологии» (там же, с. 383). Мы вполне согласны с мнением В.А. Мазилова и, более того, считаем, что причина позднего «созревания» философии науки по отношению к психологии кроется в неразрешенности глубоких эпистемологических проблем, связанных с неразработанностью «концепции предмета психологии» (терминология Мазиллов). В частности, это относится и к концепции трех типов научной рациональности – классической, неклассической и постнеклассической (В.С. Степин), которая, по сравнению с другими философскими концепциями, получила наиболее широкое признание в сообществе психологов. Однако и в этом случае В.А. Мазиллов критикует прямой перенос этой модели эволюции научного знания на психологию

и после тщательного анализа приходит к выводу, что «применительно к психологии данная модель эффективно не работает» (там же, с. 390).

Для дальнейшего развития методологии психологии очень важно иметь в виду выводы, к которым приходит В.А. Мазиллов после анализа проблемы соотношения философии и психологии:

«1. Несомненно, что психологам необходимо продолжать исследования типов рациональности, опираясь на историко-психологические данные, то есть, не утрачивая специфики психологического подхода.

2. Психологии стоит заботиться о себе самостоятельно и разрабатывать философию психологии от психологии, то есть как часть психологии. Это значит, в частности, осмыслять свое развитие, выделять те типы рациональности, которые в ней были, исторически возникали и изменялись, но пока еще не выявлены» (там же).

3. Философии науки, возможно, стоит обратить внимание на психологию, выявить реальное своеобразие этой науки. Может быть, это пока и коллекция марок, но обладающая значительной ценностью. Представляется, что, не отобразив подлинные закономерности познания психического, философия науки не создаст адекватной картины науки в целом – без психологии она не будет полной» (там же, с. 390).

Проделанное нами теоретическое исследование, доказывающее существование трансцендентального идеала рациональности (Нагдян, 2018), дополняющего классификацию типов рациональности В.С. Степина, в точности соответствует вышеизложенным стратегическим установкам В.А. Мазилова по развитию методологии психологии. И, действительно, нами было показано, что реализация трансцендентального подхода к исследованию процесса порождения психического отражения, предъявляет новые требования к образу мышления исследователя, которые необходимы для выхода за пределы соотношения «объект-средства познания-субъект», что является структурной схемой философского подхода к описанию типов

рациональности по В.С. Степину. Данное соотношение, правомерное для процесса познания в естественных науках, теряет свой смысл при исследовании принципов порождающего процесса восприятия, потому что в этом случае невозможно еще говорить ни об объекте, ни о субъекте. Следовательно, при поиске принципов порождающего процесса восприятия в качестве единиц теоретического анализа не должны быть использованы понятия, относящиеся к объекту восприятия. Но ситуация осложняется тем, что интенциональность, предметность мышления человека, и психолога-исследователя в том числе, является серьезным препятствием для решения этой задачи, потому что неизбежно приводит к реализации продуктного подхода. В этом и кроется причина необходимости формирования нового образа мышления, функционирующего на языке априорных (беспродуктных, не-эмпирических) метафизических понятий. Именно такой образ мышления, являющийся основой для исследования возможностей возникновения психического, и был определен в нашей работе как трансцендентальный идеал рациональности (Нагдян, 2018). Этот четвертый тип рациональности необходим для теоретического исследования нового для психологов фрагмента или слоя реальности, лежащего за пределами феноменологии, которую невозможно изучить в парадигмах классической, неклассической и постнеклассической рациональности так, как это делается в современной традиционной психологии. Как видим, В.А. Мазиллов прав, полагая, что психика, ввиду своей сложности, не может быть полностью изучена в пределах типов рациональности В.С. Степина, выведенных из анализа закономерностей эволюции естествознания (физики, биологии). Но, хотим отметить, что проблема не только в сложности психики, но и в отсутствии соответствующего образа мышления.

В заключении данной статьи приведем рассуждения В.А. Мазилова о задачах философии психологии: «Дадим самую общую и чрезвычайно сжатую характеристику философии психологии как уровня когнитивной методологии.

1. Этот уровень имеет дело с идеями. Используя термино-

логию К. Поппера, можно сказать, что философия психологии имеет дело с «третьим миром».

2. Это основная зона ближайшего развития и психологии, и ее методологии.

3. Вписывает психическое в научную картину мира.

4. Философия психологии вырабатывает понимание предмета.

5. Конструирует предметное пространство психологии

6. Определяет ориентиры и магистральные задачи.

7. Обнаруживает перспективы для междисциплинарных исследований.

8. Обеспечивает единство психологии.

9. Обеспечивает интеграцию различных потоков психологического знания. В данном пункте требуются хотя бы минимальные пояснения. Дадим их. Речь, в частности, о том, что кроме «академической», научной психологии существуют другие потоки психологического знания в культуре. Это и трансперсональная психология, и гуманистическая, и различные варианты практической психологии и психопрактики. И литература, и искусство, которые тоже по-своему раскрывают психическую жизнь человека.

10. Философия психологии производит учет и интеграцию всего психологического знания (во всяком случае, на уровне идей).

11. Философия психологии является основным фактором, определяющим стратегию историко-психологического исследования. Тезис также нуждается в пояснении. Автор, описывая какое-то историческое событие, в качестве позиции для выбора оценки реально использует позицию «из будущего» (не из сегодняшнего дня). Именно поэтому категория философии психологии так важна для истории психологии.

12. И последнее, может быть, самое важное. Философия психологии, как мы ее представили в настоящем тексте, существует реально, только, к сожалению, в силу разных причин, к настоящему времени недостаточно разработана. И особенно удивительным представляется то, что в психологии совершен-

но не исследованы представления о философии психологии реальных психологов-исследователей, делающих науку сегодня. Вряд ли стоит разъяснять, что от этих представлений (в разной степени осознанных и отрефлектированных) в значительной степени зависит эффективность собственных научно-психологических исследований. Как можно полагать, разработка философии психологии как раздела психологии, а не философии науки, будет способствовать дальнейшему развитию психологической науки. Обратим внимание на то, что такая разработка существенно увеличит прогностические возможности в определении перспектив развития науки» (Мазиллов, 2017, с. 399-400).

Обобщая вышеприведенные тезисы Мазилова, с уверенностью можно сказать, что лишь с помощью эпистемологической функции философии психологии можно придти к пониманию онтологической сущности психики. А так как эпистемология находится в прямой зависимости от типа рациональности ученого, то психологи в первую очередь должны направить свои интеллектуальные усилия не на определение психики, время для этого еще не пришло, а на определение того идеала рациональности, который позволит приблизиться к пониманию сущности психики. Именно поэтому психологам нужны история философии, философия науки и философия психологии, а также обширные знания из других областей науки, приближающих нас к границе непознанного мира.

Таким образом, монография В.А. Мазилова отличается глубиной и новаторскими нетривиальными идеями. А по масштабности затронутых в ней методологических вопросов, проблем, подходов и концепций, это, безусловно, энциклопедическая работа. Другой отличительной чертой этой книги является то, что в ней автор ставит очень много актуальных вопросов и проблем, которые необходимо решить, и тем самым открывает дорогу и себе, и другим исследователям для дальнейших перспективных теоретических исследований. В этом и состоит миссия настоящего ученого.

Список литературы

1. Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., Лабиринт, 2003.
2. Гербарт И.Ф. Психология. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. – 288 с.
3. Гинецинский В. И. Предмет психологии: дидактический аспект. М.: Изд. Корпорация Логос, 1994.
4. Вартофский М. Эвристическая роль метафизики в науке // Структура и развитие науки (Бостонские исследования философии науки). М.: Изд-во «Прогресс», 1978. С. 43-110.
5. Владимиров Ю.С. Между физикой и метафизикой, кн. 1-5. М.: Издательский дом «Либроком», 2009-2013.
6. Захаров В.Д. Метафизика в науках о природе // Вопросы философии, 1999, 3. – С. 3-43.
7. Корниенко А.Ф. Психика. Психическое отражение. Психические процессы. – Казань: Изд-во «Печать-Сервис-XXI век», 2018. – 117 с.
8. Мазиллов В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль, 1998.
9. Мазиллов В.А. Стены и мосты
10. Мазиллов В.А. Методология психологической науки: история и современность. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2017. – 410 с.
11. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб.: Азбука, Азбука-Атикус, 2010. – 288 с.
12. Менский М.Б. Человек и квантовый мир. Фрязино: «Век-2», 2005. – 320 с.
13. Менский М.Б. Сознание и квантовая механика. Фрязино: «Век-2», 2011. – 320 с.
14. Миракян А.И. Психология пространственного различения (историко-методологический анализ). Ереван, 1990.

15. Миракян А.И. Константность и полифункциональность. М.: 1992.
16. Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии, кн. 1. М., ИП РАН, 1999.
17. Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии, кн. 2. М., ИП РАН, 2004. – 405 с.
18. Миракян А.И. Основания трансцендентальной психологии восприятия // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции (30 ноября 2010 г.) / Под общ. ред. Н.Л. Мориной, В.И. Панова, Г.В. Шуковой. – М.: УРАО «Психологический институт», 2010. – 580 с.
19. Нагдян Р.М. Методологическое эссе (о книге В.А. Мазилова «Стены и мосты») // Вокруг «Стен и мостов»: размышления о методологии психологической науки. Сб. статей / под ред. В.А. Мазилова. — Ижевск: ERGO, 2016.
20. Нагдян Р.М. Загадка психики: трансцендентальная психология и метафизика, Ереван, Издательский дом Лусабац, 2017. – 424 с.
21. Нагдян Р.М. Методология трансцендентальной психологии. Ереван, Издательский дом Лусабац, 2018. – 416 с.
22. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории (синергетика, психология и футурология). М., 2001. – 158 с.
23. Панов В.А. Теоретическое обоснование экопсихологической (онтологической) модели становления субъектности / Становление субъектности учащегося и педагога: экопсихологическая модель / Под ред. В. И. Панова. – М.: ПИ РАО; СПб.: Нестор-История, 2018. – 304 с.
24. Поппер К. Мир предрасположенностей: два новых взгляда на причинность // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. М.: Прогресс, 2000. – 193 с.
25. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, куль-

тура: коллективная монография / под ред. Л.П. Киященко, В.С. Степина. – СПб., 2009. – С. 249-295.

26. Хокинг С. Черные дыры и молодые вселенные. СПб., 2001. – 286 с.
27. Юревич А.В. Системный кризис в психологии // Вопросы психологии, 1999, 2. – С 3-12.
28. Everett H. Relative state formulation of quantum mechanics, Rev. Mod. Phys. 29, 454, 1957.

ГЛАВА 3. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Значение концепции А.И. Миракяна в обосновании созерцания как дополнительной к деятельности категории психологии¹²

Г.В. Акопов

Методологическая позиция исследователя выполняет двоякую роль в организации научного мышления. В одной ипостаси методология определяет позитивную содержательную и методическую стороны избранной предметной области; в другой – формирует пределы и ограничения исследовательских интенций, создавая тем самым соблазн выхода за пределы установленных границ. Выход за пределы или трансценденция характерна, на наш взгляд, для всего творчества А.И. Миракяна.

Опираясь первоначально как на известные, так и на собственные исследования по психологии восприятия, которая, по словам крупнейшего отечественного ученого в этой области В.А. Барабанщикова, «оказалась настолько дробной, что начала терять целостность и непосредственную связь с фундаментальными проблемами науки» [6, с. 460], А.И. Миракян увидел альтернативную традиционной психологии линию основополагающего мышления («наука психики»), определяющую фундаментальную связь материи и психики. В этой, как стало привыч-

¹² Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 12-06-00595 «Созерцание в категориальной системе современной психологии: теоретические и прикладные аспекты». Статья опубликована в сб.: «Психология восприятия: трансцендентальная перспектива». Ереван, НАИРИ, 2017. С. 14-26.

но говорить, парадигме, прежде всего, утверждаются «природные основания возможности порождения, образования явления психического отражения» [15, с. 22]. Согласно автору «наука психики», в отличие от традиционной науки психологии как «науки о ставшем, об уже законченных процессах психического отражения, уже отраженных данных...», «изучает **возможность** порождения этих данностей психики, процесс становления, порождения этих данных, а не сами данности» [15, с. 24].

Ссылаясь на А.И. Миракяна, известный психолог В.И. Слободчиков также дифференцирует «психологию психики» («наука о **процессе** становления той или иной психической формы»), в которой психика рассматривается как общеприродное явление, и «психологию человека», т.е. «науку об уже ставших, случившихся, уже присутствующих психических формах...» [24].

Таким образом, новая исследовательская линия призвана отчетливо дифференцировать «продукт процесса» (традиционная психология) и «содержание или характер процесса психического отражения» («наука психики»), раскрывая «природные закономерности психического отражения как возможности самоотражения самой природы» [15, с. 27]. В качестве одного из философско-методологических оснований выстраиваемой логики А.И. Миракян рассматривает соотношение «глобальности и упорядочивания»; ... «аморфное, глобальное, общее, единое, благодаря внутренним законам процесса, приобретает очерта-ния, упорядочивается, становится единичным» [15, с. 28]. Предметную область формируемой таким образом «науки психики» составляет «содержание процесса, на одном полюсе которого – глобальность, а на другом – упорядочивание», т.е. содержание процесса **между** (переход, «борьба») непрерывной глобальностью и дискретным упорядочиванием [15, с. 33-35].

Две другие важные философско-методологические составляющие концепции А.И. Миракяна связаны с возможностью фиксации (память) и образования отношения между дискретными элементами системы. Соответственно автором постулируются такие принципы упорядочивания (отражения), как: искажение, фиксация, образование дискретных элементов и их

отношений [15, с. 38]. Весьма важным представляется тезис Миракяна о том, что «...упорядочивание глобального, выделение особенного соответственно принципам отражения и есть первое проявление субъектности данной отражательной системы. ... Другая система с другой организацией упорядочивает другие стороны глобальности» [15, с. 39]. Отметим, что отражательные системы в концепции А.И. Миракяна рассматриваются как «определенные материальные образования»; собственно психические явления изучаются в процессе отражения как «структурно-процессуальные закономерности пространственно-временной дискретизации глобальности и выделения чего-то одного в определенном отрезке времени» [15, с. 50], что соответствует исходному положению автора о том, что «в закономерностях материи заложены принципы порождения отражения» [15, с. 139]. А.И. Миракян рассматривает связь психического отражения с материальным миром (включая механическое, физическое, химическое и т.д. отражение), «выходя за пределы непосредственных данностей этого отражения, т.е. ... эмпирического опыта и основываясь на знании о закономерностях материи, имеющей возможность как порождения в себе живого, так и порождения специфического для живой природы психического отражения» [15, с. 138]. Автор подчеркивает, что в отличие от исследователей традиционного направления, «закономерности порождения мы ищем не в субъекте, не в его мышлении и т.д. ..., а в материи», «в соответствующих свойствах материи, закономерностях развития, формопорождения и движения, одной из форм которого является психическое отражение» [15, с. 130].

Важно отметить, что в проблемно-постановочном плане А.И. Миракян акцентирует поиск в закономерностях материи, в «возможности порождения психического отражения» [15, с. 132]. Автор проясняет свою позицию в логике философии «присутствия» и «отсутствия», рассматривая «психическое отражение как возможность, а не как данность» [15, с. 50]. Реализованная возможность, представленная как данность, и есть выход за пределы исходного состояния, будь то материя или психика, и есть, по нашему мнению, трансценденция, определившая название

концепции А.И. Миракяна. Поиск тех характеристик материи, которые обеспечивают реализацию возможности трансценденции в формах психического отражения (порождения), позволил выделить однородность-неоднородность (анизотропность), симметрию-асимметрию, структурность, соположение, искажение, оформленность и др. Автор рассматривает «возможность образования **отношений** как исходное свойство, суть самой отражательной системы» [15, с. 48, 51]. Образование анизотропных отношений и их роль в формообразовании и формонарушении иллюстрируется серией экспериментальных исследований, выполненных в лаборатории А.И. Миракяна. В частности, показано, что «природная анизотропность пальцев рук, т.е. различие их длины и мышечно-силовых характеристик» вкупе с «симметрично двуедиными отношениями между противостоящими пальцами, симметричными относительно природной оси кисти руки», способствует «формопорождению при статической фиксации объекта» [15, с. 356].

Совокупность оригинальных экспериментальных исследований, выполненных в лаборатории А.И. Миракяна, позволила сформулировать основополагающий вывод: «в любой отражательной системе единство дискретно-системности и анизотропности в отличие от гомогенности образует возможность порождения иного» [15, с. 355]. В этом плане неслучайной представляется фиксируемая автором констатация дискретности, анизотропности строения сенсорных органов живых существ (сетчатка глаза, кортиева орган уха, пальцы руки человека и т.д.) [там же].

Таким образом, концепция А.И. Миракяна принципиально решает поставленную автором проблему объяснения и экспериментального подтверждения возможности порождения психического отражения в формах связи формопорождения (формонарушения) с теми или иными характеристиками материи (асимметрия, анизотропность и др.).

Вместе с тем, как отмечает А.И. Миракян, «остается неясным содержание **субъективного процесса** акта порождения отражения: как воспринятое становится субъективно отраженным» [15, с. 365], т.е. «как порожденные формы становятся для животного

и человека воспринятыми... Как возможно отражение субъектом факта порожденной в его собственных структурно-процессуальных системах формы, как возможно порождение самого отражения?» [14, с. 367].

Вопрос, пишет А.И. Миракян, остался без ответа. Однако содержание вопроса сегодня представляет одно из главных направлений исследований в такой комплексной области, как «наука сознания» [3; 19; 22; и др.]. В частности, в работе В. Рамачандрана показана роль фактора симметрии-асимметрии в избавлении пациентов с фантомной болью конечностей и другими нарушениями (метод зеркальной зрительной обратной связи) от болезненных ощущений [21]. Представляемый автором оригинального изобретения механизм нейрофизиологического обеспечения процесса «успешной ампутации фантомной конечности» [21, с. 37] отчетливо ассоциируется с явлением трансценденции по Миракяну.

Мы усматриваем также определенное пересечение идей А. Бергсона и А.И. Миракяна. Согласно А. Бергсону, «анализировать можно вещь, но не процесс... Если же мы все-таки пытаемся его анализировать, то бессознательно превращаем процесс в вещь, а длительность в протяженность. Уже одним тем, что мы пробуем расчлнить конкретное время, мы развертываем его моменты в однородном пространстве, замечая совершающийся факт уже совершившимся» [7, с. 145]. Аналогично А.И. Миракян принципиально отходит от традиционной психологии как «науки о ставшем, об уже законченных процессах психического отражения, уже отраженных данных» [15, с. 24]. В другом контексте А.И. Миракян выстраивает механизм восприятия пространства через время [15, с. 368]; аналогично в работе А. Бергсона «Материя и память» в качестве основополагающего понятия рассматривается «длительность», т.е. временная характеристика. Соотнося интеллект (рациональное мышление) и интуицию, А. Бергсон, по всей видимости, определяет ее как некую форму трансценденции, что сопоставимо с трансцендентальностью порождения психического отражения в концепции А.И. Миракяна.

Длительное время занимаясь психологической проблематикой сознания, мы пытались определить генезис смысловых образований первоначально в деятельностной структуре сознания [3]. Выяснилось, что вне связи «деятельность-субъект» невозможно зарождение, становление и развитие смысловой сферы человека. Соответствующая методология в форме комплексования деятельностного и субъектного подходов (субъектно-деятельностный подход) закрепились в отечественной психологии последних десятилетий. Вместе с тем сам процесс порождения смыслов в рамках субъектно-деятельностного подхода никак не оформлялся и не получал своего обозначения. В качестве такового нами было предложено понятие созерцания, впоследствии обоснованное как дополнительная к деятельности категория [2]. Созерцание можно рассматривать как бессознательный процесс трансценденции телесного в психическое, социального в психическое и/или одних форм психического в другие формы психического для осуществления смыслопорождения или коррекции, трансформации и т.д. смыслов на микро-, мезо- и макроуровнях в эмоциональной, когнитивной, деятельностной и поведенческой сферах.

Таким образом, логическое объединяя два, условно говоря, «терминальных» подхода – деятельностный и субъектный – а также «процессуальный трансцендентальный подход» (по А.И. Миракяну) в формах **созерцания**, мы решаем проблему совокупности соответствующих связей или переходов: интенция (субъект) – осознанная активность внешнего и внутреннего планов (деятельность).

Конечно, контаминация методологических подходов – еще не основание для умножения категорий. Определенную систему необходимых и достаточных оснований введения терминов рассматривает И.Н. Карицкий. Несколько изменив порядок, можно говорить о логических, онтологических, гносеологических, праксеологических, аксиологических (ценностных), регуляционных (отношения) и субстанциональных (свойства) основаниях [11]. Значительная часть оснований категории «созерцание» определена нами ранее [4]. Вместе с тем, не в полной мере показан

идейный «капитал» отечественной психологии и подготовленная ею в разное время почва для категориального расширения в рассматриваемом аспекте. Так, в логико-методологическом, гносеологическом и онтологическом планах представляются важными высказывания С.Л. Рубинштейна о созерцании [23]. Созерцание выделяется С.Л. Рубинштейном наряду с действием (практическим) и познанием как важнейшая форма **активности** человека. «Созерцательность не должна быть понята как синоним пассивности, страдательности, бездейственности человека», отмечает С.Л. Рубинштейн. Видимо не случайно А.Н. Леонтьев определил в качестве «самой сложной проблемы» – «проблему явлений активности» [13].

Согласно С.Л. Рубинштейну, «величие человека, его активность проявляются не только в деятельности, но и в созерцании, в умении постичь и правильно отнестись ко Вселенной, к миру, к бытию». Наряду с «диалектикой познания как деятельности и как созерцания», С.Л. Рубинштейн подчеркивает также эстетическую, непрагматическую функцию созерцания [23].

К.А. Абульханова-Славская и А.Н. Славская в комментариях к книге С.Л. Рубинштейна «Человек и мир» [23] констатируют введение С.Л. Рубинштейном категории «созерцание», «приравненной по своему рангу к познанию и деятельности». Причем, различая созерцание и деятельность, С.Л. Рубинштейн «трактует созерцание не феноменологически как непосредственность, пассивность, а как выражающее сущность самого субъекта ценностное отношение к бытию» [1].

Выстраивание научного категориального аппарата с одной стороны облегчает (создает опоры, ориентировочные основы) познавательного процесса в целом, с другой – вносит в познание проблему соотношения дискретных (разрозненных) средств в отражении, отображении и конструировании непрерывной реальности. Идущее из философской диалектики объединение категорий в пары по признакам логической противоположности или иным связям (бинарность, дихотомизм и т.д.) не решает проблемы в полной мере, т.к. сохраняется, по выражению М.К. Мамардашвили, некий «зазор», «подвес», «точка безразличия» или

«великое безразличие», т.е. фиксированная точка, в которой могут «меняться смыслы нашей жизни» [14].

В связи с понятием созерцания нами используется слово «остановка» внешней или внутренней деятельности как процессов целенаправленной, сознательной активности. Г.С. Померанц обозначает ее как «паузу» созерцания, «в чередѣ дел», в «лихорадке деятельности» [20]. Пауза созерцания, это не абсолютная остановка, не оцепенение [18]; она заполнена более или менее интенсивной, иногда «избыточной» **бессознательной** активностью, сохраняя статус процесса или состояния, возможно, переходящего в свойство личности-индивидуальности.

Адекватное теоретическое решение проблемы дискретности-непрерывности психических процессов было найдено А.В. Брушлинским, утверждавшим, что «непрерывность (континуальность) психического всегда формируется и реализуется одновременно на разных, но взаимосвязанных уровнях осознанного и неосознанного. Роль последнего здесь, естественно, весьма значительна» [9].

Непрерывность рассматривается А.В. Брушлинским не как синоним постепенности (плавности); «всегда оставаясь недизъюнктивным, или континуальным, психический развивающийся процесс проявляется в двух формах: (1) как скачкообразное, качественное, внешнее внезапное... и (2) как постепенная, плавная эволюция, подготавливающая подобные скачки в развитии» [9]. В этой и другой работе, посвященной проблеме бессознательного в трудах С.Л. Рубинштейна, А.В. Брушлинский весьма определенно утверждает, что «непрерывность осознанного и неосознанного представляет собой одно из фундаментальных свойств психического процесса» [8]. Взаимосвязь и взаимопереходы между осознанным и неосознанным, согласно А.В. Брушлинскому, «представляют собой один из важнейших механизмов преемственности всего психического» [9]. Явление созерцания, на наш взгляд, представляет один из множества бессознательных механизмов. Своеобразие или уникальная особенность этого механизма заключается в его одновременной формальной (несодержательной) **доступности сознанию**.

В исследовании Л.С. Аюпян на молодёжной выборке показана разнообразная смысловая (семантическая), включая словарные значения, и отчасти ассоциативная нагруженность впервые определяемого студентами слова «созерцание», а также подтверждение пережитого в разное время опыта созерцания, сохраненного в реминисценциях некоторой формой с неопределённым содержанием [5].

Возвращаясь к идее континуальности, попробуем определить, в чем, собственно, состоит или чем наполнен механизм переходов из сознательного в бессознательное и в их рекурсии, обусловленной деятельностью контекстом и субъектной активацией.

Резонно предположить, что содержание психического бессознательного, каковым в нашем случае выступает созерцание, представляет собой процесс **порождения** нового (обновленного) знания, отношения (смысла), поведенческой стратегии, ценностного или эстетического новообразования. Субъектно-деятельностная или деятельностно-субъектная трансценденция в этих случаях становится психологически понятной, чему способствует также концепция трансцендентальной психологии.

Трансценденция, по Миракяну, как внешнего, так и внутреннего плана, на наш взгляд, связана со «снятием» непреодолимой декартовской границы между глобальностью как целостной бесконечностью хаотичного мира и упорядоченностью («упорядочиванием») структурных образований, порождающих сознание [15]. В концепции Миракяна мы усматриваем определённые сходные моменты с философско-психологическими идеями А. Бергсона, в частности, в вопросах дифференциации протяжённости и длительности, статики и динамики, непрерывности и дискретности, целостности и структурированности и др. Однако, направленность трансценденций авторов носит явно противоположный характер. Если в концепции Миракяна возможность психического отражения, или новая процессуальность, ищется в материальных, телесных структурах и в принципах симметрии-асимметрии («манипулятивные» системы рук, глаз, ушей и т.д.), то в теоретических построениях Бергсона субстантивируется идеальная, образная сфера, логически безупречное обоснова-

ние которой осуществлено в работе «Материя и память». Соответственно, существенно разные «инструментальные» понятия вводятся в оборот и используются при этом: у Миракяна – анизотропность, у Бергсона – интуиция.

Если восприятие в работе Бергсона рассматривается исключительно в контексте обусловленности подготовкой к известному действию, либо необходимостью выбора или конструирования необходимого действия, то у Миракяна восприятие исследуется вне совокупности готовых схем или заранее известных форм, либо результатов действия, которые порождаются в трансцендирующем процессе.

Любопытно отметить, что как идеи Бергсона, так и идеи Миракяна, при всей логичности, продуктивности и привлекательности, не нашли широкого распространения в психологии. Основная причина, на наш взгляд, состоит в том, что авторам не удалось выстроить категориальный аппарат, органично дополняющий, либо расширяющий специфическое понятийное пространство психологии.

На наш взгляд, ситуация разработки и распространения концепций как Бергсона, так и Миракяна могла бы сложиться совершенно иначе (имея в виду богатый потенциал возможностей как одной, так и другой теории), если бы авторам удалось найти более привлекательные «имена» для обозначения основополагающих понятий. И в том, и в другом случае, на наш взгляд, удивительно точно соответствует главным идеям концепций Бергсона и Миракяна понятие созерцания.

Совокупность обоснований категории созерцания в современной психологии включает не только методологическую аргументацию [16; 17]. Процессы современной глобализации (все возрастающая динамизация жизни, стремительное событийное уплотнение, технологизация, универсализация и т.д.) несомненно актуализируют **онтологические основания** созерцания. Инновационные императивы, запредельная активация интеллектуально-познавательной деятельности в конкуренции с процессами внелогического постижения вслед за рациональным пониманием [10] определяют **гносеологические**

основания созерцания. Разработка новейших психопрактик, амплифицирующих медитативные и иные практики модерации (вызревания) смыслов, совладания с трудной или весьма неопределенной ситуацией, эстетизации действительности, переосмысления жизни и т.д. задают **праксеологическое пространство** новых возможностей посредством целенаправленной активации созерцания [4]. Эти и, возможно, иные основания позволят выстроить масштабную транспективу [12] категории созерцания в системе категорий не только психологии, но и других гуманитарных наук. Существенным в этом плане представляется понятие трансцендентальности, подготовленное работами А.И. Миракяна.

Список литературы

1. Абульханова К.А., Славская А.Н. Послесловие // С.Л. Рубинштейн Человек и мир. М., 1997.
2. Акопов Г.В. Методологические основания концепта «созерцание» в современной психологии // Созерцание как современная научно-теоретическая и прикладная проблема: материалы Всероссийской конференции, Самара, 21 мая 2013 г. / Под ред. Г.В. Акопова, Е.В. Бакшутовой. Самара, ПГСГА, 2013. С. 10-17.
3. Акопов Г.В. Психология сознания: вопросы методологии, теории и прикладных исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
4. Акопов Г.В. Созерцание как предмет психологических исследований // Материалы Поволжского консолидирующего семинара «Созерцание как современная научно-теоретическая и прикладная проблема» (21 мая 2011 г.) / Отв.ред. Г.В. Акопов. Самара: ПГСГА, 2011. С.36-44.
5. Акопян Л.С. Обыденные представления студентов о феномене созерцания // Психологическое знание в контексте современности: теория и практика. Мат-лы III Всероссий-

- ской научно-практической конференции, 18 февраля 2013 г. Йошкар-Ола: МОСИ. С. 10-14.
6. Барабанщиков В.А. Восприятие и событие. СПб.: Алетейя, 2002.
 7. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память // Бергсон А. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 1. М., 1992. С. 45-155; С. 157-325.
 8. Брушлинский А.В. Проблема бессознательного в трудах С.Л. Рубинштейна // Вопросы психологии. 1979. №3. С.115-122.
 9. Брушлинский А.В. Субъект: Мышление, учение, воображение. М., 1996.
 10. Знаков В.В. Психология понимания: проблемы и перспективы. М.: Изд-во ИП РАН, 2005.
 11. Карицкий И.Н. Понятие субъекта и объекта в философии и психологии // Методология и история психологии. М., 2010. Т.5. Вып.1. Январь-март. С.69-102.
 12. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблема становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск, 2005.
 13. Леонтьев А.Н. Категория деятельности в современной психологии // Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. В 2-х тт. Т.II. М., 1983.
 14. Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. М., 1993.
 15. Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии (книга 2). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
 16. Панов В.И. Экологическая психология: опыт построения методологии М., 2004.
 17. Панов В.И. Экологические предпосылки изучения психической активности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3. Вып. 3(11). С. 214-224.

18. Пергаменщик Л.А. Психическое оцепенение как разрыв непрерывности бытия. // Журнал практического психолога. 2009. № 1. С.156-165.
19. Петренко В.Ф. Многомерное сознание. М., 2013.
20. Померанц Г.С. Пауза созерцания [Электронный ресурс] // Дружба народов, 2002. № 2 // <http://magazines.russ.ru/druzhba/2002/2/pom.html>. Дата обращения 30.05.2013.
21. Рамачандран В.С. Мозг рассказывает. М.: Карьера Пресс, 2012.
22. Ревонсуо А. Психология сознания. СПб.: Издательство Питер, 2013.
23. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание / Человек и мир. СПб, 2003.
24. Слободчиков В.И. Антропологический статус современного психологического знания // Известия саратовского государственного университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3. Вып. 3(11). С. 224-228.

Реконструкция модели «перцептрона» Миракяна¹³

С.Л. Артеменков

1. ВВЕДЕНИЕ

Модель, которую условно можно назвать «перцептроном» Миракяна, представляет собой специализированную систему кодирования, построенную на основе структурно-процессуального образования отношений и разработанную проф. А.И. Миракяном для демонстрации гипотетических качественных характеристик и принципиальных особенностей процесса восприятия. Прототип одной из частей общей модели «перцептрона» был реализован более 20 лет тому назад в виде электронно-технического устройства и отчасти описан в работах [1, 2]. Однако полные данные о строении, вариантах и особенностях модели не были опубликованы, и в этой связи данная модель в целом остается неизвестной для широкой научной общественности. Вместе с тем модель представляет не только исторический, но и общий научно-практический интерес, поскольку ее строение основано на фундаментальных научных принципах и методологии теории трансцендентальной психологии [3-5]. Развитие этой теории, на наш взгляд, может открыть пути к построению новой технологии моделирования порождающих процессов и создания на этой основе полифункциональных искусственных перцептивных устройств. В настоящей статье представлена реконструкция общей структуры модели «перцептрона» Миракяна и описаны, происходящие в ней процессы, а также ее особенности и важные функциональные свойства.

¹³ Моделирование и анализ данных, 2013, N1. С. 49-60.

2. ПРИНЦИПЫ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Научно-исследовательская деятельность проф. Миракяна была посвящена проблеме познания закономерностей и механизмов процессов непосредственно-чувственного отражения (восприятия). Проведя исторический анализ подходов к исследованию этой проблемы, Миракян обнаружил, что непосредственные свойства образов, полагаемые естественными продуктами этих процессов, широко используются исследователями, как в объяснении процессов восприятия, так и при поиске закономерностей этих процессов. Этому способствовал естественно сложившийся продуктивный образ мышления [6], при котором исследователь имеет дело «с готовыми образами восприятия и представления, понятиями и т.п., но отнюдь не с порождающими и не с формирующими их психическими процессами» [7].

Продуктивный подход такого рода (когда о скрытом от наблюдения процессе судят по свойствам входных и выходных продуктов этого процесса) имеет место в любых науках и часто является вполне адекватным. Миракян, однако, поставил революционный вопрос об адекватности продуктного подхода в психологии восприятия [8, 9]. Мотивировал он это, фактически, тем, что процессы психического отражения являются порождающими процессами, а восприятие может быть определено, как процесс порождения чувственных образов, возникающих при условии воздействия «внешнего мира» на органы чувств. Вместе с тем логично предположить, что закономерности порождающих процессов не должны быть основаны на свойствах тех компонентов или продуктов, которые взаимодействуют или возникают в результате действия этих процессов.

Требование преодоления продуктного подхода в психологии обусловило ту задачу, которую поставил проф. Миракян при исследовании непосредственно-чувственного процесса отражения. Она состояла в том, чтобы найти принципы и механизмы, которые не используют заранее постулированные,

уже отраженные эмпирические свойства объектов и обеспечивают возможность порождения образа (формы) любой фигуры в различных условиях восприятия. Эти поиски в результате потребовали коренного пересмотра традиционной методологии и серьезной смены научных оснований.

В разработанном Миракяном новом подходе трансцендентальной психологии в качестве исходной аксиоматики для объяснения и моделирования процессов восприятия используются фундаментальные системно-процессуальные принципы, обуславливающие возможность понимания как сущности процессов порождения форм объектов (формопорождения), так и природы существования самих перцептивных процессов [8, 9]. Эти принципы были выявлены Миракяном на основе общего анализа особенностей строения перцептивных систем живых существ и в общем виде опосредованно характеризуют качественные свойства процесса порождения психического отражения, т.е. не на основе эмпирических свойств его продуктов [4, 6, 10, 11].

По Миракяну процессуальные условия существования и действия отражательной системы в живых организмах [6]: дискретизация форм пространственности и непрерывности времени; образование и фиксация отношений между дискретными элементами пространственной формы в определенном моменте времени и отношений между зафиксированными данными различных моментов времени. Общая структура перцептивных процессов определяется принципом анизотропной (дискретной) структурно-процессуальной организации отражательной системы, необходимой для формопорождения. Элементарный механизм формопорождения определяется принципом образования пространственно-временных, и, в частности, так называемых симметрично-двуединных отношений [4, 6, 10]. Симметрия, в частности, известна как ключевое биологическое свойство [12], которое может играть существенную роль в определении формы объектов [13].

Схематически бинарная модель симметрично-двуединного отношения показана на рисунке 1. Сигналы с двух однород-

ных дискретных элементов $A1$ и $A2$, симметричных относительно некоторой оси S , проходят через элементы $B1$ и $B2$, где возможна временная задержка и фиксация этих сигналов. Далее они в элементе C образуют отношение сравнения, результат которого используется для осуществления в системе обратной связи.

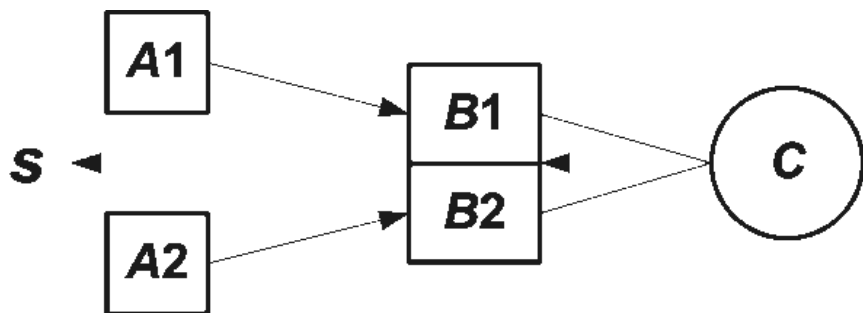

Рис 1. Схематическое изображение входных воздействий и элементов структуры, реализующей симметрично-двуединое отношение.

Для случая использования бинарной сигнальной логики (0 и 1 - отсутствие и наличие сигнала) образование симметрично-двуединых отношений можно рассматривать как фиксацию несимметричных входных воздействий в элементах $B1$, $B2$ и результата логической операции «И» в элементе C . Элементы $B1$, $B2$ повторяют значения сигналов с выхода элементов $A1$ и $A2$, но имеют свою память. При этом образованное отношение в C по обратной связи приводит к «стиранию» зафиксированных ранее в $B1$, $B2$ сигналов. Общее поведение элементов определяется таблицей 1, где показаны состояния элементов $B1$, $B2$ и C (после срабатывания обратной связи) при соответствующих значениях сигналов $A1$ и $A2$.

*Таблица 1. Таблица истинности симметрично-
двудеиного элемента*

№	1	2	1	2	1	2	1	2
<i>A1, A2</i>	0	0	0	1	1	0	1	1
<i>B1, B2</i>	0	0	0	1	1	0	0	0
<i>C</i>	0		0		0		1	

Исследованию перцептивных процессов и моделей, основанных на принципе образования симметрично-двудеиных отношений и других принципах порождающего процесса восприятия, посвящен ряд экспериментально-психологических работ [14-18 и др.], выполненных в рамках общей концепции трансцендентальной психологии. Методология экспериментальных исследований в трансцендентальной психологии представлена в [3, 19].

В целом предполагается, что исследуемые процессы носят трансцендентальный (можно также сказать, иерархический и синергетический) характер, т.е. являются латентными по отношению к эмерджентным собственно психологическим проявлениям и представлены на ином порождающем уровне общей иерархии сенсорных процессов. Постулирование этого на практике означает, что, если речь идет о психологических процессах и явлениях, происходящих в пределах функционального диапазона восприятия [20], то свойства исследуемых трансцендентальных процессов выявить на практике вряд ли удастся, поскольку в норме они практически никак не должны быть представлены в свойствах ощущений или чувственных образов.

Таким образом, экспериментальная парадигма здесь предполагает необходимость выхода за пределы функционального

диапазона восприятия. По идее, вне пределов этого диапазона свойства исследуемых процессов могут быть в той или иной мере проявлены на уровне психологии ощущений. Такие экспериментальные требования, по сути, совпадают с требованиями исследований, построенных по планам истинного эксперимента, сама суть которого состоит в создании искусственных, модельных условий. Вместе с тем можно видеть, что в этом случае традиционное экспериментальное требование высокой экологической валидности, которая достижима при помощи исследований, построенных по типу «эксперимента, дублирующего реальный мир» [21], в принципе не является применимым, если под «реальным миром» понимаются условия нормального (адекватного) функционирования восприятия.

Другим направлением исследования гипотетических принципов трансцендентальной психологии и закономерностей психического отражения явилось их моделирование в искусственных системах. В частности, Миракян разработал устройства «не кибернетических «перцептронов», моделирующих процессы порождения психических новообразований» [1, 7].

3. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ «ПЕРЦЕПТРОНА»

Предложенный Фрэнком Розенблаттом в 1957 году и реализованный в виде электронной машины перцептрон стал одной из первых моделей нейросетей [22]. При этом исследования автора перцептрона были главным образом связаны не с изобретением устройств, обладающих «искусственным интеллектом», а с изучением нейродинамических принципов. В этом отношении предложенную Миракяном модель (хотя она существенным образом отличаются от традиционного перцептрона Розенблатта) условно тоже можно назвать перцептроном, поскольку он призван продемонстрировать работу

предложенных принципов трансцендентальной психологии восприятия.

На основе развитого нового подхода Миракяном были инициированы работы по моделированию процессов восприятия в искусственных системах и созданию соответствующих технических устройств перцептронного типа [1, 6]. Общая модель, которую предложил Миракян, имеет иерархическое строение и реализует процессы, включающие как восходящее кодирование сначала формы и затем идеи или имени объекта, так и обратный нисходящий процесс обратного воссоздания кода формы объектов от кода их имени. Процесс восприятия в модели является как минимум двухступенчатым и двунаправленным. По Миракяну искусственная система отражения в принципе должна быть способна осуществлять ответ как на вопрос (А) об опознании объекта (как объекта, имеющего данное имя), так на вопрос (Б) об идентификации формы объекта (например, квадрата).

А. Вопрос: Что это такое? Например, объект этой формы (с этим кодом) условились называть квадрат. При этом важно, что соответствующий первичный процесс кодирования определяет и выделяет единичный объект среди множества объектов, первично как некоторый паттерн общего кода формы и затем как некоторую свертку – «идею» (нумен или имя) объекта. Сравнение этого имени с содержанием памяти обеспечивает ответ на поставленный вопрос.

Б. Вопрос: Этот ли это объект (например, квадрат ли это)? Ответ на этот вопрос предполагает встречный процесс, идущий от фиксированного в памяти имени квадрата к объекту, находящемуся вовне, от представления к объекту. Этот процесс является «идеальным» в том смысле, что здесь происходит обратное порождение от «точки» фиксации памяти и встреча с тем процессом, который идет извне, что обеспечивает подтверждение того, что приходящее извне на орган чувств воздействие по форме действительно является таковым. По Миракяну у животных ответ на представленный выше вопрос

Б всегда «да», т.е. для них вопрос «Этот ли это объект?» не имеет смысла, поскольку возникновение этого вопроса связано с необходимостью идеального выбора объекта по уже оформленному имени или идеальному представлению, которое выступает в качестве заменителя актуального объекта восприятия.

Таким образом, отражение в «перцептроне» Миракяна есть встреча двух процессов: восходящего порождающего, идущего от внешнего воздействия, и обратного процесса, который является процессом порождения изнутри. В принципе такая модель согласуется с традиционными общими представлениями о восприятии как совокупности и взаимодействии восходящих и нисходящих процессов, а также представленной еще Гельмгольцем идеей перцептивного образа как синтеза первичного образа и образа в представлении [23]. Однако здесь важно, что, будучи концептуально простой, модель Миракяна более детально определена: предполагаемое взаимодействие (или встреча) заключается в образовании отношений, которые обуславливают дальнейшие возможности взаимодействия, и может происходить на разных уровнях.

4. СТРОЕНИЕ «ПЕРЦЕПТРОНА» МИРАКЯНА

Общая структурная схема «перцептрона» Миракяна может быть представлена в виде двунаправленной системы структурно-процессуального кодирования (см. рисунок 2). Система состоит из следующих взаимосвязанных подсистем: 1 - рецептивное поле (РП); 2 - поле (блок) калибровки; 3 - структура кодирования; 4 - оперативное поле (образов); 5 – система управления перемещением и фиксацией изображения объекта; 6 - (безадресная) память и 7 - именованное поле (блок «имяпорождения»). Система в качественном смысле (реализации ее работы на основе гипотетических принципов) имитирует работу зрительного анализатора и обеспечивает как порождение представления о форме объекта, так и обратное порождение

ние изображения объекта от его представления. Встречными стрелками на рисунке 2 показаны поля, где встречаются процессы для ответов на рассмотренные выше вопросы А и Б.

Рецептивное поле (1) образует поле для представления изображений объектов и имеет вид круга, составленного из однородных дискретных рецептивных элементов, расположенных по диаметрам круга симметрично относительно центра. В варианте представленной ниже в разделе пять упрощенной технической реализации «перцептрона» рецептивное поле (1) имеет вид квадратной матрицы однородных дискретных элементов и блоки (2), (4), (6) и (7) отсутствуют [1].

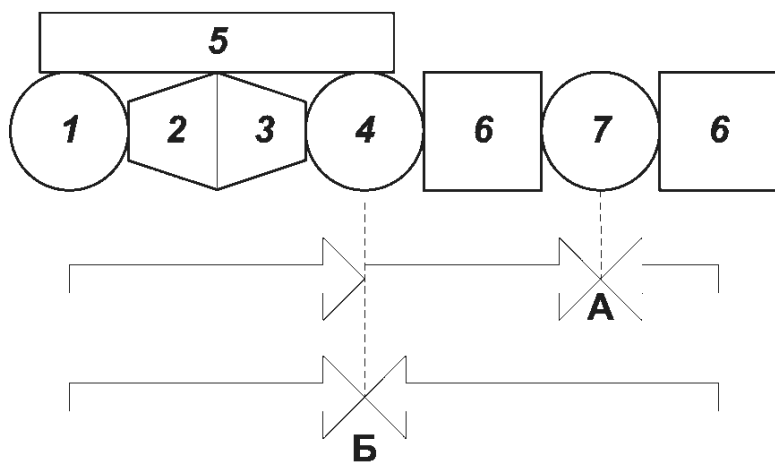

Рис. 2. Блок-схема «перцептрона» Миракяна.

Следует отметить, что различные блоки, представленные на рисунке 2, были в разной степени детализированы Миракяном и эти блоки в целом могут быть по-разному воссозданы и интерпретированы. В частности, механизмы блока (2) были представлены весьма абстрактно [4]. В наибольшей степени были разработаны механизмы блока (3) [1].

Поле блока калибровки (2), показанного на рисунке 3, повторяет форму рецептивного поля и осуществляет редукцию элементов и нормализацию размера изображения объекта (И),

представленного на рецептивном поле – увеличение до некоторой стандартной величины, представленной на поле стандартизированного изображения (*СИ*). По оригинальной идее Миракяна этот процесс происходит на основе пространственно-временной дискретизации поля калибровки (*ПК*) и измерения времени (*ИВ*) происходящих процессов таким образом, что пространственные протяженности в результате образуются с прямым участием фактора времени [10]. В теоретическом плане это означает, что согласно гипотезе Миракяна время играет ключевую роль в формировании чувства пространственной протяженности, которое порождается благодаря ощущению процессуальной длительности [4]. В упрощенном случае без учета временной составляющей блок калибровки можно построить более простым образом на основе увеличения размеров изображения по каждому из диаметров до стандартного максимального размера.

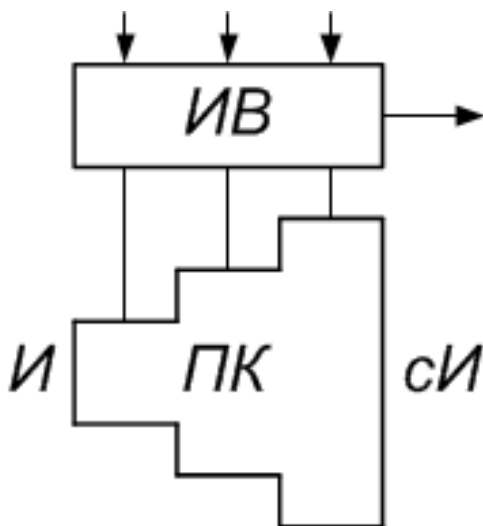

Рис. 3. Схема блока калибровки изображения.

Структура кодопорождения (3) обеспечивает порождение кода формы объектов и в простейшем виде может быть построена на основе послойного образования симметрично-двуединных отношений (см. рисунок 1) между дискретными элементами каждого из диаметров поля *СИ*. На схеме (3) на рисунке 4 представлена диаметральная линия этого поля (с 7-мью дискретными элементами), центральный элемент и двуединные элементы трех слоев симметрично-двуединных отношений. Элементы оперативного поля образов (4) и ячейки памяти (6) повторяют структуру двуединных элементов в (3). Поле (4) представляет собой поле встреч (Б) кода образа линии с соответствующим кодом образа линии, представленным в текущей памяти (6).

В теоретическом плане согласно общей концепции пространственная дискретность системы дополняется также дискретностью процессов во времени. При этом в принципе может поддерживаться многоуровневая дискретизация процессов во времени (такое построение процессов, когда одни и те же структуры участвуют в дискретных актах образования отношений с длительностью разного порядка, так что на порядок менее длительные акты вложены в более длительные, можно назвать концепцией многоуровневой дискретизации времени в порождающей системе).

В частности, один из уровней дискретизации обеспечивается показанной на рисунке 2 системой (5) фиксации изображения объекта на рецептивном поле. Дальнейшая дискретизация времени может осуществляться в пределах периода одной фиксации. При этом образование симметрично-двуединных отношений в блоке (3) на рисунке 4 может происходить неоднократно. В системе в этом случае предполагается возможность последовательного во времени образования отношений между уже образованными симметрично-двуединными отношениями, что, в принципе, позволяет выявлять и кодировать движение или изменение формы объектов во времени. Аналогичные процессы образования отношений во времени могут быть организованы и для случая результатов различных фиксаций.

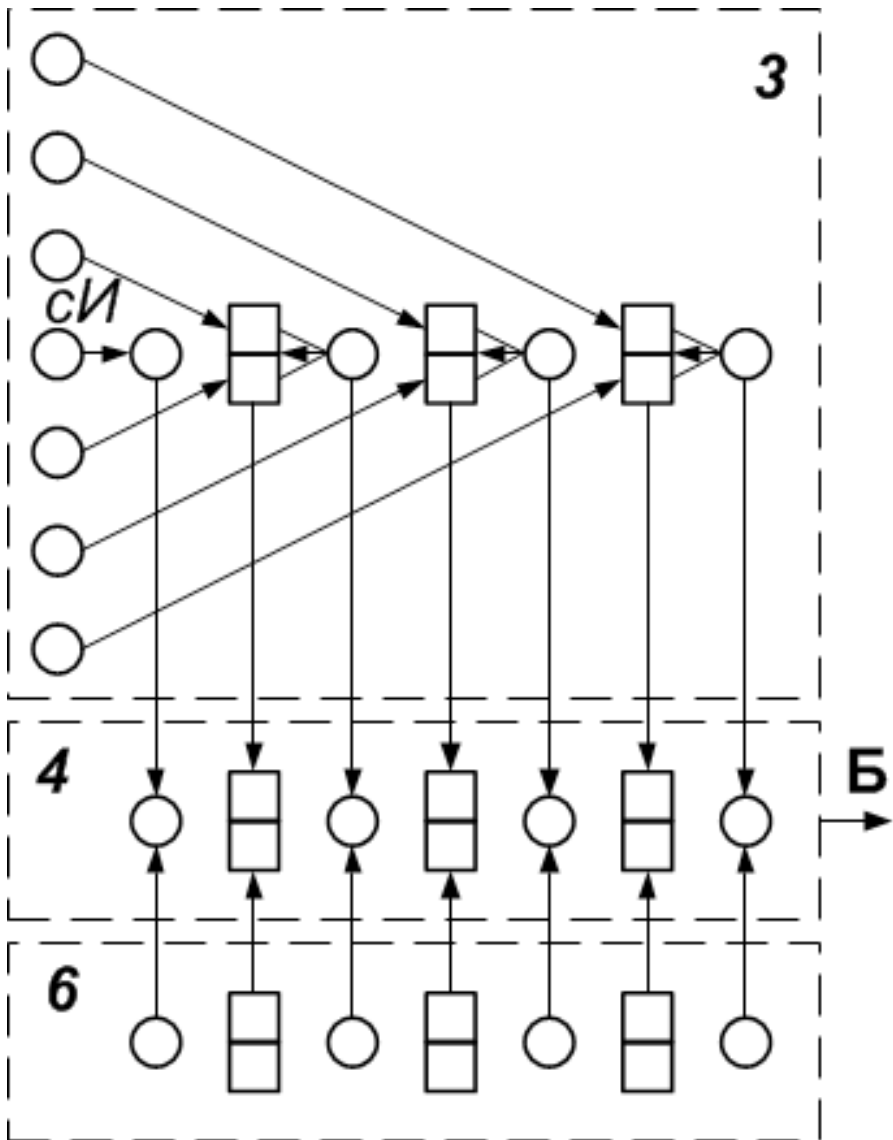

Рис. 4. Схема структуры формопорождения (3), оперативного поля образов (4) и элемента памяти (6) для одного из диаметров поля СИ.

Таким образом, многоуровневая временная динамика образования отношений в системе является важным фактором построения процессов формопорождения и как показано в [24] этот фактор может быть использован для экспериментальной верификации принципа образования симметрично-двуединых отношений в процессе зрения.

Система безадресной памяти состоит из множества слоев ячейек (6) и сохраняет диаметральную-линейную организацию. Запись осуществляется в первую ячейку, свободную от записанного кода, а чтение обеспечивается путем выявления групп ячейек, имеющих совпадения соответствующих кодов. Именное поле (7) обеспечивает далее свертку кода формы объектов в их имя и сохранение этих имен в далее расположенной памяти (6).

Система управления перемещением и фиксацией изображения объекта (5) действует на основе организации обратной связи и производит симметризацию изображения объекта на рецептивном поле, обеспечивая как фиксацию статических, так и прослеживание движущихся объектов. Возможное устройство этой системы для структуры кодирования на основе квадратного рецептивного поля описано в работе [2].

Если для простоты положить, что время в системе имеет только один уровень дискретизации, то работа перцептрона (см. рисунок 4) в целом может быть представлена следующим образом. При появлении изображения во всех элементах блока кодирования (3) проявляется код формы и этот код встречается на оперативном поле образов (4) с кодом слоя памяти (6). При этом, если код формы имеет хотя бы один элемент, совпадающий по состоянию с элементом слоя памяти, то код в (4) стирается и далее код формы сравнивается со следующим слоем памяти и так до тех пор, пока не находится свободный вышележащий слой памяти. Далее весь код переходит в это свободное поле памяти и полностью стирается в блоке кодирования.

Образование затем имени формы в блоке (7) (см. рисунок 2) производится как спиральная свертка в стек номеров всех активных точек кода поля памяти, начиная с краевых элементов рецептивного поля. Результирующее число в стеке записывается как имя данной формы, которое может сравниваться с другими именами (см. вариант А встречи двух процессов, показанных на рисунке 2 стрелками). Такое кодирование в принципе обеспечивает возможность от одной «точки» именного поля представления обратно восстановить кодовый паттерн формы (т.е. все точки изображения данной формы). Этот обратный процесс, в частности, происходит в перцептроне и в ситуации ответа на вопрос Б (см. рисунок 2), когда от нумера форма объекта поэлементно развертывается и переводится на поле образов, где встречается с кодом, полученным от изображения объекта.

5. УСТРОЙСТВО ДЛЯ КОДОПОРОЖДЕНИЯ И ФИКСАЦИИ ФОРМ ОБЪЕКТОВ

Структура кодопорождения (3) была реализована Миряком в виде технического устройства, которое было названо устройством для кодопорождения форм объектов и зарегистрировано в виде изобретения [1]. Устройство состояло из блока преобразования входного воздействия в дискретное двухградационное изображение, представленное на квадратном рецептивном поле (РП) 8x8 элементов. Основу структуры кодопорождения составляли идентичные элементы, выполненные на основе стандартных логических микросхем и триггеров. На рисунке 5 представлена структурная схема иерархии соединений между симметрично-двуединными элементами. Выходное кодовое поле представлено слоями двуединных элементов 4-х уровней иерархии отношений (1-4).

Форма в устройстве предстает в виде ее кода, зафиксированного в однородной иерархической структуре дискретных

двуединых элементов, фиксирующих симметрично-двуединые отношения. Двуединые элементы линий первого уровня иерархии фиксируют совместное появление единичных сигналов с пар симметричных относительно центральной горизонтальной оси элементов каждой вертикальной линии *РП*. Двуединые элементы второго уровня иерархии фиксируют тетрадное симметрическое возбуждение соответствующих элементов *РП* и организованы симметрично относительно вертикальной оси аналогично двуединым элементам линий первого уровня. Двуединые элементы третьего уровня фиксируют симметрические отношения элементов второго уровня. При большем размере *РП* количество уровней структурной иерархии соответственно увеличивается.

Сгруппированные по линиям двуединые элементы в одном слое и двуединые элементы, образующие отношения между слоями разных уровней (*1-4*) имеют не только прямые связи формирования отношений, но и обратные связи. При условии фиксации отношения (возбуждения) данного двуединого элемента линии эти обратные связи обеспечивают стирание зафиксированных отношений соседних двуединых элементов данной линии, относящихся к элементам *РП*, расположенным ближе к центру *РП*, а также стирание возбуждения связанных с ними общим отношением элементов нижележащего уровня.

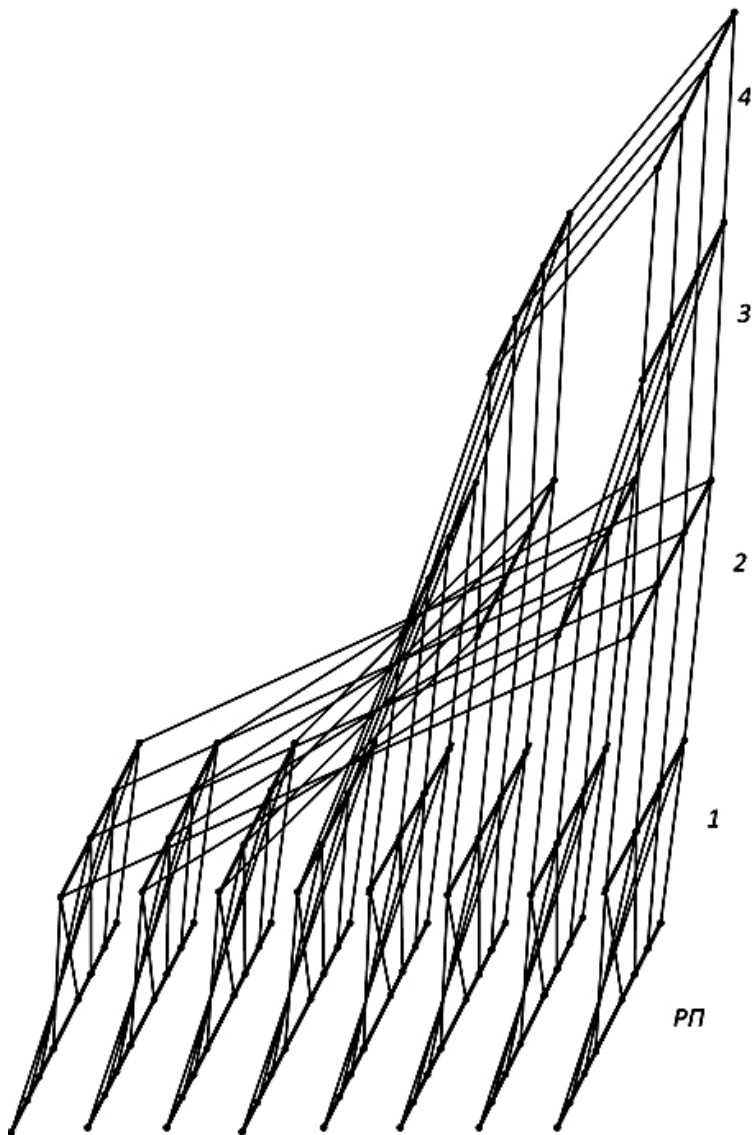

Рис. 5. Структурная схема иерархии симметрично-двудеиных отношений в устройстве с квадратным РП 8x8.

На рисунке 6 приведен пример обратных связей для пар двуединых элементов двух линий уровня 1 и пары двуединых элементов соответствующей линии уровня 2. Механизм обратных связей уменьшает общее число активных двуединых элементов, т.е. обеспечивает редукцию единичных состояний в коде формы.

Результаты экспериментального исследования, созданного Миракьяном технического устройства для кодопорождения форм объектов показали, что оно вместе с блоком управления перемещением *РП* может поддерживать фиксацию, прослеживание объектов, обеспечивает создание редуцированного кода формы входных изображений объектов, а также запись и воспроизведение этого кода в структуре памяти [1, 2]. При этом в результирующем коде представлен комплекс сопредставленных свойств, определенных симметричностью формы объекта. Было также показано, что с функциональной точки зрения, устройство после обучения и заполнения памяти обеспечивает: спонтанное выделение и быструю идентификацию отдельных паттернов кодов объектов; выделение совместно заданных объектов в сцене без предварительного описания свойств объектов или сцены; относительную (в пределах разрешающих возможностей устройства) устойчивость опознания объектов при определенных изменениях ориентации, положения и формы объектов в присутствии изменяющегося окружения.

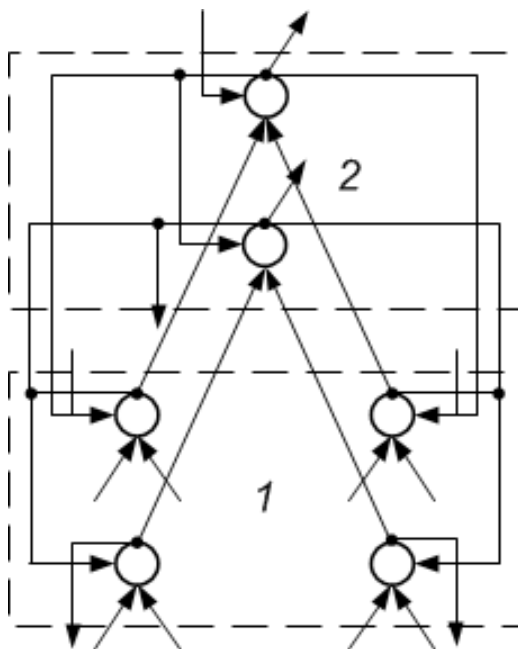

Рис. 6. Схема связей между парами двуедиными элементами разных уровней иерархии в структуре кодирования.

Свойства кода и процессуальные особенности работы устройства для кодирования форм объектов были подтверждены с помощью современного компьютерного моделирования [25].

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный выше «перцептрон» и различные его подсистемы были разработаны проф. А.И. Миракяном в качестве модели, иллюстрирующей работу предложенных им трансцендентальных принципов построения формопорождающих процессов. В этой связи рассмотренная выше модель не претендует на полноту реализации свойств реальных процессов восприятия и представляет собой относительно простую

аналитическую редукцию перцептивной системы до уровня гипотетических фундаментальных принципов, которые показывают процессуальные основы психического отражения и позволяют по-иному взглянуть на организацию перцептивных процессов, как процессов образования отношений.

В теоретическом плане модель «перцептрона» Миракяна позволяет показать, как представления о репрезентации в восприятии могут быть непротиворечиво совмещены с идеей порождения непосредственно-чувственных образов. Механизм образования отношений в модели, с одной стороны, обеспечивает процессы новообразования - собственно порождения кода формы объектов, а с другой - является основой для процессов двухуровневого репрезентативного сравнения кодов встречных процессов формопорождения (от внешнего воздействия и из памяти).

Можно заключить, что «перцептрон» Миракяна представляет интерес для осмысления и исследования предложенных Миракяном принципов и возможного дальнейшего развития направления трансцендентальной психологии. Вместе с тем следует отметить, что Миракян возлагал на эти принципы и реализующую их модель большие надежды. Он считал, что продолжение исследований в этом направлении может привести к построению новой технологии моделирования порождающих процессов восприятия в искусственных системах и созданию на этой основе гибко-адаптивных полифункциональных искусственных перцептивных устройств и систем опознавания для разных сенсорных модальностей. К сожалению, реализовать эти планы на практике не удалось. Подробности строения модели и конструктивные схемы не были полностью опубликованы и по разным причинам работы в направлении моделирования формопорождающих процессов не были продолжены.

Следует отметить, что трудности, стоящие на пути дальнейшего развития, как модельных исследований, так и всей области трансцендентальной психологии, связаны с двумя

весьма существенными факторами. Во-первых, это собственно трансцендентальный характер онтологии исследуемых процессов, которые, по сути, скрыты от непосредственного наблюдения или проявления в обычных условиях восприятия. В результате для изучения этих процессов, фактически, требуется смена парадигмы и особая методология теоретических и экспериментальных исследований. Во-вторых, в результате требуемого радикального изменения парадигмальных представлений возникают методологические и психологические проблемы. В частности, это сложность преодоления физикального (продуктного) образа мышления [19]. При этом предложенный Миракяном научный подход вступает в противоречие с традиционными научными взглядами и подходами, что обуславливает то, что в целом трансцендентальный подход остается для исследователей во многом непонятным и потому также мало применяемым на практике.

Реконструированная модель «перцептрона» Миракяна может помочь более ясному пониманию, как механизмов действия перцептивных устройств, так и научного подхода, предложенного А.И. Миракяном. Важно подчеркнуть, что трансцендентальные принципы и их развитие представляют возможности для уточнения старых и создания новых моделей, как процессов восприятия, так и других психических процессов [19, 24, 26].

Список литературы

1. Миракян А.И. Устройство для кодирования форм объектов. //Принципы порождающего процесса восприятия. /Под ред. А.И. Миракяна. - М., 1992, с. 47-52.
2. Миракян А.И. Артеменков С.Л. Устройство центрации и слежения динамического объекта. //Принципы порождающего процесса восприятия. /Под ред. А.И. Миракяна. - М., 1992, с. 53-61.

3. Артеменков С.Л. Методология трансцендентальной психологии и проблемы моделирования и экспериментального исследования порождающих процессов. Труды ФИТ (2). М.: РУСАВИА, 2005. с. 37-57.
4. Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии (книга 2). - М.: Изд. Институт психологии РАН, 2004. - 383 с.
5. Artemenkov S.L., & Harris M.G. From Constancy & Poly-functionality in Perception to the Transcendental Psychology approach. Journal of Integrative Neuroscience, 4(4), 523–536, 2005.
6. Миракян А.И. Афизикальные принципы психического отражения и их моделирование. // Принципы порождающего процесса восприятия. /Под ред. А.И. Миракяна. - М., 1992, с. 9-46.
7. Михайлов Ф.Т. Креативность воображения //Перемены. - 2000. - №3.-С.143-160. - С. 2000.
8. Миракян А.И. Психология пространственного восприятия. - Ереван: Айастан, 1990. – 206 с.
9. Миракян А.И. Константность и полифункциональность восприятия. - М., 1992. - 216 с.
10. Миракян А.И. Начала трансцендентальной психологии восприятия //Философские исследования - М., 2, 1995.
11. Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии (книга 1). - М.: Изд. Институт психологии РАН, 1999. – 205 с.
12. Заренков Н.А. Биосимметрия. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 320 с.
13. Blum H. Biological shape and visual science. Journal of Theoretical Biology, 38: 205–287. 1973.
14. Морина Н.Л. Анизотропность руки в процессе осязательного восприятия. //Проблемы психологии восприятия: традиции и современность. / Под ред. В.А. Барабанщиков, В.И. Панов. - М.: ИП РАН, ПИ РАО. 1995, с. 122-134.

15. Панов В.И. Непосредственно-чувственный уровень восприятия движения и стабильности объектов. // Вопросы психологии, 2, 1998, с. 82-107.
16. Погорельцева Т.С. Методический подход к исследованию порождения протяженности в осязании. // Проблемы психологии восприятия: традиции и современность. /Под ред. В.А. Барабанщиков, В.И. Панов. - М.: ИП РАН, ПИ РАО, 1995, с. 144-154.
17. Шукова Г.В. Изучение механизма зрительного восприятия пространственной протяженности. // Доклады юбилейной научной сессии посвященной 85-летию Психологического института им. Л.Г. Щукиной. /Под ред. В.В. Рубцова. - М., 1999, с. 88-95.
18. Artemenkov S.L. Centre-symmetric process anisotropy of form creation within the process of human visual perception. Perception, Vol.36, 213, 2007.
19. Артеменков С.Л. Трансцендентальная психология как изменение образа мышления. А.И. Миракян и современная психология восприятия. - М.: УРАО «Психологический институт»; Обнинск: ИТ-СОЦИН, 2010, с. 324-358.
20. Artemenkov S.L., & Harris M.G. Functional range of the human visual system and some of its spatial-temporal characteristics. Perception, Vol.34, 245, 2005.
21. Готтсданкер Р. Основы психологического эксперимента. М.: Изд-во МГУ, 1982.
22. Розенблатт Ф. Принципы нейродинамики: Перцептроны и теория механизмов мозга. М.: Мир, 1965. — 480 с.
23. Гусев А.Н. Общая психология: В 7 томах / Под ред. Б.С. Братуся. Т. 2: Ощущение и восприятие / А.Н. Гусев. М., 2007. – 416 с.
24. Артеменков С.Л. Метод экспериментальной проверки гипотетической модели образования симметрично-двуединых отношений в процессе зрительного восприятия. Экс-

периментальная психология в России. – М.: Из-во «Институт психологии РАН», 2010. – с. 205-210.

25. Афанасьев И.А., Артеменков С.Л. Компьютерное моделирование «перцептрона» Миракяна для кодирования форм объектов. Экспериментальный метод в структуре психологического знания. – М.: Из-во «Институт психологии РАН», 2012. – с. 157-161.
26. Панов В.И. Экологическая психология: Опыт построения методологии. М.: Наука, 2004.

Проявление продуктного подхода в психотерапии¹⁴

Г.С. Есаян

В течение всей истории человечества среди множества вопросов, интересовавших людей, были и такие, которые относились к его внутреннему психическому миру. Одним из основных и часто обсуждаемых вопросов, принадлежащих этой сфере, был и остается вопрос о психическом отражении: то, как мы воспринимаем окружающий нас мир. Эта проблема привлекала внимание исследователей из разных сфер познания действительности – философов, психологов, психофизиологов, кибернетиков и т.д.

После формирования психологии как отдельной науки, возникли её разные направления (структурализм, гештальт-психология, конструктивизм, экологический подход, информационный подход, нейрофизиологический подход и т.д.), в каждом из которых делались попытки по-своему исследовать психическое отражение. Эти подходы содержали как дополняющие, так и противоречащие друг другу интерпретации способов решения проблемы психического отражения. Однако все эти подходы объединяло нечто общее, а именно то, что при объяснении процесса психического отражения во всех этих направлениях в качестве исходных данных брались уже отраженные продукты, порожденные в процессе психического отражения. В настоящее время сложилась ситуация, когда возникли разные подходы к исследованию особенностей процесса психического отражения. По нашему мнению, наличие множества подходов к исследованию процесса психического отражения является, в частности, следствием применения в психологии продуктного подхода. Обусловленность множества интерпретаций процесса психического отражения в основном именно продуктным подходом, мы и покажем ниже на нескольких примерах.

¹⁴ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 16-06-00574. Статья опубликована в сб.: «Психология восприятия: трансцендентальная перспектива». Ереван, НАИРИ, 2017. С. 53-75.

Ограниченность продуктного подхода в психологии впервые была глубоко обоснована в концепции психического отражения Аршака Исраеловича Миракяна.

Свою научную деятельность А.И. Миракян начал с изучения проблемы константности зрительного восприятия, которое постепенно перешло в исследование одной из самых спорных проблем психологии и философии – проблемы возникновения психического отражения. Изучая подходы к изучению психического отражения в философии, психологии, психофизиологии и кибернетике он приходит к выводу, что всем этим научным направлениям присуще изучение заранее выделенных, уже воспринятых, свойств объектов, физиологических особенностей органов чувств или поведенческих феноменов. «Исследователи, – пишет он, – производя поэлементное разделение, выявляли их соотношение или проявление в живых организмах» [9, с. 125]. Он также отмечал, что изучение психики в психологии сводилось к тому, что изначально брался объект, определенное объективное описание его свойств, структуры или условий и исследовались возможные виды их преобразования в психические образы, феномены или акты поведения, т.е. общая схема исследования была такова: «объект, подлежащий восприятию и имеющий определенные заранее отраженные свойства, структуру (или стимул с предварительно отраженными исследователем свойствами, структурой, условиями), и субъективные феномены образного отражения или реакции соответственно этим объективным свойствам и условиям» [9, с. 126]. Сложившаяся ситуация, согласно А.И. Миракяну, была следствием того, что психологи свои исследования вели по схеме «объект-субъект», где объект изначально уже имеет готовое описание через собственные пространственно-временные свойства, а субъект посредством своих психофизиологических возможностей преобразует эти «объективные» свойства в субъективные образы и представления, которые проявляются в феноменах восприятия. Именно эти феномены и являлись главным предметом изучения в экспериментальной психологии, начиная с работ Вундта до настоящего времени. Таким образом, психологи, ставя

перед собой в качестве цели изучение закономерностей процесса психического отражения, исследуют их как процессы, происходящие между объектами с определенными свойствами и взаимоотношениями, с одной стороны, и человеком или высшими животными, обладающими какими-то механизмами восприятия, отражающими эти свойства и отношения, – с другой. Так как «...объект, описываемый через какие-то свойства – это объект уже отраженный, то постулируемые в рамках подобной методологии принципы и механизмы могут относиться лишь к отражению уже отраженного, более того, абстрагированного и закрепленного в определенных понятиях» [9, с. 187]. И, следовательно, «...в этом случае любой способ исследования закономерностей и принципов процесса восприятия есть изучение этого процесса на продуктном, физикальном уровне» [там же].

Теперь для того, чтобы выше приведенное сделать более наглядным и обоснованным, коротко представим особенности исследования процесса психического отражения в некоторых направлениях психологии, одновременно указывая на проявление в них продуктного подхода.

1. Структурализм. Когда в 1879 г. Вильгельм Вундт закладывал основы психологии как экспериментальной науки, он воспользовался методологией, характерной для естественных наук XIX в., известной под названием структурализма. Как и естественные науки, основное внимание в которых было сосредоточено на изучении структуры базовых элементов материи – атомов, молекул, клеток – психология, благодаря усилиям одного из наиболее выдающихся учеников Вундта, Эдуарда Бредфорда Титченера, обозначила стоящую перед ней проблему как изучение структуры восприятия. Иными словами, экспериментальная психология поставила перед собой цель изучить простейшие, базовые элементы сознательного опыта, а именно ощущения. По Титченеру, задача психологии «...разложить восприятие на составляющие его элементы – на простейшие ощущения» [18, с. 31]. В качестве примера рассмотрим «Структуралистский» треугольник, изображенный на рис. 1.

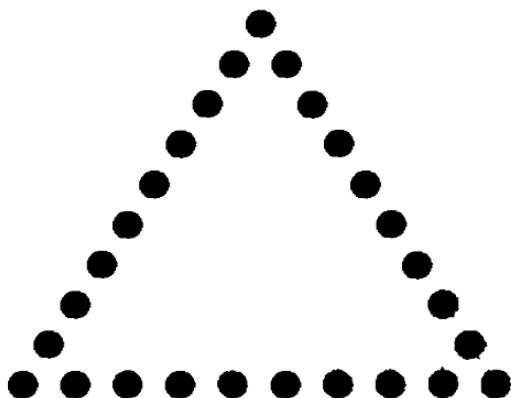

Рис. 1. «Структуралистский» треугольник

В соответствии с представлениями структуралистов, каждый из «точечных» элементов, изображенных на рис. 1. вызывает одиночное элементарное ощущение, а восприятие треугольника создается, благодаря результирующему воздействию этих ощущений (суммации).

Как видим, в структурализме, чтобы понять процесс восприятия, пробовали объект (например, треугольник) делить на части (в данном случае на точки) и через них объяснить процесс отражения всего объекта. Однако тот объект, который изначально брался (треугольник), уже был продуктом заверщенного процесса отражения. И части этого объекта – точки – также являются продуктами отражения. Как видим, в структурализме для объяснения процесса психического отражения в качестве исходных данных для изучения процесса отражения брались уже отраженные продукты. Двигаясь подобным образом, психологи могли лишь обнаружить закономерности, относящиеся к уже отраженным свойствам объектов или отношениям между ними.

2. Гештальт-психология. Это направление возникло отчасти как реакция на структурализм. Сторонники гештальт-

психологии, возникшей в Германии в 1910-е годы, подвергали критике представления структуралистов о восприятии как о комбинации отдельных ощущений, которые можно разложить на простейшие элементы. В соответствии с воззрениями гештальт-психологов структурный анализ игнорирует существенный фактор восприятия – взаимосвязь между раздражителями. По мнению гештальт-психологов, наше восприятие есть восприятие гештальта. Вместо простой суммы элементов человек воспринимает единую, интегрированную фигуру. Воспринимаемая фигура обладает уникальными свойствами, отсутствующими у тех элементов, из которых он образован, и не является их простой суммой. Элементы так связаны между собой, что образуют фигуру, имеющую свойства и качества, которых нет у ее отдельных частей [3, с. 15].

Гештальт-психологи, несмотря на то, что не принимали подход структуралистов к изучению процесса восприятия, в своих объяснениях также использовали продуктный подход, потому что пытались понять как у человека или высшего животного в результате процесса отражения возникает образ или представление, изначально принимая наличие определенных признаков у независимого от нас объекта, геометрической фигуры и т.д., и пытались понять те механизмы и принципы, которые приводили к отражению этих же признаков. Но, как было отмечено выше, для понимания процесса психического необходимо выявить те принципы, которые еще должны привести к порождению признаков и свойств объекта (геометрической фигуры и т.д.).

3. Конструктивистский подход. В этом подходе подчеркивается активная роль наблюдателя в процессе восприятия. Сторонники **конструктивистского** подхода исходят из того, что восприятие – это нечто большее, чем простая констатация самого факта воздействия раздражителя. Основная идея **конструктивистского** подхода заключается в том, что воспринимаемое нами в любой момент представляет собой ментальную

конструкцию, основанную на наших познавательных стратегиях, нашем предшествующем опыте, пристрастиях, ожиданиях, мотивации, внимании и т.д. Иными словами, **конструктивистский** подход основан на том, что наблюдатель конструирует или даже «выводит» восприятие логическим путем, исходя из интерпретации поступающих к нему извне сведений. Принципиальной для **конструктивистского** подхода является мысль о том, что возникновению восприятия предшествует конструирование, осознание связи между явлениями и событиями физического мира, ее опосредование.

«Оглянитесь вокруг. Вы, несомненно, увидите, что окружающие вас предметы расположены определенным образом: одни близко, другие – далеко. Но откуда вам это известно? Откуда вы знаете, что стул, например, стоит перед столом? В соответствии с **конструктивистским** подходом, вы принимаете во внимание некие средовые, пространственные ориентиры. Возможно, стул закрывает или визуальнo затемняет часть стола. Конструктивистский подход исходит из того, что ваше восприятие расположения этих предметов отчасти является результатом осознания подобной связи» [18, с. 33]. Т.е. конструктивисты, как и их предшественники, при объяснении процесса восприятия демонстрируют продуктивный подход, так как в становлении процесса восприятия большое значение они придавали роли наблюдателя. Однако роль наблюдателя состояла в том, что процесс восприятия строился на основе уже отраженных результатов, в частности, прошлого опыта, и поэтому оставались незамеченными те принципы, при помощи которых осуществлялся процесс порождения этих результатов.

4. Экологический подход. В отличие от **конструктивистского** подхода, основатель экологического подхода Дж. Гибсон полагал, что внутренние мыслительные процессы играют в восприятии либо незначительную роль, либо вовсе в нем не участвуют. Основой его подхода является мысль о том, что,

перемещаясь в окружающем мире, наблюдатель непосредственно усваивает информацию, необходимую для эффективного адаптивного восприятия. В соответствии с его представлениями сигнал, который посылает внешний мир, – информация, поступающая в виде зрительного образа, – содержит все необходимые сведения, вполне достаточные для непосредственного восприятия физического мира, поэтому нет необходимости ни в каком-либо посредничестве, ни в его дополнительной обработке. По мнению Гибсона, «...изменения визуальной текстуры поверхностей являются важным источником пространственной информации. Как правило, предметы, лежащие на уходящей вдаль поверхности, воспринимаются нами как трехмерные. Получение непосредственной пространственной информации является результатом проецирования на сетчатку зернистых, или текстурированных, поверхностей. По мере того как расстояние между наблюдателем и поверхностью увеличивается, создается впечатление, что элементы, образующие текстуру поверхности, уменьшаются и все вместе формируют более плотную, гладкую поверхность. Напротив, при уменьшении расстояния между наблюдателем и поверхностью образующие ее элементы начинают казаться более крупными, а сама поверхность более грубой» [18, с. 33].

Вторым источником непосредственной информации, касающейся пространственного восприятия, является способ восприятия изображения глазами в тот момент, когда наблюдатель или объекты меняют свое положение в пространстве или приходят в движение. Характер изменений в изображениях, перемещающихся перед глазами, создает немедленное, непосредственное впечатление о пространственном расположении объектов относительно наблюдателя, и не требуется ни обработки информации, ни анализа сигналов о глубине или расстоянии [14, с. 60-61].

Таким образом, Дж. Гибсон пытался объяснить процесс восприятия при помощи той информации, которую мы получаем из внешнего мира в виде зрительных образов, содержа-

щих в себе все сведения о физическом мире. В этом случае, как видим, мы также имеем дело с продуктным подходом, потому что при объяснении процесса восприятия в качестве исходных данных для Дж. Гибсона служили зрительные образы, которые, как таковые (имея в себе информацию о признаках физического мира), стали лишь в результате отражения. Дж. Гибсон процесс восприятия пытается объяснить, беря в качестве исходных данных уже отраженные продукты – зрительные образы, вследствие чего могли быть выявлены отношения между отраженными результатами и те принципы, которые осуществляют отражение отраженного.

5. Информационный подход. В этом подходе, который связан с именем Дэвида Марра, развивалась основная идея Дж. Гибсона, заключающаяся в том, что окружающая среда снабжает человека всей информацией, необходимой для восприятия, но также предполагалось, что восприятие таких характеристик как форма или очертания требует от наблюдателя некоего дополнительного действия в виде решения проблемы или обработки информации, передаваемой сигналом извне, а именно извлечения из зрительного образа предмета в символической форме некоторых его черт, например линий, краев, границ, контуров, движения и других признаков. В соответствии с **информационным** подходом, подобная информация обрабатывается и трансформируется – «пересчитывается» – в интернальные представления, отображающие изменения в затененности, освещенности и в других более тонких особенностях текстуры поверхности во многом точно так же, как компьютерная программа позволяет машине интерпретировать отобранную сенсорную информацию и принимать решения, касающиеся отличительных признаков предметов, например формы или очертаний [14, с. 67-68].

Информационный подход отчасти можно считать экологическим и **конструктивистским**, это своеобразный синтез подходов, который в основном был предназначен для созда-

ния искусственного интеллекта. На этом подходе мы не задержимся, поскольку уже показали проявления продуктного подхода в конструктивизме и экологическом подходе. Отметим только, что продуктивный подход в создании искусственного интеллекта располагает ограниченными возможностями, поскольку он не позволяет понять гибкость и полифункциональность естественной отражательной системы, что было бы полезным при создании искусственного интеллекта.

Следующий и последний в этой работе подход к пониманию процесса восприятия – нейрофизиологический.

6. Нейрофизиологический подход. Этот подход исходит из того, что такие явления как ощущение и восприятие лучше всего объясняются известными нейронными и физиологическими механизмами функционирования сенсорных систем. Сторонники этого подхода придерживаются взглядов, отчасти напоминающих основные идеи редукционизма, в соответствии с которыми понимание разнообразных, безусловно, сложных форм поведения возможно только при изучении лежащих в их основе биологических процессов (некая реминисценция структурализма, но в данном случае сведенная к физиологическим механизмам). Одним из наиболее ярких приверженцев идеи о том, что восприятие (так же, как и связанное с ним, но более неуловимое, сознание) может быть понято только с позиций нейрофизиологии, является биохимик-теоретик, лауреат Нобелевской премии Френсис Крик, открывший структуру ДНК (в соавторстве с Джеймсом Уотсоном). Он весьма красноречиво изложил свою точку зрения в книге «Поразительная гипотеза» [3, с. 20].

Часть аргументов в пользу этого подхода базируется на том, что все аспекты поведения основаны на нейронных и физиологических механизмах и пронизаны ими. Более важной, однако, является мысль о том, что структуры и процессы сенсорной системы анализируют входящие сенсорные сигналы (как правило, ослабленные и искаженные), за счет чего и

снабжают нас информацией об окружающем мире. Например, «...нервные клетки разных элементов зрительной системы так же, как и сам мозг, способны избирательно и точно реагировать на специфические признаки предметов – форму, длину, цвет, расположение в пространстве и т. д» [18, с. 36].

Исследователи этого направления, пытаясь объяснить психическое отражение, восприятие при помощи нейронов, нейронных сетей и физиологических механизмов, тем не менее, в качестве исходных данных вновь брали продукты, возникшие в процессе психического отражения. Несмотря на то, что нейрофизиологи находили, что пришедшие извне сигналы искажены и слабы, все равно они носили в себе специфические признаки предметов: форму, величину, положение в пространстве и т.д., которые возникали в результате психического отражения, что не учитывалось нейрофизиологами. Они так же, как и их предшественники, объясняли процесс психического отражения на основе его же продуктов, уже отраженных признаков предмета. В этом случае при помощи нейронов и физиологических механизмов выявляли те принципы и механизмы, которые осуществляли отражение уже отраженного.

Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что все эти направления психологии, в которых предлагались разные подходы к объяснению процесса психического отражения, тем не менее, имели общее, а именно – все они осуществлялись в русле продуктного подхода. Исследуя процесс психического отражения, они в качестве исходных данных брали уже отраженные продукты и только потом пытались объяснить процесс отражения, в результате чего скрытыми оставались те принципы, благодаря которым осуществлялся порождающий эти продукты процесс психического отражения.

Из проведенного анализа можно сделать вывод, что возникновение множества подходов к изучению закономерностей процесса психического отражения является следствием применения в этих направлениях психологии продуктного

подхода. Дело в том, что, когда в психологических направлениях в качестве исходных данных берутся уже отраженные, абстрагированные и закрепленные в соответствующих понятиях продукты, это создает условия для возникновения множества интерпретаций закономерностей процесса восприятия (исходить из частей целого – структурализм, или, наоборот, основываться на восприятии целого – гештальт-психология; а можно использовать и другие продуктные основания для анализа). Но двигаясь по такому пути, мы не можем обнаружить принципы психического отражения, поскольку в продукте процесс уже завершен. Поэтому, даже имея относительно проблемы психического отражения такое разнообразие подходов, тем не менее, мы не можем считать ее решенной и исчерпанной.

В разных областях психологии психическое отражение, проблема восприятия имеет основополагающее значение. К таким областям относится и психотерапия. В психотерапии проблему восприятия можно признать одной из важных. В этой области процесс восприятия обсуждается с разных сторон и дает повод для множества дискуссий. Однако, как и в разных направлениях психологии, объяснение этой проблемы не нашло своего окончательного решения.

В следующей части работы мы обратимся к проявлениям продуктного подхода в трех основных направлениях психотерапии.

Направления в психотерапии, будучи разнообразными, отличаются своими количественным показателем. Так, например, в книге Б.Д. Карвасарского «Психотерапия» указывается на наличие около 400 разных видов психотерапевтических направлений [6, с. 5], а в другом учебнике – даже на 600 [15, с. 9]. Это разнообразие, по нашему мнению, отчасти свидетельствует о том, что в психотерапии также проявляется продуктивный подход, создающий возможность появления множества интерпретаций психотерапевтических проблем, механизмов их появления и решения. Вероятно, по этой же причине до

сих пор не удалось создать универсальной общепризнанной психотерапевтической теории.

Рассмотрим три, признанные большинством психологов, психотерапевтических подхода – психодинамический, феноменологический (экзистенциально-гуманистический) и поведенческий (когнитивно-поведенческий) – вобравших в себя основные принципы и механизмы разных направлений психотерапии. Представляя вышеуказанные направления, мы одновременно попытаемся показать в них проявление продуктного подхода.

1. Психодинамический подход. Последователи психодинамического подхода утверждают, что мысли, чувства и поведение человека детерминированы бессознательными психическими процессами. Основы этого подхода были заложены Зигмундом Фрейдом, который сравнивал личность человека с айсбергом, «...ничтожно малая часть которого выступает над поверхностью воды» [5, с. 105]. Верхушку айсберга представляет сознание, основную же массу, расположенную под водой и невидимую, – бессознательное.

Личность, по З. Фрейду, состоит из трех главных компонентов. Первый компонент – «Ид» (Оно) – резервуар бессознательной энергии, называемой либидо. «Ид» включает базальные инстинкты, желания и импульсы, с которыми люди рождаются, а именно: Эрос – инстинкт удовольствия и секса и инстинкт смерти, который может мотивировать агрессию или деструктивность по отношению к себе или другим: «В нем борются Эрос и инстинкт смерти» [16, с. 157]. «Ид» ищет немедленного удовлетворения, невзирая на социальные нормы или права и чувства других. Другими словами, «Ид» действует согласно принципу удовольствия.

Второй компонент личности – «Эго» (Я). Это – разум. «Эго» ищет пути удовлетворения инстинктов с учетом норм и правил общества. «Эго» находит компромиссы между неразумными требованиями «Ид» и требованиями реального мира

– оно действует согласно принципу реальности. «Эго» пытается удовлетворить потребности, защитив при этом человека от физического и эмоционального ущерба, который может явиться следствием осознания, не говоря уже об отреагировании импульсов, исходящих из «Ид». «Эго» – исполнительная власть личности [16, с. 103-113].

Третий компонент личности – «Сверх-Я». Этот компонент развивается в процессе воспитания как результат интернализации родительских и социальных ценностей. «Сверх-Я» включает интроецированные ценности, наши «надо» и «нельзя». Это наша совесть. «Сверх-Я» действует на основе морального принципа, нарушение его норм приводит к чувству вины. «Сверх-Я» может стать гиперморальным и тогда столь жестоким, каким может только быть «Оно» [16, с. 150].

Столкновение инстинктов (Оно), разума (Я) и морали (Сверх Я) приводят к возникновению интрапсихических, или психодинамических конфликтов. Личность отражается в том, как человек решает задачу широкого спектра потребностей [1, с. 14].

Психоанализ (и любой другой метод в рамках психодинамического подхода) ставит перед собой две основные задачи:

- 1) добиться у пациента осознания (инсайта) интрапсихического, или психодинамического, конфликта:
- 2) проработать конфликт, то есть проследить, как он влияет на актуальное поведение и на интерперсональные отношения [там же].

Таким образом, З. Фрейд и последователи психодинамического подхода решение психологической проблемы видели в осознании пациентом конфликта, существующего в нем. Как выше было отмечено, согласно З. Фрейду, внутренний конфликт происходит между тремя составляющими психики (Оно, Я и Сверх Я). Каждое из них имеет свое значение и роль в психическом (Оно – сексуальные потребности и влечения по отношению к некоторым «объектам», Я – разум,

Сверх Я – мораль). Такая идея – разделить психическое на три составляющие – появилась у З. Фрейда тогда, когда он пытался лечить больных посредством гипноза. Наблюдая за проявлениями проблем больных во время гипноза, З. Фрейд заметил, что следы проблем больных доходят до некой другой области, находящейся по ту сторону сознания, которую он назвал бессознательным. В дальнейшем, осуществляя поиск причин возникновения психологических проблем именно в этой области и, исследуя ее, он дал известную нам структуру психического. Осуществляя поиск причин происхождения психологических проблем в бессознательном, З. Фрейд пытался объяснить происхождение проблем, исходя из проблемы, беря в качестве исходных данных саму проблему, которая, однако, являлась продуктом какого-то психического процесса. Продвигаясь по этому пути, для понимания возникшей психологической проблемы, подвергнув ее анализу, дробя на части, пытаюсь из этих частей понять, как возникла проблема, З. Фрейду удалось лишь выявить отношения, действующие между разделенными им же частями психики (Оно, Я, Сверх Я), (которые, кстати, имеют очень условный характер), но не сами принципы порождения проблемы. Возникшая в психике проблема, являясь уже абстрагированной и закрепленной в соответствующих понятиях, в ходе анализа оказывается причиной возникновения разных интерпретаций.

2. Феноменологический (экзистенциально-гуманистический). Феноменология и экзистенциализм, как известно, взаимодополнительны. К экзистенциальным идеям и понятиям обратился уже Э. Гуссерль при завершающей проработке феноменологии. К феноменологическим же методам исследования неизменно обращались не только экзистенциалисты философы – Сартр, Мерло-Понти, но и последующие экзистенциальные психологи и психиатры – Бинсвангер, Босс, Мэй и др. Это привело к взаимопроникновению обоих направлений.

Согласно феноменологическому подходу, каждый человек обладает уникальной способностью по-своему воспринимать и интерпретировать мир. На языке философии психическое переживание окружающего называется феноменом, а изучение того, как человек переживает реальность, – феноменологией.

Сторонники этого подхода убеждены, что не инстинкты, внутренние конфликты или стимулы среды детерминируют поведение человека, а его личное восприятие реальности в каждый данный момент. «Человек – не арена для решения интрапсихических конфликтов и не бихевиоральная глина, из которой, благодаря научению, лепится личность» [1, с. 15].

Данные о характере переживания человеком той или иной ситуации считаются здесь достаточным материалом для работы, не требующей обращения к чему-либо еще. С этой точки зрения, могут быть опущены, например, сведения о событиях прошлого человека, так как все, что касается прошлого, в любом случае возникает как часть личности, существующей уже в настоящем [4, с. 26].

Задача терапевта здесь состоит не в том, чтобы помочь человеку осознать источники и причины собственных проблем, а в том, чтобы помочь ему прочувствовать и пережить проблемную ситуацию. Это отличает данный подход от других подходов, опирающихся на интерпретационный метод работы: психоанализа, аналитической психологии, транзактного анализа, когнитивной психотерапии и т.д. Изменения в понимании и приобретение нового взгляда на проблему считаются здесь производными и необязательно приводящими к реальному прогрессу в психотерапии [4, с. 56].

Фактически феноменологический подход оставляет за пределами своего рассмотрения инстинкты и процессы научения, которые являются общими и для людей, и для животных. Вместо этого феноменологический подход сосредоточивается на таких специфических психических качествах, которые выделяют человека из животного мира: «Сознание, самосоз-

вание, креативность, способность строить планы, принимать решения и ответственность за них. По этой причине феноменологический подход называется также гуманистическим» [2, с. 13].

В отличие от психодинамического направления в феноменологическом подходе возникновение проблемы, происходящее в психике, терапевт не пытается искать в бессознательном и сексуальных влечениях и для ее решения не ставит перед собой задачу, чтоб пациент осознал травматические переживания, испытанные им в раннем возрасте. И, тем не менее, последователи феноменологического подхода демонстрировали продуктный подход. В частности, они пытались работать с данными, пережитыми человеком в той или иной ситуации, которые являются результатом определенного психического процесса. Т.е. в феноменологическом подходе при работе с психологическими проблемами в качестве исходных брались порожденные психикой проблемы (данные, характеризующие переживания), полагая, что они в себе включают также ранние переживания. Считается, что пациент вместо осознания существующих внутри него проблем должен их чувствовать и заново пережить.

Для решения психологических проблем последователи феноменологического подхода, акцентируя также сознание, самосознание и другие качества, проблему, возникшую в результате некоторых психических процессов, фактически пробовали решить и объяснить при помощи психических феноменов, которые являются продуктом психического процесса. Действуя подобным образом, исследователи, опираясь на продукт, выявляли отношения между выше названными психическими феноменами, а не принципы и механизмы, порождающие психологические проблемы, возникшие в результате определенного, порождающего их, процесса. Весь арсенал психотерапевтов этого направления был направлен на объяснение и решение возникших в психике проблем при помощи психических феноменов. Однако в психических феноменах

(сознание, восприятие и т.д.) процесс, порождающий психические явления, психологические проблемы в том числе, уже завершен. Поэтому мы не можем, используя феномены, продукты, выявить принципы и механизмы порождающего процесса, при помощи которых только и возможно будет объяснить сами принципы возникновения проблем.

Феноменологический подход, рассматривая возникновение психологических проблем как следствие пессимистического взгляда на окружающий мир, давал одну из множества возможных интерпретаций, которая выражалась в абстрагированном продукте психического процесса, а именно в психологической проблеме.

3. Бихевиоральный (когнитивно-поведенческий) подход. Бихевиоризм (от англ. behaviour – поведение) – ведущее направление в американской психологии, оказавшее значительное влияние на все дисциплины, связанные с изучением человека. Бихевиористы полагали, что «...поведение – явное, видимое, неоспоримое действие – это и есть предмет психологии, а вовсе не память, рассуждения, воля и прочие невидимые процессы, придуманные психологами-менталистами» [17, с. 323].

Личность, с точки зрения бихевиоризма, – это тот опыт, который человек приобрел в течение жизни. Это накопленный набор изученных моделей поведения. Научающе-бихевиоральное направление занимается открытыми действиями человека, как производными от его жизненного опыта. «В отличие от Фрейда и многих других персоналогов, теоретики бихевиорально-научающего направления не считают нужным задумываться над психическими структурами и процессами, скрытыми в «разуме». Напротив, они принципиально рассматривают внешнее окружение как ключевой фактор человеческого поведения. Именно окружение, а отнюдь не внутренние психические явления, формирует человека» [5, с. 331-332].

Поведенческая терапия как систематический подход к диагностике и лечению психологических расстройств возникла в конце 50-х гг. прошлого века. На ранних стадиях развития поведенческая терапия определялась как приложение «современной теории научения» к лечению клинических проблем. Понятие «современные теории научения» относилось тогда к принципам и процедурам классического и оперантного обусловливания. Основываясь на теориях научения, поведенческие терапевты рассматривали неврозы человека и аномалии личности как выражение выработанного в онтогенезе неадаптивного поведения. Дж. Вольпе определял поведенческую терапию как «...применение экспериментально установленных принципов научения для целей изменения неадаптивного поведения» [2, с. 17]. Неадаптивные привычки ослабевают и устраняются, адаптивные привычки возникают и усиливаются. Г. Айзенк утверждал, что «Достаточно избавить больного от симптомов и тем самым будет устранен невроз» [1, с. 19]. Теперь поведенческая терапия претерпевает трансформацию ее классической модели, основанной на принципах классического и оперантного обуславливания, в когнитивно-поведенческую модель. Задачей «чистого» поведенческого терапевта является изменение в восприятии себя и окружающей действительности. Когнитивно-поведенческие терапевты признают и то, и другое: «Знания о себе и мире влияют на поведение, а поведение и его последствия воздействуют на представления о себе и мире» [13, с. 56].

Когнитивно-поведенческие терапевты, как и их предшественники, не интересуются прошлым или причинами невротических расстройств. Они говорят, что никто не знает подлинных причин, а кроме того, не доказано, что знание причин имеет отношение к исцелению. Если больной приходит к врачу с переломом кости, в задачу врача входит его исправление, а не изучение условий, которые привели к перелому [1, с. 20].

Рассматривая личность как результат приобретенного в течение всей жизни опыта, психологические проблемы человека

бихевиористы понимали как следствие неадаптивного поведения. Не обращая внимания на процессы, происходящие внутри человека, бихевиористы работали с симптомами, считая, что, устранив их, они устранят и всю проблему.

Из вышесказанного следует, что это одно из немногих психотерапевтических направлений, где открыто указывается, что его последователи имеют дело с продуктами (невротическими симптомами) и не пытаются находить сами причины возникновения проблем.

Таким образом, обобщая анализ вышеприведенных психотерапевтических направлений, приходим к выводу, что вместе с их явным различием, имеет место и их сходство, проявляющееся во всех направлениях в применении продуктного подхода: «проблему», которая родилась в психике, пытались объяснить, исходя из внешней проблемы и производных от нее явлений. Таким образом, объяснение возникновения психологической проблемы и путей ее решения, по своему реализуемое в каждом из вышеприведенных психотерапевтических направлений, не приводило к выявлению тех принципов, благодаря которым осуществляется порождение психологической проблемы.

Психологическая (клиническая) проблема, возникшая в результате действия определенных принципов порождения, абстрагировалась, закреплялась в понятиях, что создавало возможность для появления множества способов анализа и объяснений, наглядным примером чего могут служить три, обсуждаемых выше, психотерапевтических направления. Конечно, чтобы выдвинутые нами предположения: 1) в существующих в настоящее время психотерапевтических направлениях используется продуктный подход; 2) существование множества направлений в психотерапии обусловлено продуктным подходом – сделать более убедительным необходимо охватить большее количество направлений и провести более детальный анализ. Считаем также необходимым отметить, что не только указанные психотерапевтические направления, но

также множество других направлений продолжают развиваться для совершения позитивных перемен в психике человека и помогают людям преодолеть те или иные проблемы. Однако, в то же время, должны отметить, что есть много неразрешенных вопросов, требующих ответа, что возможно будет сделать тогда, когда мы поймем принципы порождения психологических проблем.

Как было показано выше, анализ психологических проблем в психотерапии и исследования принципов психического отражения в классической и современной психологии основаны на продуктном подходе. В таком случае возникает вполне логичный вопрос: каким же образом подойти к изучению принципов организации процессов, порождающих эти продукты, если мы не можем исходить из психических феноменов и психологических проблем? Вновь обращаясь к концепции А.И. Миракяна, отметим, что он не только указывал на распространенность продуктного подхода в психологии, но и предложил другой способ исследования – беспродуктивный, названный им «афизикальным подходом» или «трансцендентальной психологией». Исследуя процесс психического отражения, А.И. Миракян предложил: «...в качестве исходных брать такие данности (понятия, принципы, закономерности, отношения и др.), которые индифферентны, независимы относительно реальности психического отражения и связаны с природными закономерностями возможности порождения психики как явления, возникшего на определенной ступени развития материи» [8, с. 234]. Кстати, подобным же образом действовал и Р.М. Нагдян. Он показал необходимость использования принципов симметрии, проявляющихся как закономерность природы, для более глубокого понимания процессов восприятия и мышления [11].

Не задерживаясь на концепции А.И. Миракяна, отметим лишь, что, следуя логике своих рассуждений, он приходит к выводу, что основным принципом порождения процесса психического отражения является возможность об-

разования анизотропных отношений, которая в системах отражения реализуется как структурно-процессуальная анизотропность, что проверено им и его последователями в многочисленных экспериментах [10]. Конечно, мы не утверждаем, что психотерапевтические проблемы порождаются, благодаря анизотропным отношениям, но в то же время не исключаем, что эти принципы могут лежать и в основе порождения «проблем» в психике. Поэтому ниже приведем одну из возможных моделей применения афизикального подхода в психотерапии.

К разновидности анизотропности, вероятно, можно отнести и амбивалентность некоторых психических явлений – процессов и состояний, о которой, в частности, говорил Э. Блейер. Он заметил, что психически больной к одному и тому же объекту может иметь амбивалентные чувства [12, с. 40]. А З. Фрейд утверждал, что в жизни человека амбивалентность чувств – нормальное явление, и только определенную степень ее выраженности можно характеризовать как невротическое расстройство [7, с. 26]. Как видим, З. Фрейд намекал на значение амбивалентных (по терминологии А.И. Миракяна – анизотропных) чувств в возникновении невротических (психологических) проблем. Мы также придерживаемся того мнения, что определенная степень выраженности амбивалентных, анизотропных, отношений может породить в психике человека психологические (невротические) проблемы, подобно тому как определенная степень нарушения анизотропности расположения пальцев руки человека (уравнивание их длины и т.д.) может привести к определенному искажению образа отражаемого объекта. Поэтому можно сделать предварительный вывод о том, что определенная степень нарушения анизотропных отношений может привести к аномалиям не только в протекании физиологических процессов или, еще глубже, в событиях материального мира (например, в атоме при нарушении симметрии положительных и отрицательных зарядов атом либо разрушается, либо

становится радиоактивным), но и в психическом мире, порождая те или иные проблемы в виде симптомов невротического состояния.

Вышесказанное пока что является не верифицированным предположением, однако, в то же время, оно не лишено научной логичности, что предполагает возможность его экспериментальной проверки.

Список литературы

1. Александров А.А. Интегративная психотерапия. СПб.: Питер, 2009. 352 с. Александров А.А. Современная психотерапия. Курс лекций. СПб.: «Академический проект», 1997. 335 с. Вайнштейн Л.А. Теория восприятия. Курс лекций. Минск, БГУ, 2004. 143 с.
2. Джендлин Ю. Фокусирование. Новый психотерапевтический метод работы с переживаниями. М.: «Класс», 2000. 448 с.
3. Зиглер Д., Хелл Л. Теории личности. 3-е издание. СПб.: Питер, 2009. 607 с. Карвасарский Б.Д. Психотерапия. Учебник для студентов медицинских вузов. 2-е изд., СПб.: Питер, 2002. 672 с.
4. Лейбин В.М. Амбивалентность // Словарь-справочник по психоанализу». М.: АСТ, 2010.
5. Миракян А.И. Психология пространственного восприятия. Ред. А. Налчаджян. Ереван, «Айастан», 1990. 206 с.
6. Миракян А.И. Контурсы трансцендентальной психологии. Книга 2. М.: ИП РАН, 2004. 384 с.
7. Морина Н.Л. Экспериментальное исследование принципа анизотропности и пространственно-временной дискретизации в осязании // Принципы порождающего процесса восприятия. Коллективная монография // под ред. А. И. Миракяна. М., 1992. С. 116-137.

8. Нагдян Р.М. Принцип симметрии в психологии. Ер.: Зангак-97, 2005.116 с. Новейший философский словарь / гл. науч. ред. А.А. Грицанов. Минск, 1999.
9. Осипова А.А. Общая психокоррекция. Учебное пособие. М.: Сфера, 2002. 510 с.
10. Ощущение и восприятие / А.Н. Гусева. Общая психология / под ред. Б.С. Братуся. В 7 Т. Т. 2. М.: Изд. центр «Академия», 2007. 416 с.
11. Психотерапия. Учебник для вузов, 2-е изд. / под ред. Л.Ф. Бурлачук, А.С. Кочарян, М. Е. Жидко. СПб.; Питер, 2007. 480 с.
12. Фрейд З. «Я» и «Оно». СПб.: Изд. «Азбука-классика», 2006. 283 с.
13. Хант М. История психологии. М.: Изд. «АСТ МОСКВА», 2009. 863 с.
14. Шиффман Х.Р. Ощущение и восприятие. 5-е изд. СПб.; Питер, 2003. 928 с.

Анизотропность как условие и фактор развития личности в студенческой группе¹⁵

В.И. Панов, А.В. Капцов

Образовательная среда, представляющая собой систему влияний и условий формирования личности по заданному образцу, а также возможностей для ее развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении [14], неоднородна по своим свойствам. Более того, при проектировании и соответственно организации образовательной среды необходимо реализовать принцип гетерогенности (неоднородности) всех ее компонентов, т.е. максимально разнообразить виды деятельности и социального взаимодействия обучающихся, применять комплексы разнородных стимулов.

Этому требованию в той или иной степени соответствуют основные модели образовательной среды: эколого-личностная, коммуникативно-ориентированная, антрополого-психологическая и психодидактическая [10]. Однако современные тенденции проектного подхода в целом к образовательной среде и построению индивидуальных образовательных траекторий, требуют выделения характеристик и критериев, позволяющих оценивать степень гетерогенности на средовом и индивидуальном уровнях всех ее компонентов (социальном, пространственно-предметном, психодидактическом). Особенно актуальна эта проблема для оценки влияния образовательной среды на отдельно взятого учащегося.

В исследованиях личностного развития студентов в условиях студенческой группы [2] показано, что внутриличностная неоднородность, в частности, аксиосферы субъекта образовательной среды может являться предикцией измене-

¹⁵ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-06-00574а. Опубликовано в: Психология восприятия: трансцендентальная перспектива // Под ред. Р.М. Нагдяна и В.И. Панова. Ер., НАИРИ, 2017. С. 247-260.

ния некоторых личностных качеств обучающихся. Но более интенсивные изменения личностных качеств обучающихся происходят в результате взаимодействия с одноклассниками в рамках как учебной группы, так и неформальных микрогрупп, из которых состоит учебная студенческая группа в целом. В условиях межличностного взаимодействия начинает играть существенную роль неоднородность психологических характеристик между отдельным членом группы и его партнерами: сочетание общих и разнородных личностных качеств (характеристик) взаимодействующих субъектов [11].

В естественных науках (физика, геология, ботаника и др.) для обозначения неоднородности физических свойств в зависимости от направления используется понятие «анизотропия», «анизотропность».

В психологии впервые «анизотропность» как термин и как принцип применительно к процессам психического отражения был введен А.И. Миракяном [7-9], а затем и его сотрудниками при исследовании психологических механизмов реализации принципа формопорождения в конкретных процессах порождающего восприятия [1, 10 и др.]. Согласно А.И. Миракяну, «анизотропность» определяется как «структурно-процессуальная общность (единость), содержащая в себе различие». Кратко рассмотрим действие этого принципа на примере порождения пространственных ощущений зрительной системой.

Экспериментальное изучение константно-аконстантного восприятия зрительных величин, проведенное А.И. Миракяном в 70-е годы прошлого столетия, показало, что процесс порождения пространственных отношений характеризуется такой неоднородностью (анизотропностью) непосредственно-чувственных данных зрительного восприятия, которая обеспечивает не только константное, но и аконстантное и даже сверхконстантное и сверхаконстантное восприятие одних и тех же, равных по величине зрительных объектов [1, 10-12]. Анализируя эту особенность непосредственно-чувственного уровня зрительного восприятия в контексте исторической

рефлексии физикального способа мышления исследователей зрительного восприятия, А.И. Миракян пришел к выводу о необходимости парадигмального изменения традиционных подходов к изучению и объяснению классических феноменов восприятия. В итоге возник подход, первоначально названный Миракяном «афизикальный подход к порождающему процессу восприятия», а затем переименованный по предложению В.В. Давыдова и Ф.Т. Михайлова в «трансцендентальный подход к восприятию».

Согласно трансцендентальной психологии восприятия А.И. Миракяна, порождение психических новообразований на непосредственно-чувственном уровне восприятия обеспечивается анизотропностью зрительной, слуховой и тактильной отражательных систем [1, 10-12]. В отличие от физического определения анизотропности, анизотропность определяется А.И. Миракяном исходя из такой фундаментной особенности порождения природных форм бытия, как единство их самопорождения-самосохранения-саморазрушения (формопорождения), которая лежит в основе порождения психического как частной формы природного бытия. В этом контексте анизотропность применительно к порождению психического отражения (ощущения, восприятия и т.п.) представляет собой «особенность такой системы, где каждое дискретное содержит в себе одновременно единство и различие того однородного общего, чем объективно характеризуется данная система. Например, какие-либо два элемента глаза как две точки в пространстве сетчатки – дискретные, но в то же время и единые элементы этого пространства; вместе с тем они анизотропны как элементы в едином однородном пространстве, объективно находящиеся в разных местах этого пространства. Поэтому очень важно, что в любой отражательной системе единство дискретно-системности и анизотропности, в отличие от гомогенности, образует возможность порождения иного» [1, с.72].

Заметим, что тезис «возможность порождения иного» означает возможность порождения психического новообразования, которое в процессах восприятия проявляется в непо-

средственно-чувственных данных (ощущений), порождаемых отражательной системой всякий раз заново, и который в то же время, в силу своей фундаментальности, должен проявляться в порождении психических новообразований и в других, более «сложных» психических процессах: от познавательных до личностных. Именно последнее определило цель настоящей работы: рассмотреть возможность применения принципов порождения психического, разработанных А.И. Миракяном в трансцендентальном подходе к восприятию, для изучения динамики межличностных взаимодействий в студенческой учебной группе и возникающих при этом психических новообразований (личностных и интеллектуальных качеств) у членов подобной группы.

Но до этого вновь вернемся к введенному Миракяном понятию анизотропности. Анализируя возможность реализации анизотропности в конкретных психических процессах, он вводит два принципа, которые объясняют природу порождения психических актов на примере процессов восприятия разной модальности (зрительного, слухового, тактильного). Эти принципы послужили предметом специальных экспериментальных исследований, проведенных им и его сотрудниками [1, 9 и др.].

Первый из этих принципов обозначен как «принцип анизотропной структурно-процессуальной организации отражательной системы и определяет то, что для реализации возможности отражения как процесса формопорождения необходима соответствующая отражательная система, обладающая анизотропной структурно-процессуальной организацией» [1, с.73].

В рамках нашего исследования это означает следующее. Во-первых, в контексте предлагаемого А.И. Миракяном подхода порождение любого психического новообразования необходимо рассматривать как процесс формопорождения, т.е. как порождение новой формы бытия психического; будет это порождение восприятия величины, движения или упругости, порождение новых жизненных ценностей или порождение

иных психических новообразований. Вследствие чего вводится онтологический уровень изучения психических новообразований – условия и процесс порождения их бытия. Во-вторых, порождение психического новообразования не происходит абстрактно, оно является продуктом активности соответствующей формы бытия, обладающей анизотропной структурно-процессуальной организацией (у Миракяна – это «отражательная система») и потому способной выступать в качестве онтологического субъекта порождения данного психического новообразования.

Следующий принцип реализации анизотропности обозначен Миракяном как «принцип образования симметрично-двуединых отношений», который представляет «элементарный механизм формопорождения» и который вместе с тем «раскрывает универсальный механизм любого процесса формопорождения» [1, с.73].

Если рассмотреть применительно к порождению простейшего психического акта отражения, то речь идет о такой отражательной системе, рецептивное поле которой имеет, по меньшей мере, два рецепирующих элемента, пространственно (структурно) дискретных и функционально неоднородных. Для наглядности можно представить попарную симметричность органов восприятия (два глаза, два уха и т.д.) или раздвоенный язычок у змеи.

Такое рецепторное поле расчленяет принимаемое воздействие на две дискретные части, которые создают анизотропность между состояниями элементов, принявших это воздействие. Поэтому между ними происходит образование анизотропного отношения, которое обозначается как структурное. Наличие границы (как структурной, так и процессуальной) между противопоставленными друг другу рецепирующими элементами и в то же время их единость по отношению друг к другу естественно вводят двуединую симметрию между ними [1, 9 и др.].

Завершение образования структурно-анизотропного отношения в данной пространственной позиции рецепторного

поля означает завершение первого микроакта приема воздействия, что вызывает изменение позиции рецепторного поля и начало следующего микроакта (т.е. последующего образования очередного структурно-анизотропного отношения). Причем изменение позиции осуществляется тоже по симметрично-двуединому принципу.

Единость принимаемого воздействия и в то же время пространственно-временная дискретность первого и второго микроактов относительно друг друга создают процессуальную анизотропность последующего и предшествующего моментов (т.е. микроактов) приема воздействия. Это служит основанием для образования между ними процессуально-анизотропного отношения, которое снимает дискретность микроактов и образованных в них структурно-анизотропных отношений. Завершение процессуального, межмикроактного, анизотропного отношения будет означать завершение формопорождающего акта – как акта образования структурно-процессуального анизотропного отношения, которое фиксирует идентичность и различие между состояниями рецепторного поля (зрительной системы в целом) в последующей позиции приема воздействия относительно приема воздействия в предшествующей позиции. Но порождение на непосредственно-чувственном уровне сосуществования идентичности и различия, сохраняющегося в разные моменты времени - это и есть порождение пространственности.

Если завершение данного акта требует более чем двух микроактов, то, в соответствии с симметрично-двуединым принципом, движения рецепторного поля приобретают такой колебательный («синусоидальный») характер, когда прием воздействия осуществляется в попарно-симметричных относительно друг друга позициях (для наглядности можно вспомнить колебательные движения язычка у змеи). В этом случае происходит постепенная ориентация – *центрирование* – центра рецепторного поля на ту часть воздействия, прием которой требует наибольшего времени для завершения формопорождающего акта. Собственные движения отражающей

системы (или его рецепторного поля), обеспечивающие такое центрирование, соответственно, получают название *центрирующих движений*. При этом предшествующий(ие) микроакт(ы) выполняет роль своеобразного «антиципирующего экрана», на фоне которого осуществляется каждый последующий микроакт. То же самое относится и к результатам (актам) образования структурно-процессуального отношения. Каждый предшествующий акт выполняет аналогичную «фоновую» и тем самым опережающую (антиципирующую) функцию по отношению к последующему формопорождающему акту, что снимает их взаимную дискретность и порождает непрерывность (единость) «пространственности» принимаемого воздействия [9].

Принципиально отметить, что согласно подобной логике, первичное порождение психических новообразований в виде порождения пространственности, движения и стабильности объектов на непосредственно-чувственном уровне их восприятия происходит как бы «в зазоре» между дискретными элементами рецепирующего поля и сменяющимися друг друга дискретными микроактами. Это позволяет применить данную логику к анализу порождения психических новообразований у студентов в ситуациях их межличностного взаимодействия, когда каждый из них, отличаясь от других по своим интеллектуальным и личностным качествам, в то же время принадлежит той единости (общности), которую представляет собой данная учебная группа. Реализация такой логики была проведена нами ранее на примере межличностных взаимодействий в студенческой учебной группе, представляющей коммуникативную часть образовательной среды данной учебной группы [11]. Остановимся на этом подробнее.

В соответствии с вышепредставленной логикой, образование анизотропных отношений и типов межличностных взаимодействий в студенческой группе рассматривается как процесс, происходящий между индивидами, которые становятся со-субъектами (со-партнерами) микрогруппы как группового (совокупного) субъекта совместной учебной и досу-

говой деятельности студентов конкретной учебной группы. Микрогруппа при этом эксплицируется в качестве бытийной формы порождения и осуществления межличностных взаимодействий студентов (принцип формопорождения), т.е. это уже онтологический подход к социальным и межличностным взаимодействиям.

Принципиальное отличие гносеологической парадигмы от онтологической в данном случае заключается в том, что в рамках гносеологической парадигмы индивиды, составляющие микрогруппу (диаду) изначально противопоставлены друг другу. Они противостоят друг другу в логическом плане также, как противостоят друг другу субъект и объект в гносеологическом отношении «субъект-объект».

В контексте же онтологической парадигмы микрогруппа, как и любая «форма бытия», в соответствии с принципом формопорождения должна пройти стадии (само)порождения, (само)сохранения и (само)разрушения (смерти, т.е. перехода в иную форму бытия) [10]. В этом смысле микрогруппа представляет собой совокупного (группового) онтологического субъекта (полисубъекта) порождения и развития новых психологических качеств (свойств) составляющих ее индивидов как со-субъектов такого взаимодействия. Необходимым условием для того, чтобы студенты-индивиды превратились в со-субъектов совместной деятельности и тем самым образовали (породили) микрогруппу как совокупного онтологического субъекта является наличие между ними некоей единности, общности (интересов, ценностей, места проживания, места рождения, способа удовлетворения учебных, досуговых или иных потребностей) одновременно с наличием у них таких различий, которые не разрушают эту общность и вместе с тем позволяют им «обмениваться» действиями, способами удовлетворения потребностей, эмоциями, мыслями и т.д. Это как сообщающиеся сосуды – пока есть различие в уровнях, есть движение жидкости из одного в другой. Или, необходимым условием для возникновения (течения электрического тока) выступает наличие общности (поле или проводник)

и одновременно разности потенциалов между точками этого поля (проводника). Как показано А.И. Миракяном, две одинаковых, гомогенных относительно друг друга форм бытия (явлений, объектов, субъектов) не могут создать (породить) анизотропное отношение и тем самым создать нечто новое как новую форму бытия. Соотношение гомогенных (однородных относительно друг друга) форм бытия и явлений могут образовать только количественное отношение, позволяющее абстрагироваться от их качественной специфики и количественно оценивать (что их две, а не одна). В отличие от этого и в соответствии с принципом анизотропности А.И. Миракяна, чтобы в процессе взаимодействия двух и более форм бытия образовалась новая форма бытия, эти взаимодействующие формы бытия должны находиться в анизотропном отношении друг к другу, т.е. принадлежать некоей общности (единости) и в то же время отличаться друг от друга.

Исходя из этого, понятно, что как только качественные различия между членами студенческой микрогруппы «уравниваются» в процессах их межличностного взаимодействия, так исчезает и анизотропное (со)отношение между ними, которое является причиной и условием для порождения и существования микрогруппы, а также обусловленных этим изменений в личностном развитии ее членов (со-субъектов). И тогда микрогруппа распадается, потому что исчезает (вследствие удовлетворенности) потребность во взаимном общении и взаимодействии. Но составлявшие эту микрогруппу индивиды уже личностно изменились, изменили свою субъектность благодаря взаимодействию между собой.

Из социальной психологии малых групп известно [13], что одним из условий объединения индивидов в неформальные микрогруппы является ценностно-ориентационное единство (ЦОЕ). С другой стороны, не требует доказательства утверждение, что межличностные отношения членов студенческой группы несомненно обладают анизотропностью, т.к. каждый представитель группы к другим одноклассникам может проявлять различные отношения: симпатия, антипатия, безраз-

личие и т.п. Частота встречаемости гомогенных или симметричных отношений, в которых проявляется взаимная симпатия или антипатия в студенческой учебной группе 1-2 курсов встречается в 60% случаев от общего количества отношений, причем подавляющее количество – это взаимно безразличное (индифферентное) отношение.

Наши лонгитюдные исследования динамики психологических характеристик студентов показали [4], что за два года обучения (1 – 3 курс) происходит смена этапов в актуалгенезе ЦОЕ с ценностно-профессионального единства на первом курсе на ценностно-досуговое на третьем курсе, что сопровождается, прежде всего, изменениями типа межличностных отношений и взаимодействий, а, следовательно, и состава микрогрупп. Из числа распавшихся микрогрупп к третьему курсу в 60-70% случаев причиной являются сменившиеся актуальные психологические характеристики, выполняющие группообразующую функцию. Так, на первом курсе к числу актуальных психологических характеристик студентов, анизотропность которых обуславливает тип межличностных отношений, относятся ценности коллективности, духовной удовлетворенности, креативности, жизнедеятельности, достижений и материального благополучия, уровень интеллекта, совестливость-недобросовестность (фактор G 16PF) и мотив достижений в учебной деятельности. На третьем же курсе из ценностей остается только важность духовной удовлетворенности, озабоченность-беспечность (фактор F 16PF) и мотив общения в учебной деятельности. Остальные психологические характеристики студентов независимо от уровня анизотропности не взаимосвязаны с типами межличностных отношений.

При рассмотрении динамики психологических характеристик студентов за меньший временной промежуток, например, в течение первого году обучения и менее, обнаружено, что на процесс образования и распада микрогрупп большее влияние оказывает анизотропность психологических характеристик студентов. Только у 20% распавшихся микрогрупп к концу 1 курса изменились актуальные критерии группообразования,

тогда как остальные микрогруппы распались и объединились в новые на основе анизотропности психологических характеристик.

При исследовании динамики психологических характеристик наблюдается артефакт, требующий отдельного изучения. В некоторых диадах или триадах, начиная с первого курса и заканчивая пятым, происходят изменения психологических характеристик при сохранении межличностной анизотропности практически на постоянном уровне. При этом наблюдается стабильный тип межличностных отношений и состав микрогруппы, в которую они входят.

Обладание субъектами межличностного взаимодействия анизотропностью, как когнитивным и/или личностным свойством, приводит к сложным эффектам соотношения межличностных отношений и типов взаимодействия, которые влияют на развитие личности. Нами получена модель развития психологических характеристик субъектов взаимодействия при определенном типе отношений и анизотропности психологических характеристик [5].

Согласно этой модели, чем выше анизотропность психологических характеристик членов группы, тем интенсивнее протекают в ней процессы адаптации, но по мере выравнивания характеристик начинается преобладание процессов индивидуализации (согласно теории развития личности в онтогенезе А.В. Петровского). Анизотропность психологических характеристик является одной из множества причин, определяющих соотношение этих двух процессов. В лонгитюдном исследовании динамики психологических характеристик студентов за 5 лет обучения было установлено, что соотношение адаптации и индивидуализации зависит от вида психологических характеристик. Например, рассматривая личностные ценности и процессы, порождающие их изменения, выявлено, что в ценностной сфере преобладает уподобление ценностей отдельной личности ценностям студентов, обучающихся в той же группе. Если на первом курсе механизм идентификации личностных ценностей присущ 95% студентам, то через че-

тыре года совместного обучения он снижается до 71% в среднем по учебной группе. Это объясняется, скорее всего, природой ценностной сферы личности, которая в большей степени определяется интериоризацией в ценностной сфере, т.е. присвоением ценностей из окружающего студента социума.

Что же касается личностных качеств студентов (коммуникативной, эмоционально-волевой, интеллектуальной сфер), то здесь соотношения процессов адаптации и индивидуализации несколько иное. На первом курсе уподобление личностных качеств в среднем наблюдается в 80% случаев (среднее значение по шестнадцати факторам Р.Б. Кеттелла), а на четвертом курсе только 44%. Причем наиболее интенсивно этот процесс происходит с такими качествами как настойчивость-покорность (фактор E 16PF), беспечность-озабоченность (фактор F 16PF), тогда как самодостаточность-социабельность (фактор Q2 16PF) в 68% случаях определяется процессами индивидуализации, а изменения в доверчивости-подозрительности (фактор L 16PF) лишь у 24% студентов подвержены уподоблению [4, 5].

Однако остается еще нерешенным вопрос о причинах индивидуализации некоторых субъектов взаимодействия при высоком уровне анизотропности, что требует дальнейших исследований и теоретического обоснования.

В итоге мы приходим к следующим выводам:

1. Анализ личностных качеств студентов учебной группы и их динамики в течение обучения в вузе подтвердил возможность применения принципов трансцендентальной психологии (анизотропности и формопорождения) восприятия А.И. Миракяна к анализу межличностных отношений и коммуникативных взаимодействий между студентами учебной группы. При этом анизотропность предстает как свойство типов межличностных отношений и типов взаимодействий, которое определяется сочетанием общности (однородности) и различия психологических характеристик субъектов межличностного и учебного взаимодействия.

2. С этой точки зрения развитие личностных и интеллектуальных качеств студентов происходит в процессе образова-

ния и распада микрогрупп, динамика которых обусловлена сочетанием общности и различия (т.е. анизотропности, по терминологии А.И. Миракяна) индивидуально-психологических качеств студентов данной учебной группы.

3. Степень анизотропности межличностных отношений личности и экопсихологических типов взаимодействия определяется степенью неоднородности его психологических характеристик с аналогичными характеристиками одноклассников. Результатом взаимодействия между ними наблюдаются процессы идентификации и обособления психологических характеристик, которые изменяясь, ведут в свою очередь к изменению анизотропности межличностных отношений и коммуникативных взаимодействий между студентами в учебной группе.

Список литературы

1. А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции (30 ноября – 1 декабря 2010 г.) / под общ.ред. Н.Л. Мориной, В.И. Панова, Г.В. Шуковой. – М.: УРАО «Психологический институт»; Обнинск: ИГ–СОЦИН, 2010.
2. Капцов А.В. Взаимосвязь неравновесности ценностной сферы личности и развития личностных качеств студентов // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2011. – Том 4. - №3. – С. 24 – 29.
3. Капцов А.В. Изучение предикторов динамики личностных качеств субъектов взаимодействия // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология». – 2011. – №2(10). – С.146-157.
4. Капцов А.В. Личностное и интеллектуальное развитие студентов в условиях учебной группы современного вуза. – Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2011. – 214 с.
5. Капцов А.В. Противоречия в ценностной сфере и развитие личности студентов // Профессиональное и личностное

- самоопределение молодежи в современной России: матер. IV Всеросс. науч.-практ. конф. /отв.ред. А.В. Капцов. – Самара: СамЛюксПринт, 2013. – С. 127 – 136.
6. Концепции социализации и индивидуализации в современной психологии: коллективная монография / под ред. Т.Д. Марцинковской. – М.; Обнинск: ИГ – СОЦИН, 2010. – 284.
 7. Миракян А.И. Константность и функциональная гибкость восприятия // Вопросы психологии. – 1983. – №3. – С. 104 – 111.
 8. Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии. Кн.1. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999. – 208с.
 9. Миракян А.И. Начала трансцендентальной психологии восприятия // Философские исследования. – 1995. – № 2. – С.77 – 94.
 10. Панов В.И. Экологическая психология: Опыт построения методологии. – М.: Наука, 2004.
 11. Панов В.И., Капцов А.В. Анизотропность субъектов межличностных взаимодействий в студенческой группе // 6-ая Российская конференция по экологической психологии. Тезисы. / Научн. ред. М.О Мдивани. – М.: ФГНУ «Психологический институт» РАО, 2012. – С. 313 – 316.
 12. Петровский А.В. Проблема развития личности с позиции социальной психологии //Вопросы психологии. – 1984. – №4. – С.15-29
 13. Сидоренков А.В. Социальная психология малых групп. – Ростов н/Дону: Феникс, 2012. – 381 с.
 14. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. – М.: Смысл, 2001.

**Анализ историко-философских
и методологических подходов к исследованию
осязательного восприятия с позиций концепции
Аршака Исраеловича Миракяна¹⁶**

Н.Л. Морина

Проблема психического отражения является одной из основных и наиболее острых для психологической науки. Перцептивные процессы были и остаются объектом пристального внимания не только психологии, но также философии и ряда естественных наук. Накоплен обширный материал, содержащий описание различных феноменов восприятия. Однако, несмотря на обилие эмпирических данных, психология не смогла пока выработать общей теории психического отражения, раскрывающей его законы и механизмы. Существующие теории касаются, как правило, лишь частных аспектов перцепции.

Причина сложившейся в психологии восприятия ситуации видится некоторым современным исследователям в неадекватном полагании самого предмета (объекта) исследования, который определяется через описание физических свойств объекта восприятия (длина, ширина, углы и т.п.), в результате чего изучение психического отражения как такового «...подменяется изучением того, как этот процесс отражения реализуется относительно какого-то отдельного объекта» [Логвиненко, 1985, с. 23].

Анализируя состояние проблемы субъективного отражения на психофизиологическом уровне В.Б. Швырков [1985] подчеркивает несостоятельность известного морфофункционального подхода, которая выражается в субъективности и

¹⁶ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 16-06-00574. Статья опубликована в сб.: «Психология восприятия: трансцендентальная перспектива», под ред. Р.М. Нагдяна и В.И. Панова. Ереван, НАИРИ, 2017. С.89-106.

произвольности приписывания отдельным мозговым структурам или даже нейронам «функций», представляющих собой результат опять-таки произвольного членения целостного поведения. Эти функции «...берутся готовыми из психологии, неврологии, кибернетики или здравого смысла в зависимости от того, как представляет себе поведение тот или иной исследователь» [там же, с. 23].

Приведенные мнения являются примерами существующей в науке неудовлетворенности подходами к изучению проблемы восприятия. Истинная же причина такой неудовлетворенности лежит значительно глубже, чем она видится названными и другими авторами. Причина - в невозможности изучения психического отражения в рамках господствующего в психологии естественно-научного образа мышления, основанного на интроспективно-эмпирических представлениях [Миракян, 1990; 1992; 1995].

Проведенный А.И. Миракяном [1987; 1990; 1992; 1995] историко-философский анализ изучения зрительного восприятия показал, что исследование процессов непосредственно-чувственного отражения в философии и изучение закономерностей восприятия в психологии и физиологии органов чувств велось на основании данных сознанию человека уже отраженных свойств и отношений объектов. Вследствие этого при изучении актуального процесса восприятия основными средствами исследования оказались выделенные и понятийно зафиксированные (т.е. константные) свойства и отношения объектов. Такой подход, соответствовавший философско-гносеологической постановке вопроса об адекватности отражения свойств и отношений объектов «истинным» свойствам этих объектов, исключал возможность изучения закономерностей процесса непосредственно-чувственного восприятия, которое становится возможным в том случае, если в основании логики полагания исследуемого явления будет стоять не данность (действительность) уже отраженных свойств объектов, с которыми оперирует традиционная психология и физиология органов чувств, а возможность порождения этих свойств

как продуктов изучаемого актуального процесса восприятия. В качестве гипотетического механизма непосредственно-чувственного отражения, обеспечивающего возможность порождения различных продуктов восприятия, А.И. Миракяном были предложены принцип структурно-процессуальной анизотропности, пространственно-временной дискретизации, образования анизотропных отношений, симметрично-двуединых отношений и сопредставленности.

Представление о непосредственно-чувственном отражении как процессе порождающем, естественно, предопределяет и логику экспериментального исследования осязания. Однако предварительно следует провести историко-философский анализ, определить основные подходы и основания при изучении этого вида чувственного отражения.

Проблемы осязательного восприятия практически всегда находились в положении «Золушки» в сенсорной психологии и физиологии. И это положение характерно для них и в настоящее время, о чем достаточно четко свидетельствует анализ литературы по осязательному восприятию, которое в XXI веке практически не изучается. Остановимся на истории исследования этого вида чувственного отражения в философии.

Возникновение, развитие и становление вопроса чувственного отражения было связано с разработкой проблемы гносеологической адекватности свойств воспринимаемого физического мира и данных отражения, или чувственных образов, получаемых человеком с помощью зрения, слуха, осязания и других органов чувств. Античные философы, как и все последующие, решали проблему бытия, законов развития мира, природы, общества, мышления и возможности их познания с помощью тех видов чувственного отражения, которыми обладает человек.

Проблема соотношения между свойствами объектов и их чувственно воспринимаемыми образами, т.е. о том, обманывают или точно отражают объективные отношения и качества вещей органы чувств человека, а также, являются ли данные ощущений той основой, на которой строится человеческое

познание, и какова роль чувственного отражения в процессе приобретения знаний относительно процессов мышления, были предметом глубокого анализа сначала философии, а затем и психологии.

По свидетельству Аристотеля, «Демокрит и большая часть других естествоиспытателей, говорящих об ощущении, поступают самым нелепым образом: они считают, что все чувственно воспринимаемое постигается на ощупь. Однако, если это так, то окажется, что и каждое из других чувств является одним из видов осязания. Далее они пользуются явлениями, сопровождающими отдельные чувства, как общими для всех чувств. В самом деле, величина, форма, шероховатость или гладкость, а также острая или тупая форма, присущая тельцам, общи различным чувствам, однако не всем, но только зрению и осязанию. Поэтому они в этом заблуждаются, но, когда говорят о свойствах отдельных чувств, не заблуждаются, как, например, когда говорят о зрении по поводу цвета и о слухе по поводу звуков. Другие же сводят к этому и специфические особенности отдельных чувств, как Демокрит. Так, он утверждает, что белое и черное – это шероховатое и гладкое, и вкусовые субстанции сводит к формам атомов» [Лурье, 1970, с. 308].

Из приведенного текста с очевидностью следует, что рассуждения по поводу чувственного восприятия имеют своим основанием имплицитную представленность понятийно зафиксированных свойств и отношений объектов (форма, величина, белое, черное, шероховатое, гладкое и т.п.). При этом Демокрит, в изложении Аристотеля, отождествляет продукты чувственного восприятия, полученные с помощью зрения и осязания.

Такой подход к проблеме чувственного отражения и способ ее объяснения связаны с тем, что Демокрит, выделяя два вида чувственного познания, считает «законнорожденным» познание через мысль, которая, естественно, уже зафиксирована в понятиях, т.е. имеет дело с уже отраженными, выделенными свойствами и отношениями предметов окружающего

мира. Однако, по мнению Аристотеля, выделенные и используемые для объяснения явления, сопровождающие отдельные чувства, не являются общими для всех чувств, но только для зрения и осязания [Аристотель, 1975].

Философский аспект проблемы возможности познания бытия переносится Демокритом в чувственную сферу с естественными для философско-гносеологического подхода принимаемыми знаниями и понятиями о предметах материального мира. Понятно в этой связи, что при рассмотрении и анализе возможности и адекватности познания с помощью чувственного отражения, имплицитно полагаются понятийно зафиксированные свойства и отношения объектов материального мира. Кроме того, уже у Демокрита мы находим первое указание на отождествление данных, получаемых посредством зрения и осязания. Эта традиция, положенная Демокритом, и поддержанная Аристотелем, нашла в дальнейшей истории развития исследований чувственного отражения огромное число последователей.

Следует отметить, что, начиная с Демокрита, для доказательства адекватности чувственного познания используется такой прием, как постулируемая необходимость как бы «равных» данных, получаемых от зрения и осязания, что служило подтверждением истинности чувственного отражения, причем правомерность такого суждения доказывалась очень просто. Суждение об адекватности осязания делалось на основе сопоставления с данными зрительного отражения посредством сугубо «зрительной» терминологии (зрительных образов) или на основании сравнения осязательного эталона (образа) с исполненным его рисунком, т.е. отраженного также с помощью зрения.

Особое место в рассмотрении проблемы бытия и возможности его познания принадлежит Аристотелю. Он полагал, что вопрос о значении понятий для бытия и его познания является центральным и что с помощью понятий познаются существенные, коренные и неизменные свойства бытия, а также основные свойства предметов.

По мнению Аристотеля, то, с чем может иметь дело знание, сводимо только к понятию, заключающему в себе основные, существенные определения предмета. Поэтому, если отвлечься от понятия, то из содержания самого предмета останется лишь то, что уже не может стать предметом знания. Рассматривая вопрос о первопричинах или основных (первых) началах, необходимых и достаточных для введения в познание с целью объяснения всего, что существует в мире (природе), Аристотель анализирует существующие на тот период философские воззрения о началах бытия и мира.

Важнейшее значение в учении Аристотеля об отношении между понятиями и чувственным бытием отдается форме и материи. Аристотель подробно раскрывает собственное понимание процесса, посредством которого в предметах чувственного мира возникают новые свойства, или в которых материя принимает в себя форму.

Всякий предмет, приобретающий новое свойство, которое может быть выражено в новом определении, до этого приобретения, очевидно, не имел этого свойства. Поэтому, чтобы ответить на вопрос, что такое материя, или субстрат, необходимо уяснить следующее: материя есть, во-первых, отсутствие («лишенность», «отрицание») определения, которое ей еще только предстоит приобрести как новое определение. Иными словами, материя – лишенность формы.

Но понятие материи не может быть сведено как к единственной характеристике к лишению или отсутствию формы, к ее отрицанию. Когда в материи возникает новая определенность, новая форма, то основанием этой новой определенности не может быть простое отсутствие (лишенность - отрицание) формы. С другой стороны, новая форма возникает в материи, которая ранее не имела этой формы. Следовательно, заключает Аристотель, материя – нечто большее, чем лишенность (отсутствие). Тогда, откуда же в материи берется новая форма?

Форма, по мнению Аристотеля, не может возникнуть, во-первых, из бытия, так как в таком случае нечто, возникаю-

щее как новое, возникающее впервые, существовало бы еще до своего возникновения. Но, вместе с тем, форма эта, во-вторых, не могла возникнуть и из небытия, так как из небытия ничто произойти не может. Таким образом, то, из чего возникает форма, не есть ни отсутствие формы, ни уже возникшая, действительная форма, а есть нечто среднее между отсутствием (лишенностью) формы и формой действительной. Это среднее между отсутствием бытия и действительным бытием есть, по Аристотелю, бытие в возможности.

Стало быть, действительным становится только то, что обладало возможностью стать таковым. Если же это так, то необходимо признать, что материя (субстрат) заключает в себе два определения: 1) отсутствие формы, которая возникнет в ней впоследствии, и 2) возможность этой формы как уже действительного бытия.

В отличие от материи, которая есть бытие в возможности, форма, по Аристотелю, есть действительность, т.е. осуществление возможного.

Таким образом, возможность материи, осуществляющаяся в действительной форме, становится методологическим основанием философии Аристотеля, на которой строится его концепция чувственного бытия. Реализация этой концепции отмечается и в признании Аристотелем человека как наивысшего существа материального мира, в котором, как в любом другом предмете этого мира, следует видеть соединение материи, которой является тело человека, с формой, которой в этом случае будет душа. Как материя, тело есть возможность души.

В качестве основного для теории познания Аристотель рассматривал тезис о том, что всякое знание начинается с ощущения, при этом он не отождествлял знание с ощущением. Он полагал, что если нет соответствующего предмету ощущения, то и нет соответствующего ему достоверного знания. В опыте, поскольку он обусловлен ощущениями, непосредственно ум постигает самый предмет ощущения, в единичном непосредственно постигается общее. «То, что в вещах показывает чувственное познание, т.е. ощущение, зависит от всегда

изменчивых условий пространства и времени. Напротив, то, что показывает в вещах научное познание, не зависит ни от пространства, ни от времени. Научное постижение предмета - мысль, покоящаяся и в известном смысле стабильная, остановившаяся» [Аристотель, 1975, т.1, с. 287].

Рассматривая отношение знания к своему предмету, Аристотель убежден, что в порядке времени существование предмета предшествует существованию знания о нем. Предмет предшествует познанию, которое человек может иметь об этом предмете. В этом смысле отношение знания к предмету то же, что и отношение ощущения к предмету. Из того, что у ощущающего человека временно отсутствуют зрительные ощущения, никак не следует, будто свойства, воспринимаемые людьми посредством зрения, отсутствуют в самом предмете. Однако в момент, когда к человеку вернется способность зрения, то, что он увидит, будет уже необходимо относиться к области видимого. Начиная с этого времени уже нет смысла спрашивать, что чему предшествует: видимое или ощущение видения, оба они, начиная с этого момента, одновременны, соотносительны.

И точно таково же отношение знания к своему предмету. Оно подобно отношению меры к измеримому или измеренному. Поскольку познание направляется во времени к постижению своего предмета, этот предмет предшествует познанию, а познание зависит от своего предмета. В этом смысле соотношение между ними однозначно, необратимо.

Но если знание рассматривается как уже возникшее, как уже осуществляющееся, как уже отнесенное к своему предмету, то предмет и знание о нем составляют нераздельное целое. Правда, в этом целом можно посредством абстракции выделить оба его элемента - предмет знания и знание предмета, но все же единство обоих не теряет от этого своей реальности. Предмет, рассматриваемый сам по себе, есть только возможный предмет знания. Если бы только он остался возможным, знание не могло бы возникнуть. Но как только у ученого возникает созерцание предмета знания, с этого момента и пред-

мет знания и знание предмета становятся действительностью: они уже составляют единство. В соответствии с приведенными рассуждениями Аристотель делает заключение, что знание есть род обладания, т.е. способ бытия специфического рода.

Приведенные положения Аристотеля, направленные на исследование вопроса о первопричинах или первоначалах, необходимых для объяснения и познания бытия, сущего, показывают, что любое знание имеет дело с понятиями. Принимая за основные и несводимые ни к каким другим причинам материю и форму, Аристотель определяет материю как бытие в возможности, а форму – как действительность или осуществление возможного. Полагая, что всякое знание (которое, как было отмечено выше, имеет дело с понятиями) начинается с ощущения, он рассматривал ощущение как нераздельное целое с предметом ощущения, т.е. имплицитно отождествлял предмет знания и знание предмета, которые, становясь действительностью, уже составляют единство.

Таким образом, анализ философских воззрений Аристотеля позволяет сделать следующее заключение. При рассмотрении вопросов бытия и возможности его познания, Аристотель исходил из того, что, то, с чем имеет дело знание, сводимо только к понятию, которое заключает в себе основные, существенные определения предмета. При этом предмет знания и знание предмета, становясь действительностью, по необходимости составляют единство, т.е. неразделимы. Философско-методологическая позиция автора, рассматривающего вопросы бытия, его первопричин или первоэлементов, сводится к познанию потенциальной возможности, заключающейся в материи, как субстанции, реализация которой осуществляется в возможности любого – в любой форме, как действительном носителе реализованной возможности.

Однако, как уже отмечалось, признавая человека как высшее существо материального мира, Аристотель делает логический перенос с философского аспекта рассмотрения бытия на явления психического и утверждает, что тело человека, являющееся материей, реализуется в форме, которой является

душа. И следующий тождественный перенос – если знание о бытии возможно благодаря понятиям, то и знание о душе сводимо только к понятиям, т.к., по свидетельству Аристотеля, чувственное познание, или ощущение, зависит от изменяющихся условий пространства и времени, в то время как научное познание неизменно, оно не зависит ни от пространства, ни от времени.

Реализации и обоснованию этой логики, разработке и детальному анализу природы чувственного познания посвящен специальный труд Аристотеля, названный им «О душе». В нем Аристотель пишет: «Признавая познание делом прекрасным и достойным, но ставя одно знание выше другого либо по степени совершенства, либо потому, что оно знание о более возвышенном и удивительном, было бы правильно по той и по другой причине отвести исследованию о душе одно из первых мест. Думается, что познание души много способствует познанию всякой истины, особенно же познанию природы. Ведь душа есть как бы начало живых существ. Так вот, мы хотим исследовать и познать ее природу и сущность, затем ее проявления, из которых одни, надо полагать, составляют ее собственные состояния, другие же присущи – через посредство души – и живым существам» [Аристотель, 1975, т.1, с.371].

Отмечая значимость исследований о душе, Аристотель указывает на необходимость изучения ее природы, сущности и проявлений. Он особо останавливается на анализе проблемы ощущений и именно в этой работе отмечает роль и значение осязания для живого и возможности познания. Аристотель приходит к выводу о том, что «...без способности осязания не может быть никакого другого чувства, осязание же бывает и без других чувств» [там же, с. 400]. Развивая эту мысль, он утверждает: «...животным, обладающим чувством осязания, присуще также стремление» [там же]. Рассуждая далее об ощущении посредством осязания (*haphē*) он использует приведенную выше логику философского анализа «возможности и действительности». Он пишет: «...осязаемы различные

свойства тела как такового. Я имею в виду свойства, которыми различаются элементы: теплое-холодное, сухое-влажное... Орган, воспринимающий эти свойства, – орган осязания, в котором прежде всего находится это так называемое чувство осязания, – есть часть тела, которая в возможности такова, каково осязаемое в действительности; ведь ощущать – значит что-то испытывать. Таким образом, то, что воздействует на орган, делает его таким, каково само воздействующее в действительности, потому что он таков в возможности. Вот почему мы не ощущаем теплого и холодного, твердого и мягкого, когда они одинаковы с нашими органами, а ощущаем, когда они отличаются в степени, поскольку ощущение есть как бы некая середина между противоположностями, имеющимися в ощущаемом» [там же, с. 420-421].

Именно имплицитное отождествление, признание невозможности разведения знания о предмете и предмета знания стало причиной появления и анализа известного феномена, названного «иллюзией Аристотеля», при рассмотрении которой постулируется необходимость тождества двух видов чувственного восприятия на уровне уже отраженных, зафиксированных результатов, выраженных в понятиях.

Значительное место, отведенное анализу философского наследия Аристотеля, связано с тем, что реализуемая им теория бытия и возможности его познания оказала существеннейшее влияние на все последующее развитие философской мысли. Кроме того, по-видимому, первый в истории философии дошедший до нас психологический опыт, названный именем Аристотеля, свидетельствует о том, что, правомерная для философии логика рассуждений, перенесенная автором в сферу психического, получила дальнейшее развитие в философии и оттуда, в качестве имплицитного основания, перешла и в психологию. При этом предпринятая Аристотелем попытка доказательства достоверности чувственного познания проводилась на основе сравнения результатов зрительного и осязательного восприятия, причем предполагалось, что они должны давать тождественные данные, выражаемые, как пра-

вило, в так называемой «зрительной» терминологии или зрительных образах.

По нашему мнению, истоки изучения чувственного познания, заложенные Аристотелем, нашли свое развитие во всей последующей истории исследования психического отражения и свелись к двум основным положениям:

1. Имплицитная представленность и отождествление в сознании исследователей понятийно зафиксированных свойств и отношений объектов материального мира с данными чувственного отражения, выраженными в аналогичных понятиях.

2. Отождествление результатов зрительного и осязательного отражения. Аристотелю же принадлежит замечательное высказывание, которое практически никак не обсуждалось в последующих философских исследованиях. А именно: «...мы не ощущаем теплого и холодного, твердого и мягкого, когда они одинаковы (с нашими органами), а ощущаем, когда они отличаются в степени, поскольку ощущение есть как бы некая середина между противоположностями, имеющимися в ощущаемом» [Аристотель, 1975, т.1, с. 421]. Если проанализировать приведенное высказывание Аристотеля с позиций концепции порождающего процесса восприятия, то оно послужит убедительной иллюстрацией тезиса о том, что для возможности осуществления процесса порождения отражения необходима анизотропность, отражение гомогенного гомогенным же невозможно.

Вопрос о составе, достоверности и развитии чувственного познания, рассматриваемый в философии с точки зрения соответствия объекта отражения и его образа для обоснования возможности познания, был перенесен и в сферу психического отражения. Эта проблема была предметом анализа не только философов Античности, но и мыслителей Нового времени. При этом, часть из них, не отрицая значения чувственного отражения, отдавала предпочтение познанию умственному, другие задавались вопросом происхождения самих ощущений, которым впоследствии приписываются определенные понятийно зафиксированные значения (названия).

Так, по мнению Николая Кузанского, «...познание через чувственность является сокращенным, ограниченным познанием, ибо ощущение касается только частного. Познание умственное всеобщее, потому что, по сравнению с познанием через чувственность, оно существует безусловно и лишено частной ограниченности» [Антология..., 1970, т. 2, с. 69]. Аналогичным образом рассуждал и Джордано Бруно, считавший, что «...чувства, какими бы совершенными они ни были, не бывают без некоторой мутной примеси. Вот почему истина происходит от чувств в малой части, как от слабого начала, но она не заключается в них» [там же, с. 166]. Галилео Галилей полагал, что «...многие из тех ощущений, которые считались качествами, присущими внешним предметам, имеют свое действительное существование в нас, а не в них; вне нас они являются только пустыми именами» [Горфункель, 1980, с. 225].

Проблема ощущения и знания о предмете, вызвавшем это ощущение, рассматривалась и Томмазо Кампанеллой, который, аналогично Аристотелю, считал, что «...ощущение есть чувствование возбуждения, сопровождаемое умозаключением относительно действительно существующего предмета». Вместе с тем, ощущение есть также и «...выражаемое в понятии знание о предмете, вызвавшем возбуждение, на основании производимого им возбуждения, и оно сопровождается столь быстро совершающимся процессом умозаключения, что этот процесс не замечается» [там же, с. 317-318].

Томас Гоббс, анализируя происхождение человеческой мысли, утверждает, что каждая мысль, взятая отдельно, является «представлением» или «призраком» «...какого-либо качества или другой акциденции тела вне нас, называемого обычно объектом... Начало всех призраков есть то, что мы называем ощущением (ибо нет ни одного понятия в человеческом уме, которое не было бы порождено первоначально, целиком или частично в органах ощущения). Все остальное есть производное от него» [Антология..., 1970, с. 309].

Существовала и другая (отличная) точка зрения, принадлежащая Мальбраншу, который настаивал на том, что «...мы

должны только соблюдать правило судить по чувствам не только о том, что такое вещи сами в себе, но только о том, какое отношение они имеют к нашему телу, так как на самом деле они (чувства), даны нам не ради познания истины вещей самих в себе, а лишь для сохранения тела» [там же, с. 443].

Таким образом, вопрос о связи данных чувственного отражения с качествами самих ощущаемых вещей и вытекающие из этого вопроса проблемы соотношения между свойствами объектов и их чувственно воспринимаемыми образами, о том, обманывают или точно отражают органы чувств человека, а также проблема, являются ли данные ощущений той основой, на которой строится познание, и какова роль чувственного восприятия в процессе приобретения знаний относительно мышления и многие другие проблемы, были предметом глубокого философского анализа. В философии эти проблемы рассматривались в связи с необходимостью объяснения связи бытия с конкретными предметами, умопостигаемыми с помощью чувственного восприятия. Поэтому понятно, что данные чувственного восприятия исследовались в контексте возможности адекватного отражения и познания окружающей действительности. Не было в этой связи и необходимости в анализе каждого из видов чувственного отражения.

И только с XVII века Р. Декарт, Дж. Беркли, а затем и Э. Кондильяк приступили к специальному рассмотрению различных видов чувственного отражения. Причем эти исследования начинают носить уже философско-психологический характер. Несмотря на различия в методологических подходах, для всех перечисленных и последующих исследователей осязания характерны сходные черты, сводимые к следующему.

Начиная с Аристотеля, обнаруживается общий для всех перенос философско-гносеологического анализа в сферу психического отражения. Так называемый продуктный подход [Миракян, 1990; 1992; 1995], работающий при философском рассмотрении проблем бытия, сущего, был механически перенесен в сферу изучения психического отражения, что привело

к тому, что фактически анализировались, сопоставлялись уже имеющиеся в познании признаки и свойства объектов материального мира, выступающие своеобразными критериями адекватности, эталонами психического образа, с результатами процесса психического отражения. Интерес к проблеме адекватности психического образа свойствам объекта, выделенным для отражения, привел к появлению специальных исследований, направленных на сравнение адекватности восприятия посредством зрения и осязания, а также на изучение условий, способствующих адекватному отражению.

Так, определенным этапом углубления и развития проблемы осязательного восприятия является учение Декарта [1953], который для решения вопроса о соотношении между свойствами объектов и их чувственно воспринимаемыми образами использовал понятие «зонд», с помощью которого он объяснял, что осязание в сочетании с движением позволяет получить данные об объектных свойствах предмета даже через промежуточное звено (палку). Сфера интересов Декарта относилась к отысканию средств, приводящих к адекватности выделенных для отражения свойств предметов их образам. В качестве такового Декарт выдвигает движение как основной компонент, необходимый для формирования адекватного отражаемому объекту образа даже через опосредованный (неощущающий) предмет (палку) между человеком и объектом ощущения. Декарт также исходил из имплицитно выделенных и понятийно зафиксированных свойств и отношений объектов, причем выделенных на основе данных зрительного восприятия, и рассматривал их с точки зрения соответствия или несоответствия данным осязательного восприятия, выраженным в тождественных понятиях.

Гносеологическое значение изучения восприятия значительно возросло в связи с появлением большого разнообразия конкретных данных, свидетельствующих о несоответствии результатов ощущения объективным («истинным») свойствам объектов отражения. Идеи Декарта оказали значительное влияние на все последующее развитие философских, психо-

логических и естественнонаучных исследований восприятия. Благодаря Декарту фактически определилось дальнейшее научное содержание и развитие психологии восприятия, которое пошло по трем основным направлениям: философскому, психологическому и естественнонаучному.

Решая проблемы восприятия на философском уровне, Декарт рассматривает их в сочетании с психологическим, что, естественно, приводит к смешению этих уровней, и как следствие, – к абстрактно-логическому противопоставлению различных фактов восприятия. Это смешение становится возможным именно потому, что в своих рассуждениях о восприятии Декарт опирался на уже отраженные продукты самого процесса восприятия.

Вследствие того, что при объяснении психических явлений Декарт рассматривал восприятие в двух формах продуктивности, относящихся как к объекту восприятия, так и к субъективному образу, идее или понятию, именно это привело к противопоставлению, возможности сопоставления двух различных уровней психического отражения – непосредственно-чувственного восприятия и понятийно-опосредованного познания. Познание (как у Демокрита, так и у Аристотеля) считалось истинным, неизменным; непосредственно-чувственное отражение – изменчивым, иллюзорным.

В этой связи термины «адекватность», «изоморфность» относятся лишь к отраженным продуктам, понятиям об объектах или их свойствах, выраженных в их физических характеристиках. Следовательно, обращение к этим понятиям возможно лишь при рассмотрении соотношения познаваемого к познанию и не является правомерным при исследовании процессов непосредственно-чувственного восприятия.

Аналогичным образом, с точки зрения имплицитной представленности, ставилась проблема и Беркли [1913], который, вслед за Декартом, исследовал проблему соответствия данных чувственного восприятия объектным свойствам, подлежащим отражению. По мнению Беркли, осознание дает нам знание о некоторых, необходимых для жизнедеятельности человека,

свойствах объектов, в то время как от зрения мы получаем лишь грубые данные для приспособления к жизни.

Продуктивный подход, правомерный при философском уровне рассмотрения вопросов соотношения свойств объектов и образования понятий о них, генезиса понятий и их связи с ощущениями, послужил основанием и был перенесен в сферу изучения психической реальности. Требование соответствия, привнесенное из философии, распространилось и на различные виды восприятия (зрительное, осязательное) вне их функционального рассмотрения. Именно поэтому Беркли приходит к выводу, что зрение нас обманывает, ибо при зрительном восприятии мы обнаруживаем в объектах одни качества и свойства, а при осязательном обследовании - выявляются их несоответствие.

Эмпирически обнаруженное несоответствие зрительного и осязательного восприятия послужило причиной возникновения новой проблемы: какой из видов восприятия, зрительное или осязательное, является достоверным. Это привело к тому, что Беркли противопоставил осязание зрению и отдал предпочтение осязанию, что вовсе не означало, что он считал осязание той основой, на которой образуются понятия о предметах и их свойствах. Поэтому он старался доказать, что данные осязания более точные, чем зрения, но и те, и другие дают разные результаты о предметах и их свойствах, и что на основании этих противоречивых данных не может образоваться адекватное понятие об объектах и их свойствах. Он пишет: «...никогда не бывает, чтобы мы видели и осязали один и тот же объект. То, что видится, есть одна вещь, а то, что осязается, совершенно другая вещь... Истинным следствием будет только то, что объекты зрения и осязания суть две отдельные вещи» [Беркли, 1913, с.28].

Продолжая далее, он утверждает, что «...вещи, которые я вижу, и вещи, которые я осязаю, настолько различны и разнородны, что восприятие одних никогда не внушало моим мыслям других и не склоняло бы меня составлять никакого суждения о них, пока на опыте я не узнал бы их связь» [там

же, с. 61]. Признавая необходимость опыта для образования соответствия между данными зрения и осязания, Беркли не объясняет, каким образом происходит образование понятия о свойствах вещей, отражение которых позволяет получить осязание. «При первом акте зрения, ни одна идея, вводимая при посредстве глаз, не имела бы никакой осознаваемой связи с теми идеями, с которыми соединены в уме слепорожденного названия: земля, человек, голова, нога и пр. Таким образом, Новые идеи никоим образом не вводили бы в его дух вышеупомянутые идеи и не склоняли бы его называть теми же самыми идеями и считать их одними и теми же вещами, как это делают они впоследствии» [там же, с. 60]. И, следовательно, «...объекты зрения и осязания образуют, так сказать, два ряда идей, весьма отличных друг от друга» [там же, с. 63].

Таким образом, исходя из своих теоретических представлений, Беркли доказывает, что данные ощущений не являются той основой, на которой строится человеческое познание, и идеи о свойствах вещей даны нам Богом, что приводит к противопоставлению данные осязания и зрения и служит доказательством того, что зрительное восприятие иллюзорно и не адекватно свойствам предметов, следовательно, на основании данных зрения не может образоваться человеческое познание мира и знание человека.

Признавая божественное начало в познании, Беркли считал, что идеи о свойствах вещей изначально уже имеются у человека. Поэтому для него не существует вопроса о том, как становится возможным образование самих понятий. Эта заданность понятий, их присутствие у человека благодаря Богу, как полагает Беркли, позволяет ему утверждать, что «...посредством осязания я воспринимаю твердое и мягкое, теплое и холодное, движение и сопротивление, и притом более или менее всего этого в отношении как качества, так и степени» [Антология..., 1970, т. 2, с. 512]. Т. е. Беркли, в соответствии со своими философскими воззрениями, также использует уже готовые (т.е. отраженные), изначально имеющиеся у человека

понятия (идеи) о свойствах и отношениях объектов материального мира.

Дальнейшее развитие мысли об особой познавательной роли осязания в отражении принадлежит Кондильяку [1980]. В своих ранних работах он настойчиво доказывал, что само зрение без помощи осязания, вполне достаточно осведомляет нас о пространственных характеристиках тел. Позднее, в «Трактате об ощущениях» он возвращается к этому вопросу и существенно его пересматривает. Кондильяк называет предрассудком то, что «...мы склонны приписывать зрению идеи, которыми мы обязаны только осязанию». Предваряя «Трактат» вступлением, он утверждает, что главной задачей этого труда является демонстрация того, каким образом все наши знания и все наши способности «...происходят из чувств или, выражаясь точнее, из ощущений...» Затем, во второй части, по его словам, исследуется чувство осязания, т.е. «...то единственное чувство, которое способно само по себе судить о внешних предметах», а в третьей – как чувство осязания «...научает другие чувства судить о внешних предметах» [там же, с. 638].

«Осязание – вот учитель всех этих чувств. Едва только предметы начинают принимать под действием руки известные формы, известную величину, как обоняние, слух, зрение и вкус начинают взапуски проецировать свои ощущения на них, и модификации души становятся качествами всего того, что существует вне ее» [там же, с. 639-640].

Как явствует из приведенной цитаты, Кондильяк также отождествлял понятийно выделенные свойства и качества объектов материального мира с чувственными образами, получаемыми в результате их отражения. «Только ощущение твердости, как наличное, так и прошлое, является само по себе одновременно ощущением и идеей. Оно – ощущение по своему отношению к модифицируемой им душе: оно – идея по своему отношению к чему-то внешнему.

Это ощущение вскоре заставляет нас считать находящимися вне нас модификации, испытываемые благодаря осязанию.

Вот почему каждое ощущение осязания оказывается представителем предмета, который схватывает рука.

Осязание, привыкнув относить ощущения вовне, сообщает ту же самую привычку другим чувствам. Все наши ощущения начинают казаться нам качеством окружающих нас предметов, следовательно, они их представляют, они становятся идеями» [там же, с. 640].

Процесс формирования образа Кондильяк рассматривал как постепенное приобретение опыта. Несмотря на то, что Кондильяк внес в раскрытие этой проблемы наличие и значение опыта, опыт для него выступал как постепенное усложнение операций, рассматриваемых вне функции отражения. Следует, однако, отметить, что приобретение опыта означало для Кондильяка лишь обслуживание функции, но, как это ни парадоксально, вне рассмотрения функциональных возможностей осязательного отражения. Он, как и его предшественники, наделял осязание способностью отражения и формы, и величины в понятиях, свойственных и отраженных посредством зрения. Кондильяк рассматривал процесс осязательного отражения как иерархию постепенно усложняющихся операций, приводящих, в конечном итоге, к адекватности отражения (соответствию).

Следующим этапом в истории исследования чувственного познания явились взгляды, развиваемые Д. Дидро [1935], по мнению которого чувства – единственный проводник идей и мерило их сочетаний. Если до Дидро осязание рассматривалось как единственный вид чувственного отражения, которому следует доверять (исключение составлял лишь Патрици, признававший началом всякого познания разум, исходящий из чувств, но при этом отдававший предпочтение за «благородство природы и превосходство сил зрению») и которое позволяет получить соответствие между ощущениями и объективными свойствами предметного мира, то Дидро рассматривал осязание вместе со зрением. Он считал, что только совместные действия зрения с осязанием могут привести к соответствию свойства отражаемых объектов и их образы. По мнению Ди-

дро, в результате упражнения осязания под контролем зрения создаются условия для адекватного отражения объектных свойств материального мира. «... Осязание может стать более тонким чувством, чем зрение, если его совершенствовать путем упражнений» [Дидро, 1935, т. 1, с. 249].

Признавая необходимость совместного рассмотрения осязания и зрения в акте чувственного познания, Дидро при исследовании отражения брал также уже выделенными, понятийно отраженными свойствами и отношения объектов материального мира и искал их соответствие с полученными ощущениями.

История развития и изучения явлений психического отражения от Беркли до Дидро продемонстрировала, что для всех исследователей характерно отождествление чувственных данных, получаемых от зрения и осязания. При этом исследователями особо отмечается необходимость так называемой «активности» руки в процессах восприятия. Движение или активность, являющаяся условием формирования адекватного осязательного образа (адекватного зрительным представлениям об объекте восприятия), впервые особо отмеченная Декартом, получила развитие и стала предметом специального исследования в последующей истории изучения осязательного восприятия, которое по-прежнему рассматривалось изолированно от данных зрительного восприятия, но отождествлялось с ним.

Роль особых ощупывающих функций руки была подчеркнута А.Н. Радищевым, который считал весьма важной для познания осязательную деятельность руки, оказавшую огромное влияние на формирование человеческого сознания. «Гельвеций, пишет он, – не без вероятности утверждал, что руки были человеку путеводительницы к разуму» [Радищев, 1941, с. 51]. В противоположность Беркли, Радищев связывал образование понятий с данными ощущений, полученными через осязание. При этом он полагал, что образование наших знаний о предметных свойствах представляется возможным благодаря опыту и поэтому соответствие этих данных относится к сфере познания.

Диалектико-материалистическое понимание вопроса о соответствии познания и объективных свойств материального мира, определяющее роль зрительного, осязательного и других видов чувственного восприятия при отражении человеком функционально необходимых ему свойств предметов, раскрывается Ф. Энгельсом в работе «Роль труда в процессе очеловечивания обезьяны» [Маркс, Энгельс]. Им впервые были выявлены те материальные условия, благодаря которым «... рука стала свободной и могла совершенствоваться в ловкости и мастерстве, а приобретенная этим большая гибкость передавалась по наследству и умножалась от поколения к поколению. Рука, таким образом, является не только органом труда, она также его продукт» [там же, с. 453]. Именно благодаря тому, что рука одновременно является естественным органом и продуктом труда, она стала особо важным для деятельности человека чувствующим органом – органом активного осязания. Энгельс подчеркивал: «... чувство осязания, которым обезьяна владеет в грубой форме, развилось у человека рядом с развитием самой руки, при посредстве труда» [там же, с. 456]. Таким образом, понимание адекватности между объективными свойствами предметов и познанием Энгельс связывает с особой, сформировавшейся в процессе труда, функцией руки, и связь эта адекватна именно для необходимости действия с этими объектами.

Итак, анализ истории развития познания показал, что, независимо от исходных теоретических позиций, она может быть охарактеризована как эволюция естественнонаучного образа мышления (или «физикального» образа мышления), основной особенностью которого является изучение природных явлений и процессов через отношение исходного состояния и конечного результата, продукта исследуемого процесса. Полностью удовлетворяя нуждам и запросам всех существующих естественных наук, которые по мере своего возникновения и развития брали на вооружение данный принцип изучения всех исследуемых процессов и явлений, этот образ мышления, привнесенный из философии, был перенесен и в область пси-

хологической науки. Постулаты адекватности образа и объекта и отождествление результатов зрительного и осязательного восприятия явились исходными основаниями и при изучении процессов психического отражения (несмотря на специфические особенности, присущие этим процессам). Это обусловлено тем, что в течение многих веков в философии обсуждался вопрос соотношения объектов отражения и отраженного продукта познавательных процессов (образа), первичности объекта, адекватности образа отраженному объекту. В результате, в философии укоренилось гносеологическое представление об изоморфности уже отраженного отдельного свойства объекта, продукта свершившегося процесса восприятия данным физического воздействия на органы чувств. Признанный подход естественнонаучных исследований был привнесен и в психологию для изучения явлений непосредственно-чувственного отражения, повлекший специфический аспект рассмотрения психического в рамках проблемы соотношения объекта отражения и психического образа.

Таким образом, проведенный анализ истории изучения осязательного восприятия в философии показал истоки продуктного подхода при исследовании процессов психического отражения (на примере исследований, связанных с проблемой осязания) и причины переноса философско-гносеологических оснований на изучение процессов психического отражения. Наряду с этим, на основании анализа было выявлено отождествление и перенос результатов зрительного и осязательного отражения. Обнаружены истоки представления о необходимости движения руки для адекватного осязательного восприятия.

Последующая история изучения осязания подтверждает обнаруженные закономерности в подходах к его исследованию и демонстрирует их неизменность, несмотря на то, что все они становятся направленными преимущественно на рассмотрение анатомо-физиологических особенностей и механизмов осязания и специфику их реализации в процессе жизнедеятельности.

Список литературы

1. Антология мировой философии. М., 1970.
2. Аристотель. Сочинения. М., 1975.
3. Беркли Дж. Опыт новой теории зрения. Казань, 1913.
4. Горфункель А.Ч. Философия эпохи возрождения. М., 1980.
5. Декарт Р. Рассуждение о методе с приложениями. Диоптрика, метеоры, геометрия. М., 1953.
6. Дидро Д. Собр. соч. Т. 1. М.-Л., 1935.
7. Кондильяк Э. Трактат об ощущениях. М., 1935.
8. Логвиненко А.Д. Чувственные основы восприятия пространства. М., 1985.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 14.
10. Миракян А.И. Константность и полифункциональность восприятия. Диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук по специальности 19.00.01 – общая психология. М., 1987.
11. Миракян А.И. Психология пространственного восприятия. Ереван, 1990.
12. Миракян А.И. Афизикальные принципы психического отражения и их моделирование // Принципы порождающего процесса восприятия / Под ред. А.И. Миракяна. М., 1992.
13. Миракян А.И. Начала трансцендентальной психологии восприятия // Философские исследования. 1995. № 2.
14. Миракян А.И. Контурсы трансцендентальной психологии (книга 1). М.: Издательство «Институт психологии РАН», 1999.
15. Радищев А.Н. Полн. собр. соч. Т. 2. М.-Л., 1941.
16. Швырков В.Б. Психофизиологическое изучение структуры субъективного отражения // Психологический журнал. 1985. № 3.

Проблема адекватности психического отражения в оптике трансцендентальной рациональности¹⁷

Р.М. Нагдян

В традиционной психологии адекватность восприятия была тем «пробным камнем», которым проверялись истинность или ложность восприятия, его состояния нормы или патологии. Поэтому адекватность восприятия служила критерием «правильности» познания, а отсюда, как в философии, так и в психологии, делался не вполне обоснованный вывод о том, что психическое отражение или восприятие предназначено для познания окружающей действительности.

Гносеологическое содержание проблемы адекватности изначально предполагает наличие объекта и его образа, поэтому для советской и современной психологии путь изучения восприятия, выражаясь словами А.Н. Леонтьева, - «это путь от внешнего объективного мира к ощущению, восприятию, образу» [Леонтьев, 1979, с.4]. Однако у С.Д. Смирнова, ученика и последователя А.Н. Леонтьева, одного из известных исследователей психологии образа, возникает вопрос о том, «...как понимается сам «мир»; от какого «объективного мира» должен отправляться анализ» [Смирнов, 1985, с.10]. Отвечая на этот вопрос, С.Д. Смирнов демонстрирует две оппозиционные альтернативы. Одна – это представление мира таким, какой он есть, до или вне человека. «Такой мир, - пишет С.Д. Смирнов, - есть чистая объективность, постулируемая метафизическим материализмом, который безуспешно пытается решить проблему субъективации в каждом отдельном акте восприятия» (там же). То есть это мир, наполненный объектами, «не очеловеченными» присутствием человека. Другая альтернатива, от которой, по мнению С.Д. Смирнова, следует исходить, – это мир очеловеченный, преобразованный присутствием че-

¹⁷ Нагдян Р.М. Методология трансцендентальной психологии.- Ер., Издательский дом Лусабац, 2018. С.265-283.

ловека и частично созданный его деятельностью. Поэтому, согласно С.Д. Смирнову, возникает два вида действительности – «в форме объекта» и «в форме деятельности». При этом, хронологически действительность «в форме объекта» является первичной, «...однако в плане становления и развития индивида и его психического отражения действительность «в форме деятельности» является исходным пунктом анализа» (там же) и ей же (действительности «в форме деятельности») придают статус онтологической и логической фундаментальности. Из вышеприведенного следует, что, во-первых, метафизика понимается ограниченно, в очень узком смысле, в котором не учитывается истинное предназначение метафизики – поиск первопричин возникновения явлений природы, поэтому мир в «метафизическом материализме» представляется всего лишь как скопление независящих друг от друга объектов. Во-вторых, как основа психологического изучения всякой субъективности, действительность «в форме объекта», то есть природа до или вне присутствия человека, изначально отвергается, чем и исключаются всякие попытки изучения психического отражения как природного явления. Следовательно, вопрос о возникновении психического выносится за скобки, а главным становится вопрос о «становлении и развитии индивида и его психического». То есть для С.Д. Смирнова исследование психики начинается с того уровня развития природы, когда уже есть индивид и его психика.

Исследование возможностей возникновения психического в глубинных слоях мироздания не велось вообще, потому что это относилось уже к «запретной» области метафизических рассуждений. Однако были исследователи (кроме А.И. Миракяна и его последователей), которые в решении вышеизложенных проблем очень близко подходили к постановке метафизических вопросов. Так, например, В.П. Зинченко и М.К. Мамардашвили пишут: «Говоря, что «субъективность входит в реальность», мы имеем в виду, что она входит в ту реальность, которая является объективной, каузально организованной по отношению к миру сознания, данному нам

также и на «языке внутреннего». Только задав ее с самого начала (так же, как и в биологии, явление жизни) в части трансцендентной по отношению к «языку внутреннего», мы можем затем выделить объективные процессы (идушие независимо от наблюдения и самонаблюдения) и стороны предмета психологического исследования, поддающегося объективному описанию. Потом уже поздно соединять сознание с природными явлениями и описывающими их терминами, и мы никогда в рамках одного логически гомогенного исследования не выйдем к месту, где что-то кем-то мыслится, видится, помнится, воображается, узнается, эмоционально переживается, мотивируется» [Зинченко, Мамардашвили, 1977, с. 109-125]. Из приведенной цитаты видно, что, согласно мнению авторов, сознание и психическое необходимо начинать изучать как природное явление, как спонтанный процесс, исключив всякую субъективность («наблюдение и самонаблюдение»), пользуясь терминами природных явлений, трансцендируясь от «языка внутреннего». А это, на наш взгляд, означает не что иное, как обращение к реальности, не подвергнувшейся отражению, к поиску онтологических основ психического в «бытии в возможности» (Аристотель), к методу метафизических рассуждений. Кроме того, из приведенной цитаты видно, что для авторов язык описания явлений природы и явлений сознания, данного нам на «внутреннем языке», различен. И, более того, пользуясь «внутренним языком» мы не сможем описать природные явления, приводящие к порождению того, что нам «мыслится, видится, помнится, воображается, узнается, эмоционально переживается, мотивируется». Именно в этом смысле надо понимать невозможность исследования сознания (или психики) и природных принципов его порождения «в рамках одного логически гомогенного исследования», что уже обсуждалось нами в работе [Нагдян, 2015]. В этом же контексте рассуждает и С.Л. Рубинштейн, утверждающий, что «на чувственной поверхности явлений представлен итоговый, суммарный результат глубинных процессов, взаимодействий и определений как процессов в сущем» [Рубинштейн,

1976, с. 305], из чего становится понятным, что «глубинные процессы в сущем», ответственные за порождение, например, перцептивного образа, составляющего содержание сознания, предполагают другой способ существования, определяющий (по С.Л. Рубинштейну) другой уровень бытия и, следовательно, другую онтологию. А это приводит к тому, что процессы порождения, как «глубинные процессы в сущем», не могут быть описаны в системе понятий результатов порождения – всего того, что относится к остальным компонентам перцептивного события (центральное понятие в концепции психологии восприятия В.А. Барабанщикова [Барабанщиков, 2009]), - существующим в наличном бытии. Поэтому «язык» описания перцептивного события, включающего в себя и акты порождения, в своей целостности становится неоднородным, появляется необходимость создания и применения разных онтологических подходов для описания разных составляющих перцептивного события, существующих на разных уровнях бытия.

Описанная выше познавательная неоднородность (гетерогенность) не нова и уже встречалась в истории науки. В физике она выступала как противоречие, возникающее при переходе к изучению явлений более глубокой, непосредственно не наблюдаемой, реальности явлений микромира. В. Гейзенберг писал: «копенгагенская интерпретация квантовой теории начинается с парадокса. Она исходит, с одной стороны, из положения, что мы должны описывать эксперимент в понятиях классической физики, а с другой - из признания, что эти понятия не точно соответствуют природе (свойствам элементарных частиц - Р.Н.). Противоречивость этих исходных положений обуславливает статистический характер квантовой теории» [Гейзенберг, 1963, с.35]. Как видим, «физическое событие», в ситуации экспериментального исследования квантов, элементарных частиц и их свойств, точно так же неоднородно в языковом аспекте, как и перцептивное событие в ситуации исследования процесса порождения перцептивного образа.

Таким образом, вопрос С.Д. Смирнова о реальности, предшествующей отражению, имеет важное методологическое значение, и от его решения зависит, в том числе, постановка проблемы адекватности психического отражения.

Принципы деятельности и предметности, определяющие способы существования психического в современной психологии, требуют наличия адекватности психического отражения. Однако в научной литературе имеется достаточное количество данных, подтверждающих, что нет строгой адекватности между объектом и его образом. Но, к сожалению, очень мало говорится о глубине и характере нарушения адекватности психического отражения.

Новые подходы к изучению проблемы адекватности восприятия потенциально заложены в трансцендентальной парадигме исследования процесса восприятия. На основе философско-исторического анализа особенностей проявлений продуктного подхода (в философии, психологии, физиологии, кибернетике), ограничивающего возможности поиска принципов порождения продуктов восприятия, А.И. Миракян сформулировал тезис, имеющий принципиальное значение для нового понимания проблемы адекватности восприятия. В своей монографии «Контурсы трансцендентальной психологии» А.И. Миракян пишет: «Мне кажется, что можно начать исследование психики с понятия «ничто», которое выражает как реальность отсутствия любого присутствующего, так и реальность отсутствующего в любом присутствующем.

Возможность понимания сущности «ничто», как реальности отсутствия и его перехода или пробуждения к реальности присутствующего нам не дана, потому что мы и наше мышление (познание) как уже существующие принадлежат к реальности присутствующего и тем самым их пребывание в реальности отсутствующего невозможно, так как в реальности отсутствующего любое присутствующее отсутствует» [Миракян, 1999, с.10]. Тем самым А.И. Миракян делает первые в научной психологии попытки понять и описать порождение психического отражения из реальности, которая предшествует восприятию,

реальности, еще не отраженной в сознании человека, одновременно предложив свое представление об особенностях ее существования. А.И. Миракян делает это под определенным ракурсом, предположив, что при изучении принципов и закономерностей психического отражения необходимо исходить из фундаментальных особенностей материи или материальности, которые, однако, «индифферентны, независимы относительно реальности психического отражения» [Миракян, 1992, с.35] и находятся вне области психических явлений (феноменов, понятий, принципов, отношений и т.д.).

Приведенный выше тезис А.И. Миракяна побуждает более внимательно присмотреться к процессу психического отражения и понять, заложенные в природе (в принципах развития материальности), истоки и возможности его порождения. А для понимания проблемы адекватности психического отражения в этом ракурсе важно понять отношение продуктов отражения к порождающей их реальности.

С этих позиций и рассмотрим некоторые особенности процесса непосредственно-чувственного отражения. Так, например, причиной возникновения цвета является взаимодействие зрительного анализатора человека с *чем-то*, что физики называют «электромагнитной волной». Электромагнитную волну характеризуют *изменяемыми* величинами - частотой, длиной волны, скоростью распространения, и в ней нет ничего такого, что можно было бы назвать цветом (измерить как «цвет»). Сознание человека фиксирует не частоту волны (частота волны перестает существовать, трансформируясь и исчезая в зрительных рецепторах), а уже порожденное психикой новое качество - цвет. Таким образом, принятое в традиционной психологии соотношение адекватности (постулат изоморфности) - цвет и ощущение цвета - нарушается, так как одной стороны этого соотношения - цвета - в мире вне человека не существует.

Это заметил еще И. Ньютон. В своей «Оптике» он пишет: «...И если иногда я говорю о свете или лучах, как окрашенных или имеющих цвета, то не следует понимать, что я говорю философски, и точно – я выражаюсь грубо и в соответствии с

теми представлениями, которые может получить простой народ, видя все эти опыты. Ибо лучи, если выражаться точно, не окрашены. В них нет ничего другого, кроме определенной силы или предрасположения к возбуждению того или иного цвета. Ибо как звук колокольчика, или музыкальной струны, или других звучащих тел есть не что иное, как колеблющееся движение, и в воздухе от предмета распространяется не что иное, как это движение в форме звука, также и окраска предмета является не чем иным как предрасположением отражать тот или другой сорт лучей более сильно, чем остальные; в самих лучах нет ничего иного, кроме предрасположения распространять то или иное движение в чувствилище, в последнем же появляются ощущения этих движений в форме цвета» [Ньютон, 1954, с. 96-97]. Приведенный текст кажется очень странным, потому что так должен был думать метафизик, предлагающий гипотезы о первопричинах возникновения цвета, а не выдающийся физик. Однако, приведенная цитата - факт, поэтому надо полагать, учитывая величие И. Ньютона, что истинный физик тот, в ком живет и творит истинный метафизик.

Возвращаясь к нашему тексту, укажем на то, что тот же самый свет трансформируется также в совершенно другую модальность, а именно в ощущение тепла, несмотря на то, что в самом световом потоке нет физической характеристики, являющейся теплом. А физическими детерминантами ощущения тепла являются амплитуда волны или мощность потока световых частиц. Но, как известно, эти компоненты света сами по себе не теплые. *Поэтому можно сказать, что солнце не ослепительное и не горячее.* Оно становится таковым лишь для человека, так как человек обладает способностями преобразовывать физические характеристики дошедших до него солнечных лучей в соответствующие психические качества.

Точно так же получается с зеркалом. Что отражает зеркало, когда на него никто не смотрит? Никаких зрительных образов в этот момент зеркало не отражает. А образы возникают (в человеке) лишь тогда, когда в глаза человека попадают электромагнитные волны, отраженные от поверхности зеркала.

Звука не существует в природе так же, как и не существует цвета. Вокруг колеблющейся струны нет ничего такого, что можно было бы назвать звуком, кроме колеблющихся частиц или слоев воздуха. Частота колебания воздуха не содержит в себе звука - это чисто механическое движение. И именно эти «беззвучные» колебания доходят до человека и превращаются в его слуховом анализаторе в звуки - явления совершенно иного качества, чем частота колебания струны или слоев воздуха.

Поэтому, если задать, например, вопрос: «Что такое настоящий, реальный шум моря сам по себе, когда на берегу нет людей?», то он не имеет смысла, потому что шума моря на самом деле нет. Вместо него есть бесконечно разнообразный спектр воздушных волн, и каждый человек затем по-своему превращает их в шум моря, соответственно состоянию своего слухового анализатора, особенностям личного аудиального опыта и психологического состояния в данный момент. Таким образом, человек не отражает море репродуктивно таким, каким оно «есть» в реальности, а *создает* его таким, каким видит, слышит и ощущает его вкус, запах, влажность и т.д. И вопрос, какое море на самом деле, также не имеет смысла, потому что это зависит от того, кто именно, какое существо отражает то, что мы, люди, называем морем, то есть от отражательной системы, предназначенной для выполнения определенного рода задач. В случае отсутствия отражательной системы, море, а в более общем случае - мир, перестает существовать как объект восприятия, но, существуя в самом себе и благодаря своим «физическим» (природным) характеристикам, сохраняет потенциальную возможность быть вновь созданным, согласно структуре, функциям и принципам действия наличествующей отражательной системы. Сказанное относится не только к человеку, как к отражательной системе, но также и к любой отражательной системе, созданной и используемой человеком, то есть имеет отношение и к науке, и к познанию в целом. Это обусловлено тем, что при своем функционировании любая отражательная система порождает новое качество, *обозначающее* отражаемое явление. Следовательно, физический прибор, как продолжение отражательной системы

исследователя, дает нам не действительную информацию о явлении, а опосредованную преобразованную информацию о нем в виде качества, не принадлежащего непосредственно ему (явлению), но свойственное структуре и внутренним закономерностям реагирующего прибора. Так, например, известно, что взаимодействие света с интерферометром выявляет волновую природу света, а с фотоприемником - корпускулярную. Однако если быть последовательным в наших рассуждениях, то следует предположить, что «истинная» природа света не волновая и не корпускулярная. Это всего лишь две эмпирические модели света, основанные на артефактах *процедуры* измерения и, кстати, противоположные друг другу, для «примирения» которых Н. Бор ввел в физику элементарных частиц и квантовую механику принцип дополнительности.

К таким же выводам о значении измерительных приборов для исследования природы психических явлений приходит и Т.В. Черниговская при обсуждении вопроса о соотношении сознания и мозга. В своем выступлении на заседании Никитского клуба (участники – К.В. Анохин, В.А. Лекторский, В.С. Мясников, А.Н. Привалов и др.) она указывает на то, что «...наука нам в этом не помощник. Потому что, что бы мы ни зафиксировали, - это область идеального. Энцефалограммы, спектрограммы, аудиограммы - анализ зрения жуков..., креветок ничего не даст, потому что здесь есть пробел между миром физического и миром идеального, который не переходим... Оттого, что лучшие в мире приборы, которые есть сейчас, замечательные томографы просветят голову человека с точностью, я фантазирую, до нейрона, - мне это не добавит ни на полмиллиграмма информации о том, что мы сейчас обсуждаем» [Черниговская, 2015, с. 9]. И, действительно, это так, потому что прибор показывает то, что в него «вложил» человек, при его создании (цифры, линии спектров или какая-нибудь другая символика), а не то, что на самом деле измеряется в данный момент.

Как нам кажется, реальность, представленная нам в совокупности свойств и качеств объектов, скрыта от нас, *потому что эти свойства и качества есть ощущения и образы, порожден-*

ные психикой. Эти свойства и качества не являются репродукцией реальности, а являются продуктами психической деятельности, новыми образованиями, обеспечивающими эффективное функционирование человека в окружающей действительности. *Реальность не имеет никакого другого отношения к качествам и свойствам воспринятого мира, кроме факта опосредованной детерминации.* То есть можно утверждать, что «объекты» природы не обладают ни цветом, ни звуком, ни запахом, ни какими-либо другими свойствами, которые представлены в наших ощущениях. Согласно мнению А.Н. Леонтьева, «...мир в его отдаленности от субъекта амодален» [Леонтьев, 1983, с. 257]. Поэтому можно утверждать, что человек «имеет дело» не с миром, а с моделью мира, являющейся содержанием его сознания. Как говорил еще А. Korzybski (1941/1994), «Карта – не территория», имея в виду не соответствие модели мира – миру.

Однако уточним, что в данном случае обсуждается не просто вопрос о «моделях мира», а вопрос о «конструировании реальности», который достаточно хорошо разработан в философии, социологии и культурологии, в русле идей конструктивизма. В психологической же науке конструктивистская парадигма выявлена и обозначена В.Ф. Петренко [Петренко, 2002; 2011] при анализе высших форм сознания. В частности, В.Ф. Петренко приходит к выводу, что «понятийный аппарат, который создает каждая гуманитарная наука (и конечно, в том числе психология), не только описывает, но и привносит в описание новые связи и расчленения (а имплицитно — и некие аксиологические ценности), формируя в конечном итоге новые конструкты сознания (расширяя его), а через осознание конструирует и саму действительность» [Петренко, 2002, с. 119]. В отличие от исследований В.Ф. Петренко, наша задача показать, что конструирование реальности начинается уже с уровня ощущений, представленных в соответствующих образах во всех модальностях восприятия.

Все вышесказанное сводится к вопросу: «Насколько объективны наши ощущения?». На этот вопрос можно ответить, что наши ощущения, как качественно-психические образования,

ничего общего с реальностью не имеют, подобно тому, как качества географической карты (бумага, изображенные на ней знаки, буквы и т.д.) ничего общего не имеют с качествами территории, или буква «а» русского алфавита ничего общего не имеет с фонемой «а». Ощущения и образы - это другая реальность: реальность, признаваемая нашим сознанием. Мир и образ мира - это две разные реальности. Конечно, между миром и его образом существует определенное соответствие (скорее всего, количественное), которое и дает человеку возможность функционировать соответствующим образом в окружающей его среде, подобно водителю, который, глядя на карту дорог, точно знает, свернуть ли ему налево, направо или поехать прямо, чтобы доехать до намеченного пункта. В то же время, водитель никогда не спутает карту дорог с самими дорогами, потому что он, находясь вне карты, видит и карту, и дорогу. Однако люди, не имея возможности выходить за пределы своих карт мира, отождествляют образ (карту) мира с самим миром и тем самым впадают в заблуждение.

Из всего вышеизложенного следует, что сознание человека реагирует не на саму реальность, а на созданные психикой ощущения, образы и слова, которые являются моделями (символами) детерминирующей их порождение физической реальности. А каждая модель мира по-своему неадекватна по отношению к реальности. Но, тем не менее, практика показывает, что человек (или другое живое существо) адекватно функционирует в пределах созданной им же модели мира. То есть, *из адекватности функционирования еще не следует адекватность отражения. Другими словами, эффективность и адекватность функционирования не зависят от степени неадекватности отражения, понимаемой в указанном выше смысле.*

В несколько ином контексте (в исследованиях Д.А. Ошанина) находим, что неадекватное, искаженное восприятие гносеологически заданных свойств объекта («деформации», по Ошанину) является необходимым условием эффективности предметного действия. Поэтому для Д.А. Ошанина предмет или объект изначально задан как предназначенный изменчи-

вому восприятию, обеспечивающему функциональную адекватность [Ошанин, 1999]. Например, дальтоник, воспринимающий яблоко синеватым и человек с «нормальным» зрением, воспринимающий то же яблоко красным, съедят его одинаково успешно. В этом примере важно отметить также то, что нельзя утверждать, что дальтоник воспринимает яблоко искаженно, а человек с «нормальным» зрением адекватно, если исходить из предположения, что «объекты» природы не обладают цветом. Можно лишь сказать, что дальтоники *по-другому* «создают», порождают или упорядочивают мир, который, тем не менее, должен быть репрезентирован таким образом, чтобы удовлетворить требованиям их эффективного функционирования.

Из вышесказанного вытекает парадоксальный для традиционной психологии вывод: *практика*, то есть функционирование человека при решении им определенных (практических) задач, не может быть достоверным критерием адекватности психического отражения, так как в процессе практической деятельности сознание человека «имеет дело» не с копией объекта, а с психологическим эквивалентом (знаком, обозначением) того «нечто», находящегося вне сознания человека, которому еще предстоит стать объектом. И именно от этого знака (или обозначенности), заменяющего сущность (сложность, особенности организации и существования) этого «нечто», зависит то, каким «качеством» оно «обладает». Неадекватность же и неэффективность функционирования выявляются лишь при *сопоставлении* эффективностей функционирования разных людей, обладающих разными моделями мира и индивидуально-психологическими особенностями. И чем шире границы модели мира и тоньше ее структура, тем больше возможностей для адекватного и эффективного функционирования. Поэтому любая психотерапия - это, прежде всего, работа над расширением пределов (границ) и содержания модели мира данного человека.

Сказанное подтверждается и на примере животного мира. Так, например, существуя в той же среде, что и человек, летучая мышь, лягушка или пчела «создают» совершенно разные, отличные друг от друга, модели мира со своими специфиче-

скими неадекватностями по отношению к физическим аспектам их окружения, которые детерминируют порождение у них соответствующих моделей мира. Но, независимо от степени и качества этих неадекватностей, каждая из них эффективно и адекватно функционирует в своей модели мира, ориентируясь в пространстве и во времени, добывая пищу, размножаясь и проявляя «заботу» о своем потомстве. Кстати, о летучей мыши. Мы знаем, что она реагирует на отраженные от предметов среды ультразвуки, испускаемые ею же самой (под ультразвуком подразумеваем колебания воздуха ультразвуковой частоты). Но на самом деле мы не знаем, на что реагирует летучая мышь внутри самой себя, так как мы не имеем точного представления о том, в какую модальность преобразовывает эти частоты ее психика. Это все равно, что сказать: человек реагирует на электромагнитные волны. Но как известно, он непосредственно реагирует не на волны, а на свет, цвет и/или тепло. Т. Нагель в своей статье «What is it like to be a bat?» («Каково быть летучей мышью»), обсуждая проблему соотношения субъективного и объективного, сделал предметом специального философского анализа вопрос о том, как летучая мышь воспринимает мир, и пришел к выводу, что никаким образом невозможно узнать, как чувствует себя изнутри сама летучая мышь и каково это – быть летучей мышью [Nagel, 1974]. Это говорит о том, что у нас нет ни средств, ни возможностей непосредственно проникнуть в модель мира другого существа и человека, в том числе.

Возникает закономерный вопрос: «Что следует из того, что человек не может воспринимать мир таким, какой он есть на самом деле, а в самой модели мира оперирует уже законченными продуктами психического отражения - ощущениями и образами, которые он принимает за реальные, вне него существующие, объекты и их качества?».

Ответ на этот вопрос, прежде всего, имеет значение для методологии психологии. Во-первых, при таком подходе меняется понимание объекта: реальный «объект» бесконечно многообразный, не обладающий ни одним из психических качеств и не познаваемый в своей «модальности», а детерминированный им

и порожденный психикой, объект, как комплекс ощущений и образов, создается в самом человеке, и именно этот образ-объект является для него реальным. Во-вторых, меняется понимание взаимодействия субъекта и объекта, так как сознание взаимодействует не с реальным «объектом», а с его образом. То есть отражение происходит не между психическим и физическим, а между психическим одного уровня (ощущение, образ) и психическим другого уровня (сознание). Поэтому изменение характера взаимодействия человека с окружающей действительностью во власти его возможностей. Имеется в виду, что, произвольно меняя структуру и качество порождаемых психикой образов, человек так же произвольно может изменять свое отношение к оставшемуся неизменным «объекту». В-третьих, вышесказанное имеет принципиальное значение для правильной постановки вопроса об исследовании принципов и закономерностей процесса порождения психического отражения.

Таким образом, если в классической и неклассической парадигмах психологии восприятия необходимо наличие соответствия между объектом и его образом, то в трансцендентальной парадигме вместе с элиминацией понятия объекта теряет свой смысл и понятие адекватности восприятия.

Вместе с тем, существенно меняется смысл понятия «образ». Как было указано в предыдущем разделе, на эту трансформацию обратил свое внимание и В.И. Панов [Панов, 1997]. Мы также пришли к выводу, что соотношение «объект – образ», как структурная схема процесса отражения, не соответствует действительности, показав, к примеру, что в соотношении «цвет – ощущение цвета» отсутствует компонента «цвет». В таком случае понятие «отражение» теряет свой первоначальный смысл, предполагающий процесс, приводящий к адекватному или изоморфному (или близкого к ним, может быть, искаженному) уподоблению.

Парадоксальность описанной выше ситуации разрешается в контексте картины мира, предложенной трансцендентальной парадигмой. Приведем еще раз цитату из работы А.И. Миракяна (1992), в которой раскрываются особенности этой картины

мира: «по отношению к еще не свершившемуся акту отражения (еще нереализованной возможности отражения) принимаемое нами бесконечное многообразие материальных форм материи предстает в нерасчленном, однородном виде, как некоторая гомогенность или глобальность. Понятие глобальности здесь вводится для того, чтобы дать представление о неотраженности и указать на ограниченность возможностей отражения в отношении того, что отражается. *Объекты и их свойства как психические формы по логике процесса отражения как формопорождения еще только должны становиться, образоваться, т.е. порождаться в процессе отражения* (выделено нами – Р.Н.), который можно трактовать как процесс упорядочивания глобальности, направленный в целом на самосохранение формы и адекватности функционирования живой системы в окружающей среде» [Миракян, 1992, с. 39-40]. Как видно из приведенной цитаты, в этой картине мира, на которой и основан трансцендентальный подход, изначально нет объектов. Они появляются лишь в процессе упорядочения гомогенности или глобальности, которая является одной из основных характеристик до-отраженного мира.

Необходимо отметить, что можно различить два понятия образа: «образ объекта», которого, как было показано нами (2009, 2017) и В.И. Пановым (1997), на самом деле не может быть, и «осознаваемый образ», являющийся рефлексией сознанием порожденного образа. И, как это ни парадоксально, именно этому последнему понятию образа приписывается статус объективно существующего в окружающей человека действительности.

Таким образом, между миром и сознанием расположены образы и поэтому сознание непосредственно реагирует не на мир, а на порожденные образы, принимая их же за объекты, существующие вне и внутри человека. А это означает, что для всякого живого существа реальность – это всегда уже *воспринятая* реальность, порожденная в результате взаимодействия живого существа с природой или с более «глубокой реальностью» [Уилсон, 2005]. Однако именно эта реальность – воспринятая, уже отраженная – принимается человеком за действительность.

С другой стороны, то, что каждый человек (или животное) по-своему воспринятую реальность принимает за действительность и поступает сообразно этой действительности, указывает на существование психологического релятивизма реальности, то есть зависимости устройства и организации «действительности» от уникальных, неповторимых способностей восприятия каждого живого существа и человека, независимо от перспективы рассмотрения этих способностей: вертикальной – в филогенезе, историческом развитии, онтогенезе, или горизонтальной – как существующих в настоящее время в природе всех живых существ (от микроба до человека). Таким образом, приходит осознание того, что для разных отражательных систем мир (реальность, действительность, природа) теряет статус абсолютной бытийности, абсолютного существования, что можно характеризовать как реализацию *принципа психологической относительности реальности*.

Подводя итог к данному разделу, отметим еще раз, что трансцендентальная парадигма исследования процесса восприятия дает возможность 1) по-новому интерпретировать понятия «адекватность восприятия», «объект» и «образ», 2) отделить и подчеркнуть независимость адекватности функционирования от адекватности отражения в традиционном их значении, 3) сформулировать новую, трехчленную, структуру процесса восприятия, имеющую онтологический смысл и 4) сформулировать принцип психологической относительности реальности.

Список литературы

1. Барабанщиков В.А. Онтологический подход в исследовании восприятия // Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна / Под ред. К.А. Абульхановой. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – Т. 2. – С. 81–101.
2. Гейзенберг В. Физика и философия. М.: Наука, 1963. 286 с.

3. Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии. Вопросы философии, 1977, 7. С. 109-125.
4. Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология, 1979, № 2. С. 3-13.
5. Леонтьев А.Н. Образ мира // Избр. психол. произведения, т.2. М., Педагогика, 1983. С. 89-110.
6. Миракян А.И. Афизикальные принципы психического отражения и их моделирование // Принципы порождающего процесс восприятия (коллективная монография), под ред. А.И. Миракяна. М., 1992. С. 9-46
7. Миракян А.И. Контурсы трансцендентальной психологии. М.: Изд. ИП РАН, кн,1, 1999.
8. Нагдян Р.М. Психологический релятивизм реальности. Психология философии. Ер., НАИРИ, 2009. – 120 с.
9. Нагдян Р.М. Метафизический подход к методологии исследования психической реальности. Дисс. док. пси. наук. Ер., 2015.
10. Нагдян Р.М. Загадка психики: трансцендентальная психология и метафизика. Ер., Лусабац, 2014. – 424 с.
11. Ньютон И. Оптика. М.: Государственное издательство технико-теоретической литературы, 1954. - 365 с.
12. Ошанин Д.А. Предметное действие и оперативный образ. Москва-Воронеж, изд. НПО «МОДЭК», 1999. - 512 с.
13. Панов В.И. От проблемы образа к проблеме формопорождения // Сб.: «Образ в регуляции деятельности». М.: Российское психологическое общество, 1997. С. 101-112.
14. Петренко В.Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психологический журнал, 2002. Том 23, № 3. С. 113-121.
15. Рубинштейн С.Л. Человек и мир / Проблемы общей психологии. Изд. 2. Отв. ред. Е.В. Шорохова. – М.: «Педагогика», 1976. – 416 с.

16. Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М.: Изд. Московского университета, 1985. – 230 с.
17. Уилсон Р.А. Квантовая психология. М.: изд. дом «София», 2006. – 208 с.
18. Черниговская Т.В. Каково это быть камнем? (Субъективная реальность и мозг). Никитский клуб, выпуск 73, М., 2015. -72 с.
19. Korzybski, Alfred, Science and Sanity: An Introduction to Non-Aristotelian Systems and General Semantics (5thed) Lakeville, CN: International Non-Aristotelian Library Publishing Co., 1941/1994.
20. Nagel T. «What is it Like to Be a Bat», Philisophical Review 4 LXXXIII: 435-450, 1974.

Р.М. Нагдян

Основными рабочими психологическими инструментами во многих психотерапевтических технологиях (гештальт-терапия, психосинтез, символдрама, рекреативный психокатализ, нейро-лингвистическое программирование и др.), позволяющих делать эмоциональные и поведенческие изменения в человеке, являются образы восприятия, репрезентированные во внутреннем феноменологическом пространстве. Поэтому, чтобы составить представление о том, как работают и получают свои результаты эти психотехнологии, надо понять, что такое образы и какую функцию они выполняют, являясь посредником между сознанием человека и окружающим его миром. Из сказанного возникают важные для понимания процесса психотерапии вопросы: что влияет на возникновение образов? какую информацию они дают об окружающем нас мире? каким образом можно изменить образы и что это дает? что такое окружающий нас мир и как он соотносится с образом мира? То есть в данном случае мы сталкиваемся с вопросами, над которыми размышляли философы всех времен: как устроен мир и сознание человека (онтология) и что истинно или ложно в нашем восприятии мира (гносеология). По нашему мнению, онтологическая и гносеологическая аспекты проблемы образа интегрируются в проблеме адекватности психического отражения. Стремление понять значение и роль образа в системе «воспринимаемый мир, воспринятый мир и сознание», естественно, приводит нас к анализу проблемы адекватности психического отражения, имеющего важное значение не только для теоретической психологии, но и для психотерапии.

Анализ проблемы адекватности восприятия, проведенный в предыдущем разделе с позиций трансцендентальной парадиг-

¹⁸ Нагдян Р.М. Методология трансцендентальной психологии.- Ер., Издательский дом Лусабац, 2018. С. 283-309.

мы, показал, что отражение происходит не между психическим и физическим, а между психическим одного уровня (ощущение, образ) и психическим другого уровня (сознание). Поэтому изменение характера взаимодействия человека с окружающей действительностью во власти его возможностей. Имеется в виду то, что, произвольно меняя структуру и качество порождаемых психикой образов, человек так же произвольно может изменять свое отношение к оставшемуся неизменным «объекту».

Именно на этой особенности взаимодействия человека с окружающей действительностью основано большинство технологий изменения переживаний и поведения человека в разных видах психотерапии, особенно, в НЛП, где разработано большое количество техник, основанных на структурных субмодальных изменениях внутренних образов.

Вышесказанное можно рассмотреть с позиции предложенной нами концепции «четырех реальностей» [Нагдян, 2009, 2015, 2017]. До сих пор мы различали две реальности. Реальность-1 - это та, которую мы называли «бесконечно разнообразным недифференцированным миром», «объекты» которого не обладают качествами модальностей восприятия человека. Реальность-1 непосредственно не воспринимается нашим сознанием, она непосредственно не познаваема. Выражаясь словами К.Г. Юнга, это «прима материя», «материя сама по себе, вне всяких проекций» или «нетронутая, недоступная область» [Юнг, 2003]. Взаимодействуя с органами восприятия человека, Реальность-1 детерминирует и запускает процесс порождения психического отражения, который и создает Реальность-2. В результате Реальность-1 оказывается расчлененной и огрубленной образами и понятиями (проекциями, моделями, символами, закономерностями) различных наук, упорядочивающих и структурирующих Реальность-2.

Реальность-2 – это окрашенная и озвученная нашей психикой, наделенная гаммой всех человеческих ощущений и чувств, реальность. Реальностью она является потому, что ощущения, образы восприятия и чувства *реально-субъективно* существуют для человека.

Спроецированные вовне они создают осознаваемый и познаваемый нами «объективный» (точнее - объектный) мир, состоящий из объектов с качествами и свойствами, являющимися продуктами, порожденными нашей психикой. Особенности Реальности-2 (то есть того, что «воспринимает» человек) зависят от пространственно-временных, структурных и динамических параметров человека и его органов восприятия, а также от стоящих перед ним задач, которые он должен решить в процессе жизнедеятельности. И это легко показать. Для этого достаточно представить, какой стала бы окружающая действительность в восприятии человека, если бы от рождения он обладал микроскопическим или телескопическим зрением. Ясно, что это будут совершенно другие реальности, отличающиеся друг от друга и от воспринимаемой нами реальности. И в этих реальностях были бы открыты совершенно другие объекты и закономерности. Но, все равно, они были бы вариантами Реальности-2, так как будут результатами порождения определенных отражательных систем.

Большинство вышеприведенных рассуждений в несколько ином контексте ранее уже были высказаны А.И. Миракяном, который впервые в научной психологии пишет о «ничто» или о «реальности отсутствующего» [Миракян, 1999], которому соответствует Реальность-1. А Реальности-2 соответствует «реальность присутствующего».

Таким образом, чтобы объяснить закономерности психического отражения, А.И. Миракяну пришлось перейти из «реальности присутствующего» (Реальность-2) в «реальность отсутствующего» (Реальность-1) и провести свой анализ на «языке» этой реальности.

Продолжая рассуждения о Реальности-1, еще раз отметим, что она безобъектна, потому что к ней нельзя применить ни одного понятия традиционных наук, обозначающих вычлененные из единичности объекты познания. Любое такое понятие как элементарная частица, атом, электромагнитная волна, жизнь, человек или психика являются продуктами психического отражения, моделями-масками, которые «накладываются» на изуча-

емые явления, скрывая истинные их «особенности», сложность организации, взаимосвязи и взаимоотношения с Вселенной. Поэтому познание таким путем, путем перехода от одной модели к другой (путем традиционных наук) - бесконечно.

Из приведенной ранее цитаты о «ничто» [Миракян, 1999 с. 10] следует также, что Реальность-1 пронизывает всю Реальность-2 и имплицитно содержится в ней, однако в Реальности-1 нет ничего из Реальности-2. Действительно, если под «присутствующим» понимать все то, что отражено в сознании человека и является продуктом, порожденным психическим процессом, то «реальность отсутствия присутствующего в отсутствующем» и означает, что в Реальности-1 нет ничего, что обладало бы цветом, звуком, вкусом и т.д. - одним словом, всего того, что свойственно Реальности-2. К.Г. Юнг писал: «Разумеется, мы уже знаем, что окружающий нас физический мир как он есть ни в малейшей степени не согласуется с тем миром, который мы воспринимаем. Физический мир и перцептуальный мир суть две совершенно разные вещи» [Юнг, 2003, с. 518-519].

Обыденные представления о мире близки к материалистическим воззрениям. Что же представляет собой материалистическая онтология относительно психических явлений? Это представление о мире, состоящем из отдельных объектов, наделенных определенными качествами и свойствами, которые и отражает человек, согласно принципу адекватности. Качества и свойства объектов считаются объективными характеристиками, независимыми от субъекта. Схема психического отражения, соответствующая классической рациональности, приведена на рисунке 2. В классической рациональности, которая описывается соотношением «объект-субъект», предполагается, что в мире есть объекты со своими качествами и свойствами, которые и отражает человек непосредственно (без каких-либо опосредующих звеньев), поэтому в этой парадигме образ – это копия объекта. Следуя этой логике, люди часто думают, что их проблемы рождаются в окружающей действительности и поэтому единственный способ разрешения проблемы они видят в необходимости изменить реальность. Но, как известно, это невозможно

сделать, в следствии чего они попадают в тупиковую ситуацию, и визит к психотерапевту становится необходимостью.

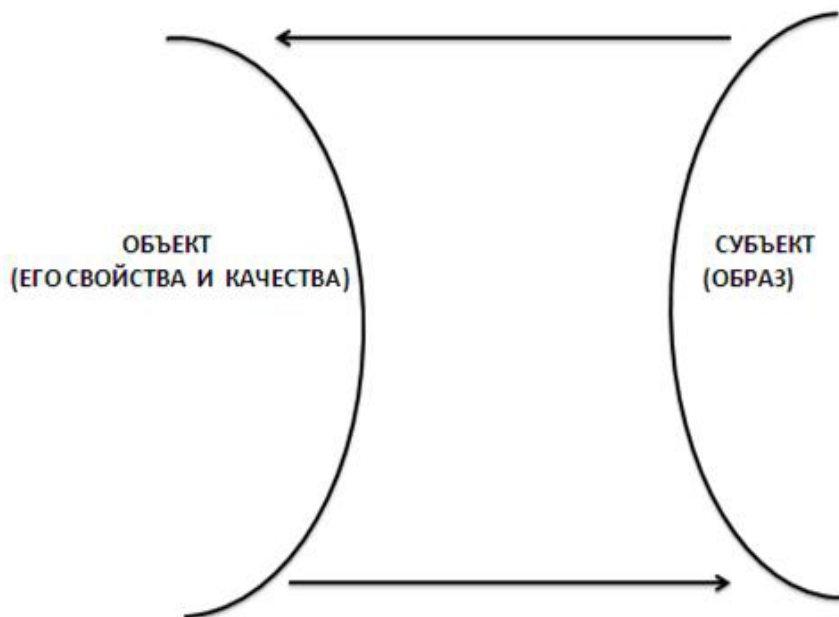

Рис. 2. Схема психического отражения, соответствующая гносеологическому соотношению «объект-субъект».

Однако, когда говорят об объектах, якобы существующих независимо от сознания во внешней реальности, то сразу же заметим, что здесь совершается незамеченная произвольная подмена субъективного (результатов психического отражения) объективным. Ведь объекты, которые человек видит вокруг себя, есть продукты свершившегося акта психического отражения. И несмотря на это, далее в материалистической онтологии делается утверждение, что эти свойства являются неизменными характеристиками объекта и должны существовать и в отсутствии человека. Поэтому требование материализма идти от объективного к субъективному, от внешнего к внутреннему изначально является ошибочным и иллюзорным.

Сказанное имеет методологическое значение при проведении психотерапии, особенно в работе с внутренними образами. Это обусловлено тем, что психотерапевт должен осознать, что его пациент реагирует не на действительность, в которой он (пациент) находится, а на внутренние образы и другие феномены внутреннего мира, представляющие собой «карты территории» или «модели реальности». Поэтому фокус внимания пациента во время терапевтической работы с внешнего мира переводится на внутренний.

Реальность-2 - это, прежде всего, то, что получается в *результате* восприятия, поэтому о ней можно говорить, как о «реальности открытых глаз» [Ермошин, 1999.]. И тут же напрашивается контраналогия: «реальность закрытых глаз» (там же), которую мы обозначим как Реальность-3.

Реальность-3 - это реальность, порождаемая внутренними репрезентативными системами. К Реальности-3 относятся внутренние образы всех модальностей, внутренний диалог и сновидения. Всем известно, насколько необычными могут быть сновидения, но не каждый человек имеет представление о том, что даже при бодрствующем и нормальном состоянии сознания эта реальность сохраняет свою необычность. При открытых глазах Реальность-3 обычно не осознается. Но если попросить человека сконцентрировать свое внимание на образах воспоминаний, представлений или воображения, то в этом случае Реальность-3 становится доступной сознанию, часто поражая своих «творцов» фантастичностью «сюжета» и образов (особенно при сильных переживаниях). Относительно того, что понимается под образом, в современной психологии имеется несколько равнозначных терминов. Говоря об одной и той же группе образов, например, о воображаемых картинах, одни авторы называют их психическими образами, другие - мысленными образами [Кослин, 2011], третьи – вторичными [Гостев, 2001.] или воображаемыми образами [Сартр, 2001], иногда даже появляются сочетания - ментальные образы, или психологические образы.

Реальность-3 не копирует Реальность-2 (реальность «откры-

тых глаз», детерминируемую Реальностью-1), она может быть алогичной и неестественной, с точки зрения Реальности-2. Реальность-3 хорошо известна тем, кто занимался сновидениями, визуализациями и, в частности, специалистам, использующим субмодальные техники НЛП. Одно из фундаментальных открытий НЛП состоит в том, что существует связь между характером переживаний человека и структурой субмодальностей образов репрезентативных систем. Эта связь выражается в том, что изменение структуры образа влечет за собой изменение переживания, что используется во многих техниках для работы с фобиями, психологическими травмами и расстройствами.

Приведем пример проявления Реальности-3 из книги К. Андреас и С. Андреас, где говорится о множестве случаев из практики применения методов НЛП. В приведенной цитате речь идет о женщине, у которой страх выступления перед аудиторией:

«Закройте глаза и вновь представьте, что вы стоите перед аудиторией. Обратите внимание: может быть, вы что-то мысленно говорите, может быть, у вас возникают какие-либо внутренние образы. ...Постарайтесь присмотреться к аудитории, замечаете ли вы что-нибудь необычайное в глазах людей?»

Поскольку я уже до этого имел дело с людьми, боящимися аудитории, я знал, что подобный страх возникает из-за того, что человек представляет, как на него смотрят, как о нем судят, какими кажутся глаза и лица людей.

Через некоторое время Джоан слегка вздрогнула и сказала: «О, какие же у них картонные глаза! И все эти пустые глаза, лишенные всякого выражения, пристально смотрят на меня!»

Если вы представите себя на месте Джоан и увидите перед собой зал, полный пустых глаз, вам легко будет понять, почему она испытывала такое напряжение и не ощущала контакта с аудиторией!» [Андреас, Андреас, 1997 с. 4].

Многочисленные случаи из практики НЛП и рекреативно-го психокатализа [Ермошин, 1999] показывают, какими порой необычными, алогичными и фантастическими способами мо-

гут быть закодированы чувства, реакции и поведение человека в структуре внутренних образов, составляющих пространство Реальности-3. И, тем не менее, какими бы неестественными не были эти внутренние образы, они реально существуют для человека: он видит их своим внутренним взором. Поэтому Реальность-3 можно назвать *реально-виртуальной*.

Для практики фундаментальное значение имеет то, что, во-первых, внутренние образы могут осознаваться, во-вторых, можно изменить их структуру и субмодальные качества. Сознательное, *произвольное* изменение структуры внутренних образов, приведение их к «нормальному» виду, изменяет и корректирует патологическую реакцию. Это означает, что откорректированные внутренние образы Реальности-3 оказывают непосредственное воздействие на отношение человека к травмирующему объекту (человеку или ситуации), несмотря на то, что сам объект в действительности остается без изменения. На аналогичное перцептивное событие, но в общепсихологическом контексте, указывает и П. Колерс: «Как подсказывает наша интуиция, мы часто не знаем, что мы видим, пока не узнаем, на что мы смотрим; иными словами, идентификация предшествует распознаванию» [Колерс, 1970, с. 16-87]. Работа с внутренними образами в психокоррекционной ситуации состоит в создании полезных (предпочитаемых, позитивных) образов с целью будущей идентификации распознаваемого образа с уже откорректированным, в чем и заключается идея и смысл терапевтического воздействия. В этом ракурсе внутренние образы можно также рассматривать как «следы памяти, хранящиеся в нервной системе» и тогда, согласно И. Року: «... сказать, что след определяет восприятие, означает сказать, что след выбирается до возникновения восприятия» [Рок, 1980, с. 51]. Такого же мнения придерживается и У. Липпман, который утверждает, что «мы воображаем многие вещи, прежде, чем мы приобретаем опыт взаимодействия с ними. И эти «преконцепции»... глубоко управляют процессами восприятия» [Lippman, 1965, с. 19]. Внутренние образы, используемые в НЛП для получения изменений, также можно рассматривать как «преконцепции»,

которые, вероятно, управляют не только процессами восприятия (узнавание, распознавание), но также эмоциональными переживаниями и поведенческими реакциями. Все вышесказанное подтверждает значимость внутренних, намеренно созданных, образов для эффективного регулирования эмоционально-поведенческой сферы человека.

Одно из характерных отличий Реальности-3 от Реальности-2 состоит в том, что представление (воображение) ситуации в Реальности-3 может быть *ассоциированным* или *диссоциированным*. При ассоциированном представлении человек «видит» ситуацию как бы своими глазами так, как это обычно имеет место в Реальности-2 (в этом случае человек, естественно, не видит своих глаз и своего лица). При диссоциированном представлении человек «видит» ситуацию и самого себя в этой ситуации, как сторонний наблюдатель, чего не бывает в Реальности-2. В этом случае человек может «увидеть» свои глаза, лицо, спину и т.д., в зависимости от точки наблюдения (ракурса), которую, кстати, можно выбрать *произвольно*. Практика показывает, что в эмоциональном отношении ассоциированные и диссоциированные репрезентации отличаются друг от друга: при ассоциированном представлении ощущения и переживания бывают по качеству такими, как в момент первого переживания и часто сильнее, чем при диссоциированном. Кроме того, разные степени диссоциирования могут вызвать разные по силе и качеству переживания. Эта особенность Реальности-3 используется, например, в технике визуально-кинестетической диссоциации (НЛП) при работе с сильными психологическими травмами.

Реальность-3 существенно отличается от Реальности-2 и в отношении времени. Если Реальность-2 относится только к настоящему, то в Реальности-3 можно свободно перемещаться во времени, поэтому каждый человек внутри себя имеет свою линию времени [Андреас С., Андреас К., 1999.], благодаря чему возможно отличить прошлое, настоящее и будущее друг от друга. Эта особенность Реальности-3, в частности, используется в НЛП для осуществления техник «изменения личностной исто-

рии» и «подстройки к будущему», применение которых приводит к реальным изменениям негативных переживаний прошлого и нацеливанию человека на желаемое будущее, где он испытывает действие своих ресурсных качеств.

В некоторых случаях может произойти как произвольное, так и непроизвольное объединение Реальности-2 с образами воображения Реальности-3, и тогда в Реальности-2 возникают галлюцинации, псевдообъекты, то есть объекты воображения, материально не детерминированные Реальностью-1. И, наоборот, при фрагментарной потере возможности переноса образов Реальности-3 в Реальность-2 могут появиться отрицательные галлюцинации, когда не воспринимается реально присутствующий объект.

Систематическое описание и изучение Реальности-3 началось сравнительно недавно в психоанализе [Фрейд, 2000], трансперсональной психологии [Гроф, 2001] и онтопсихологии [Менегетти, 2004] при анализе сновидений и образов, появляющихся в измененных состояниях сознания, а также в нейро-лингвистическом программировании при исследовании структур внутренних репрезентаций. Однако в этой области еще предстоит большая теоретическая и экспериментальная работа.

В образах Реальности-3 с большой очевидностью проявляется наличие еще одной реальности - реальности бессознательного, которую мы обозначим как Реальность-4.

Эта реальность так же не осознаваема и трансцендентна от реальности психических феноменов, как и Реальность-1. Мы не знаем, что собой представляет Реальность-4, но ее следы можно увидеть в структуре и содержании образов Реальности-3, которые, в свою очередь, влияют на переживания и поведение человека в Реальности-2. Воздействие Реальности-4 на Реальность-3 бывает особенно наглядным в случаях психологических травм. Так, например, в нашей психотерапевтической практике одна молодая женщина, сильно переживающая неудачную операцию своего носа, не видела его на своем лице при закрытых глазах. На языке психоанализа это определяется как

«вытеснение» травмирующего события из сферы сознания, а в Реальности-3 это вытеснение выражается не в забывании, а в исключении из образа «травмированных» частей. Когда же ее просили представить себя такой, какой она была год назад до операции, она видела свой нос. Точно так же один молодой человек не видел свое тело ниже пояса. Как потом выяснилось, именно эта часть тела оказалась под обломками здания во время Спитакского землетрясения. Другой пример, люди с комплексом неполноценности часто не видят своего лица. Видят голову, но бровей, глаз, носа, губ и щек не видят, а люди, отвергающие себя, нередко вместо себя видят лишь силуэт своего тела. Эти же люди в условиях Реальности-2, при открытых глазах, например, глядя на себя в зеркало, нормально воспринимают все детали своего тела. Однако, как только они закрывают глаза и оказываются в Реальности-3, в тот же момент становится очевидным воздействие Реальности-4 на субмодальную структуру образов «вытесненных» страхов или психологических травм и других сильных эмоциональных переживаний.

Для проведения успешной и эффективной психотерапии необходимо осознать, что одной из основных причин возникновения у пациентов психологических проблем является убеждение пациента в том, что воспринятое им и есть сама действительность, что реальность, на самом деле, такова, какой он ее видит слышит и переживает, то есть когда он отождествляет свою модель действительности с самой действительностью. Поэтому необходимо понять, почему это происходит, что такое отождествление, каковы особенности отождествления?

Исследователи, изучающие мышление человека, сталкивались с разными формами проявлений отождествления, которые получили соответствующие названия. Так, например, изучение Б.Ф. Поршневым дологического мышления первобытных людей привело к открытию у них специфических отождествлений, названных «абсурдом» [Поршнева, 1974]. Подобные отождествления были открыты Л. Леви-Брюлем у людей примитивных цивилизаций и были названы «мистическими сопричастностями» [Леви-Брюль, 1927]. Приведем пример такого исследова-

ния. Изучая «творчество» первобытных людей, Н.И. Дмитриева пишет: «Убивая глиняного зверя, они верили, что таким способом овладевают его живым «двойником». Надевая на себя звериные маски и исполняя «танец буйвола», считали, что это послужит призывом и привлечет буйволов в их края...» [Дмитриева, 1968, с. 14].

В детском мышлении отождествления или «бинарные сочетания» были исследованы А. Валлоном и представителями его школы [Тутунджян, 1966]. К.Г. Юнг, выявивший отождествления в мышлении алхимика, назвал их «интеллектуальным извращением» [Юнг, 1997]. Кроме того, оказывается, что мышление современного ученого также функционирует в контексте подобных отождествлений [Нагдян, 2009, 2017]. Лингвистическая структура, в которой закрепляется результат отождествления, проста: **А** есть **Б** (или **А** является **Б**). Дальнейшее изучение этого **А** позволяет выяснить, что **А** и **Б** это не одно и то же, а весьма разные вещи, и вместо первого утверждения выводится второе: **А** есть **В**. Только после появления второго утверждения или второго уровня отождествления, появляется возможность критической оценки предыдущего отождествления, которое теперь будет оцениваться как абсурд или интеллектуальное извращение. То есть в процессе познания действительности одна форма отождествления, разрушаясь («дифференциация» по А. Валлону), сменяется другой формой отождествления, и этот процесс может продолжиться – **А** есть **Г** и т.д., что характерно для процесса познания в целом. (Заметим, что А. Кожибским (1993) была показана неправомерность применения формулировок типа «А есть Б», откуда и берет свое начало неаристотелевская парадигма мышления и познания).

Следовательно, можно говорить о двух взаимосвязанных формах проявления отождествления – как онтологического явления, свойственного процессу восприятия, и как логического средства познания. Ясно, что вопрос об истинности результатов отождествления относится лишь к его гносеологическому аспекту. Таким образом, лингвистическое определение (или выражение) отождествления превращало его в предмет

логического анализа и маскировало его онтологическую сущность. А так как логический анализ, на новом витке познания, в цепочке отождествлений, выявлял абсурдность, в лучшем случае – ограниченность, предыдущих отождествлений, то они непременно рассматривались как неадекватные, с оттенком негативизма, и тем самым необходимость исследования феномена отождествления, как психического явления, оказывалась незамеченной и не актуальной.

Отождествление интересует нас само по себе, как психическое явление, как процесс, обладающий потенциальной возможностью порождать тождества. И в этом плане можно зафиксировать интересный результат: отождествление проявляется всегда и не зависит ни от исторической эпохи существования человека, ни от культуры, ни от языка, ни от возрастных периодов развития человека, ни от важности и глубины решаемых им задач. Это позволяет нам утверждать, что *отождествление является инвариантой мышления* и неотъемлемым свойством процесса психического отражения реальности, если, кроме всего перечисленного, учесть и то, что подобные отождествления, как было нами показано [Нагдян, 2003], происходят также на уровнях ощущений и восприятия. Причем в качестве психологической интерпретации явления отождествления К.Г. Юнг предлагает механизм бессознательного проецирования внутреннего содержания на внешние объекты и явления. В свою очередь, неосознаваемое отождествление, как следствие проецирования вовне результатов процессов восприятия и мышления (внутренние карты или модели реальности), приводит к устойчивости и абсолютизации этих результатов, имплицитно формируя нашу веру в то, что воспринятый нами мир и есть сама реальность.

Что же такое отождествление? Почему оно возникло? Чем определяется процесс его развития? В чем его предназначение в эволюции природы? Формат работы не позволяет нам подробнее осветить эти вопросы. Укажем лишь на одну метафизическую гипотезу, выходящую за пределы возможностей эмпирического доказательства (при этом напомним читателю, что

метафизику мы понимаем не как антинаучное, а как донаучное знание или учение, как это и происходило в истории развития науки [Нагдян, 2015]). Можно предположить, что целевой функцией эволюции природы, как и человека, является самопознание, происходящее через самоотражение. В интерпретации Пьера Тейяра де Шардена это звучит так: «В сознании каждого из нас эволюция замечает саму себя, осознавая себя... Этот весьма простой взгляд, который, я полагаю, станет для наших потомков таким же инстинктивным и привычным, как восприятие третьего измерения пространства ребенком, придает миру новое, исключительно систематическое освещение, идущее от нас» [Шарден, 2002, с. 176-177].

Но, чтобы отражение осуществилось, необходимо создание отношений между миром (или его фрагментом) и его образом, субъективно воспринимаемых как тождественные. Поэтому отождествление является фундаментальным свойством процесса психического отражения, необходимым для того, чтобы природа «увидела» сама себя.

Таким образом, понятие «модель мира», рассмотренное нами выше с позиций трансцендентальной парадигмы, смысл которого можно выразить лаконичной формулой А. Кожибского [Korzybski, 1941/1994]: «Карта - не территория», указывает на то, что человек всегда имеет дело не с реальностью, а с созданной им моделью реальности. Причем обычно человек не осознает, что воспринимаемый им мир - это еще не реальность, а его модель или образ этой реальности, и отождествляет свою модель с реальностью.

Как же можно объяснить, что человек отождествляет образ мира с самим миром и считает, что ощущения адекватно отражают свойства объектов действительности и что действительность, независимо от наблюдателя, такова, какой она воспринимается?

Рассмотрим возможный психологический механизм отождествления. Выше было сделано предположение о том, что отождествление является принципом психического отражения. При помощи этого принципа природа «получает» возможность

«вглядываться» в себя. Причиной создания возможности отождествления, по К.Г. Юнгу, является бессознательное проецирование внутреннего содержания во вне. Следовательно, форма проецирования определяет форму отождествления. Рассмотрим это отношение подробнее, опираясь на предложенную нами модель четырех Реальностей. Напомним лишь, что Реальность-1 (Р-1) - это не отраженная, но воздействующая на человека реальность; Реальность-2 (Р-2) - это отраженная и воспринимаемая человеком модель реальности, которую мы называем объективной действительностью; Реальность-3 (Р-3) - это реальность наших внутренних состояний и качеств (образы, внутренний диалог, ценности, убеждения, эмоции, сновидения и т.д.); Реальность-4 (Р-4) - реальность бессознательного.

Согласно этой модели, в первом приближении, можно выделить три вида проецирования.

1. «Физическая» реальность Р-1, воздействуя на человека и трансформируясь в процессе формопорождения, детерминирует появление неосознаваемого образа в Р-3, который проецируется обратно, на соответствующие события в Р-1, и приводит к «восприятию» событий Р-1, как объектов Р-2. Это и есть тот «препарированный» мир, который человек воспринимает и принимает за реальность. Коротко запишем:

$$P-1 \rightarrow P-3 \rightarrow P-1 \Rightarrow P-2$$

Напомним, что на Р-3 оказывают воздействие не только Р-1, но и Р-4 - реальность бессознательного, в которой в неосознаваемой форме хранится весь опыт человека - сенсорный, социальный, архетипический, трансперсональный и т.д.

2. Не детерминированные стимулами внешнего мира, то есть Р-1, и сконструированные внутренними репрезентативными системами образы Р-3 проецируются в пространство Р-2. Это приводит к появлению в Р-2 мнимых феноменов (м.ф.), похожих на явления «ложной тревоги», известные из психофизики (в ситуациях обнаружения сигналов), и галлюцинаций:

Р-3 → пространство Р-2 => (м.ф.) Р-2

Этот случай особенно наглядно показывает реальность существования *внутренних образов*, независимых от воздействий внешней среды Р-1, и явления их *проецирования* во вне. Вместе с тем, в этих случаях более явным становится воздействие на образы Р-3 реальности бессознательного Р-4. Если образы Р-3 не проецируются в пространство Р-2, но присутствуют в сознании человека, то в этом случае можно говорить об образах воображения.

3. Проецирование образов Р-3 на объекты и материалы Р-2 (поведение людей, бумага, дерево, мрамор и т.д.) и их изменение соответственно содержанию этой проекции (процесс материализации внутренних образов) приводит к созданию искусственных объектов (и.о.) в Реальности-2. В частном случае, это могут быть объекты искусства. То есть:

Р-3 → материалы-объекты Р-2 => (и.о.) Р-2

Теперь рассмотрим соответствующие этим проекциям отождествления.

1. Объекты Р-2 неосознанно отождествляются с образами Р-3 и осознаются как существующие вне человека и независимо от него. Реальность Р-1 не осознается по той причине, что оказывается целиком закодированной (закрытой) структурой образов из Р-3, с чем и имеет дело сознание человека.

2. Мнимые объекты Р-2 отождествляются с как бы реально существующими объектами Р-2, субмодальная и семантическая структура которых задается образами и внутренним состоянием Р-3. Эта возможность психического отражения является предпосылкой и причиной порождения образов несуществующих в данный момент и в данном месте объектов. «Отрыв» человека от настоящего, от непосредственного воздействия окружающей действительности создает условия для порождения внутренних представлений о прошлом и будущем, что могло способствовать возникновению мифов, искусства, а в дальнейшем, и рели-

гии, в чьи образы люди верили так, как если бы эти мифические или религиозные персонажи и сюжеты существовали на самом деле. Феномен «ложной тревоги» играет важную роль в психическом отражении, так как освобождает сознание человека от оков причинности, способствуя образованию нелинейных отношений или ассоциативных связей, и *делает возможным осознание бессознательного содержания, пришедшего из области Р-4*. Без всего этого трудно представить возникновение легенд, мифов, метафизики, науки и, в частности, трансцендентальной парадигмы восприятия. Этот процесс можно назвать актом виртуального творчества.

3. Искусственные объекты (и.о.) Р-2 отождествляются с соответствующими прототипами, существующими в Р-3, и наделяются семантическими значениями и смыслами, которыми обладают эти прототипы в Р-3.

Проиллюстрируем пункты 1 и 3 фрагментом из работы Р.А. Погосяна [Погосян, 2017, с. 247]. Приведем цитату полностью:

Одна из последних работ великого армянского художника М. Сарьяна называется: «Земля». Среди остальных в доме-музее художника эта картина ничем особенно не выделялась: ни выраженным сюжетом, ни характерными кисти художника сочными, яркими красками, опаленными армянским солнцем, - на ней одни красочные волнообразные полосы, отдаленно напоминающие цветы радуги. И больше ничего примечательного не было изображено на этом крохотном полотне.

Когда известный советский космонавт А. Леонов посетил дом-музей художника – Сарьян тогда уже был на склоне лет – и, увидев картину, космонавт был удивлен..., минуту-другую не мог скрыть своего восхищения открытием: «...Мастер! А ведь Земля сверху точно такая же...!». Великий варпет (Мастер – Р.Н.) цветовые гаммы Земли вывел совершенно иным «взором», иным способом, нежели это сделал Леонов, непосредственно наблюдая Земной шар, находясь над ним во Вселенной... В целом они оба пришли к одному и тому же..., но к истине ли?..

Риторический вопрос автор задает неспроста - под ней скрывается другой, философский, вопрос: «А такова ли реаль-

ность на самом деле, какой ее видели Мастер и Космонавт?», в котором имеется в виду реальность без каких-либо проекций и отождествлений, то есть реальность Р-1. В терминах концепции «четырех реальностей» этот вопрос получает следующее объяснение. Мастер и Леонов рефлексируют разные реальности бытия. Мастер проецирует на холст образы воображения из реальности Р-3, получая в реальности Р-2 произведение искусства, а Леонов проецирует образы из реальности Р-3, полученные в результате формопорождения при взаимодействии с реальностью Р-1, обратно на реальность Р-1, что приводит к «восприятию» действительности или реальности Р-2. Таким образом, и великий мастер, и космонавт Леонов были далеки от истины – восприятия реальности Р-1.

Различие между проецированием и отождествлением состоит в том, что проецирование - это всегда «проецирование внутреннего во вне», а отождествление - это всегда «отождествление внешнего с внутренним». Это взаимосвязанные процессы, но условно можно выделить их последовательность: проецированием концептуально создается внешняя реальность Р-2, наделяя ее перцептивными компонентами, а затем благодаря отождествлению эта реальность осознается и включается в определенный смысловой контекст, соответствующий внутреннему опыту и состоянию субъекта. В первом случае мы имеем дело с представлениями, выраженными через модальности репрезентативных систем и их субмодальности, а во втором случае - с ценностями, убеждениями, эмоциями, чувствами и т.д., выраженными через соответствующие лингвистические структуры.

Если под Р-2 подразумевать конкретного человека, его реакции и внешнее поведение (ВП) в ситуации, а под Р-3 - его же внутреннее состояние (ВС), включающее в себя образы, чувства, мысли, убеждения, ценности и т.д., то из вышеприведенных формул можно вывести формулу М. Холла и Б. Боденхамера [Холл, Боденхамер, 2006, с. 110], современных разработчиков нейро-лингвистического программирования и нейросемантики, которая ими успешно применялась для анализа

практических возможностей изменения сознания (смыслов и убеждений):

ВП →/= ВС

Вербально формула звучит следующим образом: «внешнее поведение причинно зависит, означает или равно внутреннему состоянию». То есть это уравнение кодирует смыслы каузальности, эквивалентности и тождества, используемые затем для вывода рамок (фреймов), управляющих линиями сознания человека, что может послужить основой для проведения изменений техниками рефрейминга.

Изучая объекты Р-2, человек хочет проникнуть в их сущность и ответить на вопросы что это такое, как оно устроено? В конечном итоге, все сводится к одному вопросу: как устроен *на самом деле* окружающий нас мир. Из многочисленной научной литературы на эту тему видно, что в этом «на самом деле» скрыто страстное желание человека проникнуть за черту возможностей восприятия в неосознаваемые трансцендентные реальности Р-1 и Р-4 и, исключив, по мере возможности, свой собственный субъективизм, создать истинный образ Вселенной (в этом, одновременно, и целевая функция эволюции природы). Это сфера, в частности, научного сознания, необходимого природе для познания и понимания самой себя. А в этом процессе существенную роль играют многократные отождествления осознаваемых феноменов с возможными моделями их описания и объяснения, приводящие ко все более совершенным и точным моделям реальности со все меньшей долей субъективизма - «мистических сопричастностей» и «интеллектуальных извращений».

Кроме того, отождествление в процессе восприятия выполняет еще одну важную функцию - оно необходимо для «остановки» динамичного и изменяющегося мира, фиксации момента восприятия и придания ему определенного смысла, что обычно и делает человек сначала в субмодальностях восприятия, затем в понятиях, обозначающих ощущение, чувство или образ, и, наконец, при выборе фрейма восприятия, придающего определенный смысл и значение всему воспринятому.

Таким образом, мы показали аспекты отождествления, необходимые и ограничивающие познавательные возможности человека. В контексте, например, НЛП ставится задача заменить негативный процесс отождествления, в основе которого лежит негативный образ из Р-3, позитивным процессом отождествления, предварительно создав внутренний позитивный образ проблемного события в уже решенном виде (человек, ситуация, телесное ощущение, чувство, мысль).

На рис. 3 приведена схема психического отражения с учетом модели мира и реальностей, в которой существует человек и его сознание.

Из этой схемы восприятия видно, что реальность Р-1 воздействует на человека, в результате чего в Р-3 порождаются образы репрезентативных систем и ощущения, образующие модель мира. Но сознание «отражает» и реагирует не на реальность Р-1 и не на реальность Р-3 (в случае открытых глаз), а на спроецированную на Р-1 модель мира из Р-3 (она обозначена на схеме пунктирным кругом), которая воспринимается сознанием как реальность Р-2, объективно существующая вне человека. А это и означает неосознаваемое человеком отождествление модели мира с миром (на схеме оно обозначено знаком равенства).

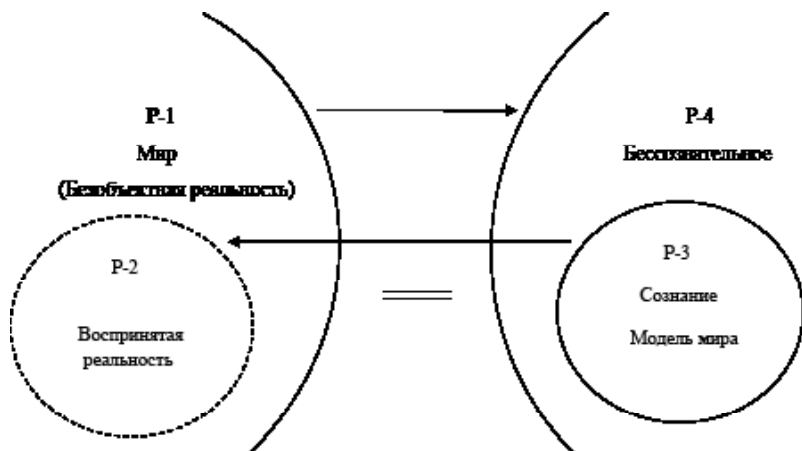

Рис.3. Схема процесса восприятия в концепции «четырех реальностей».

В психотерапевтическом контексте это означает, что для изменения эмоционального или поведенческого отношения человека к реальности необходимо и достаточно изменение его модели мира. Психотерапия возможна именно благодаря тому, что сознание человека реагирует не на действительность, а на модель этой действительности, спроецированную во вне. Таким образом (то есть способом изменения модели мира) работает и НЛП, и все остальные виды психотерапии, но, пожалуй, только в НЛП так ясно осознается значение модели мира и так непосредственно используется для решения психологических проблем. С другой стороны, если учесть, что реальность, воспринимаемая человеком, полностью соответствует содержанию его сознания и бессознательного, то можно утверждать, что изменение модели мира конкретного человека повлечет за собой соответствующее изменение реальности, в которой он живет и действует. Это надо понимать буквально, и в этом нет никакой мистики – действует принцип психологической относительности реальности. А в этом случае можно говорить не только об изменении эмоциональных и поведенческих реакций человека, но и об изменении его судьбы.

Заключение

Таким образом, анализ методологических ресурсов трансцендентальной рациональности, используемых при исследовании процесса восприятия, выявил новые возможности понимания основных характеристик этих ресурсов. Оказалось, что психология восприятия существенным образом зависит от того, как мыслится воспринимаемая реальность или воспринимаемый мир. Вопрос, поставленный в начале 80-х годов прошлого столетия С.Д. Смирновым, о том, «...как понимается сам «мир»; от какого «объективного мира» должен отправляться анализ» [Смирнов, 1985, с.10], был решен им в контексте традиционной парадигмы деятельностного подхода. Поэтому основные составляющие процесса восприятия (объект и субъект) сохранили свои прежние значения, что не

позволило выйти за пределы ограничений теории деятельности. В трансцендентальной парадигме тот же вопрос получил совершенно другое решение, выраженное в философском тезисе А.И. Миракяна о «ничто», возникшем из критики продуктного подхода и идеи о порождении: изначально (в «ничто») нет и не может быть представления об объекте, имплицитно содержащемся в понятиях «отражение» и «восприятие» в их традиционном понимании. Поэтому трансцендентальная психология – это психология порождения, наука о том, как порождаются психические явления, наука, изучающая особенности до-феноменальной реальности, что может быть осуществлено лишь при реализации трансцендентального типа рациональности.

Как было показано выше, новое понимание о реальности, существующей вне феноменов восприятия, вне сознания, повлекло за собой новое понимание смысла теоретических конструкций: «реальность», «объект», «образ», «адекватность восприятия». А так как психотерапия, имеет непосредственное отношение к этим понятиям и соответствующим им явлениям (обобщенных в понятии «модели мира»), то оказалось возможным создание специфической методологии психотерапевтического воздействия, опирающейся на основополагающие идеи трансцендентальной парадигмы.

Однако этим не ограничиваются возможности использования методологических ресурсов трансцендентальной рациональности. В последнее время наблюдается тенденция к расширению области ее приложений [Психология...].

Кроме того, так как в трансцендентальной психологии центральное место занимает формирование представлений о картине мира, то становится необходимым образование междисциплинарных связей с философией ([Акопов, 2017], [Мазиллов, 2017]), в особенности, с метафизикой как разделом философии [Нагдян, 2015, 2017] и с физикой. Обращение к физике связано с тем, что конкретные представления о картине мира создаются именно в физике (Птолемей, Коперник, Ньютон, Эйнштейн, Бор, Эверетт и др.), поэтому обращение к концепциям мира,

сформулированным в современной теоретической физике, поиск аналогий и параллелей в психической реальности может иметь эвристическое значение для определения закономерностей и принципов порождения, необходимых для решения проблем трансцендентальной психологии [Нагдян, 2010, 2014, 2015].

Основной вывод данного исследования состоит в том, что классическая, неклассическая и постнеклассическая типы рациональности недостаточны для решения глубинных проблем психологии, связанных с поиском принципов и закономерностей, порождающих психические феномены процессов. Решение подобных задач, которое до настоящего времени было невозможно найти через эмпирические методы, связано с применением трансцендентального (априорного) образа мышления. Поэтому можно ввести понятие о трансцендентальном типе рациональности, дополняющем классификацию известных типов научной рациональности, существующей в современной философии науки.

Список литературы

1. Нагдян Р.М. Образы реальностей // Сборник научных статей. Ер.: ЕГУ, 2003. С. 179-191.
2. Нагдян Р.М. Психологический релятивизм реальности. Психология философии. – Ер.: Изд «Айастан», 2009. – 104 с.
3. Нагдян Р.М. Метафизический подход к методологии исследования психического отражения реальности. Дисс. док. пси. наук. Ер., 2015.
4. Нагдян Р.М. Загадка психики: трансцендентальная психология и метафизика. Ер.: Лусабац, 2017, - 424 с.
5. Юнг К.Г. Тайнство воссоединения. Минск: ООО Хорвест, 2003. – 576 с.
6. Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии. М.: Изд. ИП РАН, кн,1, 1999.

7. Ермошин А.Ф. Вещи в теле (психотерапевтический метод работы с ощущениями). М., 1999. – 314.
8. Косслин С. Мысленные образы // Когнитивная психология: история и современность / Под ред. М. Фаликман и В. Спиридонова. М. 2011. С. 97-109.
9. Гостев А.А. Психология вторичного образа: субъект, феноменология, функции. Дисс. док. пси. наук, СПб, 2001.
10. Сартр Ж.П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. СПб.: Наука, 2001. – 318 с.
11. Андреас К., Андреас С. Сердце разума (практическое использование методов НЛП). М., 1997. – 248 с.
12. Андреас К., Андреас С. Измените свое мышление и воспользуйтесь результатами. М., 1999. – 259 с.
13. Колерс П. Некоторые психологические аспекты распознавания образов // Распознавание образов. М., 1970. С. 16-87
14. Рок И. Введение в зрительное восприятие. Т. 2. М., 1980. – 51 с.
15. Lippman W.C. 19. Public Opinion. N.Y., 1965.
16. Фрейд З. Толкование сновидений. Мн.: ПОПУРРИ, 2000. – 576.
17. Гроф Ст. За пределами мозга. М., ООО «Издательство АСТ», 2001. – 504 с.
18. Менегетти А. Образ и бессознательное. Учебное пособие по интерпретации образов и сновидений. – М.: ННБФ «Онтопсихология», 2004. – 464 с.
19. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974. – 450 с.
20. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1927. – 289 с.
21. Дмитриева Н.И. Краткая история искусств. М., 1968. – 326 с.
22. Тутунджян О.М. Психологическая концепция Анри Валлона. Ер., 1966. – 279 с.
23. Юнг К.Г. Психология и алхимия. М. – К., 1997. – 437 с.
24. Korzybski, Alfred, Science and Sanity: An Introduction to Non-Aristotelian Systems and General Semantics (5thed) Lakeville, CN: International Non-Aristotelian Library Publishing Co., 1941/1994.

25. Погосян Р.А. К подходу изучения психологии дедуктивно-умозаключающего мышления (методологический анализ) // Психология восприятия: трансцендентальная перспектива / Сборник научных статей под ред. Р.М. Нагдяна и В.И. Панова. Ер.: Наири, 2017. С. 261-292.
26. Холл М., Боденхамер Б. Как оказывать влияние на людей. М., АСТ-Астрель, 2006. – 509 с.
27. Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М.: Изд. Московского университета, 1985. – 230 с.
28. Акопов Г.В. Значение концепции А.И. Миракяна в обосновании созерцания как дополнительной к деятельности категории психологии // Психология восприятия: трансцендентальная перспектива / Сборник научных статей под ред. Р.М. Нагдяна и В.И. Панова. Ер.: Наири, 2017. С. 14-26.
29. Мазиллов В.А. Философия и психология: юбилейные размышления // Психология восприятия: трансцендентальная перспектива / Сборник научных статей под ред. Р.М. Нагдяна и В.И. Панова. Ер.: Наири, 2017. С. 99-125.

Пространство, время и движение – парадигмальные сдвиги¹⁹

В.И. Панов

В работе показано влияние физических представлений о пространстве, времени и движении на психологические исследования восприятия. Приведены данные экспериментального изучения формирования понятий о времени и скорости, проведенного Ж. Пиаже по просьбе А. Эйнштейна. Обозначены онтологическая, физикально-абсолютная и физикально-относительная парадигмы представления о времени. На примере апорий Зенона показана методологическая ограниченность гносеологической парадигмы в психологии восприятия. Утверждается, что человеческое мышление не способно к непосредственному осмыслению времени, так как представление о длительности опосредуется в нашем мышлении представлениями о пространственности. Как альтернатива гносеологической парадигме, излагаются принципы трансцендентальной парадигмы психологии восприятия А.И. Миракяна: формопорождения и структурно-процессуальной анизотропности. В качестве примера реализации этих принципов дается описание порождения пространственности и длительности на непосредственно-чувственном уровне восприятия. Делается вывод о том, что в методологическом плане психологию и физику объединяет общность методологических поисков, необходимых для понимания пространства, времени и движения. В перспективе должен произойти парадигмальный сдвиг: от гносеологической парадигмы в сторону онтологической парадигмы, а также от приоритета физических представлений в сторону психологических представлений о пространстве и времени.

¹⁹ Вестник РУДН. Серия: Социальная философия, 2017. Т. 21. № 4. С. 572-581. DOI: 10.22363/2313-2302-2017-21-4-572-581. Работа выполняется при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ), проект № 16-06-00574а.

Ключевые слова. Пространство, время, движение, физические представления, психология восприятия, парадигмы, трансцендентальная психология восприятия, формопорождающий процесс.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема и значение разного понимания пространства, времени и движения как фундаментальных свойств окружающего мира и как понятий, задающих ту или иную парадигму (способ) исследовательского мышления, многократно анализировалось представителями философии, физики, психологии и других научных дисциплин [10].

Цель данной статьи заключалась в том, чтобы еще раз вернуться к этой проблеме «на стыке» психологии и физики. Дело в том, что соотношение психологии и физики как научных дисциплин носит исторически давний и в определенном смысле парадоксальный характер.

С одной стороны, начиная с эпохи Нового времени становление психологии как самостоятельной науки происходило и продолжает происходить под мощным влиянием физики как классического образца научного исследования: от научной логики исследовательского мышления до критериев достоверности экспериментальных результатов. В качестве иллюстрации приведу только два примера. Первый — это парадигмальный переход от классической психологии восприятия, построенной в контексте «атомарно»-ассоциативной логики классической (механистической) физики [3 и др.], к гештальтпсихологии восприятия, которая построена в контексте «полевых» динамических взаимодействий, привнесенных в психологию из теории относительности и квантовой механики [15 и др.]. Второй пример мы наблюдаем сейчас, когда физика, точнее сказать — философия физики, на современном этапе ее развития переживает парадигмальное осмысление своих методологических позиций в направлении «классическая физика — неклассическая физика

— постнеклассическая физика». И вслед за этим, как отражение этого процесса появляется целый ряд методологических работ в психологии, анализирующих развитие психологии в том же направлении: классическая, неклассическая и постнеклассическая парадигмы в психологических исследованиях

С другой стороны, такие базовые для физики понятия и категории, как пространство, время, движение, скорость, взаимодействие и т. п., до сих пор относятся к числу психологических проблем, пока не имеющих общепринятого научно-психологического решения. Несмотря на тысячи исследований по психологии восприятия и две тысячи лет их истории, проблема психических механизмов, обеспечивающих порождение пространства, времени, движения продолжает решаться на уровне феноменов восприятия и разного рода эмпирических данных, представляющих резульативный, «продуктивный» уровень (срез) психических актов [1; 11].

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИСЛЕДОВАНИЯ ВОСПРИЯТИЯ СКОРОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ВРЕМЕНИ

А что думают по этому поводу физики в лице А. Эйнштейна?

Оказывается, физики сами затрудняются ответить на такие «простые» вопросы, как «Что такое движение, скорость и время?». Для подтверждения приведу краткий анализ исследования восприятия времени и скорости, которое было проведено Ж. Пиаже по просьбе А. Эйнштейна. Знаменательна аргументация Эйнштейном этой просьбы: «во-первых, в силу того, что в физике связь этих понятий образует порочный круг (скорость определяется временем и пространством, а время измеряется только при помощи скорости), и, во-вторых, в силу того, что в классической механике время является более непосредственным и элементарным понятием, чем скорость, тогда как в теории относительности время зависит от скорости» [12. С. 10].

Если обратиться к психологическим исследованиям движения, скорости и времени, то мы обнаружим аналогичную понятийную неопределенность, когда одни перцептивные феномены объясняются через результаты отражения в непосредственно-чувственном процессе других феноменов восприятия движущегося объекта. Чаще всего уже воспринятого «пространственного положения» движущегося объекта относительно «пространственного положения» других объектов или самого наблюдателя (его глаза). Но чтобы было воспринято «пространственное положение» объекта, должна быть воспринята его «форма» (т.е. тоже «пространство»). И в то же время восприятие «формы» зависит от того, находится данный объект в движении или он неподвижен, а для этого должно быть воспринято «движение» (или «неподвижность») этого объекта. В результате мы вернулись к тому, с чего начали, — к восприятию «движения»: движется или неподвижен данный объект восприятия.

Но вернемся к исследованию, проведенному Ж. Пиаже по просьбе А. Эйнштейна. Проведя исследования формирования понятий и восприятия времени и скорости, он пришел к двум выводам: «1) Существует первичная интуиция скорости, которая не зависит от длительности (но, естественно, зависит от порядка пространственной или временной последовательности): это интуиция “обгона”, выражающаяся в том, что тело А воспринимается движущимся быстрее, чем В, если вначале оно было сзади и затем оказалось впереди его; ... 2) Формирование восприятий и понятий длительности, наоборот, предполагает всегда отношение к скорости (скорость-движение, скорость-частота, ритм и т. д.) в том, что касается прожитого времени, как такового времени, которое оценивается через посредство внешних явлений», [12. С. 10-1].

Т.о., согласно Пиаже, в основе первичной интуиции скорости лежит чисто порядковое отношение, содержащее по крайней мере две операции: 1) восприятие того, что вначале тело А было сзади тела В, и 2) восприятие того, что затем тело А оказалось впереди тела В. Как видим, Пиаже рассматривает

скорость (движение) более первичным, чувственно более ранним перцептивным образованием, чем длительность (время). При этом он не опирается на физическое определение движения. Но каждая из указанных им операций представляет собой установление пространственных отношений между данностью таких продуктов восприятия движущихся объектов, как: воспринятое «тело А», воспринятое «тело В», воспринятая «пространственная локализация» того и другого, а также восприятие «пространственного отношения» между ними: «сзади», «спереди».

Аналогичный отказ от явного использования механистического понимания движения в качестве исходного основания при изучении восприятия движения и переход на «операциональное» представление процесса восприятия движения можно увидеть в подходах, предлагаемых и другими исследователями восприятия.

Так, Дж. Гибсон [3. С. 42] предлагает рассматривать «Движение в окружающем мире» «не как изменение положения точек» в соответствии со взглядами Исаака Ньютона, а «в виде изменений структуры». При этом он обращает внимание, что и при стробоскопическом и при действительном движении объекта порядок его воздействия одинаков на сетчатку глаза, например, «лево–право», «до–после». На основании этого он делает вывод, что стимулом для восприятия движения может выступать упорядоченность воздействия на сетчатку глаза, а не собственно «движение» объекта. Нетрудно заметить, что здесь мы имеем дело с вариантом той же логики абстрактно-логического расчленения движения объекта на отдельные его пространственные позиции (локализации), но спроецированные на сетчатку глаза.

То в отличие от многих других исследователей восприятия движения, Пиаже и Гибсон понимали, что нельзя понять порождение представлений о пространстве, времени и движении (скорости), опираясь на их физическое понимание. Но в итоге им пришлось логически «расчленять» движущийся объект на его пространственную и временную составляющие.

Причиной этого является то, что в качестве исходных посылок используются, как правило, эмпирические данные о результатах (продуктах) свершившихся актов восприятия, для концептуализации которых используются физикальные (привнесенные из физики) представления об указанных свойствах и отношениях. Характерной особенностью этого способа мышления является использование и перенос на непосредственно-чувственный уровень психического процесса тех представлений и понятий, которые сформированы в классической и неклассической физике на основе картезианской логики «вещных отношений» и которые в парадигмальном плане реализуют *гносеологическую* парадигму исследовательского мышления в психологии.

Это было хорошо показано А.И. Миракяном и его сотрудниками на проблемах константности восприятия, восприятия формы и движения объектов и других пространственных свойствах окружающего мира [1; 7; 8 и др.]. В частности, показано, что восприятие скорости изучалось и продолжает изучаться либо исходя из физического ее понимания — как соотношения расстояния, пройденного движущимся объектом за определенный промежуток времени, либо опираясь на уже отраженные в акте непосредственно-чувственного восприятия ощущения пространственного положения (локализации) движущегося объекта [11].

АПОРИИ ЗЕНОНА И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОГРАНИЧЕННОСТЬ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДВИЖЕНИИ

Методологическая ограниченность применения гносеологической парадигмы в психологических исследованиях является в определенном смысле продолжением ее достоинства. Дело в том, что мышление в рамках этой парадигмы построено и реализует известное логическое отношение «субъект познания — объект познания», а в психологии — производные от него логи-

ческие отношения «субъект восприятия — объект восприятия», «субъект мышления — объект мышления» и т.п. Исторически такой способ исследовательского мышления восходит к разработанной еще Декартом логике мышления для научного изучения «вещных отношений», постулирующей отношения между телами (вещами), и т.п. явлений в форме *данности* их объективного существования, т.е., как говорят философы, в ставшей, уже развитой форме физического существования. Но логика «вещных отношений» Декарта, обусловившая естественнонаучный способ мышления и, более широко — гносеологическую парадигму психологических исследований, изначально была *не предназначена* для изучения условий и механизмов *порождения* (становления) явлений в форме становящейся реальности и тем более — для изучения явлений душевной, психической природы.

Методологическая ограниченность подобного способа мышления и, соответственно, гносеологической парадигмы (естественно, не в этих терминах), была замечена и использована еще античным философом Зеноном в его знаменитых апориях.

Одна из этих апорий, «Стрела», излагается Филопоном следующим образом: «Все, говорит он (Зенон — *В.П.*), что находится в равном самому себе пространстве, либо покоится, либо движется, однако двигаться в равном самому себе пространстве невозможно, следовательно, оно покоится. Стало быть, летящая стрела, находясь в каждый из моментов (“теперь”) времени, в течение которого она движется, в равном себе пространстве, будет покоиться. Но раз она покоится во все моменты (“теперь”) времени, число которых бесконечно, то она будет покоиться и в течение всего времени. Однако, согласно исходной посылке, она движется. Следовательно, движущаяся стрела будет покоиться» [6. С. 310].

Эта формулировка апории интересна тем, что определение стрелы в «каждый из моментов (“теперь”) времени» есть не что иное, как ее локализация в пространстве с помощью локализации во времени, расчленения «движение» на пространственную

и темпоральную составляющие, абстрагируя их друг от друга и от процесса их порождения в непосредственно-чувственном акте восприятия. По сути это та же логика, которую мы видели у Пиаже и у Гибсона, когда они постулируют «пространственную локализацию» объекта в качестве эмпирического основания для объяснения восприятия движения. При этом обращает на себя внимание отсутствие «времени» в указанных рассуждениях.

И здесь возникает вопрос: а как мы мыслим «время», «длительность»?

Если проделать мысленный эксперимент (т.е. мысленно представить себе «длительность»), то обнаруживается, что мы можем представлять «длительность» только в форме «пространственных отношений»: смещение стрелки часов по циферблату, сдвиг тени от солнца по земле, график в декартовой системе координат и т.п. Вследствие чего, описывая «время» («длительность» или «процессуальность»), мы подменяем его теми «пространственными представлениями», которые используем для образного представления и понятийного описания времени как «длительности». Но пространственность окружающего мира суть тоже продукт психического отражения, причем тоже в разных формах его опосредования [12].

Так, в рамках классической психологии (структурализм В. Вундта [3] и др.) постулируется абсолютный характер пространства (т. е. независимость его свойств от объектов, его заполняющих). В гештальтпсихологии, напротив, постулируется относительный характер пространства (т. е. зависимость его свойств от объектов, его заполняющих). В экологическом подходе Дж. Гибсона [5] постулируется непосредственная данность окружающего пространства как среды обитания, воспринимаемые свойства которого зависят от способа жизнедеятельности субъекта восприятия. В концепции оперативности психического отражения Д.А. Ошанина [9] пространственные свойства объекта восприятия функционально обусловлены предметным действием, вследствие чего происходит их функциональная деформация.

ПАРАДИГМЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВРЕМЕНИ И ЕГО ОПОСРЕДОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫМИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ

В итоге становится понятно, что, вопрос о «процессе восприятия времени» как объекте исследования непосредственным образом зависит от того, какой смысл вкладывает исследователь (его мышление) в понятие пространственности и тем самым в понятия времени и движения, что формирует соответствующую парадигму исследовательского мышления. Исходя из этого, можно выделить, по крайней мере, три такие парадигмы понимания времени [12].

Онтологическая парадигма, когда мышление человека не отягощено рассуждениями и рефлексией того, что есть пространство и время как реальности, требующие восприятия, осмысления и познания. Бытие времени и человек как субъект бытия времени онтологически (в своем собственном бытии) совпадают друг с другом и потому в познавательном (гносеологическом) смысле «время» не существуют.

Физикально-абсолютная парадигма мышления, когда пространство и время мыслятся как самостоятельные и даже обособленные друг от друга формы бытия. Они мыслятся как своеобразные абсолютные вместилища, в которых: (а) находятся тела (живые и неживые объекты разного масштаба) и, соответственно, происходят те или иные события, и (б) свойства которых не зависят от свойств объектов (событий), их заполняющих, а также и от свойств субъекта-наблюдателя. Бытие времени здесь абстрагировано от бытия пространства и от реального бытия субъекта-наблюдателя и не зависит от последнего. В предельной форме эта парадигма нашла свое выражение: в апориях Зенона, в геометрии Евклида, в классической физике Ньютона, в философии Нового времени и позже — от «правил для ума» Декарта до постулирования Кантом пространства и времени в качестве априорных категорий нашего мышления. Наконец, в психологии — в классической психологии [3 и др.] и их современных вариациях [14 и др.].

Физикально-относительная парадигма, когда пространство и время представляются как реальности, которые физически (в данном случае — объективно) не существуют раздельно друг от друга, а, напротив, образуют единую форму бытия, некий «континуум». Причем пространственно-временные свойства этого континуума существенным образом зависят от гравитационных, динамических и тому подобных свойств заполняющих их объектов и (!) от скорости движения субъекта-наблюдателя. В микро- и мегамасштабах пространство-время бытия характеризуется криволинейностью, в пределе доходящей до спиралевидности. В дополнение к линейным взаимодействиям (предмет и исходная предпосылка классической физики) приходит представление о полевых взаимодействиях. Как известно, этот способ мышления восходит корнями к теории относительности Эйнштейна. Принципиально, что именно здесь открылась ограниченность человеческого восприятия и мышления для познания пространственно-временных свойств бытия, что нашло выражение в разного рода физических парадоксах и появлении принципов неопределенности, дополнительности и эффекта наблюдения [2; 4 и др.]. В психологии такое понимание пространства и времени послужило парадигмальным основанием гештальтпсихологии [15 и др.].

Несмотря на различие двух последних парадигм в понимании времени, они имеют общую методологическую предпосылку — в качестве исходных эмпирических оснований способа мышления принимаются пространственно-временные свойства окружающего мира, выраженные в продуктах их непосредственного восприятия. Вследствие чего они (в первую очередь, пространство, время, движение) представлены в нашем мышлении по отдельности друг от друга, абстрагированные от процесса их порождения в перцептивном акте и опосредованные мыслительным уровнем их анализа.

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ВОСПРИЯТИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОСТИ, ДЛИТЕЛЬНОСТИ И ДВИЖЕНИЯ

При этом возникает вопрос: а можно ли сделать предметом исследования собственно процессуальную сторону порождения восприятия пространства, времени и движения, не используя в качестве исходных предпосылок эмпирические данные и теоретические предпосылки, основанные на феноменологической данности продуктов уже свершившихся психических актов или построенных на них теоретических представлений и понятий?

Именно этот вопрос послужил причиной разработки А.И. Миракьяном [7; 8] трансцендентальной парадигмы психологии восприятия. Согласно этой парадигме, восприятие и психическое отражение в целом должны рассматриваться как природная форма бытия, возможность порождения которой обеспечивается принципами формопорождения (самопорождения-самосохранения-саморазрушения) и структурно-процессуальной анизотропности (по выражению Миракьяна: «единости, содержащей в себе различие»). Образование структурных анизотропных отношений происходит между элементами рецепирующего поля данного органа чувств (например, между рецепторами сетчатки глаза). Процессуальные анизотропные отношения образуются между последующим и предшествующим дискретными формопорождающими актами (микро- и макро-) психического процесса. Причем предшествующий акт выполняет по отношению к последующему своеобразную антиципирующую роль.

Эти принципы имеют трансцендентальный характер по отношению к процессам восприятия, ибо они обуславливают как возможность порождения разнообразных форм материи, так и возможность возникновения психического отражения на определенной ступени ее саморазвития, причем независимо от модальности отражающей системы. Примером воплощения принципа структурно-процессуальной анизотропности в живых системах служит структурная симметрия и одновременно

функциональная асимметрия работы парных органов чувств у человека и других биологических видов живых существ.

С точки зрения этой парадигмы порождение пространственности происходит следующим образом. Первоначально порождается как идентичная самой себе последовательность сосуществующих (завершенных и незавершенных) формопорождающих микроактов, выражающих процессуальное состояние самой отражательной системы. Это состояние затем становится ее свойством, антиципирующим дальнейшее осуществление формопорождающего процесса. Начавшись, формопорождающий акт «стремится» к своему естественному завершению. Поэтому он имеет свою длительность, которая начинает выступать в качестве единицы дискретности (квантования) непосредственно-чувственного процесса восприятия на формопорождающие акты и, тем самым, выступать в качестве непосредственно-чувственной основы порождения ощущения длительности [1]. Чем более незавершенными оказываются сменяющие друг друга формопорождающие микроакты, тем менее четкой (смазанной) воспринимается форма движущегося объекта и тем более быстрым воспринимается его движение. Это означает, что последовательность сосуществующих (завершенных и незавершенных) формопорождающих микроактов выступает непосредственно-чувственной основой для порождения и пространственности (пространства и пространственной формы), и скорости движущегося объекта, и длительности (времени) его восприятия [11].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В итоге можно сказать, что, несмотря на явные различия между физикой и психологией как разными научными дисциплинами, в методологическом плане их объединяет общность методологических поисков, необходимых для понимания пространства, времени и движения как разных сторон единого бытия и как разных понятий, опосредствующих наше восприятие и мышление.

В перспективе, сдвиг в сторону трансцендентальной парадигмы должен привести к своеобразной методологической инверсии. Вместо переноса физикальных методов научного познания на изучение психики (и соответствующую редукцию психического к тем или иным формам бытия) должен будет произойти методологический перенос принципов изучения и формопорождения психической реальности на изучение других видов реальностей природного бытия, например, реальностей микромира и мегамира (физика), а также растительной и животной форм жизни (биология).

ПРИМЕЧАНИЯ

Работа выполняется при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ), проект № 16-06-00574а

Список литературы

- [1] А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции (30 ноября – 1 декабря 2010 г.) / под общ. Ред. Н.Л. Мориной, В.И. Панова, Г.В. Шуковой. М. : УРАО «Психологический институт»; Обнинск: ИГ–СОЦИН, 2010.
- [2] Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М. : Издательство иностранной литературы, 1961.
- [3] Вундт В. Основы физиологической психологии. СПб., 1912. Т. 2.
- [4] Гейзенберг В. Философские проблемы атомной физики : Пер. с англ. и предисл. ко 2-му изд. Н.Ф. Овчинникова. М.: УРСС, 2004.
- [5] Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М. : Прогресс, 1988.
- [6] Зенон // Фрагменты ранних греческих философов. Ч.1, М.: Наука, 1989. С. 298-314.

- [7] Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии (книга 1). М. : Издательство «Институт психологии РАН», 1999.
- [8] Миракян А.И. Контуры трансцендентальной психологии (книга 2). М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2004.
- [9] Ошанин Д.А. Предметное действие и оперативный образ. М. - Воронеж, 1998.
- [10] Павленко А.Н. «Пространство времени» (SoT) или «время пространства» (ToS): комментарий на модель времени Г. фон Вригта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2017; 21(2):179-191.
- [11] Панов В.И. Непосредственно-чувственный уровень восприятия движения и стабильности объектов // Вопросы психологии. 1998, № 2. С. 82-107.
- [12] Панов В.И. Парадоксы изучения психики и возможность их преодоления // Национальный психологический журнал, 2011, № 1(5). С. 50-54.
- [12] Пиаже Ж. Психология, междисциплинарные связи и система наук // XXV111 Международный психологический конгресс. М., 1966.
- [14] Рок И. Введение в зрительное восприятие. М. : Педагогика, 1980.
- [15] Wertheimer M. Drei Abhandlungen zur Gestalttheorie. Erlangen: Verlag Philosoph. Acad., 1925.

Восприятие времени в концепции А.И. Миракяна и работах его последователей²⁰

А.В. Солодкова

Одним из наиболее значимых исследователей XX века можно с уверенностью назвать Аршака Исраеловича Миракяна – основателя принципиально нового направления в психологии, названного им трансцендентальной психологией, изучающей психические процессы не по конечным, уже отраженным продуктам, а уделяющей главное внимание закономерностям процесса отражения, порождающего эти продукты. Работы А.И. Миракяна в основном посвящены изучению восприятия, но вместе с тем, они настолько глубоки, что могут дать ответы и на другие вопросы, связанные с различными проблемами как психологии, так и философии. Его творчество является источником вдохновения как уже состоявшихся ученых, так и только начинающих свой путь в психологии.

Во всех работах А.И. Миракяна прослеживается одна и та же идея, гипотеза, оформившаяся в конечном итоге в собственную теорию. Ф.Т. Михайлов в предисловии к монографии «Контуры трансцендентальной психологии» (книга 1) так характеризует А.И. Миракяна-исследователя: «Глубокий теоретик и великолепный экспериментатор – остается верен первоначальной гипотезе, с каждым годом, каждой новой публикацией превращая ее в органично целостную теорию» [Миракян, 1999, с. 3].

Начав свои исследования с изучения константности восприятия, которая при традиционном подходе к изучению восприятия считалась его фундаментальным свойством, А.И. Миракян пришел к выводу о том, что на самом деле восприятие по своей природе константно-аконстантно. При этом «константное» и «аконстантное восприятие» понимаются им как разные

²⁰ Сб.: «Психология восприятия: трансцендентальная перспектива / Под ред. Р.М. Нагдяна и В.И. Панова». Ер., НАИРИ, 2017. С. 293-321. 376

способы восприятия, а «константно-аконстантное восприятие» понимается как «характеристика самого процесса восприятия, обуславливающая проявление этих способов» [Миракян и современная..., 2010, с. 11].

В реальной жизненной ситуации человек использует тот или иной способ восприятия разноудаленных объектов, что позволяет оперативно отражать их в процессе деятельности (разработкой понятий «оперативности» и «оперативного отражения» ранее занимался Д.А. Ошанин [Ошанин, 1999]).

Эксперименты по изучению константности восприятия «показали возможность не только адекватного, но и неадекватного отражения физических свойств объектов в процессе их восприятия», что, в свою очередь, привело к выводу о том, что «процесс восприятия характеризуется переменчивостью в различные моменты отражения пространственных свойств и отношений объектов при физическом постоянстве последних» [Миракян, 1987, с. 50-51]. Разнообразие проявления двух способов восприятия «показывает конкретные возможности использования человеком в реальной жизненной ситуации нужного способа восприятия разноудаленных объектов для их оперативного отражения в процессе деятельности» [А.И. Миракян и современная..., 2010, с. 26]. Фиксация взгляда при этом является средством переключения способов восприятия [там же, с. 13].

Проведя глубокое теоретическое исследование проблемы константности и анализ философско-методологических оснований способа мышления исследователей восприятия, А.И. Миракян сделал вывод о том, что философами, психологами, физиологами и кибернетиками игнорировался функционально-гибкий аспект изучения восприятия. Это привело его к необходимости изучения полифункциональности процессов восприятия как возможности осуществления константно-аконстантного восприятия, а также восприятия глубины, перспективы, удаленности, скорости и других пространственных свойств и отношений объектов.

Исходя из предложенного понимания полифункциональности отражающей системы, А.И. Миракян строит концепцию

трансцендентальной психологии, опираясь при этом на естественно-природные принципы отражающей системы, такие как: структурно-процессуальная анизотропность, пространственно-временная дискретизация, сопредставленность. Эти принципы лежат в основе процессов порождения психического отражения, вместе с тем являясь независимыми по отношению к непосредственным эмпирическим продуктам психического отражения.

Термин «трансцендентальное» по своему смыслу означает порождаемое субъектом. По словам Ф.Т. Михайлова, «Аршаком Миракяном была заложена его собственная нетривиальная идея: восприятие возможно тогда и только тогда, когда жизненная активность живого реализует себя как порождающий, формообразующий процесс... Психика животного, психика ребенка и психика взрослого человека в действительности своей есть не что иное, как перманентное самопорождение» [Миракян, 1999, с. 6-8]. При этом объектом изучения становится именно процесс порождения психического отражения, его природные принципы и закономерности. А.И. Миракяна интересует, как возможно само отражение.

Под руководством А.И. Миракяна в лаборатории моделирования психических процессов Психологического института проводилось изучение непосредственно-чувственного восприятия. Сотрудниками лаборатории изучались принципы порождающего восприятия в осязании (Н.Л. Морина, Т.С. Погорельцева), порождения движения в зрительном восприятии (В.И. Панов), осязательного и зрительного восприятия пространственной протяженности (Т.С. Погорельцева, Г.В. Шукова), пространственно-акустической анизотропности в слуховом восприятии (А.М. Зальцман), восприятия движения объектов в глубину (А.Н. Андреев), формопорождения в зрительном восприятии (В.И. Козлов) и др. Проведенные исследования подтверждали выдвинутую А.И. Миракяном гипотезу об универсальности афизикальных принципов, применимость его теории к различным модальностям восприятия и не только восприятия. Так, например, А.А. Хананян исследовала особенности про-

цесса восприятия при усвоении понятий, используя при этом основные принципы концепции А.И. Миракяна [Принципы..., 1992]. Г.В. Шукова с позиций трансцендентальной психологии изучала порождающий процесс речи. По ее словам, «применение афизикальной методологии не должно ограничиваться кругом перцептивных проблем, поскольку афизикальные принципы приложимы к изучению любого вида психического отражения, когда он рассматривается как порождающий процесс» [там же, с. 213].

Изучая процессы формопорождения в зрительном восприятии, В.И. Козлов пришел к выводу о том, что формопорождающий процесс может служить непосредственно-чувственной основой восприятия времени. В своей статье «Формопорождающий процесс и непосредственно-чувственное восприятие времени» [Козлов, 2010] он развивает эту мысль, анализируя и другие работы по восприятию времени. По мнению В.И. Козлова, большинство работ, посвященных этой теме, описывают феномены, продукты уже произошедшего восприятия, сам же процесс остается вне поля зрения исследователей.

Остановимся более подробно на имеющихся представлениях традиционной психологии о восприятии времени.

Проблема восприятия времени в психологии является одной из наиболее важных и одновременно одной из наименее разработанных. Под восприятием времени обычно понимается субъективное отражение длительности, скорости протекания и последовательности реальных явлений.

Одна из трудностей изучения восприятия времени связана с тем, что для этого процесса у человека нет ни очевидных сенсорных рецепторов или органов, ни каких-либо непосредственно наблюдаемых ощущений, вызываемых специфическими стимулами, связанными со временем. Надеюсь обнаружить «ощущение времени», сопоставимое с другими модальностями ощущений, психологи пришли к выводу о том, что ощущение течения времени, вероятно, является не простой функцией, а возникает в результате сложных процессов обратной связи, которую мы получаем из внутренней и внешней среды.

Существует мнение, что наиболее точную дифференцировку промежутков времени дают кинестетические и слуховые ощущения. Этой точки зрения придерживались, в частности, И.М. Сеченов, А.Р. Лурия, Д.Г. Элькин [Элькин, 1951; 1962; Леонов, Лебедев, 1968; Лурия, 2006; Козлов, 2010 и др.]. И.М. Сеченов называл слух измерителем времени, а слуховую память — памятью времени. Для него ощущение времени носит характер тягучести, благодаря чему он соотносит его со слуховым ощущением. По мнению И.М. Сеченова, характер тягучести также носит и мышечное чувство, и обонятельные, и вкусовые ощущения, они также соотносятся с восприятием времени.

Придерживаясь точки зрения о приоритете слухового и кинестетического анализаторов в восприятии времени, А.Р. Лурия так начинает раздел о восприятии времени в своих «Лекциях по психологии»: «Если после обсуждения основных законов осязательного и зрительного восприятия мы должны были остановиться на психологических законах восприятия пространства, то после обсуждения основных законов слухового (и двигательного) восприятия мы должны кратко остановиться на психологии восприятия времени» [Лурия, 2006, с.44].

Вслед за И.М. Сеченовым и А.Р. Лурия наиболее важным для этого процесса Д.Г. Элькин считает кинестетический и слуховой анализаторы [Элькин, 1951; 1962]. В своих работах он изучал особенности восприятия времени в различных модальностях. Им было показано, что длительные движения недооцениваются, а непродолжительные – наоборот, переоцениваются; временные особенности оконченных движений воспринимаются с меньшей ошибкой, чем неоконченных; очень большой точностью отмечено восприятие последовательности движений [Элькин, 1951].

Сходные результаты были получены им и в осязании: восприятие прикосновений небольшой длительности характеризуется некоторой переоценкой, большей — недооценкой; при этом в условиях восприятия длительности интервала между двумя прикосновениями ошибка значительно меньше и носит,

главным образом, характер недооценки; наиболее точно воспринимаются интервалы, заполненные рядом прикосновений; чем этих прикосновений больше, тем значительнее точность восприятия длительности; большая ошибка в восприятии промежутка времени наблюдается в условиях воздействия раздражителей неритмического характера [там же].

При изучении влияния болевых воздействий на восприятие времени Д.Г. Элькиным было выявлено, что эти воздействия характеризуются наименьшей точностью, в 100% случаев наблюдается переоценка длительности болевого раздражителя; несколько большую точность дает восприятие продолжительности интервала между двумя болевыми раздражителями; во всех, без исключения, случаях восприятие интервала между двумя болевыми раздражителями представляет собою некоторую недооценку.

Сравнивая различные пороги чувствительности, Д.Г. Элькин приходит к выводу, что «порог восприятия быстроты не является постоянным для всех видов чувствительности» [Элькин, 1951, с.55]. Так, найденные величины порога зрительного восприятия быстроты отличаются от величин, характеризующих слуховой порог. Переоценка быстрого темпа и недооценка медленного темпа в слуховом восприятии меньше, чем в условиях зрительного восприятия, которое дает, с точки зрения Д.Г. Элькина, значительно менее точную оценку времени. Слуховое восприятие последовательности отмечено также большой точностью.

Также Д.Г. Элькин придает большое значение процессам возбуждения и торможения в нервной системе, объясняя с их помощью выявленные им особенности восприятия времени. «Преобладающая роль возбуждения дает в деятельности рецепторного механизма хорошо известную картину последствия, выражающегося в некоторой инерции сенсорного процесса, в образовании так называемых следов. С другой стороны, преобладающая роль торможения, приводящего к выключению деятельности анализатора, вызывает явление адаптации, выражающееся в снижении функциональной спо-

собности рецептора. Сенсорное последствие и адаптация, являющиеся результатом того или иного взаимодействия возбуждательного и тормозного процессов, и лежит в основе всех констатированных нами особенностей кинестетического, кожного, слухового восприятия времени; иллюзорные моменты в восприятии времени и т.д. и т.д., — все это находит для себя объяснение, как показал полученный экспериментальный материал, в рамках указанных павловских закономерностей» [Элькин, 1951, с. 88].

Были выдвинуты и другие предположения о локализации функции восприятия времени. Так, А. Хант (Гарвардский университет) пришла к выводу, что мы «записываем» в нашей памяти события вместе с их временной протяженностью в те моменты, когда двигаем глазами [Хэммонд, 2013].

В настоящее время все чаще говорится о том, что восприятие времени является полифункциональным процессом. Так, по мнению В.П. Лисенковой, «восприятие времени, как и восприятие пространства, является полифункциональным процессом, структура которого определяется объективно существующими основными свойствами времени: длительностью, последовательностью и скоростью. Каждое из этих свойств времени требует для своего адекватного отражения определенного сочетания различных анализаторных функций» (цит. по: [Козлов, 2010, с. 135]). Именно поэтому В.П. Лисенкова в своем исследовании восприятия времени придает большое значение парной работе больших полушарий головного мозга, которая является неотъемлемой частью комплексного механизма восприятия времени. С ее точки зрения, каждое из свойств времени требует для своего адекватного отражения определенного сочетания различных анализаторных функций при обязательном участии мнемических, вегетативных и др. [Лисенкова, 1981; Лисенкова, Шапогонова, 2006]. В.П. Лисенкова считает, что процесс восприятия времени – это определенная интермодальная и полифункциональная система перцептивных действий. Исследование же его закономерностей связано с индивидуально-типическими особенностями.

Восприятие времени, несомненно, имеет физиологическую основу. Исследователи связывают этот процесс с «органическими ощущениями и ритмичностью основных процессов органической жизни – пульса, дыхания и т.д.» [Рубинштейн, 2002, с. 302]. Больные, у которых наблюдается анестезия внутренних органов, непосредственная оценка времени оказывается утраченной или сильно сниженной. «Значительную роль в «чувстве», или ощущении времени играют необратимые химические реакции в нервной системе» [там же, с. 302].

А.Р. Лурия отмечает, что в основе процессов восприятия длительности и последовательности лежат элементарные ритмические процессы, известные как биологические часы. К ним относятся ритмические процессы, протекающие в нейронах коры и подкорковых образований. Сюда же А.Р. Лурия относит такие циклические явления, как биение сердца, ритм дыхания, а для более длительных интервалов — ритмику смены сна и бодрствования, появление голода и т.п. [Лурия, 2006]. В своих работах он отмечал, что нарушения оценки времени могут служить опорными симптомами для диагностики поражений, например, при поражениях глубоких отделов височной доли и подкорковых образований, связанных с регуляцией вегетативных процессов [там же]. С точки зрения А.Р. Лурия, все перечисленные выше условия лежат в основе наиболее простых, непосредственных оценок времени: «Они могут проявляться у животных в выработке «рефлексов на время» или «запаздывающих рефлексов», и их можно изменять путем фармакологических воздействий, влияющих на вегетативную нервную систему. Последние воздействия могут быть проверены и на человеке. Так, было показано, что одни препараты (например, амфетамин, закись азота) существенно укорачивают оценку небольших отрезков времени, в то время как другие препараты (например, ЛСД) удлиняют оценку небольших интервалов времени» [там же, с. 44].

Исследования в области физиологии и психофизиологии свидетельствуют о том, что индивидуальные различия уровня интеллекта и точности восприятия времени связаны с разной

способностью нервных клеток к функциональному объединению путём синхронизации их активности на частоте гамма-ритма, путём формирования определённых фазовых взаимодействий между гамма-ритмом и другими ритмами ЭЭГ [Бушов, Светлик, 2009].

В исследованиях Х. Хогланда [Рубинштейн, 2002; Хэммонд, 2013] было показано, что на восприятие времени влияет температура тела. Так, для человека с повышенной температурой время течет медленнее, в то время как понижение температуры тела наоборот субъективно ускоряет его течение.

Были также выявлены некоторые зоны мозга, связанные с восприятием времени. Первая из них – мозжечок. При нарушениях в работе мозжечка затрудняется восприятие самых малых отрезков времени. Еще одна зона мозга, связанная с восприятием времени, – правая лобная доля или префронтальная область коры головного мозга. Обычно ее соотносят со способностью держать что-либо в рабочей памяти. Но, вместе с тем, она отвечает за оценку секундных отрезков времени. У. Меком была обнаружена связь в восприятии отрезков времени более двух-трех секунд с базальными ганглиями [Хэммонд, 2013], которые регулируют двигательную функцию, используя дофамин, «тормозя» мышечные импульсы. Б. Крейгом была обнаружена связь восприятия времени с передней частью островковой доли, которая также дает представление о самочувствии, отвечает за бессознательные психические реакции, такие как отвращение или влюбленное волнение [там же].

Однако, как подчеркивал С.Л. Рубинштейн, восприятие времени не сводится только к физиологической «висцеральной» чувствительности. Он предлагал различать в восприятии времени составляющее его чувственную основу, непосредственное ощущение длительности, обусловленное в основном висцеральной чувствительностью, а также собственно восприятие времени, развивающееся на этой чувственной органической основе.

В классической психологии описаны законы восприятия времени. Первый из них – закон заполненного временного от-

резка. Смысл его в том, что чем более заполненным будет временной интервал, и, следовательно, расчлененным на более короткие интервалы, тем более длительным он будет представляться. Восприятие длительности явлений прошлого определяется другими важными особенностями, содержанием, связями и взаимообусловленностью этих явлений. Важную роль в восприятии времени играет также «закон эмоционально детерминированной оценки времени». Он гласит о том, что время, заполненное событиями с положительным эмоциональным знаком, сокращается в переживании, а заполненное событиями с отрицательным эмоциональным знаком в переживании – удлиняется. Кроме того, наполненное событиями время для человека протекает быстрее, однако, при оценивании этого времени как прошедшего, человек часто считает его более длительным, чем оно было на самом деле [Элькин, 1951; 1962; Рубинштейн, 2002; Хэммонд, 2013].

Связь эмоциональной сферы с восприятием времени подтверждена также в исследованиях больных с нарушениями психики, например, в исследованиях Л.Я. Беленькой, Д.Г. Элькина [Элькин, 1951; 1962; Рубинштейн, 2002]. Так, маниакальные больные с повышенным тонусом эмоциональной возбудимости обнаруживали резкое недооценивание временных интервалов. Для таких больных время воспринималось как «летающее». В то же время, больные с депрессивными расстройствами, со сниженным, замедленным моторным тонусом, подавленным настроением, наоборот, обнаруживали тенденцию к переоцениванию временных интервалов, для них время «мучительно тянется» [Рубинштейн, 2002].

Также исследователей восприятия времени интересует знакомое почти каждому человеку ощущение «растягивания» времени в ситуации стресса. Так, например, в экспериментах нейробиолога Д. Иглмена [Хэммонд, 2013] испытуемых отправляли в свободное падение с крыши небоскреба. При этом на запястье испытуемых были прикреплены хронометры, показывающие произвольные числа, но так быстро, что они сливались в неясное пятно. Как отмечали потом все участники эксперимента,

время для них замедлялось, и каждое мгновение падения длилось вечность. Однако, цифры на хронометрах по-прежнему оставались неразличимы для испытуемых. На основании этого эксперимента Д. Иглмен сделал вывод о том, что ни время не замедляется в момент испуга, ни мозговые процессы, участвующие в восприятии, не ускоряются.

Как уже было отмечено выше, восприятие времени включает в себя не только восприятие временной длительности, но и восприятие временной последовательности.

С восприятием временной последовательности связаны такие понятия, как настоящее, прошлое и будущее. Однако, настоящее, как отмечают многие исследователи, не является точкой во времени, это всегда некоторый временной интервал или «момент». Попытки определить его величину, или «астрономическую длительность того интервала, который воспринимается как нерасчлененное настоящее» [Рубинштейн, 2002, с. 305], привели к тому, что был собран огромный экспериментальный материал по изучению порогов восприятия. Для разных отражающих систем он будет различным. Так, например, для зрительного восприятия была определена величина примерно в 1/18 секунды (она лежит в основе смены кадров в кинофильме) [Рубинштейн, 2002].

Вместе с тем, существуют сложные формы восприятия времени, опирающиеся на выработанные человеком «эталонные» времени – секунды, минуты. Эти формы могут совершенствоваться в процессе упражнения. Как было показано С.Г. Геллерштейном, можно довести восприятие коротких интервалов времени до удивительной точности, например, вырабатывая у людей способность отличать интервалы в 1/18 с от интервалов 1/20 с [Леонов, Лебедев, 1968].

Следует различать также восприятие коротких временных интервалов и длительных, таких как день, месяц, год.

«Продолжительность явлений, — писал И.М. Сеченов, — мы чувствуем, ибо различаем в кратковременных из них начало, середину и конец. Но нет человека на свете, который различал бы непосредственно чувством степени продолжительности яв-

лений за пределами секунд; а мыслим мы не только минутами, но годами и столетиями — и, конечно, опять в одеянии, чуждом чувствованию» (цит. по [Леонов, Лебедев, 1968, с. 87]).

В своих многолетних исследованиях Д.Г. Элькин показал, что у человека на протяжении его культурного развития происходит постепенное усвоение социальных эталонов длительности, составляющих систему временных шкал и мер. Такое опосредствование позволяет не только точнее оценивать различные интервалы, но и выходить далеко за пределы возможностей непосредственного восприятия времени. «Если проследить развитие ориентировки во времени у человека в ходе общественно-исторического процесса, то бросается в глаза, что она складывалась и формировалась в неразрывной связи с трудовой деятельностью. По существу говоря, весь путь исторического развития ориентировки человека во времени — это длинный путь развития трудовой деятельности человека, его практики», — пишет Д.Г. Элькин [Элькин, 1962, с. 212].

Можно выделить некоторые особенности ориентировки во времени в различные исторические периоды в зависимости от условий и уровней прогресса общества. Первобытный человек жил преимущественно в настоящем, прошлое и будущее были для него неясными. По мере развития общества человек столкнулся с практической необходимостью оценивать длительность значительных промежутков времени, изучать события прошлого, предвидеть будущее. Для выполнения подобного рода задач начали создаваться различные вспомогательные приемы и способы. Например, были введены так называемые точки отсчета времени. Современные приборы измерения времени, действующие ныне с точностью до миллионных долей секунды и более, прошли очень длительный исторический путь [Элькин, 1962; Козлов, 2010].

Формирование и развитие представлений человечества о времени шло значительно медленнее, чем представлений о пространстве. Так, в период раннемифологического мировоззрения человек вообще не обладал представлением о времени, и мир воспринимался им как статичный. Человек, живший в этот пе-

риод, обладал развитой интуицией времени, что позволяло ему практически ориентироваться во времени, но при этом у него отсутствовали представления, и тем более понятия времени.

Анализируя «Иллиаду» и «Одиссею» Гомера, можно прийти к выводу, что даже в этих произведениях время не имеет метрики. У Гомера еще только зарождается тенденция понимать время именно как время – день в его понимании обладает произвольной длительностью и может заполняться чем угодно. Как отмечает А.Ф. Лосев, у Гомера нет почти никакого интереса к хронологии, нет и временных рамок повествования [Лосев, 1977]. В целом, мифологическое время характеризуется нераздельностью причин и следствий во временном потоке, так как сам временной поток в мифологии представлен как нераздельная в себе цельность. Характерной особенностью такого представления о времени является, по словам А.Ф. Лосева, «чудесно-фантастический характер каждого мгновения, поскольку оно неотлично от вечности» [Лосев, 1977, с. 33], то есть представление об одновременности всех событий в мире. Человек тогда жил лишь в рамках непосредственно текущего настоящего времени. Сейчас эту особенность можно наблюдать у детей раннего возраста.

Начиная с работ древнегреческих философов, учеными ставится вопрос о существовании времени в принципе. В их работах еще сохраняются черты мифологического уровня осознания времени, однако делаются попытки вычленения времени в качестве некоторой характеристики Вселенной.

Парменид считал, что наблюдаемые изменения — это иллюзия наших органов чувств. С его точки зрения, есть бытие истинное, однородное, оно не движется, не возникает и не умирает, оно безвременно. В чувственном неистинном бытии Парменид допускал, кроме настоящего, также прошлое и будущее [Бич, 2002].

С точки зрения Гераклита, время является атрибутом мироздания, носящим непреодолимый и всеобщий характер. Все течет в неизменном потоке времени [там же]. Для Демокрита пространство было пустотой, в которой движутся атомы, и это

движение может происходить только во времени [Бич, 2002; Козлов, 2010; Лосев, 1977; Эстерле, 2001].

Платон писал в своих трудах, что время не является особой субстанцией, оно — лишь один из определителей материального мира, обусловленное движением небесных тел. Т. е. с его точки зрения, время есть функция определенных процессов материального мира. Этих же взглядов придерживался древнеримский философ Лукреций [Бич, 2002].

Аристотелем ставится проблема существования времени как некоторой самостоятельной сущности, он определяет время как меру, «число» движения. При этом оно не может существовать без души, так как лишь душа умеет считать [Лосев, 1977; Эстерле, 2001; Козлов, 2010].

Взгляды неоплатоника Плотина интересны не только сами по себе, но и тем, как они подготавливают переход от философии древнего мира к философии Средневековья. Согласно учению Плотина, время есть жизнь души, пребывающей в переходном движении от одного жизненного проявления к другому.

В работах средневековых философов происходит смещение интереса к внутреннему миру человека, используется интроспективный способ анализа. В Средневековье господствовали субъективистские оценки сущности времени.

Для Августина время проявляется в последовательности впечатлений, которые они произвели на душу. Он утверждал, что настоящее не имеет продолжительности, а будущее и прошлое существуют в душе, а не в реальности. С точки зрения Рене Декарта, длительность есть объективное определение любых процессов движения, особый атрибут, которым обладают как материальные объекты, так и психические явления. Время же конструируется сознанием при определении длительности [Бич, 2002].

Философу Нового времени Гоббсу время представляется как образ движения, как то, что происходит раньше или позже, то есть движение представляется как последовательность. Для Локка обозначению времени служит термин «продолжительность» или «длительность». По мнению Канта, время – необхо-

димое представление, которое лежит в основе всех созерцаний, это чистая форма чувственного созерцания или форма внутреннего чувства [Козлов, 2010].

В психологии изучение восприятия времени начинается с идей Спенсера. В его работах мы можем увидеть продолжение идей Канта о времени как «чистой форме»: «время вообще, — как мы знаем его, — есть абстракция всех отношений положения между последовательными состояниями сознания. Или, говоря другими словами, мы можем сказать, что оно есть чистая форма, в которой представляются и воспроизводятся эти последовательные состояния, и которая, служа в одинаковой степени для всех и каждого, независима ни от одного из них» (цит. по: [Козлов, 2010, с. 124]). Для Спенсера сознание времени ассоциируется с накоплением опыта. Т. е. только тогда, когда разнообразные отношения положения между состояниями сознания были испытаны, стали знакомыми для нас, и когда эти испытания различных отношений положения накопились, только тогда может появиться понятие о времени. Другими словами, речь идет именно об осознании времени человеком [там же].

Бергсон различает время, которым занимаются точные науки и время-переживание. При этом, согласно его представлениям, время-переживание, «чистая длительность» и есть истинное время, лежащее в основе бытия и движущееся «по образцу сознания» [там же, с. 125]. По мнению Джемса, время осознается или воспринимается наряду с протекающими процессами в сознании и их ритмами. Явления внутреннего чувства сменяются одно другим, мы осознаем их последовательность. Но ощущение времени — не просто ощущение последовательности, это «некоторое добавочное душевное явление, которое требует особого объяснения» [там же, с. 126].

Интересны взгляды Эббингауза, предполагавшего, что продолжительность — это время однородного переживания, ряд безразличных переживаний между впечатлениями — это интервал, если же величина последнего равна нулю, то можно говорить о последовательности. То есть, по сути, это одинаковые понятия, вся разница между которыми сводится к на-

правлению внимания либо на границы, либо на то, что в них заключено [там же].

По мнению Титченера, все ощущения можно локализовать во времени, как процессы, протекающие до и после некоторого данного ощущения. Одновременность ощущений возможна лишь в физическом времени, психологически же это всегда разное время [там же]. Для Вундта всякий процесс сознания обладает временными свойствами, то есть продолжительностью, но это лишь вторичное свойство. Первичным является порядок, распределение переживаний [там же]. С точки зрения теории временных знаков Липпса, в основе восприятия времени лежат воспоминания [там же].

Напротив, Г.И. Челпанов считал, что времени вообще не существует. «Оно рождается из восприятия изменений, событий, которым наше сознание от себя придает определенный порядок. Поэтому можно сказать, что существование времени обуславливается главным образом деятельностью самого сознания, внешние же события и изменения являются только поводом для образования этого понятия» [Челпанов, 1999, с. 214].

Итак, если проследить исторический путь формирования понятия «время», можно увидеть, что изначально учеными ставился вопрос о существовании времени вообще. Многие из них ограничивались описанием времени лишь как характеристикой внутреннего мира, измерением внутренних переживаний. Это прослеживается, начиная с ранних философских трудов, вплоть до недавнего времени.

Из проведенного анализа философских и психологических трудов о времени видно, что все подходы строятся (как это неоднократно отмечает в своем исследовании В.И. Козлов [Козлов, 2010]) на изучении уже свершившегося продукта восприятия. И даже если внимание исследователей обращается внутрь субъекта, все попытки изучения и осознания феномена восприятия времени осуществляются с уже свершившимися феноменами. Таким образом, мы вслед за В.И. Козловым, приходим к выводу о том, что всех авторов объединяет тот самый «продуктивный подход», который был отвергнут А.И. Миракяном [там же].

Анализ работ по восприятию времени отечественных и зарубежных психологов позволяет констатировать неизменность использования авторами продуктного подхода, что исключает возможность рассмотрения самого процесса и механизмов, приводящих к порождению восприятия времени.

В соответствии с положениями трансцендентальной психологии, разработанным А.И. Миракьяном, отправной точкой концепции порождающего восприятия является положение о полифункциональности процесса восприятия, которое игнорируется в традиционной психологии. По нашему мнению, именно это свойство восприятия необходимо учитывать при исследовании любого его вида, в том числе и восприятия времени, если оно рассматривается как порождающий процесс. Изучение того, чем и как оно обеспечивается, должно быть одной из важнейших задач психологии.

В своих работах А.И. Миракян убедительно показал, что процессы отражения необходимо рассматривать с позиций их функциональной гибкости. Традиционный, или логико-феноменологический, подход не способен объяснить принципы и механизмы, обеспечивающие полифункциональное проявление законов отражения. Содержание непосредственно-чувственного уровня рассмотрения психического отражения не может быть раскрыто через результаты восприятия, так как на этой стадии объект и его свойства ни понятийно, ни перцептивно еще не выделены.

Как и другие формы восприятия, восприятие времени должно рассматриваться как порождающий процесс, состоящий из множества самозавершающихся микроактов восприятия, он рождается именно внутри субъекта, а не отражается в нем. Человек, в зависимости от задач, выполняемых в данный момент, может воспринимать время по-разному, то есть субъективно происходит растягивание или сужение временных интервалов. Описание самого процесса восприятия невозможно через его продукты, а также с помощью таких категориальных понятий, как «секунда», «минута» и т.д.

Поиск возможности восприятия в природных особенно-

стях психического позволил А.И. Миракяну выделить такую особенность материи как анизотропность, понимаемую как неоднородность, дискретность. Основываясь на том, что отражающая система сталкивается с бесконечным разнообразием анизотропных форм материи, в каждый момент актуального процесса отражения выделяя лишь одну, процесс вычленения формы (то есть дискретного) в материи (то есть в едином) может быть назван порождающим. Отражающий организм обладает всеми возможностями материи, являясь ее частью, в том числе и возможностью порождения пространственно-временных форм материи путем дискретизации единства пространственности и времени.

А.И. Миракяном было выдвинуто предположение о том, что наряду с пространственной дискретностью строения отражающей системы существует дискретность ее функционирования во времени, обеспечивающая возможность установления отношений между процессуальными моментами формопорождения [Морина, 1992; 2010]. Другими словами, «для отражения двух воздействий одновременными необходима временная неодновременность их предъявления или дискретность во времени» [Морина, 2010, с. 128].

Понятие «функциональный диапазон», или «диапазон формопорождения», введенное А.И. Миракяном, означает минимальное время, необходимое для завершения процесса образования анизотропных отношений. Формопорождение с позиций трансцендентальной психологии понимается как понятие целостности, но не формы как геометрического понятия, со всеми атрибутами продуктивности [Принципы..., 1992; Морина, 1992; 2010].

Опираясь на понятие «формопорождение», В.И. Козлов предположил, что формопорождающий процесс может служить непосредственно-чувственной основой восприятия времени. Каждая форма имеет критическое время формопорождения, то есть минимальную длительность, необходимую для самозавершения этого процесса, при которой впервые наблюдается отчетливое восприятие его формы. Для каждого человека кри-

тическое время формопорождения является индивидуальным.

С целью проверки выдвинутой гипотезы В.И. Козловым были проведены две серии экспериментов, в первой из которых выявлялось критическое время формопорождения для разных объектов (многоугольников). Вторая серия экспериментов была направлена на исследование особенностей непосредственно-чувственного восприятия времени. С помощью полученных в первой серии данных о критическом времени формопорождения разных объектов у испытуемых, для каждого из них выставлялось время экспозиции сначала для двух одинаковых многоугольников, а затем – двух разных. Испытуемого просили сравнить время предъявления разных пар многоугольников. Оказалось, что время предъявления разных объектов воспринимается одинаковым, если оно равно критическому времени их формопорождения. Так, например, если критическое время формопорождения для шестиугольника равно 50 мс, а для семиугольника 250 мс, и время их экспозиции равно их критическому времени формопорождения, то, несмотря на объективную разницу во времени предъявления, оно воспринималось как одинаковое. В то же время, если длительность экспозиции этих же многоугольников будет равна, например, меньшему времени формопорождения (в приведенном примере это 50 мс), то время предъявления многоугольника с большим критическим временем формопорождения (в данном случае это семиугольник, 250 мс) будет восприниматься как меньшее при объективном равенстве обоих.

Таким образом, «именно samozавершенность актов формопорождения, как можно предположить, служит относительной мерой их длительности. Поэтому завершенные акты формопорождения разных объектов в пределах их собственного критического времени формопорождения в непосредственном ощущении воспринимаются одинаковыми по своей продолжительности. В тех случаях, когда длительность восприятия данного объекта меньше его критического времени формопорождения, то есть она недостаточна для завершения процесса формообразования, то она ощущается человеком менее продолжительной,

по сравнению с ее объективной величиной. Если же длительность восприятия объекта превышает его критическое время формопорождения, то она ощущается человеком более продолжительной относительно ее объективной величины» [Козлов, 2010, с. 146].

В экспериментах, проведенных с детьми 7-10 лет, были получены аналогичные данные. Отличие было в большей вариативности результатов, однако с возрастом эта вариативность ощущения времени сокращается.

В результате проведенного исследования был сделан вывод о том, что каждый самозавершающийся процесс формопорождения приводит к дискретизации целостного процесса восприятия на отдельные последовательные микроакты, что дает возможность образования отношений между ними, и благодаря чему у человека возникает первичное ощущение времени.

Таким образом, с помощью описанных процессов формопорождения можно получить некоторое представление о формировании непосредственно-чувственного восприятия времени.

Как уже говорилось, под руководством А.И. Миракяна проводилось изучение непосредственно-чувственных процессов восприятия разных модальностей – зрительной, слуховой, осязательной. В результате проведенных исследований неоднократно подтверждались выдвинутые А.И. Миракяном предположения о природе восприятия.

Зрительное восприятие в концепции А.И. Миракяна рассматривается как процесс, в котором на основе принципов структурно-процессуальной анизотропности происходит порождение свойств и форм объектов, и, следовательно, по своей сути и содержанию этот процесс является формопорождающим [Миракян, 1987; 1999; 2010; Панов, 1992; Козлов, 1992; 2010].

Как и любая отражающая система, зрительная система имеет анизотропное строение, заключающееся в дискретности элементов, образующих ее структуру. Возможность формопорождения обуславливается принципом образования симметрично-двуединных отношений, и опознание формы происходит лишь после их образования. Также возможность формо-

порождения в зрительном восприятии обеспечивает принцип временной дискретизации [Панов, 1992; 2010], создавая дискретность моментов формопорождающего процесса и тем самым обеспечивая возможность установления отношений между процессуальными моментами формопорождения. При этом критическое время формопорождения, то есть время, необходимое для образования всех возможных в функциональном диапазоне данной отражательной системы анизотропных отношений, у разных испытуемых при предъявлении им разных объектов может быть совершенно различным.

Как было показано В.И. Пановым [Панов, 1992], еще одним обязательным условием зрительного восприятия является содержательное отличие микроактов (моментов) восприятия друг от друга. «Однородное с однородным же (как один сам с собой) не может образовать отношения, порождающие новое, отличное от исходного. Действительно, после завершения микроакта формопорождения при данной фиксации взора и создающегося при этом гомогенного соотношения между световым потоком и состоянием сетчатки глаз изменяет точку фиксации, что приводит к новому микроакту формопорождения» [Панов, 1992, с. 85]. Изучая порождение движения в зрительном восприятии, В.И. Панов приходит к выводу о том, что «порождение непосредственно-чувственного восприятия движения объекта в зрительном процессе происходит посредством образования анизотропных отношений между дискретными микроактами формопорождения, незавершенными вследствие прерывающего их центрирующего движения глаз. Последнее вызывается движением фиксируемого взором события или движением наблюдателя, каждое из которых может приводить к смещению фиксируемого взором события из центральной зоны фиксации и тем самым к вынужденному прерыванию, дискретизации происходящего процесса формопорождения» [там же, с. 89]. Также им было показано, что «в процессе восприятия движущегося объекта незавершенность его формопорождения возрастает с увеличением скорости движения объекта по сравнению с процессом восприятия того же объекта при его неподвижности и

движении с меньшей скоростью» [там же, с. 100]. Критическое время формопорождения движущегося объекта, таким образом, будет превышать критическое время формопорождения неподвижного объекта.

При изучении восприятия движения объекта в глубину А.Н. Андреев показал, что в основе этого вида восприятия лежит незавершенность процесса порождения его величины, и что ощущение движения объекта, перемещающегося в глубину, появляется до завершения процесса порождения величины неподвижного объекта, то есть при времени, меньшем критического времени порождения величины [Андреев, 1992]. Другими словами, также как и при восприятии фронтального движения, исследовавшегося В.И. Пановым, ощущение движения в глубину связано не с величиной объекта, а со временем его восприятия.

Согласно концепции А.И. Миракяна, порождение пространственности в зрительном восприятии также происходит посредством времени. «Время выступает как определяющий фактор восприятия пространственной протяженности, поскольку ее отражение становится возможным через отражение времени (длительности процесса). Благодаря структурно-процессуальной организации системы через ощущение длительности отрезков времени происходит порождение пространства и благодаря переживанию длительности процесса порождения отражения пространства воспринимаются и пространственные протяженности различных объектов» [Артеменков, 2010, с. 351-352].

Изучением процесса порождения пространственной протяженности в зрительном восприятии занималась Г.В. Шукова. В своем исследовании она опиралась на представление о зрительном восприятии как о дискретном процессе, состоящем из последовательности микроактов процесса формопорождения [Шукова, 2010]. Ею было показано, что «каждой конкретной длительности процесса развертывания сетчаточного изображения соответствует определенное состояние возбуждения зрительной системы, в свою очередь являющееся основой для

порождения ощущения пространственной протяженности воспринимаемого объекта. Длительность происходящего в зрительной системе процесса увеличения сетчаточного изображения объекта обуславливает порождение восприятия его пространственной протяженности, т.е. отражение протяженности происходит посредством отражения времени – формирования ощущения длительности акта увеличения» [Шукова, 2010, с. 284].

В исследованиях осязательного восприятия Н.Л. Мориной было показано, что принцип пространственно-временной дискретизации включает представление об анизотропности, дискретности как структуры отражающей системы, так и протекания собственно процесса восприятия. По ее мнению, «восприятие двух тактильных стимулов как двух одновременных воздействий возможно лишь в случае их последовательного (неодновременного) предъявления, т.е. дискретизации во времени. Напротив, одновременное предъявление двух тактильных воздействий приводит к порождению восприятия лишь одного из них» [Морина, 1992, с. 130]. Временная дискретизация обеспечивает возможность выделения и сохранения анизотропных отношений, представляя собой установление соотношений между предыдущим и последующим уже образованными пространственно-временными анизотропными отношениями как между отдельными моментами процесса.

Также Н.Л. Морина отмечает, что при изучении порогового восприятия в осязании исследователи ставили целью обнаружить минимальное расстояние между двумя одновременными раздражителями, начиная с которого эти раздражители воспринимаются как два различных воздействия, то есть временные и пространственные пороги исследовались изолированно друг от друга. При этом необъясненным оставался тот факт, что при одновременной двухточечной тактильной стимуляции пространственный порог уменьшается почти в четыре раза [Морина, 1992]. Это еще раз подтверждает обозначенное выше положение о необходимости временной дискретизации процесса восприятия.

Т.С. Погорельцевой было показано, что для возникновения ощущения пространственной протяженности необходимо время, достаточное для образования анизотропных отношений между дискретными и последовательными микроактами восприятия. «Ограничение времени приведет к тому, что порождающий процесс не успеет завершиться и не произойдет порождения восприятия пространственной протяженности» [Погорельцева, 2010, с. 255].

В исследовании осязательного восприятия пространственной протяженности Т.С. Погорельцевой было показано, что «процесс порождения пространственной протяженности как одного из свойств объектов имеет определенную длительность» [там же, с. 256]. Ею было показано, что ощущение одновременности двух точечных стимулов возникает не только при их объективной одновременности, но даже с большей вероятностью при минимальных (от 10 до 20 мс) межстимульных интервалах. Исходя из этого, делается вывод о том, что существует некоторый временной диапазон, необходимый для порождения ощущения одновременности двух стимулов. Причем, чем длительнее сам стимул, тем больше будет межстимульный интервал, позволяющий воспринимать стимулы как одновременные. На основе принципов порождающего процесса восприятия Т.С. Погорельцевой была создана модель порождающего процесса осязательного восприятия протяженности в условиях отсутствия реального объекта восприятия. Восприятие протяженности не возникает при синхронной точечной стимуляции пальцев рук, чем подтверждается принцип структурно-процессуальной анизотропности и дискретности. В условиях одновременного предъявления стимулов не происходит порождение пространственной протяженности.

На примере изучения порождающего процесса слухового восприятия А.М. Зальцманом [Зальцман, 1992] было показано, что основой эффекта уменьшения громкости нефиксированного звука в слуховом восприятии является «анизотропное акустическое поле, в котором сосуществует множество различных отражений звуков и отношений между ними» [Зальцман, 1992,

с. 182-183]. Эффект уменьшения громкости нефиксированного звука, с точки зрения А.М. Зальцмана, аналогичен эффекту уменьшения нефиксированного объекта в зрительном восприятии, выявленном А.И. Миракяном. Как и другие отражающие системы, слуховая система имеет анизотропное строение. Для восприятия звука необходимо, чтобы воспринимающая система по-разному отражала различные частотные составляющие звука, и в слуховом анализаторе действительно образуются анизотропные отношения между ними. На завершение этого процесса, как и любого другого процесса образования анизотропных отношений, требуется определенное время. Как отмечает А.М. Зальцман, пространственно-акустической неоднородности строения наружного уха человека оказывается достаточно для создания множества сосуществующих отношений между объектами восприятия (звуками).

Таким образом, концепция А.И. Миракяна и основные ее положения тесно связаны с восприятием времени. Вернее сказать, отражение и в зрительной, и в слуховой, и в осязательной модальностях происходит посредством первичного ощущения времени.

Восприятие возможно только при пространственной и временной дискретизации, а одно из основных понятий концепции – «формопорождение» зависит от времени его образования. Без непосредственно-чувственного восприятия времени невозможны такие виды отражения, как восприятие движения и пространственной протяженности в зрительном восприятии. Также само по себе отражение невозможно без дискретизации во времени, так как оно состоит из множества микроактов восприятия, для отражения которых (в том числе как одновременных) требуется определенное время.

Восприятие времени тесно связано с другими видами восприятия, участвуя практически в каждом из них, что в очередной раз подтверждает положение А.И. Миракяна о полифункциональности восприятия и невозможности изучения процессов восприятия изолированно друг от друга. Одновременно с этим мы видим, что недопустимо изучать время по его конеч-

ным продуктам с описанием восприятия времени в таких категориях, как «секунда», «минута» и т.д., так как представление об этих понятиях является результатом научения в процессе жизнедеятельности человека, но не характеристикой самого процесса восприятия.

Это было убедительно доказано на примере различных исследований, проводившихся в рамках трансцендентальной психологии.

Список литературы

1. Андреев А.Н. Восприятие движения объекта в глубину // Принципы порождающего процесса восприятия / под ред. А.И. Миракяна. М., 1992.
2. Артеменков С.Л. Трансцендентальная психология как изменение образа мышления // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции (30 ноября – 1 декабря 2010 г.) / под общ.ред. Н.Л. Мориной, В.И. Панова, Г.В. Шуковой. М.: УРАО «Психологический институт»; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2010.
3. Балашова Е.Ю., Микеладзе Л.И. Возрастные различия в восприятии и переживании времени // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 30 [Электронный ресурс]. <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/854-balashova30.html> (дата обращения 26.08.2014).
4. Бич А.М. Природа времени: Гипотеза о происхождении и физической сущности времени. М.: АСТ, 2002.
5. Бушов Ю.В., Светлик М.В., Крутенкова Е.П. Высокочастотная электрическая активность мозга и восприятие времени. Томск: Изд-во ТГУ, 2009.
6. Козлов В.И. Формопорождающий процесс и непосредственно-чувственное восприятие времени // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции (30 ноября – 1 декабря 2010 г.) / под общ.ред. Н.Л. Мориной, В.И. Панова, Г.В. Шуковой.

- М.: УРАО «Психологический институт»; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2010.
7. Леонов А.А., Лебедев В.И. Восприятие пространства и времени в космосе. М.: Наука, 1968.
 8. Лисенкова В. П. Об особенностях отражения пространства и времени человеком // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 1.
 9. Лисенкова В.П., Шпагонова Н.Г. Индивидуальные и возрастные особенности восприятия времени (на примере детской, подростковой и юношеской выборок) // Психологический журнал. 2006. № 7.
 10. Лосев А.Ф. Античная философия истории. М.: Наука, 1977.
 11. Лурия А.Р. Лекции по общей психологии. СПб.: Издательство «Питер», 2006.
 12. Миракян А.И. и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции (30 ноября – 1 декабря 2010 г.) / под общ.ред. Н.Л. Мориной, В.И. Панова, Г.В. Шуковой. М.: УРАО «Психологический институт»; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2010.
 13. Миракян А.И. Константность и полифункциональность восприятия. Диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук по специальности 19.00.01 – общая психология. М., 1987.
 14. Миракян А.И. Контурсы трансцендентальной психологии (книга 1). М.: Издательство «Институт психологии РАН», 1999.
 15. Морина Н.Л. Теоретико-экспериментальное исследование принципов порождающего восприятия в осязании // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции (30 ноября – 1 декабря 2010 г.) / под общ.ред. Н.Л. Мориной, В.И. Панова, Г.В. Шуковой. М.: УРАО «Психологический институт»; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2010.

16. Морина Н.Л. Экспериментальное исследование принципа анизотропности и пространственно-временной дискретизации в осязании // Принципы порождающего процесса восприятия / под ред. А.И. Миракяна. М., 1992.
17. Ошанин Д.А. Предметное действие и оперативный образ: Избранные психологические труды. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999.
18. Панов В.И. Порождение движения в процессе зрительного восприятия // Принципы порождающего процесса восприятия / под ред. А.И. Миракяна. М., 1992.
19. Погорельцева Т.С. Осязательное восприятие пространственной протяженности как порождающий процесс // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции (30 ноября – 1 декабря 2010 г.) / под общ.ред. Н.Л. Мориной, В.И. Панова, Г.В. Шуковой. М.: УРАО «Психологический институт»; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2010.
20. Принципы порождающего процесса восприятия / под ред. А.И. Миракяна. М., 1992.
21. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Издательство «Питер», 2002.
22. Хэммонд К. Искаженное время. Особенности нашего восприятия времени. М.: Livebook, 2013.
23. Челпанов Г.И. Психология. Философия. Образование М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999.
24. Шукова Г.В. Зрительное восприятие пространственной протяженности как порождающий процесс // А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции (30 ноября – 1 декабря 2010 г.) / под общ.ред. Н.Л. Мориной, В.И. Панова, Г.В. Шуковой. М.: УРАО «Психологический институт»; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2010.

25. Элькин Д.Г. Восприятие времени (экспериментальное исследование). Диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук. дисс, 1951.
26. Элькин Д. Г. Восприятие времени. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1962.
27. Эстерле О. Новое представление о пространстве и времени в рамках целостной парадигмы, 2001. [Электронный ресурс]. URL: <http://n-t.ru/tp/ng/np.htm> (дата обращения 30.11.2014).

Память об учителе. Аршак Миракян: жизнь ради науки²¹

Н.Л. Морина

Он был одним из тех «зубров» науки, которые поражали окружающих талантом, вдохновением, азартом, ошеломляли оригинальностью мысли и независимостью поступков. Он был одним из тех ученых, которым на роду было написано «плыть против течения», пробивая дорогу к истине, дробя мощью научной мысли консерватизм взглядов и подходов, сопротивление непонимания. Аршак Миракян был из плеяды людей, одержимых наукой. И, судя по его биографии, судьба готовила его к этой миссии с детства. Если вдуматься, то все страницы, факты биографии Аршака оставили след в его жизни и научной деятельности.

Аршак Израелович Миракян родился в горном селении Пирмалак Талинского района Армении, отдаленном на шесть километров от ближайшего районного центра. Отец его, сельский учитель, рано умер, и Аршак разделил все тяготы крестьянской жизни со взрослыми. С детства его отличала необычайная работоспособность и тяга к знаниям. По рассказам родственников, да и самого Аршака, он каждый день в любую погоду ходил шесть километров до райцентра в школу. Ему было интересно учиться, интересно постигать сложное, открывать для себя новое. Так, учась в школе, он самостоятельно научился ремонтировать часы и стал зарабатывать этим на жизнь, помогая семье.

Несмотря на то, что в первые послевоенные годы каждый подросток и юноша были в горных селениях, что называется, на вес золота, семейный совет, учитывая неординарность Аршака,

²¹ А.И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции (30 ноября – 1 декабря 2010 г.) / под общ. Ред. Н.Л. Мориной, В.И. Панова, Г.В. Шуковой. М. : УРАО «Психологический институт»; Обнинск: ИГ–СОЦИН, 2010. – С. 562–575.

решил отправить его после окончания школы учиться в Ереван. Он поступил на филологический факультет Ереванского государственного университета, который окончил в 1953 году. Аршак переводил с фарси, увлекался литературным творчеством, но, проработав два года в крупнейшей библиотеке Еревана (Матенадаран), он пришел к выводу о бесперспективности, бессмысленности литературной деятельности в условиях жесткой цензуры и партийного контроля. Тогда Миракян решил, что подлинная свобода творчества возможна только в области техники, которая в те годы очень интенсивно развивалась. Аршак резко меняет свою профессиональную деятельность, оставляя литературу и погружаясь в технику.

Так он становится рабочим сборочного цеха, а затем инженером-конструктором на заводе «Электроточприбор» в Ереване. В этот период времени Аршак занимается автоматизацией производственных процессов, добиваясь поразительных результатов целой серией рационализаторских предложений. Его, как талантливого молодого изобретателя, первым в Армении делегируют в Москву на Первый Съезд изобретателей и рационализаторов СССР. И в качестве поощрения за столь успешное представление Армении на данном съезде Аршака без экзаменов приняли на вечернее отделение Политехнического института.

Встреча с Москвой, с центром научной мысли, собственные размышления и занятия в Политехническом институте привели его к осознанию проблем зарождающейся в то время в СССР инженерной психологии. Возникла потребность в новых знаниях, в обсуждении этих проблем и в поиске ответов на многочисленные вопросы. Во время пребывания в Москве и произошло знакомство Аршака с замечательным ученым-психологом Дмитрием Александровичем Ошаниным, который руководил лабораторией инженерной психологии в Институте психологии АПН СССР и был организатором первого в СССР Института эргономики (ВНИИТЭ). Можно смело утверждать, что это знакомство было поворотным пунктом в научной судьбе Аршака Миракяна.

В 1962 г. Аршак становится аспирантом Института психологии АПН СССР, с которым с этого момента и будет связана вся его научная жизнь и многолетнее творчество. Будучи аспирантом, он занимался проблемой константности зрительного восприятия. Уже в то время

Миракян предлагал нетрадиционный подход к исследованию этой классической проблемы. Настойчивость и самостоятельность его научной деятельности поддерживались и развивались благодаря научной школе Ошанина, неординарности, оригинальности мышления Дмитрия Александровича, а также разработанной им теории оперативного образа, полифункциональности психического отражения. Именно благодаря этой школе Аршак Миракян сумел по-новому подойти к исследованию одной из классических фундаментальных проблем – константности восприятия.

На основе историко-теоретического анализа исследований константности восприятия в философии и психологии А.И. Миракяном был предложен новый оригинальный подход к этой проблеме и осуществлен цикл экспериментов, направленных на подтверждение его теоретической концепции. В экспериментальной части исследования использовалась сконструированная А.И. Миракяном оригинальная установка, позволяющая в достаточно дифференцированных условиях изучать зрительное восприятие величин.

Самым неожиданным, с традиционной точки зрения, стало то, что в ходе экспериментального исследования испытуемые показали разную степень не только константности, но и аконстантности восприятия величин. А.И. Миракяном был найден оригинальный метод представления результатов исследования в виде гистограмм:

1) сопоставление результатов порогового подравнивания (как фона) с результатами подравнивания в особых условиях соотношения величин;

2) расположение этих результатов относительно единой шкалы, на которой, согласно закону угла зрения, выделялись участки: сверхконстантности, константности (сильной и сла-

бой) и аконстантности (сильной и слабой), сверхаконстантности (при разных дистанциях наблюдения количественные значения были различны).

Именно такое представление результатов исследований позволило увидеть и сравнить «передвижение» полученных данных подравнивания величин двух стержней в различных условиях восприятия относительно единой шкалы и сделать вывод о константно-аконстантной природе восприятия, изменчивого не только от фиксации того или иного объекта, но и от цели и задачи действия, деятельности человека.

Экспериментальное исследование константности восприятия в условиях изменения величин объектов, расстояний между ними и дистанций наблюдения доказало сосуществование тенденций к константности и аконстантности восприятия, образование этих тенденций на основе эффекта уменьшения и переключение их через фиксацию взора на функционально нужном объекте. Показано, что на близкой дистанции наблюдения, где преобладает константное восприятие при фиксации дальнего или близкого объектов, отсутствует достаточно четкое разделение этих противоположных тенденций. При увеличении дистанции наблюдения тенденции к константности и к аконстантности все более разделяются. Тенденция к аконстантности усиливается и появляется даже сверхаконстантное восприятие (впервые им выявленное), а тенденция к константности ослабевает. Кроме того, при фиксации дальнего объекта преобладает тенденция к константности, а при фиксации ближнего объекта преобладает тенденция к аконстантности. Вместе с тем, независимо от дистанции наблюдения и фиксации ближнего или дальнего объекта, может иметь место как более или менее константное восприятие, так и более или менее аконстантное восприятие. При этом данные восприятия образуют такой диапазон вариативности, верхнее значение которого соответствует сверхаконстантности, а нижнее соответствует этой же, но слабовыраженной тенденции. Нижние же значения диапазонов вариативности тенденций перекрывают друг друга, т.е. интерферируют. В целом обнаруживается динамика изменений

в отношениях между тенденциями к константности и к аконстантности, сосуществующими внутри общего процесса восприятия, что выражается в разной степени преобладания одной тенденции над другой, в их взаимоисключении, переплетении и т.д.

Эта динамика отношений между тенденциями позволяет полнее описать содержание процессов константно-аконстантного восприятия, не прибегая к понятию закона угла зрения. Именно вариативность данных, образующих определенный диапазон (а не точки абсолютной константности или абсолютной аконстантности соответственно расчетам по закону угла зрения), является основной характеристикой процесса непосредственно-чувственного восприятия пространственных свойств и отношений объектов.

В итоге было доказано, что вследствие физикальности способа мышления (по выражению Миракяна) исследователей восприятия ими фиксируется лишь одна сторона восприятия – тенденция к константности, в то время как тенденция к аконстантности ими игнорировалась. На самом же деле реальный процесс непосредственного восприятия по своей природе представляет собой диалектическое сосуществование тенденций и к константности, и к аконстантности, т.е. оно константно-аконстантно, а не только константно (как это мы знаем из учебников).

Именно константно-аконстантный характер восприятия обеспечивает полифункциональность психического отражения, т.е. способность человека отражать свойства одного и того же объекта по-разному (как константно, так и аконстантно) в зависимости от задачи и условий восприятия. При этом А.И. Миракян показал, что обнаруженный ранее Ж. Пиаже «эффект увеличения величины объекта (центрации)», на котором фиксируется взгляд испытуемого, на самом деле является следствием «эффекта уменьшения нефиксированной величины объекта восприятия». По материалам этого исследования в 1971 г. А.И. Миракяном была защищена кандидатская диссертация на тему «Исучение константности зрительного восприятия величин»,

а также изданы монографии «Психология пространственного восприятия (Ереван: Айастан, 1990) и «Константность и полифункциональность восприятия» (М., 1992).

С именем А.И. Миракяна связано появление многих новых терминов в психологии – «эффект уменьшения нефиксированной величины объекта», который свидетельствует о гибкости, полифункциональности психического отражения; «константно-аконстантное восприятие», «сверхконстантность» и «сверхаконстантность», а также «продуктный подход», «процесс порождения», «афизикальные принципы психического отражения», «трансцендентальная психология восприятия».

В 1976 г. А.И. Миракян становится руководителем лаборатории моделирования психических процессов Психологического института РАО и вплотную приступает к изучению крайне сложных проблем восприятия, выдвигая оригинальные гипотезы и систему неординарных представлений о психическом отражении, которые он назвал наукой психики. Став заведующим лабораторией, Аршак делал все для организации сплоченной работы сотрудников. Научный коллектив для Миракяна никогда не был просто формальным подразделением, а был коллективом единомышленников, друзей, единомыслителей. Он всегда именно так воспитывал свой коллектив, именно так относился к своим коллегам и требовал от них только такого же отношения. Обладая природными качествами педагога, Миракян проявил себя как научный руководитель, способный сплотить коллектив для разработки новой научной проблематики, создать атмосферу поиска, творческого сотрудничества и товарищеской взаимопомощи.

Для него не существовало понятия «рабочий день», выходные или праздники. Главное – это работа, движение вперед. Те, кто проработал с Миракяном бок о бок много лет или часто общался с ним, знали, что о науке он мог говорить всегда, и любой повседневный разговор все равно перерастал в научную дискуссию, потому что одним из его принципов было утверждение: «Я живу для того, чтобы работать, а не работаю для того,

чтобы жить» – и это не было красивой фразой, это соответствовало действительности.

Основным научным достижением более чем 30-летней творческой деятельности А.И. Миракяна является разработка принципиально нового направления в изучении процессов непосредственно-чувственного психического отражения. Анализируя историко-философские и методологические основания традиционного изучения проблем восприятия, он показал, что в силу исторически обусловленного глубоко эмпирического способа мышления исследователей изучение проблем восприятия исходно строилось на уже отраженных, имплицитно заданных продуктах самого процесса отражения, вследствие чего закономерности процесса, порождающего эти продукты, оставались не изученными.

Осознание необходимости преодоления физикализма в психологии восприятия и поиска иных путей изучения психики привели А.И. Миракяна к гипотетическому представлению о восприятии как процессе порождающем, осуществляющемся на основе принципов и закономерностей, соответствующих законам развития материи, высшей формой которой является психика, психическое отражение.

Таким образом, в реальном процессе восприятия благодаря динамике отношений сосуществующих функционально равнозначных тенденций к константности и к аконстантности открывается возможность полифункционального отражения различных одновременно сопредставленных пространственных свойств и отношений объектов и плавного перехода от восприятия величин к восприятию их перспективного уменьшения или восприятию расстояния, глубины, перспективы и др., что обеспечивает функциональную гибкость действий человека, возможность использования в реальной жизненной ситуации соответствующего способа восприятия нужного объекта или его свойства.

Именно теоретико-экспериментальное исследование константности восприятия величины позволило А.И. Миракяну установить, что, в отличие от традиционно сложившихся

в психологии представлений, в реальном непосредственно-чувственном процессе восприятия имеется возможность полифункционального отражения различных одновременно существующих пространственных свойств и отношений объектов. С целью выявления причин недопонимания или игнорирования реальности полифункциональной природы непосредственно-чувственного восприятия А.И. Миракяном был проведен анализ исходных оснований и подходов к изучению процессов восприятия в философии, психофизиологии и психологии.

В результате методологического анализа константно-аконстантного восприятия он показал, что главной особенностью существующего (традиционно сложившегося) подхода к изучению восприятия является то, что исследователи по способу осмысления проблем, независимо от различия школ и предлагаемых ими теорий и концепций, в качестве исходных оснований для понимания и объяснения явлений восприятия берут уже отраженные свойства и отношения объектов, т.е. продукты свершившегося процесса восприятия. Эта фундаментальная особенность исследовательского способа мышления, как показал А.И. Миракян, проявилась в том, что в психологии, психофизиологии и кибернетике изучение явлений восприятия начинается с уже отраженных, выделенных, обособленных свойств объектов, данных сознанию человека в форме образов или понятий, и уже затем именно на основе этих знаний о свойствах объектов ведутся поиски закономерностей и механизмов, реализующих восприятие этих свойств адекватно знаниям о них. В итоге происходит перенос представлений о свойствах объектов восприятия, сформированных на абстрактно-логическом (понятийно-опосредованном) уровне психического отражения, на непосредственно-чувственный уровень его осуществления.

Таким образом получается, что исследователи изучают восприятие посредством его же собственных продуктов и ищут его закономерности и механизмы, не выходя за рамки продуктных представлений об этом процессе. Вследствие этого, по существу, изучается лишь «внешний слой», результативный срез

перцептивных процессов, а закономерности порождения продуктов восприятия и полифункциональность самого процесса восприятия, благодаря которой становится возможной функциональная гибкость отражения, оказываются вне поля зрения исследователей.

Для выявления этих закономерностей, по мнению А.И. Миракяна, при объяснении возможности осуществления процесса восприятия необходимо отказаться от использования его же продуктов и найти те естественно-природные принципы и закономерности психического отражения, посредством которых и происходит возможность порождения продуктов восприятия – любых свойств (форма, величина, цвет, движение и др.) и отношений объектов окружающего мира.

В поисках исходных оснований возможности возникновения, порождения восприятия как природного явления А.И. Миракян выдвинул гипотезу о том, что таковым является фундаментальное свойство материи – анизотропность (неоднородность, присутствие различного в едином): это объективно присущая материи особенность, создающая возможность порождения бесконечного многообразия дискретных форм (атомы, молекулы, клетки, растения, животные, человек, Земля, Вселенная и т.п.), которые вместе с тем вне нашего отражения, т.е. вне выделения и сопоставления этих форм и составления определенных отношений представляют нерасчлененную единность (гомогенность).

Именно анизотропность является фундаментальной особенностью порождения материальных форм бытия (формопорождения), обуславливая диалектически противоположные тенденции к самосохранению дискретных форм и к их разрушению, приводящему к единости. В этом вечном превращении форм материи, как полагал А.И. Миракян, предполагается возможность порождения многообразия форм живого, которые, в отличие от форм неживой природы (где самосохранение формы обеспечивается высокими энергетическими связями между соответствующими ее элементами), имеют слабую энергетическую структуру для самосохранения собственной

формы. В этой борьбе с тенденцией превращения в нерасчлененную единость они по необходимости приобретают новую возможность – возможность восприятия предупреждающего воздействия окружающей среды. Отсюда и место, и функция восприятия как явления, возникшего в недрах материального мира для осуществления возможности самосохранения форм живого. Вот почему в живом организме в качестве источника его собственной действенности как воспринимающей системы заложена анизотропность в форме ее дискретно-анизотропных отражательных структур, главной особенностью которых является возможность каждой из них вычленять различные формы материи путем дискретизации единства пространства и времени.

В данном контексте содержание понятия «анизотропность» можно определить как такую особенность отражающей системы, где каждое дискретное содержит в себе одновременно единство и различие того однородного общего, чем объективно характеризуется данная система. Например, какие-либо два элемента глаза как две точки в пространстве сетчатки дискретны, но в то же время они являются едиными элементами этого пространства; вместе с тем они анизотропны как элементы в едином однородном пространстве, объективно находясь в разных его местах. В любой отражательной системе единство дискретности и анизотропности, в отличие от гомогенности, образует возможность порождения нового.

Приняв анизотропность в качестве основополагающего свойства материи, А.И. Миракьяном была сформулирована гипотеза, согласно которой именно естественно-природные принципы организации и функционирования отражающей системы живого организма обеспечивают возможность порождения восприятия. В качестве таких принципов он предложил следующие: структурно-процессуальной анизотропности, пространственно-временной дискретизации, образования анизотропных отношений, сопредставленности и др. Выступая в качестве фундаментальных оснований, обуславливающих как возможность порождения разнообразных форм материи, так и возможность

возникновения психического отражения на определенной ступени ее саморазвития, данные принципы являются индифферентными, независимыми относительно непосредственных эмпирических продуктов психического отражения и вместе с тем лежат в основе процессов их порождения.

Принцип структурно-процессуальной анизотропности определяет то, что для реализации возможности восприятия, как процесса формопорождения, необходима анизотропная организация как структуры элементов отражающей системы, так и процесса ее функционирования (собственно процесса восприятия).

Принцип образования симметрично-двуединых отношений, определяющий универсальный механизм любого порождающего процесса восприятия, предполагает наличие возможности образования отношений между дискретными элементами отражающей системы в отдельных микроактах процесса восприятия и анизотропных отношений между результатами предыдущего и последующего микроактов.

Принцип пространственно-временной дискретизации предполагает возможность образования в одном микроакте процесса восприятия симметрично-двуединых отношений между дискретноанизотропными элементами отражающей системы, приводящих к дискретизации пространственности как базовой компоненте порождения свойств объектов. Структурно-процессуальная же анизотропность в форме фиксации результата одного микроакта относительно другого обеспечивает дискретизацию процесса восприятия во времени и создает условия для образования отношения между данными предыдущего и последующего микроактов. В результате этого реализуется возможность сопредставленности в едином процессе восприятия различных порождаемых свойств объектов (и форма, и величина, и цвет, и др.) и тем самым полифункциональность восприятия, благодаря чему обеспечивается функциональная гибкость восприятия.

Методологическая особенность этих принципов заключается в том, что они являются индифферентными относительно

эмпирических продуктов восприятия и в то же время лежат в основе процессов их порождения независимо от модальности отражающей системы. Исходя из этого объектом изучения становятся не феномены (продукты) восприятия, а сам процесс порождения, его принципы и закономерности, благодаря которым и становится возможным само восприятие.

Экспериментально-теоретическое исследование этих принципов проводилось А.И. Миракяном и его сотрудниками и аспирантами (О.А. Адамян, А.Н. Андреев, С.Л. Артеменков, А.М. Зальцман, В.И. Козлов, Э.И. Кочурова, Н.Л. Морина, В.И. Панов, Т.С. Погорельцева, Н.В. Подлеснова, А.А. Хананян, Г.В. Шукова) в области зрительного, слухового и осязательного восприятия. Эти исследования, с одной стороны, показали и подтвердили, что указанные принципы лежат в основе всех процессов восприятия независимо от их модальности, а с другой – позволили выявить специфические механизмы реализации этих принципов в различных модальностях и условиях восприятия.

Таким образом, отказываясь от традиционных эмпирических оснований изучения процессов восприятия, Миракян продемонстрировал возможный выход за пределы продуктного, или физикального, подхода в изучении порождающих процессов восприятия, в диалектико-материалистическом понимании единства материи и психики и общности принципов их развития.

Таким образом, концептуальной основой работы лаборатории, возглавляемой А.И. Миракяном, служили представления о восприятии как процессе, в котором посредством естественно-природных принципов структурно-процессуальной организации и функционирования отражающей системы осуществляется возможность порождения свойств и отношений объектов (форма, цвет, величина, движение и др.) независимо от модальности восприятия. Полученные А.И. Миракяном и его сотрудниками теоретико-экспериментальные данные подтвердили правомерность основных положений этой концепции, названной им трансцендентальной психологией. Такое

название было дано для того, чтобы акцентировать ее неэмпиристское, непродуктивное содержание. Трансцендентальная психология – это принципиально новый подход к психике, в качестве предмета исследования полагающий явление порождения психического отражения: процесс превращения материальной возможности отражения в психическую действительность.

Обращение к проблеме непосредственно-чувственного порождения формы, движения, пространственной протяженности, времени, являющихся основой и условием отражения человеком разнообразных свойств и отношений действительности, есть логический итог развития методологии трансцендентальной психологии, осмысления результатов исследования различных модальностей восприятия.

Результаты этой многолетней работы нашли частичное отражение в докторской диссертации Аршака Миракяна «Константность и полифункциональность восприятия», которую он защитил в 1988 году, в кандидатских диссертациях, подготовленных под его руководством, в монографиях «Психология пространственного восприятия» (1990), «Константность и полифункциональность восприятия» (1992), в коллективной монографии «Принципы порождающего процесса восприятия» (1992), в целом ряде статей, опубликованных в различных сборниках и журналах.

А.И. Миракян использовал всякую возможность, чтобы обсудить или поделиться своими новыми мыслями и планами. В жарких и всегда эмоциональных многочасовых дискуссиях, которые неизменно проходили «под магнитофон», принимали участие не только его коллеги-«однополчане», но и такие ученые, как В.В. Давыдов, Ф.Т. Михайлов, Ю.М. Забродин, Б.Ф. Ломов, А.В. Брушлинский, А.А. Бодалев, О.А. Конопкин, В.П. Зинченко, Э.А. Голубева, М.С. Шехтер, Д.Н. Завалишина, А.М. Матюшкин, В.В. Рубцов, М.К. Мамардашвили, В.А. Лекторский, Г.П. Щедровицкий, А.А. Арсеньев и многие, многие другие. Ни в жизни, ни в науке, ни в дискуссиях он никогда не изменял себе, никогда не отказывался от избранного пути, был

искренне преданным и бескорыстным ученым, наука и жизнь для которого были неразделимы.

В последние годы жизни Миракян и руководимый им коллектив, наряду с изучением фундаментальных принципов и закономерностей порождающего процесса восприятия, занимались моделированием восприятия в искусственных системах отражения. В частности, Миракяном были предложены изобретения технических устройств, имитирующих принципы порождающего процесса восприятия в искусственных системах отражения, на которые им были получены авторские свидетельства.

Знания, которые получал Аршак Миракян в прежние годы, никогда не оставались невостребованными. Именно обучение в Политехническом институте Еревана, опыт изобретателя позволили Миракяну заняться моделированием. Открытые им принципы порождающего процесса восприятия он воплотил, как он говорил, сначала в железе (он много дней и ночей самостоятельно конструировал, паял свою модель), а затем и в компьютерной модели.

Учеба на филологическом факультете Ереванского университета также помогала ему в научной деятельности. Никто так глубоко, точно и тонко не чувствовал прочитанный текст, как Аршак. Он улавливал малейшие нюансы неточности, некорректности написанного или произнесенного текста.

Как ученого, Аршака всегда отличала оригинальность, нетрадиционность в постановке проблем исследования, методологическая глубина разработок, целеустремленность, граничащая с фанатизмом, в решении поставленных задач. Не всегда мысли Аршака Миракяна понимались и принимались его коллегами сразу, не всегда оценивались должным образом. Он искренне огорчался и даже страдал из-за этого, поскольку был полон замыслов и остро переживал невозможность их реализации.

Долгое время плодотворно занимаясь проблемами психического отражения, в последние годы жизни Аршак не случайно обратился к наследию Г.И. Челпанова, через призму собственной теории осмысливал его понимание восприятия пространства и времени. Тем самым он продолжил лучшие традиции от-

ечественной психологии, приближаясь на новом витке спирали к решению извечных вопросов науки, пониманию ее сущностных основ.

В 1999 и 2004 г. благодаря поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) были изданы монографии А.И. Миракяна «Контурсы трансцендентальной психологии» (книга 1 и 2), что, безусловно, является признанием психологическим сообществом разработанного им научного направления.

Именно за рукопись первой книги «Контурсы трансцендентальной психологии» буквально в последние дни жизни Аршак Миракян получил премию им. А.А. Смирнова, учрежденную Психологическим институтом РАО. Аршак всю жизнь особенно дорожил мнением Анатолия Александровича Смирнова, и поэтому ему была очень дорога оценка институтом его деятельности. Именно А.А. Смирнов и Д.А. Ошанин помогли Аршаку с пропиской в Москве.

Таким образом, результаты многолетней методологической, теоретической, экспериментальной и практической разработки концепции порождающего восприятия свидетельствуют о неисчерпаемости научного наследия А.И. Миракяна, развиваемого в настоящее время его учениками, и перспективности этого направления исследования фундаментальных проблем психологии, раздвигая границы наших представлений о принципах и закономерностях непосредственно-чувственного восприятия.

Разрабатываемая концепция принципов порождающих процессов психического отражения не имеет аналогов ни в отечественной, ни в зарубежной психологии, а результаты исследования имеют как общее теоретико-методологическое значение в развитии представлений о психических процессах, так и широкие аспекты практического приложения в различных видах человеческой деятельности (обучение, труд, информационная сфера, организация визуального пространства и многое другое).

Полученные в лаборатории принципиально новые данные о принципах и закономерностях порождающего процесса восприятия разных модальностей позволяют по-новому организо-

вать зрительное и осязательное пространство человека, использовать эти знания в процессе сенсорного воспитания.

Наряду с этим знание закономерностей и принципов порождающего восприятия способствует организации среды обитания как необходимой предпосылки создания условий эстетического воспитания человека, формирования его эмоционально-личностной сферы.

Вместе с тем необходимо особо отметить, что полученные при исследовании порождающих процессов восприятия результаты представляют несомненный интерес и для фундаментальной психологической науки, обогащая наше знание новыми данными о закономерностях восприятия, которые вносят определенный вклад в развитие общей теории восприятия. Исследование онтогенеза порождающего процесса восприятия позволяет получить новые теоретико-экспериментальные данные о возрастных особенностях протекания этого процесса в зрении и осязании, что имеет несомненное теоретическое и практическое значение не только для возрастной, но и общей психологии.

Именно бескорыстное служение науке, полная погруженность в изучаемую проблему, умение отойти от общепризнанных догм и стереотипов, стремление дойти до изначальной сути, постоянная неудовлетворенность достигнутым позволили Аршаку Израеловичу разработать и создать методологические, теоретические и эмпирические основания принципиально нового направления, не имеющие аналогов в изучении непосредственно-чувственного восприятия как порождающего процесса, который он назвал трансцендентальной психологией восприятия.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ ПОРОЖДАЮЩЕГО ПРОЦЕССА ВОСПРИЯТИЯ	7
Миракян А.И. Принципы порождающего процесса восприятия, обеспечивающие полифункциональность отражения различных свойств объектов	7
Миракян А.И. Принцип структурно- процессуальной анизотропности в порождающих процессах восприятия разной модальности	31
Артеменков С.Л. Методология трансцендентальной психологии и проблемы моделирования и экспериментального исследования порождающих процессов	44
ГЛАВА 2. ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ ПОДХОД В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ	56
Панов В.И. Парадигмальная интерпретация понимания образа в трудах А.Н. Леонтьева и Д.А. Ошанина: гносеологический и онтологический аспекты	56
	421

Шукова Г.В. Г.И. Челпанов и проблема восприятия пространства	100
Нагдян Р.М. За пределами онтологической концепции восприятия	121
Нагдян Р.М. Эмпирическая психология и метафизика	143
Нагдян Р.М. Методологическое эссе	167
Нагдян Р.М. Сумма методологии	187

ГЛАВА 3. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ	222
Акопов Г.В. Значение концепции А.И. Миракяна в обосновании созерцания как дополнительной к деятельности категории психологии	222
Артеменков С.Л. Реконструкция модели «перцептрона» Миракяна	235
Есаян Г.С. Проявление продуктного подхода в психотерапии	258
Панов В.И., Капцов А.В. Анизотропность как условия и фактор развития личности в студенческой группе	281
Морина Н.Л. Анализ историко-философских и методологических подходов к исследованию осязательного восприятия с позиций концепции Аршака Израеловича Миракяна ...	295
Нагдян Р.М. Проблема адекватности психического отражения в оптике трансцендентальной рациональности	319

Нагдян Р.М. Трансцендентальная рациональность и психотерапия	337
Панов В.И. Пространство, время и движение – парадигмальные сдвиги	362
Солодкова А.В. Восприятие времени в концепции А.И. Миракяна и в работах его последователей	376
Морина Н.Л. Память об учителе. Аршак Миракян: жизнь ради науки	405

